

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ XIX ВЕКА

Т

ТЕКСТЫ

Международный Университет
Бизнеса и Управления

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ XIX века

О. Конт

Д. С. Милль

Г. Спенсер

**Под общей редакцией
профессора В.И.Добренькова**

*Рекомендовано Министерством общего
и профессионального образования в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по направлению и специальности «СОЦИОЛОГИЯ»*

**Международный Университет
Бизнеса и Управления**

**Москва
1996**

Составитель *В.П.Трошкина*

330 **Западно-европейская социология XIX века: Тексты/Под ред. В.И.Добренькова. — М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. — 352 с.**

В данную книгу включены тексты из трудов выдающихся классиков социологии — Огюста Конта, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера, положивших начало становлению социологии как самостоятельной науки. Среди многочисленных обществоведческих дисциплин социология — одна из самых молодых наук, поставивших своей целью синтезировать знания о всесторонних реальных процессах, происходящих в обществе. Она обращена к жизненно важным проблемам людей, направлена на активизацию влияния их на социальную действительность.

Предлагаемое издание является одной из книг, подготовленных к выпуску Международным Университетом Бизнеса и Управления. Она посвящена трудам по социологии, которые на протяжении последних десятилетий были в нашей стране малодоступными для читателей.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов, преподавателей высшей и средней школы, на читателей, интересующихся обществоведческими вопросами.

ББК 60.5

ISBN 5-89313-003-0

А 0302000000 без объявл.
090149—96

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социология как наука является одной из самых молодых областей знания среди многочисленных обществоведческих дисциплин. Она сформировалась как наука к середине XIX в. И в самом этом факте проявила себя высшая рациональность исторического процесса, которая достигла стадии научного самопознания и саморегулирования. Среди других обществоведческих наук — истории, философии, права, политэкономии — именно социология поставила перед собой цель синтезировать знание о реальных процессах, раскрывающихся в обществе, причем это знание предназначалось для активного влияния на все стороны жизни общества.

Исторический опыт человечества достиг того уровня, на котором стало возможным и, более того, необходимым осмысление процессов, происходящих в обществе, но не «в абстракции», не метафизически, а с применением рациональных методов, основывающихся как на экспериментальной методологии естественных наук, так и на знании, выработанном в контексте развития наук о культуре, обращенных к проблемам реальных людей.

Предлагаемая вниманию читателей книга содержит тексты из произведений выдающихся социальных мыслителей, положивших начало становлению социологии как самостоятельной науки, — Огюста Конта, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера.

Социология уже в лице своих основателей не ставила своей задачей механическое заимствование научных методов естественных и точных наук и соединение их с абстрактно понимаемым гуманизмом. Речь шла о том, чтобы создать такую научную дисциплину, которая унаследовала бы от естествознания его экспериментальную направленность, столь характерный для него дух рациональности и непредвзятости по отношению к природе, но применила бы все это к изучению общественных процессов. С другой стороны, социология должна была органично воплощать в себе гуманистический опыт человечества, сделав познание человека и его места в обществе предметом своего наиглавнейшего интереса.

При всей условности широких аналогий можно утверждать, что социология в чем-то сродни медицине. Она, как и наука о человеческом организме и его здоровье, изучает «организм» общества во взаимодействии всех его структурных и функциональных «компонентов». Так же как и медицина, социология диагностирует аномальные отклонения от нормы в развитии общественных институтов, вырабатывает стратегию «лечения» и превентивного предупреждения социальных «болезней».

Сравнение социологии и медицины (сопоставление заведомо условное) имеет один лишь смысл, а именно — подчеркнуть сходную степень социальной ответственности, которая роднит обе науки. И в том и другом случае речь идет о сохранении жизни, либо индивидуальной (медицина), либо коллективной жизни общественных институтов (социология).

В этой внутренне присущей социологии общественной и гуманистической миссии и скрывается секрет ее привлекательности и популярности, ибо в развитии социального знания общество демонстрирует высокий уровень рационального самопознания. И потому с известными оговорками можно сказать, что степень совершенства того или иного общества можно в частности определить по степени развитости в нем социологических исследований, как прикладных, так и теоретических.

В рамках этой поистине монументальной исторической программы особую роль стала играть история социологии — научная дисциплина, исследующая и раскрывающая пути формирования социологического знания, его связь с общественными процессами и личностными характеристиками выдающихся социологов. История социологии — не просто собрание документов и разного рода сведений о том, что и как происходило в тех или иных школах социологической мысли. Анализ текстов, помещенных в книгу, убеждает, что история социологии учит нас культуре социологического мышления, принципам формирования социального знания, умению обратить его на пользу общества. Она также преподает урок научной нравственности, показывая, какую роль в формировании социологического знания играла и играет подлинно гуманистическая озабоченность ученых социологов, которые при всех обстоятельствах сохраняют в поле своего зрения общечеловеческие, нравственные ориентиры исследований.

Каждый социолог, претендующий в наши дни на высокий профессионализм в своей области деятельности, обязан обладать не просто историко-социологической эрудицией, но и глубоко личным, осмысленным отношением к историческому пути развития своей дисциплины, свободно ориентируясь при этом в различных направлениях социологической мысли, биографиях классиков социологии и их произведениях. Их понятийный язык — это концептуальный язык современной социологии. И освоение его столь же необходимо в наши дни социологу, как и освоение языка Пушкина литератору или журналисту.

Исходя из общих принципов, которые позволяют увидеть в социологии важнейший компонент формирования социологической культуры общества, Международный Университет Бизнеса и Управления предпринял издание, наряду с предлагаемой хрестоматией, ряда других книг по данной проблематике, включая хрестоматийные тексты по истории развития социологической мысли в Соединенных Штатах Америки, в России, в других странах мира. Некоторые из таких изданий уже находятся в печати.

В помещенные в данное издание фрагменты текстов вносилась издательская правка, связанная в основном с текстовыми сокращениями, стилистическими коррективами, терминологическими пояснениями при сохранении, как правило, написания названий цитируемых произведений, упоминаний имен и фамилий и т.п.

Эти издания рассчитаны на студентов, аспирантов, преподавателей высшей и средней школы, не только специализирующихся в области социологии, но так же и на сотрудников других обществоведческих образований и всех тех, кто стремится самостоятельно повысить свою социологическую культуру.

* * *

При издании данной хрестоматии учтено участие доцента Покровского Н.Е. в предпринятой ранее работе по подготовке книги к изданию.

Профессор В.И.Добренков

Конт О.

ДУХ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ¹

СЛОВО О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ ПРЕДМЕТ ЭТОГО «СЛОВА»

1. Совокупность астрономических знаний, рассматриваемых до настоящего времени слишком изолированно, должна отныне оставлять только один из необходимых элементов новой нераздельной системы общей философии, постепенно подготовленной в течение последних трех веков само собою получившимся схождением результатов всех великих научных трудов и достигшей, наконец, по своей отвлеченности истинной зрелости. В силу этого еще чрезвычайно мало понятого теперь тесного соотношения, сущность и назначение этого трактата не могли бы быть достаточно оценены, если бы это необходимое предварительное слово не было преимущественно посвящено надлежащему определению истинного основного духа этой философии, всемирное установление которой должно стать основной целью позитивного обучения. Так как она отличается, главным образом, постоянным преобладанием, одновременно логическим и научным, исторической или социальной точки зрения, то я должен сначала для того, чтобы ее лучше охарактеризовать, напомнить вкратце великий закон, который в моей Системе положительной философии я установил, о полной интеллектуальной эволюции человечества, — закон, который, сверх того, будет впоследствии часто применяться в наших астрономических исследованиях.

Часть первая

ПРЕВОСХОДСТВО ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Глава первая

ЗАКОН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ИЛИ ЗАКОН ТРЕХ СТАДИЙ

2. Согласно моей основной доктрине все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновен-

¹Из кн.: *Конт О.* Дух позитивной философии. СПб., 1910.

ными наименованиями — теологическая, метафизическая и научная, — по крайней мере, для тех, которые хорошо поймут их истинный общий смысл.

Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение — постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным.

I

Теологическая, или фиктивная стадия

3. В их первоначальном проявлении, неминуемо теологическом, все наши умозрения сами собой выражают характерное предпочтение наиболее неразрешимым вопросам, наиболее недоступным всякому исчерпывающему исследованию предметам.

В силу контраста, который в наше время должен с первого взгляда казаться необъяснимым, но который, в действительности, был тогда в полной гармонии с истинно младенческим состоянием нашего ума, человеческий разум в то время, когда он еще не способен разрешать простейшие научные проблемы, жадно и почти исключительно ищет начала всех вещей, стремится найти либо начальные, либо конечные основные причины различных поражающих его явлений и основной способ их возникновения, — словом, стремится к абсолютному знанию. Эта примитивная способность естественно удовлетворяется, насколько этого требует такое состояние, и даже насколько она действительно могла бы когда-либо удовлетворяться, благодаря нашему извечному стремлению облекать все в человеческие образы, уподобляемые всякие наблюдаемые нами явления тем, которые мы сами производим, и которые в силу этого начинают нам казаться, вследствие сопровождающей их непосредственной интуиции, достаточно известными. Для того, чтобы лучше понять чисто теологический дух, являющийся результатом все более и более систематического развития этого первобытного состояния, не нужно ограничиваться рассмотрением его в последнем фазисе, заканчивающемся на наших глазах у наиболее передовых народов, но представляющемся далеко не наиболее характерным — необходимо бросить истинно философский взгляд на весь его естественный ход, дабы оценить его основное тождество во всех последовательно свойственно ему трех главных формах.

4. Наиболее непосредственным и наиболее резко выраженным фазисом является собственно фетишизм, заключающийся преимущественно в том, что всем внешним телам приписывается жизнь, существенно аналогичная нашей, но почти всегда более энергичная, вследствие их обыкновенно более сильного действия. Поклонение небесным светилам характеризует наиболее возвышенную ступень этой первой теологической стадии, вначале едва отличающейся от умственного состояния, на котором останавливаются высшие породы животных. Хотя эта первая форма теологической философии постоянно с очередностью выступает в интеллектуальной истории всех наших обществ, она господствует теперь непосредственно только среди самой немногочисленной из трех великих рас, составляющих человеческий род.

5. В своем втором основном фазисе, теологическое мышление, отливаясь в настоящий политеизм, очень часто смешиваемый современными народами с предыдущей стадией, — ясно представляет свободное умозрительное преобладание воображения между тем, как раньше инстинкт и чувства имели перевес в человеческих теориях. Первоначальная философия в этом состоянии подвергается наиболее глубокому преобразованию, какому доступна совокупность ее реального назначения — преобразованию, выражающемуся в том, что материальные предметы, наконец, лишаются навязанной им жизни, мистически переносимой на различные вымышленные, обыкновенно невидимые существа, непрерывно активное вмешательство которых становится отныне прямым источником всех внешних, а затем даже и человеческих явлений.

Изучение теологического духа в этот период, который здесь развивается столь полно и однородно, как никогда после, является во всех отношениях временем его наибольшего расцвета, одновременно умственного и социального. Большинство нашего рода не вышло еще из этой стадии, на которой упорно продолжает оставаться теперь, кроме выдающейся части черной расы и наиболее передовой части белой, наиболее многочисленной из трех человеческих рас.

6. В третьем, теологическом, фазисе монотеизм в собственном смысле слова является началом неизбежного упадка первоначальной философии, которая, вполне сохраняя за собой в течение долгого времени большое социальное влияние, хотя более кажущееся, чем действительное, — претерпевает отныне быстрое уменьшение ее интеллектуального значения, в силу естественного следствия, само собою вытекающего из характерного упрощения, благодаря которому разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения, давая постепенно развиваться до тех пор почти незаметному

всеобщему чувству, говорящему о необходимом подчинении всех явлений неизменным законам. Эта крайняя форма предварительного порядка вещей в ее чрезвычайно различных и даже совершенно несогласимых видах продолжает еще оставаться более или менее прочной у громадного большинства белой расы. Но, хотя наблюдение ее должно было быть таким образом более легким, тем не менее личные предубеждения, мешающие достаточно разумному и достаточно беспристрастному ее сравнению с двумя предыдущими формами, слишком часто препятствуют и теперь ее справедливой оценке.

7. Каким бы несовершенным не должен казаться теперь такой философский метод, весьма важно неразрывно связать нынешнее состояние человеческого разума во всем рядом его предшествовавших состояний, признавая, что теологический метод должен быть долгое время столь же необходимым, как и неизбежным. Ограничиваясь здесь простой умственной оценкой, было бы прежде всего излишне долго останавливаться на невольной тенденции, которая даже теперь совершенно очевидно увлекает нас к тому, чтобы давать объяснения по существу теологические, коль скоро мы хотим непосредственно коснуться недоступной тайны основного способа образования явлений и, в особенности, образования тех, реальные законы которых мы еще не знаем. Наиболее выдающиеся мыслители могут констатировать в тех случаях, когда это незнание мгновенно сочетается у них с какой-либо ярко выраженной страстью, — их собственное естественное расположение к наиболее наивному фетишизму. Если же все теологические объяснения подверглись у новых западно-европейских народов возражающей и разрушительной критике, то это единственно потому, что таинственные исследования, которые имеют в виду объяснения, были все более отвергаемы как совершенно недоступные нашему уму, постепенно привыкшему непреложно заменять их знаниями более действительными и более соответствующими нашим истинным способностям. Даже в эпоху, когда истинный философский дух одержал верх в вопросах, касающихся наиболее простых явлений и столь легкого предмета, как элементарная теория столкновения тел, — памятный пример Мальбранша напомним всегда о необходимости прибегать к непосредственному и постоянному вмешательству сверхъестественной силы всякий раз, когда пытаются восходить к первопричине какого-либо события. Но, с другой стороны, такие попытки, насколько бы ребяческими они теперь, справедливо, не казались, составляют поистине единственное первоначальное средство определять непрерывный подъем человеческих умозрений и само собой освобождают наш ум из глубокого порочного круга, в котором они по необходимости

были заключены сначала вследствие коренного противодействия двух одинаково настоятельных условий. Ибо, если современные народы должны были провозгласить невозможность основать какую-либо прочную теорию иначе, как на достаточном фундаменте соответственных наблюдений, то не менее бесспорно, что человеческий разум не мог бы никогда ни сочетать, ни даже собрать эти необходимые материалы, если бы он не руководствовался всегда некоторыми предварительно установленными спекулятивными взглядами.

Эти первобытные концепции могли, очевидно, явиться продуктом только философии, по своей природе чуждой всякой сколько-нибудь продолжительной подготовки и способной, так сказать, самопроизвольно возникать под единственным давлением непосредственного инстинкта, как бы нелепы ни были умозрения, лишенные таким образом всякого реального основания. Таково счастливое преимущество теологических принципов, без которых, необходимо это признать, наш ум не мог бы никогда выйти из своего первоначального оцепенения, и которые одни только могли позволить, руководя его спекулятивной деятельностью, постепенно подготовить лучший строй мысли. Этой основной способности, впрочем, сильно благоприятствовала врожденная склонность человеческого разума к неразрешимым вопросам, которыми преимущественно занималась эта первобытная философия. Мы могли познать объем наших умственных сил и, следовательно, разумно ограничить их назначение, лишь после достаточного их упражнения. А это необходимое упражнение не могло сначала иметь места, в особенности относительно наиболее слабых способностей нашей природы, без страстности, которая присуща таким исследованиям, где столько плохо просвещенных голов упорно продолжают еще искать наиболее быстрого и наиболее полного решения самых обычных вопросов. Дабы победить нашу врожденную косность, нужно было даже долгое время прибегать к заманчивым иллюзиям, самопорождаемым такой философией, о почти бесконечной власти человека видоизменять по своему желанию мир, рассматриваемый тогда как устроенный главным образом в интересах человека, и о том, что никакой великий закон не мог еще избавиться от верховного произвола сверхъестественных влияний. Едва прошло три века, как у избранной части человечества астрологические и алхимические надежды — последний научный след этого первобытного мышления — действительно перестали служить мотивом для повседневного накопления соответствующих наблюдений, как это показали Кеплер и Бертолле.

8. Решающее значение этих различных интеллектуальных мотивов, могло бы быть сверх того сильно подкреплено, если

бы характер этого трактата позволил мне в достаточной мере указать непреодолимое влияние важных социальных потребностей... Можно таким образом сначала вполне доказать, насколько теологический дух должен был долгое время быть необходимым в особенности для постоянного сочетания моральных и политических идей еще в более сильной степени, чем для всяких других сочетаний идей, как в силу их большей сложности, так и потому, что соответственные явления, первоначально очень слабо выраженные, смогли приобрести заметное развитие лишь после чрезвычайно продолжительного роста цивилизации. Странной непоследовательностью, едва ли объяснимой бессознательной критической тенденцией нашего времени, является стремление признавать, что древние не могли рассуждать о простейших предметах иначе, как в теологическом духе, и в то же время отрицать, в особенности у политиков, наличность настоящей потребности в аналогичном образе мышления в области социальных вопросов. Но нужно, кроме того, понять, хотя я не могу установить это здесь, что эта первоначальная философия была не менее необходимой как для предварительного развития нашей общечеловечности, так и для подъема наших умственных сил, либо с целью примитивного построения известных общих доктрин, без которых социальная связь не могла бы приобрести ни обширности, ни постоянства, либо для само собой осуществляемого единственно мыслимого тогда духовного авторитета.

II

Метафизическая, или абстрактная стадия

9. Как ни кратко должны быть здесь общие объяснения о временном характере и подготовительном назначении единственной философии, действительно соответствующей младенческому состоянию человечества, — они могут легко дать понять, что этот первоначальный образ мышления резко отличается во всех отношениях от того направления ума, которое, как мы увидим, отвечает зрелому состоянию человеческой мысли, и что это различие слишком глубоко для того, чтобы постепенный переход от одного метода к другому мог впервые совершиться, как у индивида, так и у целого рода, без возрастающей помощи посредствующей философии, по существу ограниченной этой временной функцией. Такое специальное участие собственно метафизической стадии в основной эволюции нашего ума, который, не терпя резких изменений, — может таким образом подниматься почти незаметно от чисто теологического до открыто позитивного состояния,

хотя это двусмысленное положение по существу приближается гораздо более к первому, чем ко второму. Господствующие умозрения сохранили на этой стадии существенный характер направления, свойственного абсолютным знаниям: только выводы подвергаются здесь значительному преобразованию, способному более облегчить развитие положительных понятий.

В самом деле, метафизика пытается, как и теология, объяснить внутреннюю природу существ, начало и назначение всех вещей, основной способ образования всех явлений, но вместо того, чтобы прибегать к помощи сверхъестественных факторов, она их все более и более заменяет *сущностями* (entites) или олицетворенными абстракциями, истинно характерное для нее употребление которых позволяло часто называть ее именем *онтологии*. Теперь очень легко наблюдать этот способ философствования, который, оставаясь еще преобладающим в области наиболее сложных явлений, дает ежедневно, даже в наиболее простых и наименее отсталых теориях, столько заметных следов его долгого господства¹.

Историческое значение этих сущностей прямо вытекает из их двусмысленного характера: ибо в каждом из этих метафизических существ, присущих соответствующему телу и в то же время не смешивающихся с ними, ум может по желанию — и в зависимости от того, находится ли он ближе к теологическому или к позитивному состоянию, — видеть либо действительную эманацию сверхъестественной силы, либо просто отвлеченное наименование рассматриваемого явления. Господствующее вложение чистой фантазии тогда прекращается, но и истинное наблюдение не является еще преобладающим, только мысль приобретает большую остроту и незаметно подготавливается к метафизической стадии; умозрительная часть оказывается сначала чрезвычайно преувеличенной вследствие упорного стремления аргументировать вместо того, чтобы наблюдать, — стремление, которое во всех областях обыкновенно характеризует метафизический образ мышления даже у его наиболее знаменитых выразителей. Гибкий порядок концепций, который никоим образом не терпит постоянства, столь долго свойственного теологической системе, должен (к тому же, очень скоро) достигнуть соответственного единства путем постепенного подчинения различных частных сущностей

---

¹Почти все обычные объяснения, относящиеся к социальным явлениям, большая часть объяснений, касающихся интеллектуального и морального человека, огромная часть наших физиологических или медицинских теорий и даже много химических теорий и т.д. напоминают еще странный способ философствовать, который по поводу, например, *усыпительного свойства* опиума, так забавно, но без сильного преувеличения охарактеризовал Мольер сообразно решительному удару, нанесенному Декартом всякой системе сущностей

единой общей сущности — природе, предназначение которой заключается в том, чтобы представлять собою слабый метафизический эквивалент смутной универсальной связи, вытекающей из монотеизма.

10. Чтобы лучше понять, в особенности в наше время, историческую силу такого философского орудия, важно признать, что по своей природе оно само по себе способно лишь проявлять критическую или разрушительную деятельность даже в области теории и, в еще большей степени, в области социальных вопросов, не будучи никогда в состоянии создать что-либо положительное, исключительно свойственное ему.

Глубоко непоследовательная, эта двусмысленная философия сохраняет все основные принципы теологической системы, лишая их, однако, все более и более силы и постоянства, необходимых для их действительного авторитета, и именно в подобном искажении заключается ее главная временная польза для того момента, когда старый образ мышления, долгое время прогрессивный для совокупности человеческой эволюции, неизбежно достигает той ступени, на которой дальнейшее его существование оказывается вредным, так как он стремится упрочить на неопределенное время младенческое состояние, которым он вначале так счастливо руководил. Метафизика, таким образом, является в сущности не чем иным, как видом теологии, ослабленной разрушительными упрощениями, самопроизвольно лишаящими ее непосредственной власти помешать развитию специально позитивных концепций. Но, с другой стороны, благодаря этим же разрушительным упрощениям, она приобретает временную способность поддерживать деятельность обобщающего ума, пока он, наконец, не получит возможность питаться лучшей пищей. В силу своего противоречивого характера метафизический или онтологический образ мышления оказывается всегда перед неизбежной альтернативой: либо стремиться в интересах порядка к тщетному восстановлению теологического состояния, либо, дабы избежать угнетающей власти теологии, толкать общество к чисто отрицательному положению. Это неизбежное колебание, которое наблюдается теперь только относительно наиболее трудных теорий, некогда существовало равным образом по отношению даже к наиболее простым, пока они не перешагнули метафизической стадии, и обусловлено это органическим бессилием, всегда свойственным этому философскому методу.

Если бы общественный рассудок издавна не изгнал его из некоторых основных понятий, то можно безошибочно утверждать, что порожденные им двадцать веков тому назад бессмысленные сомнения в существовании внешних тел повто-

рялись бы еще теперь, ибо он их никогда никакой решительной аргументацией не рассеял. Метафизическое состояние нужно, таким образом, в конечном счете, рассматривать как своего рода хроническую болезнь, естественно присущую эволюции нашей мысли — индивидуальной или коллективной — на границе между младенчеством и возмужалостью.

11. Так как исторические умозрения у новых народов почти никогда не восходят дальше времен политеизма, то метафизическое мышление должно казаться почти столь же древним, как теологическое. В самом деле, оно неизбежно руководило, хотя скрытно, первоначальным преобразованием фетишизма в политеизм, дабы устранить исключительное господство чисто сверхъестественных сил, которые, будучи таким образом непосредственно удалены из каждого отдельного тела, должны были тем самым оставлять в каждом некоторую соответственную сущность. Но так как при этом первом теологическом перевороте никакое истинное обсуждение не могло иметь места, то непрерывное вмешательство онтологического духа стало вполне характерным лишь в последующей революции, при превращении политеизма в монотеизм, естественным орудием которого он должен был явиться. Его возрастающее влияние должно было сначала, пока он оставался подчиненным теологическому давлению, казаться органическим, но его природа, в основе разрушительная, должна была затем все более и более проявляться, когда он постепенно делал попытки доводить упрощение теологии даже далее обыкновенного монотеизма, составлявшего по необходимости крайний и действительно возможный фазис первоначальной философии. Так, в течение последних пяти веков метафизический дух, действуя отрицательно, благоприятствовал основному подъему нашей современной цивилизации, — разлагая мало-помалу теологическую систему, ставшую окончательно ретроградной к концу средних веков, когда социальная сила монотеистического режима оказалась существенно исчерпанной. К несчастью, выполнив с возможной полнотой эту необходимую, но временную функцию, онтологические концепции, действуя слишком продолжительно, должны были также стремиться противодействовать всякой другой реальной организации спекулятивной системы; так что наиболее опасное препятствие для окончательного установления истинной философии действительно вытекает теперь из того же самого образа мышления, который часто еще теперь присваивает себе почти исключительную привилегию в области философии.

III

Положительная, или реальная стадия

1. Основной признак: закон постоянного подчинения воображения наблюдению

12. Эта длинная цепь необходимых фазисов приводит, наконец, наш постепенно освобождающийся ум к его окончательному состоянию рациональной положительности. Это состояние мы должны охарактеризовать здесь более подробно, чем две предыдущие стадии. Установив самопроизвольно, на основании стольких подготовительных опытов, совершенную бесплодность смутных и произвольных объяснений, свойственных первоначальной философии — как теологической, так и метафизической — наш ум отныне отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры и являющейся единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям.

Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые, будучи недоступными сколько нибудь удовлетворительному доказательству, возбуждали постоянно бесконечные споры. Отныне она признает как основное правило, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла. Принципы, которыми она пользуется, являются сами не чем иным, как действительными фактами, но более общими и более отвлеченными, чем те, связь которых они должны образовать. Каков бы ни был сверх того рациональный или экспериментальный метод их открытия, их научная сила постоянно вытекает исключительно из их прямого или косвенного соответствия с наблюдаемыми явлениями. Чистое воображение теряет тогда безвозвратно свое былое первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние), не переставая, тем не менее, выполнять в положительных умозрениях столь же важную, как и неисчерпаемую, функцию в смысле создания или совершенствования средств как окончательной, так и предварительной связи идей. Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене

недоступного определения причин в собственном смысле слова простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях, о столкновении и тяготении, или о мышлении и нравственности, — мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования.

2. Относительный характер положительной философии

13. Не только наши положительные исследования во всех областях должны по существу ограничиваться систематической оценкой того, что есть, отказываясь открывать первопричину и конечное назначение, но кроме того, важно понять, что это изучение явлений вместо того, чтобы стать когда-либо абсолютным, должно всегда оставаться относительным в зависимости от нашей организации и нашего положения. Признавая с этой двойкой точки зрения неизбежное несовершенство наших различных умозрительных средств, мы видим, что, далекие от возможности изучить со всей полнотой какое-либо действительное существование, мы не можем быть уверенными в возможности констатировать, даже чрезвычайно поверхностно, все реальные существования, большая часть которых, должна, быть может, всецело оставаться для нас сокрытой. Если потеря одного важного чувства достаточна, чтобы совсем скрыть от нас целый круг естественных явлений, то вполне уместно полагать, что, обратно, приобретение нового чувства открыло бы нам класс фактов, о которых мы теперь не имеем никакого представления; по крайней мере, думать, что разнообразие чувств, столь различное у главных видов животных, доведено в нашем организме до наивысшей степени, которой могло бы требовать полное познание внешнего мира — очевидно неосновательное и почти бессмысленное предложение.

Никакая наука не может лучше астрономии подтвердить этот неизбежно относительный характер всех наших реальных знаний; так как исследование явлений может здесь производиться только посредством одного чувства, то очень легко оценить умозрительные последствия, обусловленные его отсутствием или его ненормальностью. Никакая астрономия не могла бы существовать у слепого вида, каким бы разумным его не предполагали; точно также мы не могли бы иметь суждение ни относительно темных небесных тел, которые, быть может, являются наиболее многочисленными, ни даже отно-

сительно светил, если бы только атмосфера, через которую мы наблюдаем небесные тела, оставалась всегда и всюду туманной. На протяжении всего этого трактата мы часто будем иметь случай без всякого усилия оценивать с достаточной ясностью эту тесную зависимость, где совокупность как внутренних, так и внешних условий нашего собственного существования неизбежно задерживает наши положительные исследования.

14. Чтобы достаточно охарактеризовать эту по необходимости относительную природу всех наших реальных знаний, важно, сверх того, заметить с наиболее философской точки зрения, что, если какие-либо наши концепции должны сами рассматриваться как человеческие феномены, и в особенности, социальные, то они, на самом деле, обусловлены коллективной и непрерывной эволюцией, все элементы и фазисы которой по существу своему примыкают друг к другу. Если же, с одной стороны, признается, что наши умозрения должны всегда находиться в зависимости от различных основных условий нашего личного существования, то нужно равным образом допустить, с другой, — что они не менее подчинены совокупности непрерывного хода социальных идей, так что никогда не могут оставаться в предложенном метафизиками состоянии совершенной неподвижности. Но так как общий закон основного движения человечества, в данном отношении, заключается в том, что наши теории стремятся представить все более и более точно внешние предметы наших постоянных исследований, будучи, однако, лишены возможности вполне оценить истинное строение каждого из них, — научное усовершенствование должно поэтому ограничиваться стремлением приблизиться к этому идеальному пределу постольку, поскольку этого требуют наши различные реальные потребности. Этот второй вид зависимости, присущий положительным умозрениям, обнаруживается так же ясно, как и первый, во всем ходе астрономических исследований, что, например, показывает ряд все более и более удовлетворительных понятий, полученных с момента зарождения небесной геометрии, о фигуре земли, о планетных орбитах и т.д. Таким образом, хотя, с одной стороны, научные доктрины имеют по необходимости достаточно непостоянный характер, для того, чтобы устранить всякие притязания на абсолютное знание, их постепенные изменения не представляют, с другой, никакого произвола, который мог бы вызвать еще более опасный скептицизм; каждое последовательное изменение сверх того само по себе обеспечивает за соответственными теориями бесконечную способность представлять феномены, легшие в их основание, по крайней мере, постольку, поскольку первоначальная степень действительной точности не должна быть перейдена.

3. Назначение положительных законов: рациональное предвидение

15. После того, как постоянное подчинение воображения наблюдению было единодушно признано как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух, в основе, не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между двумя одинаково гибельными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу; потребность в такой постоянной осторожности, столь же трудной, как и важной, сверх того, достаточна для подтверждения, сообразно с нашими первоначальными объяснениями того, насколько истинная положительность должна быть зрело подготовлена так, чтобы она не имела никакого сходства с первобытным состоянием человечества.

Именно в законах явлений действительно заключается наука, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они ни были, являются всегда только необходимым сырым материалом.

Рассматривая же постоянное назначение этих законов, можно сказать без всякого преувеличения, что истинная наука, далеко не способная образоваться из простых наблюдений, стремится всегда избегать по возможности непосредственного исследования, заменяя последнее рациональным предвидением, составляющим во всех отношениях главную характерную черту положительной философии (совокупность астрономических знаний дает нам ясно понять это). Такое предвидение, необходимо вытекающее из постоянных отношений, открытых между явлениями, не позволит никогда смешивать реальную науку с той бесполезной эрудицией, которая механически накапливает факты, не стремясь выводить одни из других.

Это важное свойство всех наших ясных умозрений не менее касается их действительной полезности, чем их собственного достоинства, ибо прямое исследование совершившихся явлений, не давая нам возможности их предвидеть, не могло бы нам позволить изменять их ход. Таким образом, истинное положительное мышление заключается преимущественно в

способности видеть, чтобы предвидеть, изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов¹.

4. Всеобщее распространение основного учения о неизменности естественных законов

16. Этот основной принцип всей положительной философии, будучи еще далеко не достаточно распространен на совокупность явлений, начинает, к счастью, за последние три века становиться столь обычным, что до сих пор, вследствие привитых раньше привычек к абсолютам, почти всегда игнорировали его истинный источник, стараясь, на основании пустой и сбивчивой метафизической аргументации, представить как своего рода врожденное или, по меньшей мере, примитивное понятие, то что могло ясно вытекать из медленной и постепенной индукции, одновременно коллективной и индивидуальной. Не только никакой рациональный мотив, независимый от всякого внешнего исследования, не показывает нам сначала неизменность физических отношений, но, напротив, не подлежит сомнению, что человеческий разум испытывает в течение своего долгого младенческого состояния чрезвычайно сильную склонность игнорировать эту неизменность даже там, где беспристрастное наблюдение ее само собою обнаружило бы, если бы он не увлекался своим необходимым стремлением приписывать все какие бы то ни были события, а в особенности наиболее важные, произвольным хотениям. В каждом круге явлений существуют, без сомнения, некоторые явления, достаточно простые и достаточно обычные для того, чтобы их самопроизвольное наблюдение внушало всегда смутное и несвязное чувство некоторой второстепенной регулярности; так что чисто теологическая точка зрения не могла никогда быть строго всеобщей. Но это частичное и случайное убеждение распространяется долгое время на явления, весьма малочисленные и наиболее подчиненные, которые оно тогда не может даже предохранять от частых нарушений, приписываемых преобладающему вмешательству сверхъестественных факторов. Принцип неизменности естественных законов начинает действи-

---

¹Об этой общей оценке духа и хода, свойственных положительному методу, можно найти полезные указания в замечательной книге Система логики моего знаменитого друга Джона Стюарта Милля, вполне теперь присоединившегося к непосредственному основанию новой философии. Последние семь глав первого тома содержат дивное догматическое изложение, столь же глубокое, как и блестящее, индуктивной логики, которую, смею утверждать, никто, оставаясь на точке зрения ее автора, не смог бы ни лучше задумать, ни лучше осветить.

тельно приобретать некоторое философское основание только тогда, когда первые истинно научные работы смогли обнаружить полную точность этого принципа для целого класса важных явлений; обстоятельство это могло в полной мере иметь место лишь с момента создания математической астрономии, в течение последних веков политеизма. Вслед за этим систематическим введением это основное правило стремилось, без сомнения, распространиться по аналогии на более сложные явления даже прежде, чем их собственные законы могли быть сколько нибудь известны. Но помимо своей действительной бесплодности это смутное логическое предварение обладало тогда слишком незначительной энергией для того, чтобы надлежащим образом сопротивляться активному преобладанию, которое сохраняли в области мысли теолого-метафизические иллюзии. Первый специальный опыт установления естественных законов, для каждого главного класса явлений был затем необходим для того, чтобы сообщить этому понятию ту непоколебимую силу, которую оно начинает представлять в наиболее передовых науках. Это убеждение не могло даже стать достаточно прочным, пока все основные умозрения не были действительно подвергнуты подобной обработке, так как сомнение, оставшееся еще относительно наиболее сложных, должно было тогда более или менее заражать каждое из них. Невозможно игнорировать эту бессознательную реакцию даже теперь, когда вследствие еще обычного невежества в области социологических законов, принцип постоянства физических отношений подвергается иногда грубым искажениям даже в чисто математических исследованиях, где мы видим, например, как неизменно превозносят мнимое исчисление шансов, скрыто предполагающее отсутствие всякого реального закона по отношению к известным событиям, в особенности, когда здесь имеет место вмешательство человека. Но когда это всеобщее распространение, наконец, достаточно подготовлено — условие, уже выполненное теперь у наиболее передовых умов, — этот великий философский принцип тотчас приобретает полную законченность, хотя действительные законы большинства частных случаев должны долгое время оставаться неизвестными; ибо не могущая быть отвергнутой аналогия применяет тогда наперед ко всем явлениям каждого класса то, что было установлено для некоторых из них, лишь бы только они имели надлежащую важность.

Глава вторая

НАЗНАЧЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

17. Рассмотрев отношение положительного мышления к внешним предметам наших умозрений, нужно закончить его характеристику оценкой и его внутреннего назначения — беспрерывно удовлетворять наши собственные потребности, касающиеся созерцательной или активной жизни.

I

Полное и прочное устройство индивидуальной и коллективной гармонии в области мысли — в отношении к человечеству

18. Хотя чисто умственные запросы суть, без сомнения, наименее энергичные из всех потребностей, присущих нашей природе — их прямое и постоянное существование у всех мыслящих людей, тем не менее, не подлежит сомнению: они дают первый необходимый толчок нашим различным философским усилиям, слишком часто приписываемым преимущественно практическим импульсам; последние, правда, способствуют их развитию, но не могли бы их породить.

Эти умственные нужды, относящиеся, как все другие, к регулярному выполнению соответственных функций, требуют всегда счастливого сочетания прочности и активности, откуда одновременно вытекают потребности в порядке и прогрессе, или в связи и расширении. В продолжение долгого младенческого состояния человечества теолого-метафизические концепции единственно могли, согласно нашим предыдущим объяснениям, предварительно удовлетворять, хотя крайне несовершенным образом, этому двоякому основному условию. Но когда человеческий ум, наконец, достаточно созрел, чтобы открыто отказаться от недоступных ему исследований и мудро сосредоточить свою деятельность в области, оценка которой действительно доступна нашим способностям, тогда положительная философия поистине доставляет ему во всех отношениях гораздо более полное реальное удовлетворение этих двух элементарных потребностей. Таково, очевидно, с этой новой точки зрения, прямое назначение открываемых ею законов различных явлений и нераздельного с ними рационального предвидения. Относительно каждого рода событий в этих законах должно, в этом отношении, различать два класса, смотря по тому, связывают ли они по подобию события сосуществующие, или — по преемственности — следующие друг за другом. Это необходимое различие в основе своей соответствует во внешнем мире тому, что само собой пред-

ставляется нам всегда между соотносительными состояниями существования и движения; отсюда во всякой реальной науке вытекает основное различие между статистической и динамической оценками какого-либо предмета. Оба вида отношений одинаково способствуют объяснению явлений и равным образом приводят к возможности их предвидеть, хотя законы гармонии кажутся сначала назначенными преимущественно для объяснения, а законы последовательности для предвидения. В самом деле, о чем бы ни шла речь, — об объяснении или предвидении, — все сводится постоянно к объединению; сверх того всякая реальная связь, статистическая или динамическая, открытая между двумя какими-либо явлениями, позволяет одновременно объяснять и предвидеть одно на основании другого; ибо научное предвидение согласуется, очевидно, с настоящим и даже с прошлым столь же хорошо, как и с будущим, и постоянно заключается в познании факта независимо от его прямого исследования, на основании уже известных его отношений с другими фактами. Так, например, сходство, установленное между небесным и земным тяготениями, привело, на основании резких изменений первого, к предвидению слабо выраженных вариаций второго, которые прямое наблюдение не могло удовлетворительно вскрыть, хотя оно их впоследствии подтвердило; точно также, в обратном смысле, издревле замеченное совпадение периодов морского прилива и отлива, дало возможность объяснить лунный день тотчас, как было признано, что подъем воды в каждом пункте является результатом прохождения луны через меридиан данного места. Все наши истинные логические потребности таким образом по существу сводятся к следующему общему назначению: по возможности укреплять посредством наших систематических умозрений самопроизвольное единство наших суждений, строя непрерывность и однородность наших различных концепций так, чтобы равным образом удовлетворять требованиям одновременно порядка и прогресса, заставляя нас вновь находить постоянство среди разнообразия. Но с этой основной точки зрения очевидно, что положительная философия необходимо допускает у хорошо подготовленных умов наличность способности, далеко превосходящей ту, которую теолого-метафизическая философия когда-либо могла предоставить.

Рассматривая последнюю даже во времена ее наибольшего одновременно умственного и социального влияния, т.е. в фазис политеизма, мы видим, что интеллектуальное единство было даже тогда построено гораздо менее совершенно, менее прочно, чем это в будущем позволит сделать всеобщее преобладание положительного духа, когда он распространится, нако-

нец, на самые важные умозрения. Тогда будет повсюду, на самом деле, господствовать в различных видах и в различных степенях то удивительное логическое построение, простейшие знания которого единственно могут нам дать теперь справедливое понятие, — построение, где связь и расширение, обеспеченные каждое со всей полнотой, сами собой оказываются сверх того солидарными. Этот великий философский результат не требует другого необходимого условия, кроме постоянного обязательства ограничивать все наши умозрения действительно доступными исследованиями, рассматривая эти реальные отношения либо по сходству, либо по последовательности, как могущие составлять для нас только простые общие факты, которые нужно всегда стремиться свести к возможно меньшему количеству, не рассчитывая когда-либо, сообразно основному характеру положительного мышления, проникнуть в тайну их образования. Но если это действительное постоянство естественных связей есть на самом деле единственно доступное нашей оценке, то оно также вполне достаточно для удовлетворения всех наших потребностей, как созерцания, так и направления нашей деятельности.

19. Важно, однако, признать в принципе, что при положительном образе мышления гармония наших концепций неизбежно оказывается в известной степени ограниченной в силу основного для них обязательства быть реальными, т.е. достаточно соответствовать независимым от нас типам. В своем бессознательном, инстинктивном стремлении связывать, наш ум почти всегда ищет возможности сочетать между собой два какие-либо одновременные или последовательные явления; но изучение внешнего мира, напротив, доказывает, что многие из этих сближений были бы нелепыми, и что масса явлений совершаются непрерывно безо всякой истинной взаимной зависимости; отсюда эта необходимая склонность нуждается более, чем какая-либо другая, в регуляторе, которым может являться ясная общая оценка. Привыкший в течение долгого времени к своего рода единству учения, как бы смутно и призрачно оно ни было при господстве теологических функций и метафизических сущностей, — человеческий разум, переходя к положительной стадии, стремился сначала сводить все различные классы явлений к единому общему закону. Но все попытки, сделанные в течение последних двух веков для получения всеобщего объяснения природы, привели только к окончательному дискредитированию этого предприятия, отныне предоставленного лишь мало просвещенным умам. Основательное исследование внешнего мира представило его гораздо менее связным, чем это предполагает или желает наш ум, который, вследствие своей собственной слабости, более рас-

положен умножать отношения, благоприятные для его движения и в особенности для его покоя.

Не только все шесть основных категорий, которые мы ниже различаем между естественными явлениями, не могли быть приведены к единому универсальному закону, но вполне позволительно утверждать теперь, что единство объяснения, преследуемое еще столькими серьезными умами, относительно каждой из них, взятой в отдельности, окончательно закрыто для нас даже в этой, весьма ограниченной области. Астрономия в этом отношении породила слишком эмпирические надежды, безусловно неосуществимые относительно более сложных явлений не только в области физики в собственном смысле, пять главных отраслей которой, несмотря на их бесспорные отношения между собою, останутся всегда отличными друг от друга. Философы часто расположены значительно преувеличивать логические неудобства такого необходимого рассеяния, так как плохо оценивают реальные преимущества, представляемые преобразованием индукций в дедукцию. Тем не менее нужно открыто признать эту прямую невозможность все приводить к единому положительному закону как серьезное несовершенство, неизбежное следствие человеческой организации, заставляющей нас применять чрезвычайно слабый ум для объяснения чрезвычайно сложного мира.

20. Но эта бесспорная необходимость, которую важно признать во избежание всякой напрасной затраты умственных сил, нисколько не мешает реальной науке допускать, с другой точки зрения, достаточное философское единство, равносильное тем единствам, какие временно создают теология и метафизика, и, сверх того, чрезвычайно их превосходящее как своей прочностью, так и полнотой. Чтобы понять возможность такого единства и оценить его природу, нужно сначала прибегнуть к блестящему общему различению, установленному Кантом между точками зрения — объективной и субъективной, свойственными всякому исследованию.

Рассматриваемая с одной точки зрения, т.е. со стороны внешнего назначения наших теорий, наша наука, как точное представление реального мира, конечно, не поддается полной систематизации в силу неизбежного различия, существующего между основными явлениями. В этом смысле мы не должны искать другого единства кроме того, какое представляет положительный метод, рассматриваемый в его целом, без притязания на истинное научное единство, стремясь только к однородности и сходству различных доктрин. Совсем иначе обстоит дело, если наша наука оценивается со второй точки зрения, т.е. со стороны внутреннего источника человеческих теорий, рассматриваемых как естественные результаты нашей

умственной эволюции одновременно индивидуальной и коллективной, и назначенных для нормального удовлетворения каких-либо наших собственных потребностей. Отнесенные, таким образом, не ко Вселенной, а к человеку, или, вернее, к человечеству, наши реальные знания, напротив, стремятся тогда с очевидной самопроизвольностью к полной систематизации столь же научной, как и логической. Тогда нужно собственно рассматривать только одну науку, человеческую науку, или, более точно, социальную, принцип и цель которой составлять наше существование, и в которую рациональное изучение внешнего мира естественно входит двояким путем — в виде неизбежного элемента и в виде основного введения, одинаково необходимого как для метода, так и для доктрины, как я это объясню ниже. Именно таким образом наши положительные знания единственно могут образовать истинную систему, которая отличалась бы вполне удовлетворительным характером. Сама астрономия, хотя объективно более совершенная, чем все другие отрасли естественной философии, вследствие своей чрезвычайной простоты, — является такой только с этой человеческой точки зрения; ибо совокупность соображений трактата даст ясно понять, что она должна была бы, напротив, считаться чрезвычайно несовершенной, если бы ее относить ко Вселенной, а не к человеку; ведь и в астрономии все наши реальные знания по необходимости ограничены нашим миром, который, однако, составляет только ничтожный элемент Вселенной, исследование которой для нас напрямую недоступно.

Таково общее направление, которое должно, в конце концов, возобладать в истинно позитивной философии не только в области теорий, непосредственно относящихся к человеку и обществу, но также и в области теорий, касающихся простейших явлений, кажущихся наиболее удаленными от следующей общей идеи: рассматривать все наши умозрения как продукты нашего ума, предназначенные удовлетворять наши различные основные потребности, удаляясь от человека всегда только для того, чтобы к нему вновь возвратиться по изучении других феноменов постольку, поскольку необходимо их знать как для развития наших сил, так и для оценки нашей природы и нашего состояния. Можно поэтому заметить, каким образом преобладающее понятие человечества должно на положительной стадии давать полную систематизацию мысли по меньшей мере равносильную той, которая окончательно установилась в теологическом фазисе, благодаря великой концепции Бога, столь слабо замененной впоследствии в течение метафизического переходного времени смутной идеей природы.

21. Охарактеризовав таким образом самопроизвольную спо-

способность положительного способа мышления строить окончательное единство нашего ума, не трудно будет дополнить это основное объяснение, распространяя его от индивида на род. Это необходимое расширение было до сих пор по существу невозможным для современных философов, которые, будучи сами лишены возможности окончательно выйти из метафизического состояния, никогда не становились на социальную точку зрения, единственно, однако, доступную полной реальности, как научной, так и логической, ибо человек развивается не изолированно, но коллективно. Изгоняя, как нечто совершенно бесплодное (или, вернее, глубоко вредное) эту уродливую абстракцию наших психологов или идеологов, систематическая тенденция положительного духа, которую мы только что рассмотрели, — приобретает, наконец, всю свою важность, ибо она указывает в нем истинное философское основание человеческой общности, по крайней мере постольку, поскольку последняя зависит от ума, огромное влияние которого, хотя отнюдь не исключительное, не может подлежать сомнению. Строить логическое единство каждого изолированного ума или устанавливать продолжительное согласие между различными умами, число которых может оказать существенное влияние лишь на быстроту операции, — это, на самом деле, одна и та же человеческая проблема только различных степеней трудности. Поэтому-то во все времена тот, кто мог стать достаточно последовательным, тем самым приобретал способность постепенно соединять других в силу основного сходства нашего рода. Теологическая философия была в течение младенческого периода человечества единственно способной систематизировать общество только потому, что она была тогда единственным источником некоторой умственной гармонии. Если же привилегия логического согласования отныне безвозвратно перешла к положительному образу мышления, — что теперь вряд ли может быть серьезно оспариваемо, — то нужно поэтому признать в нем также единый действительный принцип того великого интеллектуального согласия, которое становится необходимым основанием всякой истинной человеческой ассоциации, когда оно надлежащим образом связано с двумя другими основными условиями: достаточным сходством чувств и известным совпадением интересов. Печальное философское положение избранной части человечества достаточно было бы теперь для устранения в этом отношении всякого спора, так как оно обусловлено именно тем обстоятельством, что в настоящее время наблюдается истинная общность мнений только относительно предметов, уже приведенных к положительным теориям, но, к несчастью, являющихся далеко не самыми важными. Прямое и специальное рассмотрение вопро-

са легко показало бы, сверх того, что единственно положительная философия может постепенно осуществить этот великий план всемирной ассоциации, который католичество в средние века начертало впервые, но который в основе был по существу несовместим, — как это доказал опыт, — с теологической природой философии католицизма, установившей слишком слабую логическую связь, чтобы быть способной проявить такую социальную силу.

II

Гармония между наукой и искусством, между положительной теорией и практикой

22. Охарактеризовав достаточно основную способность положительного мышления по отношению к умозрительной жизни, нам остается рассмотреть его также в применении к конкретной жизни, где он, не обнаруживая никакого действительно нового свойства, проявляет гораздо полнее и, в особенности, гораздо определеннее все те качества, которые мы за ним признали. Хотя теологические концепции были даже в этом отношении долгое время необходимы, дабы возбуждать и поддерживать смелость человека косвенной надеждой на своего рода бесконечное господство, тем не менее, именно в данном случае человеческий разум должен был прежде всего засвидетельствовать свое окончательное предпочтение реальным знаниям. В самом деле, положительное изучение природы начинает теперь пользоваться всемирным одобрением, именно как рациональное основание воздействия человечества на внешний мир. Ничто не является в основе более мудрым, чем это грубое и само собой являющееся суждение, ибо такое назначение, когда оно надлежащим образом оценено, неизбежно напоминает, в форме наиболее удачно сокращенной, все величие черты истинного философского духа как относительно рациональности, так и касательно положительности. Естественный порядок, вытекающий в каждом практическом случае из совокупности законов соответственных явлений, должен очевидно быть нам сначала хорошо известен для того, чтобы мы могли либо его изменять в наших интересах, либо, по крайней мере, приспособлять к нему наше поведение, если, как в области небесных явлений, всякое человеческое вмешательство здесь невозможно.

Такое применение в особенности способно сделать широко доступной оценку того рационального предвидения, которое, как мы видели, составляет во всех отношениях главную характерную черту истинной науки, ибо чистая эрудиция, где

реальные, но не связанные знания заключаются в фактах, а не в законах, не могла бы, очевидно, удовлетворительно руководить нашей деятельностью. Было бы излишне останавливаться дольше на столь бесспорном объяснении.

Правда, чрезмерное предпочтение, оказываемое теперь материальным интересам, слишком часто приводило к пониманию этой необходимой связи в смысле, сильно компрометирующем будущность науки, порождая стремление ограничивать положительные умозрения исследованиями непосредственной полезности. Но эта бессознательная склонность обусловлена только ложным и узким представлением о важном взаимоотношении науки и искусства, страдающим отсутствием достаточно глубокой оценки их значения. Из всех наук астрономия наиболее способна избавиться от такой тенденции, как потому, что ее чрезвычайная простота позволяет лучше уловить ее совокупность, так и в силу большей естественности соответственных применений, которые в течение двадцати веков оказываются связанными с наиболее возвышенными умозрениями: в настоящей работе мы это дадим ясно понять. Но в особенности важно признать по этому поводу, что основное отношение между наукой и искусством не могло до настоящего времени надлежащим образом быть постигнуто даже лучшими умами в силу необходимого следствия, вытекающего из недостаточного расширения естественной философии, которая еще остается чуждой наиболее важным и наиболее трудным исследованиям, касающимся непосредственно человеческого общества.

В самом деле, рациональная концепция воздействия человека на природу, оставаясь таким образом по существу ограниченной неорганическим миром, вызвала бы слишком слабое научное возбуждение. Когда этот громадный пробел будет достаточно восполнен, когда завершится уже теперь начавшийся процесс, можно будет понять основную важность этого великого практического назначения, — побуждать и часто даже лучше направлять наиболее выдающиеся умозрения при одном нормальном условии постоянной положительности. Ибо искусство будет тогда не исключительно геометрическим, механическим или химическим и т.д., но также и, в особенности, политическим и моральным, так как главная деятельность человечества должна во всех отношениях состоять в непрерывном улучшении своей собственной индивидуальной или коллективной природы и пределах, указываемых, как во всех других случаях, совокупностью реальных законов.

Когда эта сама собой возникающая солидарность науки с искусством сможет быть надлежащим образом организована, то не подлежит сомнению, что весьма далекая от стремления

ограничивать здоровые философские умозрения, она, напротив, предназначила бы им окончательную функцию, слишком превосходящую их действительные силы, если бы наперед не была признана как общий принцип невозможность сделать когда-либо искусство чисто рациональным, т.е. поднять уровень наших практических потребностей. Даже в наиболее простых и наиболее совершенных искусствах прямое и самопроизвольное развитие остается всегда необходимым, и научные указания ни в коем случае не могут совершенно заменять такое название. Как бы удовлетворительны ни стали, например, наши астрономические предвидения, их точность является еще и, вероятно, будет всегда ниже наших справедливых практических требований, как мне часто придется на это указывать.

23. Эта самопроизвольная тенденция непосредственно построить полную гармонию между умозрительной и конкретной жизнью должна быть окончательно рассматриваема как наиболее счастливая привилегия положительного духа, и никакое другое свойство не может столь же хорошо обнаружить истинный характер его, а также облегчить его реальное влияние.

Наш умозрительный пыл, таким образом, поддерживается и даже руководится могучим и непрерывным возбуждением, без которого естественная косность нашего ума расположила бы его удовлетворять свои слабые теоретические потребности легкими, но недостаточными объяснениями, между тем как мысль об окончательном действии напоминает всегда условие — соблюсти надлежащую точность. В то же время это великое практическое назначение дополняет и ограничивает в каждом случае основное предписание, относящееся к открытию естественных законов, способствуя определению, согласно требованиям применения, степени точности и обширности нашей рациональной предусмотрительности, правильное измерение которой не могло бы быть, вообще, установлено другим путем.

Если, с одной стороны, научное совершенствование не может перейти этот предел, ниже которого оно, напротив, всегда действительно будет находиться, то оно не могло бы, с другой, его открыть, не рискуя тотчас впасть в слишком мелочную оценку, столь же нелепую, сколь бесплодную, которая даже окончательно поколебала бы доверие ко всем основаниям истинной науки, так как наши законы могут всегда представлять явления только с известным приближением, дальше которого было бы так же опасно, как и бесполезно, углублять наши исследования. Когда это основное отношение науки к искусству будет надлежащим образом систематизировано, оно иногда, без сомнения, будет стремиться дискредитировать теоретические попытки, коренная бесплодность которых была бы бесспорна; но далекое от того, чтобы создавать какое-либо

реальное затруднение, это неизбежное направление станет тогда чрезвычайно благоприятным для наших истинных умозрительных интересов, предупреждая напрасную затрату наших слабых умственных сил, обусловливаемое теперь очень часто слепой специализацией. В своей предварительной эволюции человеческий разум должен был отдаваться всюду вопросам, ставшим для него доступными, не вдаваясь слишком в оценку их окончательной важности и не зная их собственного отношения к совокупности, которая сначала не могла быть заменена. Но этот временный инстинкт, без которого наука часто нуждалась бы тогда в надлежащей пище, должен будет, в конце концов, подчиниться справедливой систематической оценке, коль скоро полная зрелость положительного состояния позволит в достаточной степени уловить всегда истинные основные отношения каждой части к целому, с тем, чтобы постоянно доставлять широкое назначение наиболее глубоким исследованиям, избегая, однако, всякого ребяческого умозрения.

24. Относительно этой тесной гармонии между наукой и искусством важно в особенности отметить обусловливаемую ею счастливую тенденцию развивать и укреплять социальное влияние здоровой философии в силу следствия, само собой вытекающего из возрастающего преобладания, очевидно приобретенного промышленной жизнью в нашей современной цивилизации. Теологическая философия могла действительно соответствовать только той необходимой эпохе предварительной общественности, когда человеческая деятельность должна была быть преимущественно военной, дабы постепенно подготовить нормальное и совершенное общество, которое, согласно исторической теории, установленной мною в другом месте, не могла сначала существовать.

Политеизм преимущественно приспособлялся к древней завоевательной системе, а монотеизм — к средневековой оборонительной организации. Доставляя все большее и большее преобладание промышленной жизни, новейшая общественность должна таким образом сильно благоприятствовать великому перевороту в области мысли, окончательно поднимающему теперь наш ум от теологического к положительному состоянию. Это деятельное повседневное стремление к практическому улучшению человеческого существования не только мало совместимо с религиозными предубеждениями, всегда преследующими, в особенности при монотеизме, совершенно другие цели, но такая деятельность, сверх того, способна по своей природе породить, в конце концов, всемирную оппозицию всякой теологической философии, столь же радикальную, как и естественную. В самом деле, с одной стороны, промышленная жизнь в основе прямо противоречит всякому

провиденциальному оптимизму, ибо она необходимо предполагает, что естественный порядок достаточно несовершенен для того, чтобы беспрерывно требовать человеческого вмешательства, между тем как теология логически не допускает другого средства изменения, кроме как обращение за содействием к сверхъестественной силе. С другой стороны, это противоречие, присущее совокупности наших промышленных концепций, беспрерывно воссоздается в чрезвычайно разнообразных формах в процессе совершения наших операций, где мы должны рассматривать внешний мир не как руководимый каким-либо производством, но как подчиненный законам, позволяющим нам выработать достаточную предусмотрительность, без которой наша практическая деятельность была бы лишена всякого разумного основания. Таким образом, то же самое основное соотношение, которое делает промышленную жизнь столь благоприятной философскому влиянию положительного мышления, — внушает ей в то же время антитеологическую тенденцию более или менее резкую, но рано или поздно неизбежную, каковы бы ни были беспрестанные мудрые усилия духовенства сдержать или умерить антипромышленный характер первоначальной философии, сносно уживаться с которой мог бы только воинственный быт. Такова тесная солидарность, которая издавна заставляет все современные умы, даже наиболее примитивные и наиболее упрямые, невольно участвовать в постепенной замене древней теологической философии философией вполне положительной, единственно отныне способной оказывать действительно социальное влияние.

III

Окончательная несовместимость науки с теологией

25. Нам, таким образом, остается пополнить, наконец, непосредственную оценку истинного философского духа одним последним объяснением, которое, являясь преимущественно отрицательным, становится, тем не менее, действительно необходимым здесь, чтобы закончить полную характеристику природы и условий великого умственного обновления, необходимого теперь избранной части человечества. Это объяснение обнаруживает непосредственно окончательную несовместимость положительных концепций с какими бы то ни было теологическими воззрениями, как монотеистическими, так и политеистическими или фетишистскими. Различные соображения, приведенные в настоящем рассуждении, уже приблизительно

согласованы между двумя философиями, со стороны как метода, так и доктрины, так что всякое сомнение на этот счет может быть здесь легко рассеяно. Без сомнения, наука и теология вначале не находятся в открытой вражде, так как они не ставят себе одинаковых вопросов: именно это обстоятельство долгое время позволяло положительному мышлению делать частичные успехи, невзирая на общее господство теологической философии, и даже во многих отношениях под ее предварительным покровительством. Но когда рациональный позитивизм, ограниченный сначала скромными математическими исследованиями, которыми пренебрегала теология, начал распространяться на прямое изучение природы, в особенности посредством астрономических теорий, столкновение стало неизбежным, — хотя оставалось скрытым, — в силу основного контраста, одновременно научного и логического, прогрессивно развивающегося с этого момента между двумя кругами идей. Логические мотивы, на основании которых наука наотрез отказывается от всяких таинственных проблем, являющихся существенным предметом занятий для теологии, сами по своей природе способны рано или поздно дискредитировать в глазах всех здравомыслящих людей умозрения, изгоняемые только потому, что они безусловно недоступны человеческому разуму. Сверх того, мудрая осторожность, с которой положительное мышление постепенно оперирует над чрезвычайно легкими предметами, должна косвенно заставить оценить безрассудную смелость теологии по отношению к наиболее трудным вопросам. Однако для большинства умов, обращающих обыкновенно слишком мало внимания на методологические разногласия (хотя последние, являясь необходимым источником всех других, суть наиболее серьезные) — для большинства умов несовместимость этих двух философий должна вполне выясниться преимущественно из доктрин. А под этим новым углом зрения невозможно отрицать коренное противоречие этих двух классов концепций, где одни и те же явления то приписываются произвольным велениям, то приводят к неизменным законам. Причудливая изменчивость, естественно присущая всякой идее произвола, никоим образом не может согласоваться с постоянством реальных отношений. Поэтому, по мере того, как физические законы становились известными, господство сверхъестественной воли все более и более ограничивалось и признавалось всегда преимущественно по отношению к явлениям, законы которых остались неоткрытыми.

Эта несовместимость становится непосредственно очевидной, если противопоставить рациональное предвидение, составляющее главную характерную черту истинной науки, пророчеству, вытекающему из специального откровения, которое

теология вынуждена представить, как единственное правильное средство узнавать будущее. Правда, положительный дух, достигши своей полной зрелости, стремится также подчинять самое волю истинным законам, существование которых действительно молча предполагается примитивным разумом, ибо иначе практические усилия изменять и предвидеть человеческие хотения не имели бы никакого разумного основания. Но такое понятие отнюдь не приводит к примирению этих двух противоположных способов, согласно которым наука и теология необходимо рассматривают действительное управление различными явлениями. Ибо подобное предвидение и вытекающее отсюда поведение требуют, очевидно, глубокого реального знания существа, в котором эти хотения рождаются. А воздать это предварительное основание могло бы существо, по меньшей мере, равное, рассматриваемое, таким образом, по сходству; невозможно предположить это сходство по отношению к существу низшего порядка, и противоречие увеличивается наряду с неравенством природы. Поэтому притязания теологии проникать всегда в предназначения Провидения были совершенно безрассудны, подобно тому, как было бы нелепо предположить у низших животных способность предвидеть желания человека или других высших животных. Однако именно к этой бессмысленной гипотезе неминуемо пришлось бы прибегнуть для окончательного согласования теологического духа с положительным.

26. Их коренное, применимое ко всем существенным фазисам первоначальной философии противоречие, рассматриваемое исторически, издавна было общепризнано относительно тех ее стадий, которые уже совершенно миновали наиболее передовые народы. Несомненно даже, что касательно последних, слишком преувеличили эту несовместимость, вследствие абсолютного презрения, которое наши монотеистические привычки внушают нам к двум первым состояниям теологического режима. Здоровая философия, обязана всегда оценивать необходимую форму, в которой каждый из великих последовательных фазисов развития человечества действительно содействовал нашей основной эволюции заботливо устранить эти несправедливые предрассудки, мешающие всякой истинной исторической теории. Но хотя политеизм и даже фетишизм сначала действительно благоприятствовали самопроизвольному подъему духа наблюдения, должно, однако, признать, что они могли быть истинно совместимыми с постепенно создавшимся сознанием неизменности физических отношений, тотчас как это сознание сумело приобрести некоторое систематическое постоянство. Поэтому нужно рассматривать это неизбежное противоречие как тайный источник различных преобразований, которые

последовательно разложили теологическую философию, все более и более суживая ее.

Здесь уместно пополнить необходимое объяснение, приведенное в начале этого рассуждения, где это постепенное разрушение было главным образом приписано метафизике в собственном смысле, которая в сущности могла бы быть только простым орудием, но никак не истинным фактором. Нужно заметить, что положительный дух, вследствие отсутствия обобщения, которое должно характеризовать его медленную частичную эволюцию, не мог надлежащим образом формулировать свои собственные философские стремления, едва ставшие заметными в течение этих последних веков. Отсюда вытекала настоятельная необходимость вмешательства метафизики, которая единственно могла соответственно систематизировать само собой возникающий антагонизм между рождающейся наукой и древней теологией. Но, хотя такая функция должна была побуждать слишком преувеличивать действительную важность этой философии переходного времени, легко, однако, признать, что единственно естественный прогресс реальных знаний сообщал серьезность и прочность ее шумливой деятельности. Этот непрерывный прогресс, который в сущности вначале обусловил преобразование фетишизма в политеизм, преимущественно составлял затем существенный источник превращения политеизма в монотеизм. Так как столкновение должно было совершиться главным образом на почве астрономических теорий, то этот трактат доставит мне естественный случай охарактеризовать точную степень их развития, единственно действительно определившего безвозвратный умственный упадок политического режима, который мы тогда признаем логически несовместимым с окончательным основанием математической астрономии школой Фалеса.

27. Рациональное изучение этого критического направления ясно доказывает, что оно не могло ограничиваться древней теологией, и что оно должно было затем распространиться и на монотеизм, хотя его энергия должна была убывать одновременно с необходимостью в нем, по мере того, как теологический дух продолжал дряхлеть в силу того же самопроизвольного прогресса. Без сомнения, этот краткий фазис первоначальной философии был гораздо менее, чем предшествовавшие ему, противен подъему реальных знаний, не встречавших более на каждом шагу опасного соперничества в виде специально сформулированного сверхъестественного объяснения. Поэтому-то именно при монотеистическом режиме должна была завершиться предварительная эволюция положительного мышления. Но несоответствие, став менее резким и более запоздалым, оставалось тем не менее окончательно неизбеж-

ным даже накануне той эпохи, когда новая философия стала достаточно общей, чтобы принять истинно органический характер, заменяя безвозвратно теологию в ее социальной функции, также как в ее умственном назначении. Так как спор должен был еще преимущественно вестись на почве астрономии, что я покажу с точностью, какая более ранняя эволюция необходимо обусловила распространение — до более простого монотеизма — ее коренного противоречия, касавшегося прежде только политеизма в собственном смысле: тогда ясно станет, что это неизбежное влияние вытекает из открытия двойного движения Земли, последовавшего вскоре после основания небесной механики.

Можно утверждать, что при настоящем состоянии человеческого разума монотеистический образ мышления, благоприятствовавший в течение долгого времени первоначальному подъему реальных знаний, сильно препятствует систематическому ходу, который они должны отныне принять, мешая основному сознанию неизменности физических законов приобрести, наконец, свою необходимую философскую полноту. Ибо постоянная мысль о внезапном произвольном возмущении в естественной экономике должна всегда оставаться нераздельной, по крайней мере, скрытно, со всякой какой бы то ни было теологической идеей, хотя бы даже по возможности сокращенной. Не будь, в самом деле, этого препятствия, которое может быть устранено только при полном упразднении теологического духа, повседневное зрелище реального порядка вызвало бы уже теперь всеобщее согласие с основным принципом положительной философии.

28. Задолго до того момента, когда развитие науки позволило непосредственно оценить это коренное противоречие, метафизика, руководимая своим тайным побуждением, пыталась сузить, в недрах самого монотеизма, влияние теологии, доставляя в последний период средневековья отвлеченное преобладание знаменитой схоластической доктрине, подчиняющей действия верховного руководителя неизменным законам, которые он первоначально установил, запретив себе их когда-либо изменять. Но это своего рода самопроизвольное соглашение между теологическим принципом и положительным мышлением очевидно могло иметь только кратковременное существование, способное более облегчить непрерывное падение одного и постепенное торжество другого. Его господству существенно подчинились только просвещенные умы; ибо, покуда вера действительно существовала, народный инстинкт должен был всегда энергично отвергать концепцию, которая в сущности стремилась свести на нет власть Провидения, обрекая ее на величавую неподвижность, и которая предоставляла всю обыч-

ную деятельность великой метафизической сущности — Природе, приобщая ее таким образом к правильному управлению Вселенной в качестве обязательного и ответственного министра, к которому отныне должна была направляться большая часть жалоб и просьб.

Мы видим, что эта концепция во всех существенных точках зрения очень похожа на идею конституционного монарха, приобретающую при современном положении вещей все более и более преобладания; и эта аналогия отнюдь не случайная, ибо теологический порядок явился рациональным основанием политического строя. Эта противоречивая доктрина, разрушающая социальную силу теологического принципа, не освящая основного превосходства положительного мышления, не может соответствовать никакому истинно нормальному и продолжительному состоянию: она составляет только наиболее могучее из средств перехода, годных для последней необходимой разрушительной работы метафизического мышления.

29. Наконец, неизбежное несоответствие науки с теологией должно было также обнаружиться в другой общей форме, специально приспособленной к монотеистическому состоянию, вскрывая все более и более коренное несовершенство реального порядка, так резко противоречащего необходимому провиденциальному оптимизму. Этот оптимизм должен был, без сомнения, оставаться долгое время согласимым с самопроизвольным развитием положительных знаний, ибо первый анализ природы должен был тогда внушать всюду наивное восхищение при виде того, как совершаются главные явления, составляющие действительный порядок. Но это первоначальное направление также неизбежно затем исчезает по мере того, как положительное мышление, принимая все более и более систематический характер, заменяет постепенно догму о конечных причинах принципом условий существования, обладающим в наивысшей степени всеми логическими свойствами этой догмы и не страдающим ни одним из серьезных научных недостатков. Тогда перестают удивляться тому, что организация естественных существ оказывается устроенной так, что в каждом случае зависящие от них явления могут совершаться беспрепятственно. Изучая внимательно эту неизбежную гармонию с единственным намерением лучше познать ее, люди в конце концов замечают коренные несовершенства, которыми во всех отношениях отличается реальный порядок, почти всегда уступающий в мудрости искусственной экономии, устанавливаемой нашим слабым человеческим вмешательством в ограниченных, доступных ему пределах. Так как эти естественные пороки должны быть тем больше, чем сложнее рассматриваемые явления, то неопровержимые указания, которые дает нам

в этом отношении совокупность астрономических знаний, будут достаточны здесь для того, чтобы дать возможность предвидеть, насколько подобная оценка должна распространиться с новой философской энергией на все другие основные части реальной науки. Но в особенности важно понять, что вообще эта критика имеет не только временное значение в качестве антитеологического средства. Она связывается более тесно и более прочно с основным духом положительной философии в общем отношении, существующем между умозрением и действием. Если, с одной стороны, наше постоянное активное вмешательство покоится прежде всего на точном знании естественной экономики, лишь прогрессивным улучшением которой должна являться во всех отношениях наша искусственная экономика, то, с другой, не менее ясно, что мы таким образом предполагаем необходимое несовершенство того самопроизвольного порядка, постепенное изменение которого является повседневной целью наших индивидуальных или коллективных усилий.

Оставляя в стороне всякую временную критику, справедливая оценка различных недостатков, свойственных действительному устройству реального мира, должна, таким образом, отныне рассматриваться как присущая совокупности положительной философии, чтобы лучше познать как наше основное состояние, так и существенное назначение нашей непрерывной деятельности.

Глава третья

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

I

О слове «положительное»: его различные значения определяют свойства истинного философского мышления

30. Само собой получающееся стечение различных общих соображений, приведенных в этом рассуждении, позволяет с достаточной полнотой охарактеризовать здесь все главные черты истинного философского мышления, достигающего теперь, после медленной предварительной эволюции, своего систематического состояния.

В виду очевидной необходимости, в которую мы отныне поставлены, — квалифицировать его обыкновенно кратким специальным наименованием, я должен был предпочесть то, которое, благодаря предварительной работе последних трех веков, приобрело драгоценное свойство кратко и по возмож-

ности лучше выражать его основные атрибуты. Как все народные выражения, возвышенные таким образом постепенно до философского достоинства, слово положительное (positif) имеет в наших западных языках много различных значений, даже если отбросить грубый смысл, придаваемый ему мало просвещенными умами. Но важно отметить здесь, что все эти различные значения соответствуют равным образом новой общей философии, различные характерные свойства которой они попеременно выражают: таким образом, эта кажущаяся двусмысленность отныне не создает никакого реального неудобства. В ней, напротив, нужно будет усматривать один из главных примеров этой удивительной сживаемости формул, благодаря которой у передовых народов под одним общеупотребительным выражением соединяется много разных значений, когда общественный рассудок сумел признать их постоянную связь.

31. Рассматриваемое сначала в его более старом и более общем смысле, слово положительное означает реальное в противоположность химерическому: в этом отношении оно вполне соответствует новому философскому мышлению, характеризующему тем, что постоянно посвящает себя исследованиям, истинно доступным нашему уму, и неизменно исключает непроницаемые тайны, которыми он преимущественно занимался в период своего младенчества. Во втором смысле, чрезвычайно близком к предыдущему, однако от него отличным, это основное выражение указывает контраст между полезным и негодным: в этом случае оно напоминает в философии о необходимом назначении всех наших здоровых умозрений — непрерывно улучшать условия нашего действительного индивидуального или коллективного существования вместо напрасного удовлетворения бесплодного любопытства. В своем третьем обычном значении это удачное выражение часто употребляется для определения противоположности между достоверным и сомнительным: оно указывает, таким образом, характерную способность этой философии самопроизвольно создавать между индивидуумом и духовной общностью целого рода логическую гармонию взамен тех бесконечных сомнений и нескончаемых споров, которые должен был порождать прежний образ мышления. Четвертое обыкновенное значение, очень часто смешиваемое с предыдущим; состоит в противопоставлении точного смутному. Этот смысл напоминает постоянную тенденцию истинного философского мышления добиваться всюду степени точности, совместимой с природой явлений и соответствующей нашим истинным потребностям; между тем как старый философский метод неизбежно приводит к сбивчивым мнениям, признавая необходимую дисциплину

только в силу постоянного давления, производимого на него сверхъестественным авторитетом.

32. Наконец, нужно отметить особо пятое применение, менее употребимое, чем другие, хотя столь же всеобщее — когда слово положительное употребляется как противоположное отрицательному.

В этом случае оно указывает одно из наиболее важных свойств истинной новой философии, представляя ее как назначенную, по своей природе, преимущественно не разрушать, но организовать. Четыре общие характерные черты, которые мы только что отметили, отличают ее одновременно от всех возможных форм, как теологических, так и метафизических, свойственных первоначальной философии. Последнее же значение, указывая, сверх того, постоянную тенденцию нового философского мышления, представляет теперь особенную важность для непосредственного определения одного из его главных отличий уже не от теологической философии, которая была долгое время органической, но от метафизического духа в собственном смысле, который всегда мог быть только критическим. Каково бы, в самом деле, ни было разрушительное действие реальной науки, это ее влияние было всегда косвенным и второстепенным: сама ее недостаточная систематизация не позволяла ей до сих пор носить иной характер; и великая органическая функция, выпавшая ей теперь на долю, отныне оказалась бы в противоречии с таким побочным качеством, которое она, сверх того, стремится сделать излишним. Правда, здоровая философия коренным образом изгоняет все вопросы, неизбежно неразрешимые; но, мотивируя необходимость отбрасывать их, она избегает надобности в том или ином смысле их отрицать, что было бы противно тому систематическому упразднению, в силу которого должны пасть все мнения, действительно не поддающиеся обсуждению. Более беспристрастная и более терпимая относительно каждого из них, в виду ее общего безразличия (отношение, которым не могут похвастать их разномыслящие приверженцы), она задается целью исторически оценить их взаимное влияние, условия их продолжительного существования и причины их упадка. При этом она никогда ничего безусловно не отрицает, даже там, где речь идет об учениях, наиболее противных современному состоянию человеческого разума у избранной части народов. Именно таким образом она отдает сугубую справедливость не только различным системам монотеизма в роде той, которая на наших глазах доживает свои последние минуты, но также верованиям политеизма или даже фетишизма, относя их всегда к соответственным фазисам основной эволюции. С догматической стороны она, сверх того, держится того взгляда, что

всякие, какие бы то ни было концепции нашего воображения, по своей природе неизбежно недоступные никакому наблюдению, не могут поэтому подлежать ни действительно решительному отрицанию, ни такому же утверждению. Никто, без сомнения, никогда логически не доказал несуществования Аполлона, Минервы и т.д., ни небытия восточных фей или различных героев поэтических вымыслов; тем не менее, это обстоятельство нисколько не помешало человеческому разуму безвозвратно оставить древние учения, когда они, наконец, перестали соответствовать его состоянию.

33. Единственная существенная характерная черта нового философского мышления, которая не была бы еще непосредственно указана словом «положительное», состоит в его необходимой тенденции заменять всюду абсолютное относительным. Но это великое свойство, одновременно научное и логическое, до того присуще основной природе реальных знаний, что его общее рассмотрение не замедлит войти в тесную связь с различными взглядами, уже вошедшими в сочетание этой формулы, когда новый строй мысли, до сих пор частичный и эмпирический, перейдет повсюду к систематическому утверждению. Пятое значение, которое мы только что рассмотрели, в особенности способно определять эту сжатость вполне установленного нового философского языка по очевидному сходству двух свойств. Понятно, в самом деле, что абсолютная природа древних учений, как теологических, так и метафизических, неизбежно обуславливала отрицательное отношение каждого из них ко всем другим, так как иначе им угрожало самим выродиться в бессмысленный эклектизм. Напротив, именно в силу относительности своего духа новая философия может всегда входить в оценку собственного достоинства противных теорий, не склоняясь, однако, никогда к напрасным уступкам, могущим затемнять ясность ее взглядов и ослаблять твердость ее решений. Позволительно, таким образом, на основании всего предшествовавшего специального рассмотрения предположить, что употребляемая здесь формула для обычного определения этой окончательной философии вызовет в умах всех здравомыслящих полное действительное сочетание ее различных характерных свойств.

II

Соотношение — в начале самопроизвольное, затем систематическое — между положительным мышлением и всеобщим здравым смыслом

34. При исследовании основного начала этого философского метода приходится вскоре признать, что его самопроизвольное

зарождение действительно совпадает с первоначальными практическими упражнениями человеческого разума; ибо совокупность объяснений, приведенных в этом «слове», ясно доказывает, что все главные свойства этого метода в сущности ничем не отличаются от свойств всеобщего здравого смысла. Не взирая на умственное влияние наиболее грубой теологии, повседневное течение действительной жизни должно было относительно каждого класса явлений указывать всегда некоторые признаки естественных законов и порождать соответственные предвидения в некоторых частных случаях, казавшихся тогда только второстепенными или исключительными, — а таковы, действительно, необходимые зародыши положительной философии, долженствовавшей долгое время оставаться эмпирической, прежде чем она смогла стать рациональной. Весьма важно понять, что в существе дела истинный философский дух всюду состоит преимущественно в систематическом расширении простого здравого смысла на все действительно доступные умозрения. Их область совершенно тождественна, ибо величайшие вопросы здоровой философии связываются всюду с простейшими явлениями, по отношению к которым искусственные случаи составляют только более или менее необходимое приготовление. И тот, и другой имеют одну и ту же экспериментальную точку отправления, преследуют одну и ту же цель — объединять и предусматривать, одинаково постоянно заботятся о реальности и окончательным пределом своих стремлений равным образом считают полезность. Все их существенное различие заключается в систематической общности одного, зависящей от его необходимой отвлеченности, противоположной несвязной специализации другого, всегда занятого конкретным.

35. С догматической стороны эта основная связь представляет науку в собственном смысле слова как простое методическое предложение всеобщей мудрости. Поэтому здоровые философские умозрения, далекие от того, чтобы когда-либо подвергать сомнению вопросы, которые верно разрешила такая мудрость, заимствуют всегда у простого рассудка свои первоначальные понятия, дабы возвести их путем систематической обработки на степень общности и постоянства, которой они сами собой не могли достигнуть. В течение всего процесса обработки постоянный контроль этой примитивной мудрости имеет, сверх того, чрезвычайную важность как средство, способное по возможности предупреждать различные заблуждения, порождаемые потребностью или фантазией, которые часто оказывают свое влияние при непрерывном состоянии отвлечения, необходимом для философской деятельности. Несмотря на их необходимое сходство, собственно здравый

смысл преимущественно заботится о реальности и полезности, между тем как специально философское мышление более занимается оценкой общности и связи, так что их двоякое повседневное взаимодействие становится одинаково благотворным для каждого из них, укрепляя их основные качества, которые иначе естественно изменялись бы. Это отношение ясно показывает, насколько тщетны и бесплодны спекулятивные исследования, имеющие предметом **первичные основоположения** какого-либо вопроса, которые, долженствуя всегда исходить из народной мудрости, не принадлежат никогда к области науки; они, напротив, составляют ее сами собой являющиеся основания и потому не подлежат обсуждению. Это положение устраняет массу праздных или опасных споров, оставленных нам прежним строем мышления. Можно равным образом понять совершенную и окончательную тщетность всех предварительных изучений, относящихся к отвлеченной логике, где речь идет об оценке истинного философского метода независимо от применения его к какому-либо классу явлений. В самом деле, единственные истинно общие принципы, которые можно было бы установить в этом отношении, сводятся, как это легко проверить на наиболее знаменитых из этих афоризмов, к некоторым бесспорным, но очевидным правилам, заимствованным у здравого смысла и в действительности ничего существенного не добавляющим к указаниям, вытекающим у всех разумных людей из простой самопроизвольной деятельности мышления. Что касается способа приспособлять эти всеобщие правила к различным классам наших положительных умозрений (это составляло бы истинную трудность и реальную полезность таких логических предписаний), то он мог бы быть подвергнут действительной оценке только после специального анализа соответственных знаний, сообразно со специфической природой рассматриваемых явлений. Здоровая же философия никогда не отделяет логики от науки; и так как метод и доктрина могут в каждом случае быть правильно оценены только по их действительным взаимным отношениям, то в сущности невозможно придавать логике, как и науке, всеобщий характер посредством чисто отвлеченных концепций, независимых от всяких определенных явлений; попытки этого рода показывают еще тайное влияние абсолютного духа, присущего теолого-метафизическому образу мышления.

36. Эта тесная естественная солидарность между духом, свойственным истинной философии, и всеобщим простым здравым смыслом, рассматриваемая теперь исторически, показывает самопроизвольное зарождение положительного духа, действительно обусловленное всюду специальным воздействием практического рассудка на теоретический разум, первоначаль-

ный характер которого таким образом изменялся все более и более. Но это постепенное превращение не могло происходить ни одновременно, ни, в особенности, с одинаковой скоростью по отношению к различным классам отвлеченных умозрений, которые первоначально, как мы это признали, все были теологическими. Постоянное конкретное побуждение могло заставить положительный дух проникать туда только согласно определенному порядку, который соответствовал возрастающей сложности явлений и который ниже будет объяснен непосредственно. Отвлеченное положительное мышление, по необходимости рожденное в простейших математических исследованиях и распространенное затем путем само собой возникающего сходства или инстинктивного подражания, могло таким образом сначала носить только специальный и, во многих отношениях, даже эмпирический характер, который должен был долгое время скрывать от большей части его сторонников как его неизбежную несовместимость с первоначальной философией, так и, в особенности, его основное стремление создать новый логический строй. Его непрерывные успехи, под возрастающим давлением здравого смысла, могли тогда непосредственно обусловить лишь предварительное торжество метафизического духа, предназначенного, в силу своей самопроизвольной общности, служить ему философским орудием в течение веков, протекших между теоретическим подготовлением монотеизма и его полным социальным установлением, после чего онтологический порядок, достигнув наибольшего влияния, какой только допускала его природа, вскоре становился угнетающим для научного подъема, которому он дотоле благоприятствовал. Поэтому положительный дух мог достаточно проявить свою собственную философскую тенденцию только тогда, когда это угнетение заставило его, наконец, вступить в специальную борьбу с метафизическим направлением, с которым он должен был долгое время казаться смешанным. Вот почему первоначальное систематическое основание положительной философии не может восходить дальше памятного кризиса, когда совокупность онтологического порядка начала во всей Западной Европе изнемогать под натиском самих собою сочетавшихся двух замечательных умственных течений — одного научного, созданного Кеплером и Галилеем, другого философского, обязанного своим возникновением Бэкону и Декарту. Несовременное метафизическое единство, построенное к концу средних веков, было отныне безвозвратно разрушено подобно тому, как греческая онтология уже навсегда разрушила великое теологическое единство, соответствовавшее политеизму. Начиная с этого действительно решительного кризиса, положительная философия выросла в течение двух

веков больше, чем она могла это сделать в продолжение всего своего долгого прошлого, и отныне допускает возможность существования только такого единства, которое вытекало бы из ее собственного всеобщего влияния. И каждая новая область, последовательно приобретаемая ею, никогда более не может возвратиться ни к теологии, ни к метафизике в силу все чаще наблюдающегося окончательного признания этих возрастающих приобретений здравым смыслом каждого. Именно только путем такой систематизации теоретическая мудрость, обобщая и укрепляя, действительно доставит практическому благоразумию достойную и равносильную компенсацию за важные услуги, оказанные ей последним, сообщавшим ее деятельности реальность и силу в течение ее медленного и постепенного зарождения; по правде сказать, положительные понятия, полученные за последние два века, гораздо более ценны, как будущие материалы новой общей философии, чем по их непосредственному и специальному достоинству, так как большая часть из них не приобрела еще своего окончательного характера — ни научного, ни даже логического.

37. Таким образом, совокупность нашей умственной эволюции и, в особенности, великое движение, совершившееся в Западной Европе начиная от Декарта и Бэкона, отныне не допускает другого возможного исхода как создать, наконец, после стольких необходимых предварительных подготовлений, истинно нормальный строй человеческого разума, сообщая положительному мышлению еще недостающие ему полноту и реальность, дабы установить между философским гением и всеобщим здравым смыслом гармонию, которая до сих пор никогда не могла существовать в достаточной мере. А изучая эти два одновременные условия полноты и систематизации, которые реальная наука должна теперь выполнить для того, чтобы возвыситься до достоинства истинной философии, приходится скоро признать, что они окончательно совпадают.

В самом деле, с одной стороны великий первоначальный кризис новейшей положительной философии оставил вне научного движения в собственном смысле слова только моральные и социальные теории, пребывающие поэтому в неразумной изолированности под бесплодным господством теолого-метафизического духа; таким образом, именно в возвышении последних также на положительную стадию должно бы состоять в наше время последнее доказательство истинного философского мышления, последовательное распространение которого на все другие основные явления уже достаточно подготовлено. Но, с другой стороны, это последнее расширение естественной философии само собой стремилось тотчас же систематизировать ее, строя единую как научную, так и

логическую точку зрения, которая могла бы господствовать над совокупностью наших реальных умозрений, всегда необходимо превратимых в человеческий, т.е. социальный взгляд, единственно способный стать активно всеобщим. Такова двойкая философская цель основного, одновременно частного и общего, преобразования, которое я осмелился предпринять в моем большом труде, указанном в начале этого Слова: наиболее выдающиеся современные мыслители считают эту задачу достаточно выполненной, так как уже установлены истинные и непосредственные основания полного умственного обновления, которое было предложено Бэконом и Декартом, но окончательное осуществление которого выпало на долю нашего века.

Часть вторая СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Глава первая ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕВОРОТА

38. Для того, чтобы окончательная систематизация человеческих понятий была теперь надлежащим образом охарактеризована, недостаточно рассмотреть, как мы это только что сделали, ее теоретическое назначение; нужно также оценить здесь ясно, хотя и вкратце, ее необходимую способность указать единственный действительно возможный интеллектуальный выход из бесконечного социального кризиса, развившегося за последние полвека по всей Западной Европе, и, в особенности, во Франции.

I

Бессилие современных школ

39. В продолжение последних пяти веков постепенно совершалось безвозвратное разрушение теологической философии, и в то же время политическая система, идейным основанием которой она являлась, все более и более подвергалась не менее коренному разложению, шедшему равным образом под знаменем метафизического мышления. Существенными и солидарными орудиями этого двойкого отрицательного движения были, с одной стороны, университеты, сначала созданные духовенством, но вскоре выступившие его ярыми противни-

ками, а, с другой, различные корпорации легистов, постепенно проникавшиеся враждой к феодальным властям.

Только по мере того, как распространялся дух критики, ее деятели, не изменяясь по существу, становились более многочисленными и менее высокими по своему уровню: так, в XVIII веке главная революционная деятельность должна была перейти в области философии от ученых в собственном смысле слова к обыкновенным литераторам и затем в политике — от судей к адвокатам. Великий окончателный кризис¹ начался неизбежно, когда общий упадок — сначала случайный, а затем систематический, — упадок, которому, сверх того, различно способствовали все классы нового общества, достиг, наконец, такой степени, когда стала ясной невозможность сохранить старый порядок и резко выступила настоятельная потребность в новом. С момента своего зарождения этот кризис постоянно стремился превращать в широкое органическое движение критическое направление предшествовавших пяти веков, представляясь по преимуществу предназначенным непосредственно произвести социальное преобразование, почва для которого тогда уже вполне была подготовлена предыдущей отрицательной деятельностью. Но это решительное обновление хотя и становилось все более и более настоятельным, должно было оставаться до сих пор в существе своем невозможным ввиду отсутствия философии, действительно способной доставить ему необходимое идейное основание. Даже в то время, когда достаточно продвинувшееся вперед предварительное разложение побуждало отвергнуть обусловившие его чисто отрицательные учения, — роковое заблуждение, неизбежное тогда, приводило, напротив, к тому, что метафизическому мышлению, единственно действовавшему в течение этого долгого подготовительного периода, сама собой предоставлялась общая руководящая роль в преобразовательном движении. Когда вполне решительный опыт навсегда констатировал полную органическую несостоятельность такой философии, то отсутствие всякой другой теории сначала не позволяло удовлетворять уже возобладавшим требованиям порядка другим путем, кроме временного восстановления в некотором роде той самой идейной и социальной системы, непоправимое падение которой обусловило наступление кризиса. Наконец, развитие этого попятного движения должно было затем вызвать памятную манифестацию², которую наши недочеты в области философии сделали столь же необходимой, как и неизбежной, дабы непреложно доказать, что прогресс составляет совершенно так

---

¹Революция 1789 г.

²Революция 1830 г.

же, как и порядок, одно из двух основных условий новейшей цивилизации.

40. Естественное сочетание этих двух неизбежных испытаний, возобновление которых стало теперь столь же невозможным, сколь и бесполезным, привело нас в настоящее время к этому странному положению, когда ни в интересах порядка, ни ради прогресса не может быть предпринято ничего истинно великого, за отсутствием философии, действительно приспособленной к совокупности наших потребностей. Всякая серьезная попытка преобразования скоро останавливается перед опасениями регресса, которые она естественно должна внушать в эпоху, когда идеи порядка по существу своему вытекают еще из старого уклада, ставшего по справедливости ненавистным современным народам; точно так же попытки непосредственно ускорить поступательный ход политики вскоре наталкиваются на непреодолимые препятствия, вследствие порождаемых ими весьма законных тревог о неизбежности анархии, пока идеи прогресса остаются преимущественно отрицательными. Как и до кризиса, видимая борьба ведется, таким образом, между теологическим мышлением, признанным несовместимым с прогрессом, который оно догматически отвергало, и метафизическим мышлением, которое, сумев вызвать всеобщее сомнение в философии, стремилось в политике лишь к установлению беспорядка или к состоянию, равносильному безначалию. Но в виду единодушного осознания их общей неудовлетворительности ни тот, ни другой метод мысли отныне не могут внушать управляющим или управляемым глубокие активные убеждения. Их антагонизм продолжает, однако, взаимно питать их, и ни один из них не способен скорее, чем другой либо совершенно оставить поле битвы, либо одержать решительную победу; ибо состояние нашего мышления делает их еще необходимыми, дабы одновременные условия, с одной стороны, порядка, с другой — прогресса, могли быть хоть как-нибудь соблюдены, пока новая философия не сможет одинаково удовлетворить их, сделав, наконец, равно бесполезными реакционную и критическую школы, из которых каждая имеет теперь главную целью помешать полному возобладанию другой. Тем не менее, тревоги противоположного характера, относящиеся к этим двум противоречивым формам мысли, естественно останутся нерассеянными, пока будет продолжаться это идейное междуцарствие, неизбежное следствие неразумного разлучения двух нераздельных сторон великой социальной проблемы. В самом деле, каждая из этих двух школ, вследствие своего исключительного стремления, не способна даже удовлетворительно сдерживать противоположные заблуждения своего антагониста. Не взирая на свою антианархическую тенденцию, теологическая школа

показала себя в наше время совершенно бессильной помешать росту разрушительных воззрений, которые, развившись, — главным образом, в период ее полного восстановления, часто распространяются ею ради легкомысленных династических расчетов. Точно так же, каков бы ни был антиреакционный инстинкт метафизической школы, она лишена теперь всей той логической силы, которой требовала бы ее простая революционная функция, ибо ее характерная непоследовательность заставляет ее допускать основные принципы той самой системы, истинные условия бытия которой она беспрерывно подрывает.

41. Это печальное колебание между двумя противоположными философиями, ставшими одинаково бесполезными и могущими прекратить свое существование только одновременно, должно породить развитие своего рода посредствующей школы, по существу неподвижной и преимущественно назначенной выдвигать непосредственно социальный вопрос во всей его совокупности, провозглашая, наконец, равно необходимыми два основные условия, отделяющие друг от друга оба господствующие мнения. Но в виду отсутствия философии, способной осуществить это великое сочетание духа порядка с духом прогресса, эта третья школа остается логически еще более бессильной, чем все другие, ибо она возводит в системе непоследовательность, освящая одновременно реакционные принципы и отрицательные правила, дабы привести их к взаимоуничтожению. Прямо препятствуя всякому возобладанию какой-либо системы и далекое от стремления закончить кризис, такое направление могло бы только способствовать его увековечению, если бы оно не ограничивалось временным назначением эмпирически отвечать наиболее серьезным требованиям нашего переходного состояния до решительной победы единственных доктрин, которые могли бы отныне удовлетворять все наши потребности. Но рассматриваемое в таком смысле это предварительное средство стало теперь столь же необходимым, как и неизбежным. Быстрое достижение им практического влияния, молчаливо признанного обеими активными партиями, все более и более обнаруживает одновременно ослабление у теперешних народов прежних убеждений и страстей, как реакционных, так и критических, постепенно заменяемых всеобщим реальным, хотя и неясным, чувством необходимости и даже возможности постоянного соглашения между консервативным и прогрессивным направлениями, одинаково свойственными нормальному состоянию человечества. Соответственное стремление государственных людей по возможности помешать теперь всякому большому политическому движению само собой отвечает, сверх того, основным

требованиям положения, допускающего действительно только временные учреждения, пока истинная общая философия не объединит умы в достаточной степени.

Это инстинктивное сопротивление современных властей способствует помимо их воли облегчению действительного разрешения кризиса, побуждая бесплодную политическую агитацию превращаться в активное философское поступательное движение, дабы последовательно пройти, наконец, путь предначертанный собственной природой окончательной реорганизации, которая должна сначала совершиться в идеях, чтобы распространиться затем на нравы и лишь после этого на учреждения. Такое превращение, стремящееся уже стать преобладающим во Франции, естественно должно будет все более и более развиваться в виду возрастающей необходимости, в которую поставлены теперь наши западные правительства, — поддерживать с большими расходами материальный порядок среди идейного и морального беспорядка. Эта необходимость должна мало-помалу существенно поглощать их повседневные усилия, заставляя их молчаливо отрекаться от всякой серьезной роли в духовной реорганизации, предоставленной таким образом свободной деятельности философов, которые покажут себя достойными руководить ею. Эта естественная тенденция современных властей находится в гармонии с само собой возникающим стремлением народов к кажущемуся политическому индифферентизму, который объясняется коренной несостоятельностью различных ходячих учений и который не ослабнет, пока политические споры, за отсутствием надлежащего стимула, будут вырождаться по прежнему в бесполезные личные столкновения, все более и более печальные. Такова благоприятная практическая сила, которую вся совокупность нашего переходного состояния кратковременно доставляет школе, по существу эмпирической, и эта школа в теоретическом отношении может создать лишь систему, в корне противоречивую, не менее нелепую и опасную в политике, чем нелеп и опасен в философии — эклектизм, вдохновляемый также тщетным намерением согласовать за отсутствием собственных принципов противоположные мнения.

II

Положительное согласование порядка и прогресса

42. В силу все более и более развивающегося осознания равной социальной неудовлетворенности теологического и метафизического направлений, которые до сих пор одни только деятельно оспаривали господство друг у друга, общественный

разум должен быть расположенным скрыто признавать теперь положительное мышление единственно возможным основанием для истинного разрешения глубокой интеллектуальной и моральной анархии, преимущественно характеризующей великий современный кризис. Оставаясь еще чуждой таким вопросам, положительная школа постепенно подготавливалась, приводя в течение революционной борьбы последних трех веков в действительно нормальное состояние все более простые классы наших реальных умозрений. Укрепленная такими логическими и научными опытами, свободная, сверх того, от современных заблуждений, она представляется теперь приобретенной, наконец, недостававшую ей до сих пор полную философскую общность; отныне она дерзает в свою очередь предпринимать еще не начатое разрешение великой проблемы, надлежащим образом применяя новый метод и к конечным исследованиям подобно тому, как она это последовательно сделала относительно различных предварительных изысканий.

43. Прежде всего нельзя не признать само собой возникающей способности этой философии непосредственно построить еще столь тщетно искомое основное согласование одновременно между требованиями порядка и прогресса, ибо для этого ей достаточно распространить на социальные явления тенденцию, которая вполне соответствует ее природе, и которую она теперь сделала крайне обычной во всех других основных случаях. В каком бы то ни было вопросе положительное мышление всегда приводит к установлению точной элементарной гармонии между идеями существования и идеями движения, откуда, в частности относительно живых тел, вытекает постоянное соотношение идей организации с идеями жизни и, затем, при еще большем ограничении этого понятия в применении его к социальному организму — постоянное единство между идеями порядка и идеями прогресса. Для новой философии порядок составляет всегда основное условие прогресса и, обратно, прогресс является необходимой целью порядка подобно тому, как в животной механике равновесие и поступательное движение взаимно необходимы в качестве основы или цели.

44. Рассматриваемое затем специально со стороны порядка положительное мышление в своем социальном расширении обеспечивает этому порядку могущественные и непосредственные гарантии, не только научные, но также логические, которые скоро будут признаны бесконечно превосходящими тщетные притязания реакционной теологии, в течение нескольких веков все более и более вырождающейся в деятельный элемент личных или национальных раздоров и отныне неспособной сдерживать пагубные шатания своих собственных последова-

телей. Поражая современный беспорядок в его основании, необходимо коренящемся в области мысли, положительная философия устанавливает столь глубоко, насколько это возможно, логическую гармонию, преобразовывая сначала методы (еще не касаясь доктрин) посредством одновременно тройкого обновления — природы господствующих вопросов, способа их рассматривания и предварительных условий их обсуждения. В самом деле, с одной стороны, она доказывает, что главные социальные затруднения не являются теперь по существу политическими, но преимущественно моральными, так что их возможное разрешение зависит от воззрений и нравов гораздо более чем от учреждений: это обстоятельство стремится устранить смуту, превращая политическую агитацию в философское движение. С другой стороны, она рассматривает всегда настоящее сосоияние, как необходимый результат всей предшествовавшей эволюции, отводя постоянно, при исследовании современных человеческих событий, преобладающее место рациональной оценке прошлого, что тотчас устраняет чисто исторические тенденции, несовместимые со всякой здоровой исторической концепцией. Наконец, вместо того, чтобы оставлять социальную науку в смутной и бесплодной изолированности, в которую еще ставят ее теология и метафизика, она ее непреложно согласовывает со всеми другими основными науками; последние по отношению к этой конечной области знания составляют последовательный ряд необходимых вводных дисциплин, где наш ум приобретает одновременно привычки и понятия, без которых он не может продуктивно приступить к наиболее возвышенным положительным умозрениям; а это обстоятельство создает уже истинную умственную дисциплину, способную поставить на надлежащую почву столько споров, отныне, как и подобает, недоступных массе слабо одаренных или плохо подготовленных умов.

Эти великие логические гарантии, сверх того, в полной мере подтверждаются и развиваются затем оценкой в собственном смысле слова, которая относительно социальных явлений, как и по отношению ко всем другим, представляет всегда наш искусственный порядок как должествующий, главным образом, заключаться в разумном продолжении, сначала случайном, а потом систематическом, естественного порядка, вытекающего в каждом случае из совокупности реальных законов, действительное действие которых обыкновенно способно видоизменяться, благодаря нашему мудрому вмешательству, в определенных пределах, тем более широких, чем выше стоят явления. Одним словом, элементарное чувство порядка является естественно нераздельным со всеми положительными умозрениями, постоянно направляемыми к открытию средств для объедине-

ния наблюдений, главная ценность которых обусловливается их систематизацией.

45. Точно так же и, пожалуй, еще более очевидно обстоит дело по отношению к прогрессу, который вопреки напрасным онтологическим притязаниям, находит теперь в совокупности научных исследований свое наиболее бесспорное проявление. В силу их абсолютной и, следовательно, по существу неподвижной природы метафизика и теология — обе в равной степени не могли быть способны на действительный *прогресс*, т.е. на непрерывный поступательный ход к одной определенной цели.

Напротив, их исторические превращения состоят преимущественно в возрастающем забвении вопросов, как умственных, так и социальных, без того, чтобы эти вопросы, раз возбужденные, могли сделать какой-либо реальный шаг, уже по причине их совершенной неразрешимости. Легко заметить, что онтологические споры греческих школ по существу дела были в других формах воспроизведены средневековыми схоластами, и что равноценные им явления мы вновь наблюдаем теперь в спорах наших психологов и идеологов, — в течение этих двадцативековых бесплодных словопрений ни одна из спорных доктрин не могла привести решительных доказательств хотя бы только относительно существования внешних тел, еще столь же проблематичного для новейших авторов, как и для их более древних предшественников. Очевидно, что именно непрерывное движение положительных знаний внушило Паскалю два века тому назад выраженное им в своей философской формуле первое рациональное понятие о человеческом прогрессе, понятие, необходимо чуждое всякой древней философии. Распространенная затем на промышленную и даже эстетическую область эволюция, но оставшаяся слишком неясной в области социального движения, эта идея смутно стремится теперь к окончательной систематизации, которую может произвести только обобщенное, наконец, надлежащим образом положительное мышление. В своих повседневных умозрениях оно само собой воспроизводит элементарное активное чувство, представляя всегда расширение и совершенствование наших реальных знаний как существенную цель наших различных теоретических усилий.

Более систематическое рассмотрение показывает, что новая философия непосредственно определяет как необходимое назначение всего нашего существования — одновременно личного и социального — непрерывное улучшение не только нашего состояния, но также и в особенности нашей природы, поскольку это во всех отношениях допускает совокупность внешних или внутренних реальных законов.

Возводя, таким образом, идею прогресса в истинно основной догмат человеческой мудрости, как практической, так и теоретической, положительная философия сообщает ей наиболее благоприятный и в то же время наиболее полный характер, представляя всегда второй вид совершенствования высшим, чем первый. Действительно, так как, с одной стороны, воздействие человечества на внешний мир зависит преимущественно от способностей действующего, то улучшение последних должно составлять наш главный ресурс; и так как, с другой стороны, человеческие личные или коллективные явления наиболее способны видоизменяться, то именно относительно их наше разумное вмешательство естественно возможно в наиболее широких размерах. Догмат прогресса может, таким образом, стать достаточно философским только на основании точной оценки того, что главным образом составляет это непрерывное улучшение нашей природы, улучшение, являющееся главной целью поступательного движения человечества. А в этом отношении совокупность положительной философии вполне доказывает, как это можно видеть в труде, указанном в начале этого «Слова», что совершенствование, как для индивидуума, так и для рода, по существу заключается в доставлении преобладания возвышенным свойствам, наиболее отличающим нашу человечность от простой животности, т.е. с одной стороны уму, с другой, общественности, — способностям, естественно связанным между собою, служащим взаимно друг другу средством и целью.

Хотя само собой совершающееся течение личной или социальной человеческой эволюции развивает всегда общее влияние последних, их комбинированная сила не могла бы, однако, помешать тому, чтобы наша главная деятельность не определялась низшими наклонностями, которые в силу присутствующей нам организации необходимо являются гораздо более энергичными. Таким образом, это идеальное преобладание нашей человечности над нашей животностью, естественно, отвечает основным условиям истинно философского типа, очерчивая определенный предел, к которому все наши усилия должны нас постоянно приближать, будучи, однако, лишены возможности когда-либо его достигнуть.

46. Это двоякое указание основной способности положительного мышления самопроизвольно систематизировать здоровые нераздельные понятия порядка и прогресса достаточно для того, чтобы здесь вкратце охарактеризовать высокое социальное значение, присущее новой общей философии. Ее ценность в этом отношении зависит, главным образом, от ее полной научной реальности, т.е. от точной гармонии, по возможности устанавливаемой ею навсегда, между принципами

и фактами, как касательно социальных, так и относительно других явлений. Полная реорганизация, единственно способная прекратить великий современный кризис в области мысли, где она должна прежде всего свершиться, — действительно состоит в построении социологической теории, которая могла бы надлежащим образом объяснить человеческое прошлое: таков способ рациональной постановки основного вопроса, позволяющий лучше избежать влияния всякой волнующей страсти. А именно таким образом необходимое превосходство положительной школы над различными современными школами может быть оценено более точно. Ибо теология и метафизика в силу их абсолютного характера обе были склонны рассматривать только часть прошлого, когда каждая из них господствовала по преимуществу: то, что этому периоду предшествовало и что за ним последовало, казалось им лишь мрачным замешательством и необъяснимым беспорядком, связь которых с ограниченной частью великого исторического развития могла, по их мнению, вытекать только из чудесного вмешательства. Так, например, католицизм всегда обнаруживал по отношению к древнему политеизму столь же слепо критическую тенденцию, в какой он теперь справедливо упрекает революционное направление в собственном смысле слова, в свою очередь проявляющее ее по отношению к нему самому. Таким образом, истинное объяснение совокупности прошлого, сообразно неизменным законам нашей личной или коллективной природы, является по необходимости невозможным для господствующих еще абсолютных школ; ни одна из них, в самом деле, не сделала достаточно серьезной попытки в этом направлении. Положительная философия, благодаря своему в высшей степени относительному характеру, единственно может надлежащим образом представить все великие исторические эпохи как различные определенные фазисы одной и той же основной эволюции, где каждый фазис вытекает из предшествовавшего и подготавливает следующий за ним в зависимости от неизменных законов, точно определяющих его специальное участие в общей цепи фактов. Эта философия позволяет всегда без упрека в непоследовательности и пристрастии отдавать должную философскую справедливость всем событиям, содействовавшим прогрессу. Хотя это бесспорное преимущество разумного положительного метода должно с первого взгляда казаться чисто умозрительным, тем не менее истинные мыслители не замедлят признать в нем главный необходимый источник активного социального влияния, выпавшего, наконец, на долю новой философии. Ибо теперь можно утверждать, что учение, которое удовлетворительно объясняет совокупность прошлого, неизбежно получит, благодаря только этому доказательству, руководящую роль в направлении мысли будущего.

Глава вторая

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОРАЛИ

47. Указание высших социальных свойств, характеризующих положительное мышление, было бы еще недостаточно законченным, если бы не дополнялось краткой оценкой естественно ему присущей способности систематизировать, наконец, человеческую мораль, что будет составлять всегда главное применение истинной теории о человечестве.

I

Эволюция положительной морали

48. В политическом организме древности мораль, коренным образом подчиненная политике, не могла никогда приобрести ни достоинства, ни всеобщности, соответствующих ее природе. Ее основная независимость и даже ее свойственное ей влияние — постольку, поскольку это было тогда возможно, — выросли, наконец, на почве монотеизма в средние века: эта громадная социальная услуга, оказанная человечеству католицизмом, будет всегда служить основанием его главного права на вечную признательность человеческого рода. Именно, только начиная с момента этого неизбежного обособления, утвержденного и дополненного необходимым разделением двух властей, человеческая мораль, огражденная от временных побуждений, действительно могла принять систематический характер, устанавливая истинно общие правила для всей совокупности нашего личного, домашнего и социального существования. Но глубокие несовершенства монотеистической философии, руководившей тогда этим преобразованием, должны были значительно умалить ее силу и даже серьезно поколебать ее прочность, порождая вскоре роковое столкновение между ростом идей и моральным развитием. Связанная, таким образом, с доктриной, которая не могла оставаться долгое время прогрессивной, мораль должна была затем все более и более страдать от возрастающего недоверия, неизбежно встречавшего теологию, которая, являясь отныне реакционной, становилась, наконец, коренным образом противной новому умственному направлению. Предоставленная с этого момента разрушительному действию метафизики, теоретическая мораль, в самом деле, понесла в течение последних пяти веков в каждой из своих трех существенных частей серьезные потери, и эти потери никогда не могли быть в достаточной степени возмещены на практике справедливостью и нравственностью, естественно присущими человеку, не взирая на беспрерывное счастливое

развитие последних, обусловленное тогда само собой слагавшимся ходом нашей цивилизации. Если бы необходимое влияние положительного мышления не поставило, наконец, предел этим анархическим течениям, они, наверное, наложили бы печать пагубной нерешительности на все более или менее утонченные понятия обычной морали, не только социальной, но также и домашней и даже личной, и оставили бы всюду в силе только правила, которые относятся к более простым случаям и которые общепринятая оценка могла бы подтвердить непосредственно.

49. При таком положении вещей должно казаться странным, что единственная философия, которая могла бы действительно укрепить мораль, напротив, считается в этом отношении совершенно некомпетентной. Таково мнение различных современных школ, начиная от правоверных католиков, до простых деистов, которые, среди своих бесполезных споров, сходятся, главным образом, в том, что ей нужно существенно воспретить доступ к этим основным вопросам, в силу того единственного мотива, будто ее дух, отличаясь по своей природе слишком частным характером, ограничивался до сих пор более простыми предметами. Метафизика, столь часто стремившаяся активно разрушать нравственность, и теология, уже давно потерявшая возможность ее охранять, обе, тем не менее, упорствуют в желании сделать из нее своего рода вечное и исключительно принадлежащее достояние, не считаясь с отношением общественного мнения к этим эмпирическим притязаниям. Правда, должно вообще признать, что всякое моральное правило обязано своим первоначальным введением теологическому духу, которым тогда была глубоко пропитана вся система наших идей и который в то же время был единственно способен создать достаточно общие мнения. Но совокупность прошлого равным образом доказывает, что эта первоначальная общность постоянно убывала — одновременно с уменьшением значения самой теологии; моральные правила, как и все другие, все более и более подвергались чисто рационалистической переоценке, по мере того, как народная масса становилась более способной понимать действительное влияние каждого поступка на личное или социальное существование человека. Отделив раз навсегда мораль от политики, католичество должно было значительно способствовать развитию этой постоянной тенденции, ибо сверхъестественное вмешательство было таким образом непосредственно сведено к созданию общих правил, частное применение которых было отныне в существе дела предоставлено человеческой мудрости. Обращаясь к более передовым народам, оно передало на усмотрение общественного мнения массу специальных вопросов, относительно которых древние мудрецы

полагали, что они могут разрешаться исключительно религиозными предписаниями; так это думают еще и теперь ученые политеисты Индии, например, касательно большинства вопросов практической гигиены.

Поэтому-то уже три века спустя после св. Павла раздавались зловещие предсказания нескольких философов или языческих юристов об угрожающей безнравственности, которую неминуемо повлечет за собой грядущий религиозный переворот. Современные разглагольствования различных монотеистических школ так же мало помешают положительному мышлению закончить теперь при надлежащих условиях практическое и теоретическое завоевание в области морали, — в области, уже и без того все более и более переходившей под контроль человеческого разума, частные приобретения которого нам остается теперь, главным образом, только систематизировать. Человечество, без сомнения, не может быть бесконечно обречено основывать свои правила поведения только на химерических мотивах, чтобы таким образом увековечить временно существовавшее до их пор гибельное противоречие между интеллектуальными и моральными потребностями.

II

Необходимость сделать мораль независимой от теологии и метафизики

50. Не только присутствие теологического элемента не является необходимым для моральных заповедей, но, напротив, опыт доказывает, что у современных народов оно становится для них все более и более вредным, неизбежно заставляя их, благодаря этой пагубной связи, разделять возрастающее разложение монотеистического порядка; это в особенности наблюдается в течение последних трех веков. Прежде всего эта роковая солидарность должна была, по мере того, как угасала вера, непосредственно ослаблять единственное основание, служившее таким образом опорой для этих правил, которые подвергались часто сильным нападениям, нуждались в заботливом охранении их от всякого колебания. Возрастающее отвращение, которое справедливо внушал теологический дух, тяжело отразилось на многих важных понятиях, не только касающихся серьезнейших социальных отношений, но затрагивающих также и обычную домашнюю жизнь, и даже личное существование; слепое и пылкое стремление к освобождению мысли повлекло за собой, сверх того, только то, что временное презрение к этим спасительным правилам иногда превращалось

в своего рода сумасшедший протест против реакционной философии, которая казалась их исключительным источником. Даже у тех, кто сохранял догматическую веру, это губительное влияние давало себя непосредственно чувствовать, ибо авторитет духовенства, потеряв свою политическую независимость, утрачивал также все более и более свое социальное значение, необходимое для его моральной силы. Кроме этого возрастающего бессилия поддерживать моральные заповеди, теологическое мышление, дезорганизованное неизбежным подъемом свободного личного исследования и лишенное своей былой устойчивости, часто также активно вредило им. Порождая, таким образом, разброд мнений, теологическая мысль действительно обусловила или благоприятствовала многим антисоциальным заблуждениям, которые здравый смысл, предоставленный самому себе, обошел бы или отбросил своим свободным усилием. Разрушительные утопии, как направленные против собственности, так даже касающиеся семьи и т.д. и приобретающие теперь популярность, почти никогда не сочинялись и не признавались вполне свободными умами, несмотря на основные недостатки последних, но гораздо скорее исходили от тех, которые стремились к своего рода теологической реставрации, основанной на смутном и бесплодном деизме или равноценном ему протестантизму. Наконец, с третьей общей точки зрения эта старая связь с теологией сделалась губительной для морали также тем, что она препятствовала прочному переустройству последней на чисто человеческих основаниях. Если бы это препятствие заключалось только в непродуманных протестах различных современных теологических или метафизических школ, часто вопивших против мнимой опасности, предоставляемой таким преобразованием, — то сторонники положительной философии могли бы ограничиться опровержением гнусных инсинуаций достаточно убедительным примером их собственной повседневной личной, домашней и социальной жизни. Но это противодействие, к несчастью, коренится гораздо глубже; ибо оно вытекает из неизбежного противоречия, очевидно существующего между этими двумя способами систематизировать мораль. Так как теологические мотивы естественно должны представляться глазам верующего гораздо более сильными, чем всякие другие, они поэтому никогда не могут стать просто вспомогательными для мотивов чисто человеческих; коль скоро они перестают господствовать, они тотчас теряют всякое реальное значение. Не существует, таким образом, никакой прочности преемственной связи между построением морали на положительном знании человечества и ее теологическим состоянием, покоящемся на сверхъестественном велении; рационалистические убеждения могли бла-

гоприятствовать теологическим верованиям, или, скорее, постепенно заменять их собой по мере того, как угасала вера; но обратное сочетание является только противоречивой утопией, где главное было бы подчинено второстепенному.

51. Тщательное исследование истинного состояния современного общества всею совокупностью повседневных фактов непреложно опровергает мнимую невозможность укреплять отныне нравственность без помощи какой-нибудь теологии; ибо эта опасная связь должна была, начиная со средних веков, стать тройне губительной для морали, либо ослабляя или дискредитируя ее идейные основы, либо порождая прямые противодействия, либо, наконец, мешая лучше систематизировать ее. Если вопреки деятельным факторам беспорядка, практическая нравственность реально улучшилась, то этот счастливый результат не может быть приписан теологическому мышлению, превратившемуся тогда, напротив, в опасную разрушительную силу; мы им обязаны по существу возрастающему влиянию положительного мышления, сильного уже в своей стихийно возникающей форме, в виде всеобщего здравого смысла, мудрые внушения которого способствовали естественному стремлению нашей прогрессивной цивилизации целесообразно бороться с различными заблуждениями, преимущественно же с вытекавшими из религиозных шатаний. Когда, например, протестантская теология стремилась коренным образом изменить институт брака формальным освящением развода, общественный разум, значительно обезвредил пагубные последствия этой реформы, почти всегда предписывая признавать на практике прежние нравы, единственно соответствующие истинному характеру новейшей общественности. Неопровержимые опыты, произведенные одновременно в большом масштабе в недрах народных масс, доказали, сверх того, что мнимо исключительная привилегия религиозных верований побуждать на великие жертвы или внушать деятельную преданность может равным образом принадлежать прямо противоположным мнениям и присуща вообще всяким глубоким убеждениям; какова бы ни была их природа. Многочисленные противники теологического режима¹, которые полвека назад с таким героизмом отстояли наше национальную независимость против реакционной коалиции, без сомнения, проявили не менее полную и не менее постоянную самоотверженность, чем суеверные толпы, которые внутри Франции содействовали внешним врагам.

52. Чтобы закончить оценку теперешних притязаний тео-

---

¹Автор имеет ввиду деятелей французской революции конца XVIII века.
(Примечание редактора.)

лого-метафизической философии на сохранение за нею исключительного права систематизировать обычную мораль, достаточно непосредственно рассмотреть опасную и противоречивую доктрину, которую неизбежный прогресс освобождения мысли из-под опеки такой философии заставил последнюю установить по этому предмету, освящая всюду под более или менее прозрачными формами своего рода коллективное лицемерие. Это лицемерие аналогично тому, которое, кстати, совершенно неосновательно предполагается якобы обычно существовавшим у древних, хотя у них оно всегда могло рассчитывать лишь на случайный и временный успех. Не будучи в состоянии мешать свободному развитию современных идей у людей просвещенных, эта философия предполагает таким образом добиться от них ради общественной пользы внешнего уважения к древним верованиям, дабы поддерживать среди народа авторитет, который она считает необходимым. Эта систематическая мировая сделка отнюдь не является произведением исключительно иезуитов, хотя и составляет существенную основу их тактики; протестантский дух на свой лад также дал ей еще более глубокое, более широкое и в особенности более догматическое освещение: метафизики в собственном смысле допускают его совершенно так же, как сами теологи; величайший из них (Кант), хотя его высокая нравственность была поистине достойна его возвышенного ума, дошел до того, что по существу санкционировал этот компромисс, устанавливая, с одной стороны, что всякие какие бы то ни было теологические воззрения не доступны никакому действительному доказательству, и с другой, — что социальная необходимость обязывает бесконечно поддерживать их господство. Не взирая на то, что эта доктрина могли пользоваться уважением в глазах тех, у кого этот вопрос не был связан с интересами личного честолюбия, она, тем не менее, стремится испортить в корне все источники человеческой нравственности, неизбежно оскверняя их непрерывной ложью и даже презрением высших к низшим. Пока те, кто должны были участвовать в этом систематическом притворстве, были малочисленны, практическое осуществление его было возможно, хотя носило чрезвычайно случайный характер; но оно стало еще более бессмысленным и более отвратительным, когда просвещение распространилось настолько, что этот своего рода благочестивый заговор должен был охватить, как это имело бы место теперь, большинство мыслящих умов. Наконец, даже если предположить возможным такое фантастическое расширение заговора, эта ложная система совершенно не устраняет затруднения относительно самих участников последнего, собственная нравственность которых оказывается таким образом предоставленной их личному ус-

мотрению, уже справедливо, признанному недостаточным для подчиненного класса. Если же нужно также допустить необходимость истинно систематизированной морали для этих освобожденных умов, то она отныне сможет покоиться только на положительных основаниях, которые таким образом в конце концов будут признаны безусловно необходимыми. Что касается приурочивания последних исключительно к просвещенному классу, то помимо того, что такое ограничение не могло бы изменить природу этого великого философского построения, оно было бы, очевидно, призрачным в эпоху, когда умственное развитие, предполагаемое этим легким освобождением, уже стало чрезвычайно общим или вернее почти всеобщим, по крайней мере во Франции. Таким образом, эмпирическая уловка, подсказанная тщетным стремлением поддерживать во что бы то ни стало старый порядок идей, может в конечном итоге привести только к тому, что большинство деятельных умов останется на неопределенное время лишенным всякой моральной доктрины, как это очень часто наблюдается теперь.

III

Необходимость духовного господства положительной философии

53. Итак, именно во имя нравственности нужно отныне горячо работать для доставления, наконец, всеобщего преобладания положительному мышлению, дабы заменить устаревшую систему, которая — то бессильная, то возмущающая — требует все большего и большего подавления мысли для поддержания неизменного морального порядка. Новая философия единственно может установить теперь относительно наших различных потребностей глубокие и деятельные убеждения, действительно способные сдерживать натиск страстей. Согласно ее воззрениям на человечество, неопровержимые доказательства, опирающиеся на огромный опыт, которым обладает теперь наш род, точно определяют прямое или косвенное, частное или общественное действительное влияние, свойственное каждому поступку, каждой причине и каждой склонности или чувству; отсюда естественно будут вытекать, как неизбежные следствия, правила поведения, как общие, так и специальные, и эти правила будут наиболее соответствовать всеобщему порядку и, следовательно, необходимо окажутся наиболее благоприятными для личного счастья. Не взирая на крайнюю трудность этого великого предмета, я осмеливаюсь утверждать, что, рассматривая его надлежащим образом, можно

прийти в этой области к заключениям столь же достоверным, как выводы геометрии. Нельзя, конечно, надеяться сделать когда-нибудь доступными всем умам эти положительные доказательства многих нравственных правил, предназначенных, однако, для обыденной жизни, но так уже обстоит дело относительно различных математических предписаний; последние, тем не менее, применяются без колебания в наиболее трудных случаях, когда, например, наши моряки ежедневно рискуют своей жизнью, доверяясь астрономическим теориям, которых они совершенно не понимают; почему с подобным доверием нельзя было бы относиться также и к более важным понятиям? Не подлежит, сверх того, сомнению, что нормальное существование такого порядка требует в каждом случае, помимо могучего побуждения, естественно вытекающего из общественных предрассудков, — также систематического вмешательства то пассивной, то активной духовной власти, назначенной энергично напоминать основные правила и мудро руководить их применением...

Выполняя, таким образом, великую социальную функцию, которую католицизм уже не занимается более, эта новая моральная власть тщательно использует счастливую способность положительной философии стихийно впитывать в себя мудрость любого предшествовавшего строя мысли, согласно обычной тенденции положительного мышления по отношению ко всякому предмету. Когда новейшая астрономия безвозвратно изгнала астрологические принципы, она не менее заботливо сохранила все истинные понятия, полученные при их господстве; точно то же происходило в химии по отношению к алхимии.

Глава третья **РОСТ СОЦИАЛЬНОГО ЧУВСТВА**

54. Не имея возможности заняться здесь моральной оценкой положительной философии, я должен, однако, отметить неизменную тенденцию, непосредственно вытекающую из ее собственного построения, как научного, так и логического, возбуждать и укреплять чувство обязанности, выдвигая всегда идею целого, с которой такое чувство естественно связано. Этот новый образ мышления сам собою устраняет то роковое противоречие между интеллектуальными и нравственными потребностями, которое, начиная с конца средних веков, дает себя все более и более чувствовать. Отныне, напротив, все реальные умозрения, надлежащим образом систематизированные, будут непрерывно содействовать тому, чтобы, поскольку

это возможно, доставить всеобщее преобладание морали, так как социальная точка зрения необходимо станет научной связью и логическим регулятором всех других положительных взглядов. Невозможно предположить, чтобы такое согласование, легко и просто развивая идеи порядка и гармонии всегда применительно к человечеству, не стремилось коренным образом оздоровить нравы не только людей избранных, но также и широких масс, которые должны будут благодаря надлежащей системе всеобщего образования более или менее участвовать в этом великом перерождении.

I

Старый моральный строй является личным

55. Более глубокое и более обширное рассмотрение, одновременно практическое и теоретическое, рисует нам положительное мышление единственно способным по своей природе непосредственно развивать социальное чувство, являющееся первым необходимым основанием всякой здоровой морали. Старый строй идей мог побуждать к нравственности только с помощью тяжелых косвенных средств, реальный успех которых должен был быть (ввиду по существу личной тенденции этой философии) весьма несовершенным, когда мудрость духовенства не сдерживала ее стихийного влияния. Эта необходимость теперь признана, по крайней мере, эмпирически, касательно метафизического мышления в собственном смысле слова, которое в области морали никогда не могло привести ни к какой другой действительной теории, кроме гибельной системы эгоизма, столь обычной теперь вопреки множеству противоположных разглагольствований; даже онтологические секты, которые серьезно протестовали против подобного заблуждения, в конце концов заменили его смутными или несвязными понятиями, неспособными иметь какое-либо практическое значение.

Столь печальная и, однако, столь постоянная тенденция должна корениться гораздо глубже, чем это обыкновенно предполагают. Она в самом деле обусловлена неизбежно личным характером этой философии, которая, ограничиваясь всегда рассматриванием индивида, никогда не могла реально охватить изучение рода, в силу неминуемого следствия, вытекающего из ее неосновательного логического принципа, который по существу сводится к вдохновению в собственном смысле слова, очевидно исключаяющему возможность всякого коллективного применения. Ее обычные формулы являются только наивным выражением ее основного духа; для каждого из ее последо-

вателей господствующей мыслью неизменно является мысль о собственном «Я»: всякие другие существования, даже человеческие, неясно выражаются одной отрицательной концепцией, и их непосредственное целое составляет «Не-Я»... Но, исследуя этот предмет еще глубже, приходится признать, что в этом, как и в другом отношении, метафизика и догматически и исторически оказывается в преемственной связи с самой теологией, лишь разрушительное видоизменение которой она всегда могла составлять. В самом деле, эта черта неизменного эгоизма преимущественно принадлежит в более сильной степени теологической мысли, всегда занятой у каждого верующего по существу личными интересами, огромное преобладание которых неизбежно поглощает всякое другое соображение, и даже наивысшая преданность не могла бы здесь внушать истинное самоотвержение, справедливо рассматриваемое тогда как опасное заблуждение.

Только частое противоречие этих вымышленных интересов с реальными интересами доставило благоразумному духовенству могучее средство моральной дисциплины, которое нередко могло бы побуждать во имя общественного блага на удивительные жертвы; однако, последние только казались таковыми, но сводились всегда к благоразумному уравниванию интересов. Доброжелательные и бескорыстные чувства, свойственные человеческой природе, должны были, без сомнения, проявляться и при этом строе и даже, в некоторых отношениях, в силу его косвенного влияния, но хотя их порывы не могли быть, таким образом, заглушены, их характер должен был все-таки подвергаться сильному искажению, которое, вероятно, не позволяет нам еще, за отсутствием чистого и прямого их выражения, познать со всей полнотой их природу и их напряженность. Позволительно, сверх того, предположить, что эта постоянная привычка к личным расчетам в области наиболее дорогих интересов верующего развивала у человека путем постепенной аналогии даже и во всяком другом отношении излишнюю осторожность, предусмотрительность и, в конечном итоге, преувеличенный эгоизм, который совершенно не обуславливался его основной организацией, и который поэтому сможет уменьшиться при лучшем моральном порядке. Какова бы ни была достоверность этого предположения, остается, тем не менее, бесспорным, что теологическая мысль по своей природе по существу индивидуальна и никогда не бывает непосредственно коллективной. Для веры — и, в особенности, монотеистической — социальная жизнь не существует, ибо вера не видит той цели, к которой последняя беспрестанно стремится; человеческое общество с этой точки зрения непосредственно представляет только скопление инди-

видов, соединение которых почти так же случайно, как и скоропреходяще, из которых каждый озабочен своим личным спасением, и которые рассматривают участие в спасении другого как могущественное средство лучше заслужить собственное спасение, подчиняясь предписаниям, свыше налагающим на них эту обязанность. Мы всегда, конечно, будем выражать почтительное удивление благоразумию духовенства, которое при благоприятном давлении общественного инстинкта сумело долгое время извлекать весьма важную практическую пользу из столь несовершенной философии. Но это справедливое признание не может идти до согласия искусственно удлинять этот первоначальный порядок за пределы его предварительного назначения, когда наступило, наконец, время для системы, более соответствующей всей совокупности нашей интеллектуальной и чувственной природы.

II

Положительное мышление является непосредственно социальным

56. Положительное мышление, напротив, постольку, поскольку это возможно, является прямо общественным и достигает этого без всякого усилия, благодаря одной только характеризующей его реальности. Для него человек в собственном смысле слова не существует, существовать может только человечество, так как всем нашим развитием, в каком бы отношении его ни рассматривать, мы обязаны обществу. Если идея общества кажется еще абстракцией нашего ума, то это преимущественно в силу старого философского мировоззрения; ибо, по правде сказать, именно идея индивида отличается — по крайней мере, у нашего рода — таким характером. Новая философия во всей ее совокупности будет стремиться обнаруживать, как в действительной, так и в умозрачной жизни, связь каждого со всеми, проявляющуюся в массе различных видов — дабы сделать невольно обычным чувство тесной социальной солидарности, надлежащим образом распространенной на все времена и на все места. Не только деятельное искание общественного блага будет беспрестанно представлять способ, наиболее пригодный и обычный для обеспечения частного благополучия, но благодаря влиянию — одновременно более непосредственному и более чистому, а впоследствии более сильному — возможно более полное проявление великодушных наклонностей станет главным источником личного счастья, даже когда награда будет исключительно заключаться в неизбежном внутреннем удовлетворении. Ибо если не под-

лежит сомнению, что счастье вытекает преимущественно из разумной деятельности, то оно должно зависеть от инстинктов сочувствия, хотя наша организация обыкновенно не сообщает им преобладающей энергии; ибо доброжелательные чувства суть единственные, которые могли бы свободно развиваться в общезжитии; последнее естественно все более и более возбуждает их, открывая им бесконечное поле, между тем как оно по всей необходимости требует известного постоянного подавления различных личных побуждений, стихийный рост которых порождал бы непрерывные конфликты. В этом широко захватывающем социальном единстве каждый найдет нормальное удовлетворение того стремления быть увековеченным, которое прежде могло удовлетворяться только посредством иллюзий, отныне несовместимых с нашим умственным развитием. Не имея возможности продлить свое существование иначе, как посредством рода, индивид будет таким образом стараться по возможности полнее слиться с ним, прочно связывая себя со всеми его коллективным существованием — не только настоящим, но также прошлым и, в особенности, будущим, дабы придать своей жизни ту яркость, которую в каждом случае позволяет совокупность реальных законов. Это великое отождествление может стать тем более тесным и будет тем лучше понято, что новая философия необходимо определяет этим двум видам жизни одно и то же основное назначение и один и тот же закон эволюции, заключающейся всегда, как для индивида, так и для рода, в непрерывном поступательном движении, главная цель которого была указана выше; это — стремление доставить, с одной и с другой стороны, преобладание человечности, или сочетание ума с общественностью, над животностью в собственном смысле слова. Поскольку все наши чувства способны развиваться только посредством прямого и непрерывного их упражнения, тем более необходимого, что вначале они отличаются менее энергичным действием, то всякому обладающему даже эмпирически истинным знанием человека было бы излишне далее доказывать необходимое превосходство положительного мышления над старым теолого-метафизическим направлением в области здравого и деятельного подъема социального инстинкта. Это превосходство столь заметно, что общественный разум, без сомнения, в достаточной степени признает его задолго до того момента, когда соответственные учреждения смогут надлежащим образом провести в жизнь его счастливые свойства.

Часть третья
УСЛОВИЯ ТОРЖЕСТВА ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ.
СОЮЗ ПРОЛЕТАРИЕВ И ФИЛОСОФОВ

Глава первая

ВВЕДЕНИЕ ВЫСШЕГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

1. Соотношение между распространением положительных понятий и настроениями современной среды

57. Совокупность предыдущих указаний, само собой возникающее превосходство новой философии над каждой из школ, оспаривающих в наши дни господство друг у друга, является теперь в такой же мере выяснением с социальной точки зрения, насколько оно уже было охарактеризовано со стороны интеллектуальной; — по крайней мере, постольку, поскольку это позволяют размеры настоящего «Слова», и насколько это возможно без необходимой помощи указанного сочинения. Заканчивая эту краткую оценку, важно отметить благоприятное соотношение, естественно устанавливающееся между этим философским методом и разумными, но эмпирическими настроениями, которые благодаря современному опыту становятся отныне все более и более преобладающими как у управляемых так и у управляющих. Заменяя непосредственно бесплодную политическую агитацию широким умственным движением, положительная школа, в результате систематического исследования, объясняет и обосновывает безразличие или отвращение, которые общественный разум и благоразумие правительств согласно проявляют по отношению ко всякому серьезному и непосредственному социальному строительству теперь, в эпоху, когда могут существовать учреждения только чисто предварительного или переходного характера; ибо покуда будет продолжаться идейная анархия, эти меры будут лишены сколько-нибудь достаточного разумного основания.

Призванная прекратить, наконец, основной беспорядок единственными средствами, которые только и могут взять верх над ним, новая школа нуждается прежде всего в непрерывном поддержании материального порядка, как внутреннего, так и внешнего, без чего никакое серьезное социальное размышление не может быть ни надлежаше встречено, ни даже удовлетворительно выработано. Она стремится, таким образом, дать оправдание и оказать содействие вполне правильной заботе, внушаемой теперь всюду идеей достижения единственного великого политического результата, который оказался бы

непосредственно совместимым с современным положением. Это положение, сверх того, делает его особенно ценным вследствие тяжелых затруднений, которые оно создает на его пути, выдвигая в конце неразрешимую проблему — поддерживать некоторый политический порядок среди глубокого морального беспорядка. Помимо своих будущих трудов, положительная школа непосредственно приобщается к этому великому делу в силу своей прямой тенденции коренным образом дискредитировать различные современные школы; она уже лучше, чем каждая из них, выполняет оставшиеся еще у них противоположные функции; в ней одной эти последние сами собой совмещаются так, что она сразу же показывает себя более органической, чем теологическая школа, и более прогрессивной, чем метафизическая, никогда не угрожая опасностью реакции или анархии, свойственных соответственно каждой из этих двух школ. С тех пор, как правительства по существу отказались, хотя и не явно, от всякого серьезного возвращения к прошлому, а народы от всякого резкого потрясения учреждений, — новой философии остается только просить у той и другой стороны, — всюду по существу благоприятно подготовленных (по крайней мере, во Франции, где должна, главным образом, совершиться сначала систематическая обработка) лишь обычного отношения, т.е. свободы и внимания. При этих естественных условиях положительная школа стремится, с одной стороны, укреплять все современные прерогативы власти за их обладателями и, с другой, налагать на последних моральные обязанности, все более и более соответствующие истинным потребностям народов.

58. При указанном бесспорно заслуженном новой школой отношении властей и народов с первого взгляда получается такое впечатление, что единственными существенными препятствиями торжеству положительной школы отныне должны явиться только те, которые будут обусловлены неспособностью или нерадением ее проповедников. Но более зрелая оценка показывает, что, напротив, новая философия должна встречать энергичное сопротивление со стороны почти всех в настоящее время деятельных умов уже вследствие трудности того обновления, с которым было бы сопряжено их непосредственное приобщение к ее главной работе. Если бы это неизбежное противодействие должно было исходить исключительно от теологически или метафизически настроенных умов, оно представляло бы незначительную реальную опасность, ибо осталась бы могущественная поддержка тех, кто преимущественно занимаются изучением положительных наук, а их число и влияние с каждым днем увеличивается. Но в силу легко объяснимого рокового обстоятельства, именно со сто-

роны этих последних новая школа должна, может быть, ожидать наименьшей поддержки и наибольших затруднений: философия, непосредственно вытекающая из наук, встретит, вероятно, наиболее опасных своих врагов в лице ученых, разрабатывающих теперь эти науки. Главный источник этого печального недоразумения заключается в слепой узкой специализации, которой резкой отличается современное научное мышление, носящее по необходимости частный характер в виду возрастающей сложности изучаемых явлений... Это предварительное движение, которое опасная академическая рутина старается теперь увековечить преимущественно среди геометров, прививает каждому уму истинно положительный метод мышления только в крайне узкой области идей и оставляет все остальное в теолого-метафизическом тумане или отдает во власть еще более стеснительному эмпиризму. Отсюда истинно положительное мышление, соответствующее совокупности различных научных трудов, оказывается по существу непонятым в полной мере ни одним из тех, которые таким образом естественно подготовили его. Все более и более проникаясь этой неизбежной тенденцией, ученые, в собственном смысле слова, обыкновенно доходят в наш век до непреодолимого отращения ко всякой общей идее и до полной неспособности верно оценить какую-либо философскую концепцию. Опасность этого противодействия легче, впрочем, будет понять, приняв во внимание, что, порожденное умственными привычками, оно должно было затем затронуть различные соответственные интересы, которые организация у нас научной деятельности глубоко связывает, преимущественно во Франции, с этой пагубной специализацией... Таким образом новая философия, непосредственно требующая цельного направления и способствующая рождающейся науке о социальном развитии, претендующая стать выше всех сложившихся теперь дисциплин, — необходимо встретит глубокую неприязнь, одновременно активную и пассивную, в предрассудках и страстях единственного класса, который мог бы прямо доставить ей умозрительную точку опоры и среди которого она долгое может надеяться только на отдельных приверженцев, быть может, более редких, чем среди всех других классов...

2. Необходимая всеобщность этого образования

59. Чтобы надлежащим образом преодолеть это стихийное объединение различных сопротивлений, оказываемых ей массой мыслящих людей (понимая это слово в собственном смысле), положительная школа может прибегнуть к единствен-

ному общему средству — к прямому и настойчивому обращению к всеобщему здоровому смыслу, стараясь отныне систематически распространять среди активных слоев населения главные научные труды, способные создать необходимое основание ее великого философского построения. Эти предварительные исследования, в которых до сих пор естественно преобладал эмпирический дух специализации, направлявший соответственные науки, — рассматривается и изучается как если бы каждое из них должно было по преимуществу подготовить к той или иной исключительной профессии; это обстоятельство очевидно лишает возможности даже тех, которые обладали бы наибольшим досугом, когда либо обнять многие знания или, по меньшей мере, столько их, сколько потребовалось бы для дальнейшей выработки здоровых общих концепций. Но так больше не может продолжаться теперь, когда образование имеет своим прямым назначением всеобщее воспитание, необходимо изменяющее, вопреки всякой противной тенденции, его характер и направление. В самом деле, средний человек, который не хочет стать ни геометром, ни астрономом, ни химиком и т.д., постоянно испытывает одновременную потребность во всех главных науках, сведенных к их основным понятиям; ему нужна, по замечательному выражению нашего великого Мольера, ясность во всем. Эта необходимая одновременность перестает для него существовать только тогда, когда он рассматривает эти знания в их отвлеченном и общем назначении как единственное рациональное основание совокупности человеческих концепций; он ее вновь встречает, хотя не столь непосредственно, даже по отношению к различным применениям, из которых каждое, вместо того чтобы относиться исключительно к данной отрасли естественной философии, по существу более или менее зависит от всех прочих. Таким образом, всеобщее распространение главных приобретений положительного знания назначено теперь не только для удовлетворения потребности уже весьма резко выраженной у широких кругов общества, которое все более и более сознает, что науки вовсе не созданы исключительно для ученых, а существуют преимущественно и, главным образом, для него самого. В силу счастливого, само собой возникающего взаимодействия, такое назначение, когда оно будет надлежаще развито, должно будет коренным образом улучшить современное научное мышление, избавляя его от свойственной ему слепой и узкой специализации и давая ему тем самым возможность мало-помалу приобретать необходимый для его главной миссии истинно философский характер. Этот путь является единственным, благодаря которому можно было бы в наше время, минуя класс специалистов ученых, из

массы рассудительных людей постепенно создать обширный, естественно складывающийся трибунал, решения которого были бы столь же беспристрастны, как и неопровержимы, и перед которым навсегда исчезнут многие ложные научные воззрения; последние по необходимости примешались в течение двух последних веков к истинно положительным доктринам в период их предварительной обработки и, сверх того, неизбежно будут их искажать, покуда эти споры не предстанут, наконец, непосредственно перед судом всеобщего здравого смысла. В эпоху, когда нужно ожидать прямой успешности только от чисто временных мер, хорошо приспособленных для нашего переходного положения, необходимое создание такой общей точки опоры для всей совокупности философских трудов становится, на мой взгляд, главным социальным результатом, которого можно было бы теперь достигнуть широким и полным распространением в массах реальных знаний; общество таким образом, окажет новой школе услугу вполне равноценную той, которую оно само от нее получит.

60. Этот великий результат не мог бы быть достигнут в полной мере, если бы это непрерывное обучение оставалось предназначенным для одного какого-либо, даже чрезвычайно обширного класса; во избежание неудачи нужно всегда иметь в виду всю совокупность умов. В нормальном состоянии, которое должно подготовить это движение, все без исключения и различия будут всегда испытывать одну и ту же основную потребность в этой первоначальной философии, вытекающей из совокупности реальных понятий и долженствующей тогда стать систематическим основанием человеческой мудрости, как практической, так и умозрительной, и выполнять более совершенным образом необходимую социальную функцию, некогда принадлежавшую всеобщему христианскому образованию. Весьма важно, таким образом, чтобы новая философская школа с самого момента своего зарождения по возможности развивала эту великую элементарную черту социальной всеобщности, которая, относясь в конечном счете к ее главному назначению, составит теперь ее наибольшую силу в борьбе с различными препятствиями, какие она должна встретить.

3. По существу народное назначение этого образования

61. Дабы лучше подчеркнуть эту необходимую тенденцию, внутреннее убеждение — сначала инстинктивное, затем систематическое — меня издавна побуждало всегда изображать систему образования... как предназначенную преимущественно для наиболее многочисленного класса, который при существо-

юшем положении вещей остается лишенным всякого правильного обучения. Ибо чисто теологическое воспитание, все более и более изгоняемое и только временно замененное, единственно для интеллигентных людей, некоторым метафизическим и словесным образованием, не могло получить, в особенности во Франции, никакой равноценной замены для народной массы.

Важность и новизна этого постоянного стремления, мое горячее желание, чтобы оно было надлежащим образом оценено и даже, осмелюсь это сказать, вызвало бы подражание, обязывают меня указать здесь главные мотивы того духовного взаимодействия, которое должно таким образом специально установиться теперь между пролетариями и новой философской школой, но с тем, чтобы распространяемое последней образование не должно было обойти какой-либо класс. Какие бы препятствия этому сближению ни создавали с одной и с другой стороны отсутствие рвения или возвышенности чувств, легко, тем не менее, признать вообще, что из всех частей современного общества — народ, в собственном смысле слова, в силу стремлений и потребностей, обусловленных его особым положением, должен быть по существу лучше расположенным сочувственно принимать новую философию, которая, в конце концов, должна найти здесь свою главную идейную и социальную опору.

62. Первое соображение, которое важно углубить, хотя оно преимущественно отрицательного характера, вытекает в данном случае из тщательной оценки того, что с первого взгляда могло бы казаться обстоятельством, представляющим собой серьезное затруднение, т.е. из оценки отсутствия в настоящее время всякого умозрительного развития. Без сомнения, достойно сожаления, например, что популярное преподавание астрономической философии не находит еще у всех тех, для кого оно преимущественно назначено, известных предварительных математических знаний, которые сделали бы его одновременно более плодотворным и более доступным, и которые теперь по необходимости приходится предполагать. Но этот самый пробел встретился бы также у большинства других современных классов в ту эпоху, когда положительное образование остается ограниченным (во Франции некоторыми специальными профессиями, главным образом связанными с политехнической или медицинскими школами). Здесь, таким образом, нет ничего такого, что было бы действительно характерной особенностью наших пролетариев, что же касается обычного отсутствия у них той формы правильного развития, в которой его получают теперь просвещенные классы, то я не боюсь впасть в философское преувеличение, утверждая, что вместо действительного

затруднения отсюда вытекает значительное преимущество для народных умов. Не возвращаясь здесь к критике, к несчастью чрезвычайно легкой, давно уже в достаточной степени выполненной и все более и более подтверждаемой повседневными опытами в глазах большинства рассудительных людей, было бы трудно придумать теперь более неразумную подготовку и по существу более опасную для обычного применения к реальной жизни, как активной, так даже и умозрительной, чем та, которая вытекает из этого бесполезного образования, состоящего сначала из слов затем из сущностей, — образования, на которое тратится еще столько драгоценных годов нашей молодости. Большой части лиц, получающих такое образование, оно внушает в течение всей их жизни только почти непреодолимое отвращение ко всякому умственному труду; но эти опасности становятся еще более серьезными для тех, кто на нем специализируется. Неспособность к действительной жизни, презрение к простонародным профессиям, бессилие надлежащим образом оценить какое-либо понятие положительной философии и вытекающая отсюда вскоре антипатия очень часто располагают их теперь способствовать бесплодной метафизической агитации, которую беспокойные личные притязания, развитые этим пагубным воспитанием, скоро сделают опасной для политического порядка. Эта агитация, сверх того, ведется под непосредственным влиянием извращенной исторической эрудиции, выдвигающей на первый план ложное понятие о социальном типе, свойственном древности, и тем самым обыкновенно препятствующей правильному пониманию новейшей общественности. Если принять во внимание, что почти все те, которые в той или иной области руководят теперь общественными делами, были подготовлены именно таким образом, то не приходится удивляться ни позорному невежеству, которое они слишком часто обнаруживают по поводу малейших даже материальных предметов, ни их частой склонности пренебрегать содержанием ради формы, ставя выше всего искусство красиво говорить, как бы противоречивым или губительным ни становилось применение этого красноречия, ни, наконец, специальной тенденции наших ученых жадно поглощать все заблуждения, рождающиеся ежедневно среди нашей умственной анархии. Такая оценка располагает, напротив, поражаться тому, что эти различные бедствия не принимают обыкновенно более широких размеров; она приводит к глубокому восхищению природной справедливостью и природной мудростью человека, которые, под влиянием счастливого побуждения, свойственного совокупности нашей цивилизации, по большей части сами собой умеряют эти вредные последствия нелепой системы общего воспитания.

Так как эта система была, начиная с конца средних веков, и как она является еще и теперь, главной социальной точкой опоры метафизического духа — сначала в борьбе с теологией, затем также в выступлениях против науки, — то, легко понять, что классы, которые она не смогла охватить, в силу этого самого должны быть гораздо меньше заражены этой переходной философией и поэтому лучше подготовлены к положительному мышлению. Таково важное преимущество, которое отсутствие схоластического воспитания доставляет нашим пролетариям, и которое делает их, как это показывает повседневный опыт, по существу менее восприимчивыми к различным вносящим смуту софизмам, чем большинство образованных людей, не взирая на то, что их социальные страсти систематически возбуждаются.

Некогда они должны были быть глубоко поработаны теологией и в особенности католической; но во время их умственного освобождения метафизика могла только слегка задеть их, ибо она не встретила необходимой для ее упрочения специальной культуры; только положительная философия смогла снова захватить их всецело и глубоко. Предварительные условия, столь горячо рекомендованные родоначальниками этой окончательной философии, должны таким образом здесь оказаться выполненными лучше, чем где бы то ни было: если бы знаменитая формула *tabula rasa* (*table rase*)¹ Бэкона и Декарта была когда-либо вполне осуществима, то это наверное было бы среди современных пролетариев, которые, главным образом во Франции, гораздо более, чем всякий другой класс приближаются к идеальному типу, подготовленному к рациональному положительному методу.

63. Исследуя глубже и тщательнее это естественное тяготение народных умов к здоровой философии, легко признать, что оно должно всегда вытекать из основной солидарности, которая... непосредственно связывает истинный философский дух с его главным необходимым источником — всеобщим здравым смыслом. В самом деле, не только этот здравый смысл, столь справедливо превознесенный Декартом и Бэконом, должен теперь оказаться более чистым и более энергичным у низших классов уже в силу счастливого отсутствия схоластической культуры, делающего их менее доступными смутным или софистическим привычкам; к этому временному различию, которое лучшее воспитание просвещенных классов

---

¹*Tabula rasa* (лат.) — стертая доска (на которой ничего не написано). Изречение, употребляемое в переносном смысле для обозначения пустого места, на котором можно писать что угодно (в т ч восприимчивого ко всему человека) (*Примечание редактора.*)

постепенно рассеет, нужно добавить также другое, по необходимости постоянное, относящееся к умственному влиянию различных социальных функций, свойственных обеим категориям умов, соответственно характеру их обычных трудов. С тех пор, как реальное воздействие человечества на внешний мир само собой начало организовываться у современных народов, оно требует непрерывного сочетания двух особых классов, чрезвычайно неравных по численности, но одинаково необходимых: с одной стороны, всегда малочисленные, предприниматели, в собственном смысле слова, которые, владея различными соответствующими материалами, включая сюда деньги и кредит, руководят совокупностью каждой операции, принимая на себя поэтому главную ответственность за какие то ни было результаты; с другой стороны — непосредственные производители, которые, живя периодической заработной платой и образуя громадное большинство трудящихся, исполняют со своего рода отвлеченною целью каждый из простейших актов, не заботясь особенно об их конечной цели. Эти последние единственно находятся в непосредственном общении с природой, между тем как первые имеют преимущественно дело с обществом. В силу необходимого следствия, вытекающего из этих основных различий, умозаключительная сила, которую мы признали присущей промышленной жизни для самопроизвольного развития положительного мышления, должна обыкновенно себя лучше чувствовать среди производителей, чем среди предпринимателей: ибо собственные труды первых более просты по своему характеру, преследуют более ясную цель, имеют более близкие результаты и вызываются более повелительными условиями. Таким образом, положительная школа сумеет надлежащим образом проникнуть в эту обширную социальную среду; она должна будет, естественно, находить здесь более легкий доступ для всеобщего образования и более горячее сочувствие своему философскому обновлению. Она должна будет в то же время встретить здесь не менее драгоценные, чем эта умственная гармония, сходные моральные черты, в виду общей материальной беззаботности, сама собою сближающей наших пролетариев с истинным классом философов, по крайней мере тогда, когда последний усвоит, наконец, нравы, соответствующие его социальному назначению. Это счастливое положение вещей, столь же благоприятное для всеобщего порядка, как для истинного личного счастья, приобретает тогда более нормальное значение, вследствие систематизации общих отношений, долженствующих существовать между этими двумя крайними элементами положительного общества. Но, начиная с настоящего момента, новая философия может существенно облегчить этот рождающийся союз,

заполняя незначительный досуг, который повседневные занятия оставляют нашим пролетариям для их умозрительного образования. Если, в некоторых исключительных случаях чрезмерного обременения трудом, это непрерывное препятствие должно в самом деле казаться способным помешать умственному развитию, то оно обыкновенно компенсируется характером той мудрой непредусмотрительности, которая в каждом естественном перерыве обязательных работ дает разуму полную возможность располагать собой. Недостаток в истинном досуге должен обыкновенно ощущаться только в высшем классе, который, казалось бы наиболее им наделен; ибо уже по причине своего богатства и своего общественного положения, он занят преимущественно тревожными делами, почти никогда не допускающими истинного интеллектуального и морального спокойствия. Это состояние, напротив, должно быть легким как для мыслителей, так и для производителей в виду их общего само собой получающегося освобождения от забот, относящихся к употреблению капиталов, и вследствие их независимости от естественной регулярности их повседневной жизни.

64. Когда эти различные умственные и моральные тенденции будут надлежащим образом действовать, то именно между пролетариями должно будет лучше всего осуществиться это всеобщее распространение положительного образования, являющегося необходимым условием для постепенного выполнения философского обновления. И именно также у них это знание сможет приобрести в наибольшей степени чисто умозрительный характер, ибо окажется наилучшим образом избавленным от тех своекорыстных взглядов, которые сюда вносят более или менее непосредственно высшие классы, всегда занятые расчетами жадности или честолюбия. Видя в нем сначала всеобщее основание всей человеческой мудрости, они будут затем находить в нем, как в изящных искусствах, обычное приятное развлечение от своих повседневных трудов. Так как их неизбежное социальное положение должно сделать гораздо более драгоценным такое научное и эстетическое развлечение, то было бы странно предположить, что правящие классы увидят в нем, напротив, основной мотив к тому, чтобы лишать их позитивного образования, систематически отказывая им в единственном удовольствии, которое могли бы неограниченно разделять даже те, кому приходится благоразумно отречься от менее доступных наслаждений. Правда, такой отказ, весьма часто диктуемый эгоизмом и необдуманностью, иногда мотивируется тем соображением, что эта демократизация философии привела бы к чрезмерному увеличению современного беспорядка, развивая уже весьма ярко выраженное гибельное

стремление к всеобщему уничтожению классовых различий. Но это естественное опасение — единственно крупное возражение, заслуживающее в этом вопросе серьезного обсуждения, вытекает теперь в большинстве случаев из неразумного смещения положительного образования — одновременно эстетического и научного — с единственно организованным теперь метафизическим и словесным образованием. Последнее оказывает, как мы это уже признали, чрезвычайно возбуждающее действие на просвещенные классы, и оно стало бы, на самом деле, гораздо более опасным, если бы распространялось на пролетариев, где оно развило бы, помимо отвращения к материальным занятиям, чрезмерное честолюбие. Но, к счастью, они еще менее расположены его добиваться, чем те, от кого это зависит, желают им его дать. Что же касается разумно понятых и надлежаще направленных положительных знаний, то они отнюдь не могут иметь такого влияния: находясь в связи и применяясь по своей природе ко всем практическим работам, они, напротив, стремятся укреплять или даже внушать склонность к ним либо облагораживая их обычный характер, либо смягчая их тяжелые последствия; приводя, сверх того, к ясной оценке различных социальных положений и необходимо связанных с ними тягостей, они подсказывают ту мысль, что действительное счастье совместимо со всякими условиями существования лишь бы они были честно дополнены и разумно приняты. Вытекающая из них общая философия учит, что человек или, вернее, человечество есть первое из известных нам существ, призванное, в силу совокупности реальных законов, по возможности и во всех отношениях, непрерывно совершенствовать естественный порядок, не беспокоясь никакими нелепым тревогами; эта идея стремится глубоко пробуждать всеобщее деятельное чувство человеческого достоинства. В то же время эта философия сама собой ограничивает чрезмерную гордость, которую она могла бы породить, показывая со всех точек зрения и с полной очевидностью насколько мы оказываемся ниже охарактеризованных цели и типа как в действительности, так и даже в умозрительной жизни; здесь мы почти на каждом шагу чувствуем, что наши величайшие усилия могут всегда преодолеть только незначительную часть основных затруднений.

65. Незирая на высокую важность различных предшествовавших мотивов, имеются соображения еще более сильные побудить преимущественно умы народных масс способствовать теперь философской деятельности положительной школы своим неизменным рвением ко всеобщему распространению реальных знаний, которые идут навстречу главным коллективным потребностям социального положения пролетариев.

Глава вторая

СОЗДАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

1. Народная политика, всегда социальная, должна стать преимущественно моральной

66. С тех пор, как начался великий современный кризис, в политических столкновениях народ являлся и еще теперь является простым вспомогательным элементом. Участвуя в борьбе, народ надеется, конечно, добиться некоторого улучшения своего общего положения; но это улучшение, очевидно, не может быть согласовано со взглядами и целью, действительно ему присущими. Все обычные споры оставались по существу ограниченными различными высшими или средними классами, ибо предметом их было преимущественно обладание властью. Народ же долгое время не мог непосредственно интересоваться такими конфликтами, так как природа нашей цивилизации, очевидно, не позволяет пролетариям надеяться и даже желать сколько-нибудь значительного участия в политической власти в собственном смысле этого слова. Поэтому, добившись всех социальных результатов, каких они могли ожидать при временном переходе политического господства от духовенства и феодальной аристократии к метафизикам и легистам, они теперь все более и более безразлично относятся к бесплодному продолжению этой все более и более жалкой борьбы, отныне почти сведенной к пустому личному соперничеству. Каковы бы ни были повседневные усилия метафизической агитации втянуть их в эти пустые споры, соблазняя их тем, что называют политическими правами, — народ, в особенности во Франции, инстинктивно понял уже, насколько было бы призрачным или ребячески несерьезным обладание такой привилегией, которая даже при ее нынешней степени распространения не внушает обыкновенно никакого истинного интереса большинству из тех, кто исключительно ею пользуется. Народ, по существу, может интересоваться только фактическим применением власти, в чьих бы руках она ни находилась, а не ее специальным завоеванием. Как только политические или, вернее, отныне социальные вопросы будут обыкновенно относиться к форме, в которой власть должна быть осуществлена, дабы лучше достигнуть своего общего назначения, затрагивающего у современных народов пролетарские массы, тотчас же придется признать, что наблюдаемое теперь презрение отнюдь не ведет к опасному безразличию; до этого момента народное мнение останется чуждо этим спорам, которые с точки зрения здравомыслящих людей,

увеличивая непрочность всех властей, стремятся специально задержать необходимый переворот. Одним словом, народ, естественно, расположен желать, чтобы тщетное и бурное обсуждение прав было, наконец, заменено плодотворной и спасительной оценкой различных основных обязанностей, как общих, так и частных. Таков сам собой выдвигающийся принцип тесного соотношения, которое, будучи рано или поздно принято, неминуемо соединит народный инстинкт с социальной деятельностью положительной философии, ибо это великое превращение, очевидно, равноценно переходу современной политической агитации в простое философское движение; первый и главный результат последнего будет действительно состоять в прочном построении всеобщей морали действия, предписывающей каждому деятелю, личному или коллективному, наиболее соответствующие основной гармонии правила поведения. Чем больше будут размышлять об этом естественном отношении, тем полнее будет признано, что эта решительная перемена, которую могло произвести только положительное мышление, может теперь находить опору лишь у народа в собственном значении слова, единственно расположенного хорошо ее понять и глубоко ею заинтересоваться. Предрассудки и страсти, свойственные высшим или средним классам, сообща препятствуют им первыми понять в достаточной степени всю важность этой новой политической задачи: ибо обыкновенно они должны больше интересоваться преимуществами, сопряженными с обладанием властью, чем опасностями, вытекающими из неправильного осуществления последней. Если народ теперь относится и должен впредь относиться безразлично к непосредственному обладанию политической властью, то он никогда не может отказываться от необходимой доли постоянного участия в моральной власти; это — единственная власть, истинно доступная всем, обеспечивающая всеобщий порядок не только без всякой для него опасности, но и, напротив, с его наибольшей повседневной выгодой; она уполномочивает каждого, во имя общей основной доктрины, надлежащим образом призывать сильнейших мира к исполнению различных основных обязанностей. Правда, предрассудки, присущие переходной или революционной эпохе, должны были также иметь некоторый успех среди наших пролетариев; они, в самом деле, поддерживают здесь прискорбные иллюзии о бесконечном значении собственно политических мер; они мешают оценивать, насколько справедливое удовлетворение великих народных интересов зависит теперь более от воззрений и нравов, чем от самих учреждений, истинное преобразование которых, в настоящее время невозможное, требует прежде всего духовной реорганизации. Но можно утверждать, что это

спасительное образование положительной школе будет гораздо легче проводить в народные умы, чем распространять среди всех других классов, как потому, что отрицательная метафизика не могла там достаточно укорениться, так, в особенности, в силу постоянного давления социальных потребностей, присущих их необходимому положению. Эти потребности по существу относятся к двум основным условиям — внутреннему и внешнему, — тесно связанным по своей природе: речь, на самом деле, идет о надлежащем обеспечении всем сначала права на нормальное воспитание, затем — на правильный труд; такова в сущности истинная социальная программа пролетариев. Действительной популярностью может пользоваться только та политика, которая необходимо будет стремиться к достижению этой двоякой цели. А таков, очевидно, сам собой складывающийся характер социальной доктрины, исповедуемой новою философскою школой. Наши предыдущие соображения извещают нас здесь по этому вопросу от всяких новых разъяснений, которые сверх того являются предметом столь часто упоминаемого в этом «Слове» труда. Важно только добавить по этому поводу, что необходимое сосредоточение наших мыслей и нашей деятельности на реальной жизни человечества, устраняя всякие напрасные мечтания, будет в особенности стремиться сильно укреплять моральную и политическую связь народа, в собственном смысле слова, с истинной новой философией. Своим верным инстинктом он в самом деле скоро почувствует в этом новый сильный мотив направлять практическую общественную деятельность преимущественно к мудрому непрерывному улучшению своего собственного общего положения. Нелепые надежды, присущие старой философии, очень часто внушали, напротив, презрительное пренебрежение или полное равнодушие к такому прогрессу, так как он естественно должен был казаться недостойным серьезного внимания рядом с этой вечной перспективой само собой наступающего бесконечного воздаяния за всякие страдания.

2. Характер участия правительств в распространении положительных понятий

67. Эта краткая оценка достаточна теперь для того, чтобы с различных основных точек зрения выяснить необходимое тяготение низших классов к положительной философии, которая, как только она придет с ними в тесное соприкосновение, должна получить у них свою главную естественную, одновременно умственную и социальную, опору: в то же время теологическая философия годна только для высших классов,

политическое главенство которых она стремится увековечить, точно так же, как метафизическая обращается преимущественно к средним сословиям, деятельному честолюбию которых она благоприятствует. Всякий размышляющий ум должен, таким образом, наконец, понять поистине основное значение, которое представляет теперь мудрое и систематическое введение в общее употребление положительных знаний, по существу назначенных для пролетариев, дабы выработать в их среде здоровую социальную доктрину. Различные наблюдатели, способные хотя бы на минуту отвлечься от водоворота повседневных забот, единодушно сожалеют и, конечно, весьма резонно, об анархическом влиянии, оказываемом в наше время софистами и риториками. Но эти справедливые сожаления неизбежно останутся тщетными, пока не будет лучше понята необходимость выйти, наконец, из того умственного состояния, когда официальное воспитание может обыкновенно подготовить только риториков и софистов, стихийно стремящихся затем распространять тот же дух через газеты, романы и драмы среди низших классов, которых никакое правильное образование не гарантирует от метафизической заразы, отвергаемой только их естественным рассудком. Хотя нужно надеется, что современные правительства вскоре поймут, насколько всеобщее распространение реальных знаний может все более и более способствовать их непрерывным усилиям поддерживать необходимый порядок, тем не менее не следует еще ожидать от них, ни даже желать их истинно деятельного сотрудничества в этом великом процессе подготовки умов, который должен долгое время вытекать преимущество из свободного частного соревнования, внушенного и поддерживаемого истинными философскими убеждениями.

Сохранение несовершенной и примитивной политической гармонии, беспрестанно устанавливаемой среди нашего умственного и морального беспорядка, слишком поглощает их и заставляет их даже стоять на точке зрения слишком низкой для того, чтобы они могли достойно оценить природу и условия такого труда; нужно лишь стараться дать им понять его важность. Если бы правительства, движимые несвоевременным усердием, пытались теперь руководить этим делом, они могли бы привести только к глубокому его искажению, значительно умаляя его успешность, так как не связанное с достаточно законченной философией, оно скоро выродилось бы в бессвязное накопление поверхностных частных фактов. Таким образом положительная школа, являясь продуктом деятельного и добровольного сотрудничества истинно философских умов, будет пока для надлежащего выполнения своей великой социальной задачи просить наши западные правительства лишь о пред-

оставлении полной свободы изложения и обсуждения ее учения, свободы, равноценной той, которою пользуются уже теологическая и метафизическая школы. Первая из них может с высоты тысяч своих священных трибун превозносить абсолютное превосходство своей вечной доктрины и предавать всех своих противников бесповоротному осуждению; другая — на многочисленных кафедрах, содержимых для нее национальной щедростью, может ежедневно доказывать перед громадными аудиториями всеобщую целесообразность своих онтологических концепций и высокие качества ее литературных знаний. Не претендуя на такие преимущества, которые могут быть приобретены единственно в силу времени, положительная школа по существу просит теперь только права на постоянный доступ в общественные помещения, где она имела бы возможность непосредственно доказать свою окончательную способность одновременно удовлетворить все наши социальные потребности, мудро пропагандируя единственно систематическое образование, которое могло бы отныне подготовить действительный переворот, сначала идейный, затем моральный и, наконец политический. Лишь бы только этот свободный доступ остался для нее всегда открытым, — а она уже, опираясь на добровольное и бескорыстное усердие ее редких проповедников, благоприятствуемое всеобщим здравым смыслом и побуждаемое возрастающим давлением основного положения вещей, не побоится выдерживать с этого момента деятельную философскую борьбу против даже объединенных многочисленных и могущественных органов двух старых школ. Не приходится также опасаться, что государственные люди отныне резко изменят в данном случае свою беспристрастную умеренность, обусловленную их все более и более обнаруживающимся собственным безразличием в области умозрения; положительная школа может в этом отношении рассчитывать на обыкновенную благосклонность наиболее умных из них не только во Франции, но также и на всем нашем Западе. Их постоянный надзор за этим свободным народным образованием вскоре ограничится лишь требованием, как неизменного условия, истинно положительной философии, отклоняя с неумолимой строгостью еще слишком угрожающее введение смутных или софистических умозрений. Но в этом отношении основные потребности положительной школы прямо совпадают с естественными обязанностями правительств; ибо, если последние должны отвергать подобное злоупотребление вследствие его анархической тенденции, то первая, помимо этого справедливого мотива, считает его совершенно противным основному назначению народного образования, так как оно оживляло бы тот самый метафизический дух, в котором она видит теперь

главное препятствие торжеству новой философии в обществе. По этой, как и по многим другим причинам, положительные философы будут себя всегда чувствовать почти в такой же мере, как и действующие власти, заинтересованными в непрерывном поддержании внутреннего порядка и внешнего мира, ибо они в этом видят наиболее благоприятное условие для истинного интеллектуального и морального возрождения: только со свойственной им точки зрения они должны на более далеком расстоянии замечать то, что могло бы повредить или способствовать этому великому политическому результату, вытекающему из всей совокупности нашего переходного положения.

Глава третья

НЕОБХОДИМЫЙ ПОРЯДОК ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ НАУК

68. Теперь мы во всех отношениях достаточно охарактеризовали чрезвычайную важность, которую представляет собой всеобщее распространение — в особенности среди пролетариев — положительных знаний в целях создания отныне необходимой (одновременно умственной и социальной) точки опоры философскому труду, который должен постепенно произвести духовное преобразование современных обществ. Но такая оценка осталась бы еще неполной и даже недостаточной, если бы конец этого «Слова» не был посвящен установлению основного порядка соответствующего этому ряду наук, с тем, чтобы точно определить истинное положение, которое должна занять в их совокупности та, какую этот трактат займется затем исключительно. Это дидактическое расположение не только далеко не является безразличным, как это очень часто предполагают, исходя из нашего ложного научного строя, — но, напротив, можно утверждать, что именно оно преимущественно обуславливает главную идейную или социальную плодотворность великого подготовительного процесса. Сверх того, существует тесная солидарность между энциклопедической концепцией, следствием которой оно является, и основным законом эволюции, служащим опорой для новой общей философии.

1. Закон классификации

69. Такой порядок должен по своей природе отвечать двум основным условиям — догматическому и историческому — точки соприкосновения которых необходимо выяснить прежде

всего: первое состоит в расположении наук согласно их последовательной зависимости, так, чтобы каждая опиралась на предыдущую и подготавливала следующую; второе предписывает располагать их сообразно ходу их действительного развития, переходя всегда от более древних к более новым. Само собой получающаяся равномерность этих двух энциклопедических путей зависит вообще от основного тождества, неизбежно существующего между индивидуальной и коллективной эволюциями; последние, будучи одинакового происхождения и имея аналогичное назначение и одну и ту же движущую силу, должны всегда представлять соответственные фазисы, за исключением единственного различия в продолжительности, напряженности и быстроте, обусловленных несходством этих двух порядков явлений. Это необходимое совпадение позволяет, таким образом, рассматривать оба способа как две соотносительные формы одного энциклопедического принципа, так что обыкновенно оказывается возможным употреблять ту из них, которая в каждом случае наилучше обнаруживает интересующие отношения; то же совпадение дает драгоценное средство постоянно проверять одним из них результаты, полученные посредством другого.

70. Основной закон этого общего порядка, закон догматической преемственно-исторической зависимостей заключается в распределении различных наук, согласно природе изучаемых явлений, либо по их убывающим общности и независимости, либо по их возрастающей сложности, откуда вытекают умозрения все менее и менее отвлеченные и все более и более трудные; последнее создается их более тесным отношением к человеку или, вернее, к человечеству, которое является конечной целью всякой теоретической системы. Это распределение приобретает свою главную философскую — как научную, так и логическую — ценность в силу постоянного и необходимого тождества, существующего между всеми различиями способами умозрительного сравнения естественных явлений, — отсюда же вытекает множество энциклопедических теорий, объяснение и приложение которых является предметом указанного сочинения; последнее, кроме того, в области конкретного добавляет тот важный общий признак, что явления становятся таким образом все более и более способными видоизменяться, представляя все более и более широкую область для человеческого вмешательства.

Здесь достаточно указать в общих чертах применение этого великого принципа к рациональному определению истинной иерархии наук, непосредственно рассматриваемых отныне как различные составные элементы единой науки — науки о человечестве.

2. Энциклопедический закон или иерархия наук

71. Эта конечная цель всех наших реальных умозрений, очевидно, требует по своей одновременной научной и логической природе необходимой двойкой предварительной работы, относящейся, с одной стороны, собственно к человеку, с другой — к внешнему миру. В самом деле, невозможно рационально изучать статические или динамические явления общественности, не ознакомившись сначала в достаточной степени со специальным деятелем, производящим их, и с общей средой, в которой они совершаются. А отсюда вытекает необходимое деление той философии природы, которая предназначена готовить социальную философию, на две отрасли: на органическую и неорганическую. Что касается относительного расположения этих двух одинаково основных наук, то все существенные мотивы, как научные, так и логические, согласно предписывают, в индивидуальном воспитании и коллективной эволюции, начинать со второй, явления которой более простые и более независимые в силу их наивысшей общности единственно доступны сначала истинно положительной оценке, между тем как их законы, относящиеся непосредственно к существованию Вселенной в ее целом, оказывают затем необходимое влияние на частное существование живых тел. Астрономия необходимо составляет во всех отношениях наиболее законченный элемент этой предварительной теории внешнего мира, как потому, что она более доступна полному применению положительного метода, так и потому, что она характеризует общую среду всех наших, каких бы то ни было, явлений и выражает без всякого усложнения простое математическое бытие, — т.е. бытие геометрическое или механическое, общее всем реальным существам. Но даже стремясь по возможности наиболее сжато представить истинные энциклопедические концепции, невозможно было бы свести неорганическую философию к этому главному элементу, ибо она оставалась бы тогда совершенно отрезанной от органической философии. Их основная связь — научная и логическая — коренится преимущественно в наиболее сложной отрасли первой, обнимающей изучение явлений творения и разложения, — явлений, наиболее высоких из всех необходимых для существования Вселенной и наиболее близко касающихся жизненной формы в собственном смысле слова. Именно таким образом естественная философия, рассматриваемая как необходимое введение в социальную философию, разлагаясь сначала на две крайние и одну промежуточную науки, последовательно обнимает эти три великие отрасли знания — астрономию, химию и биологию, из которых первая непосредствен-

но касается стихийного зарождения истинного научного метода, а последняя — его основного назначения. Первоначальное развитие той и другой из них соответственно относится исторически к греческой древности, к средним векам и к современной нам эпохе.

72. Такая энциклопедическая оценка не выполнила бы еще в достаточной степени необходимых условий непрерывности и самостоятельности, присущих этому предмету; с одной стороны, она оставляет капитальный пробел между астрономией и химией, связь которых не может быть прямой; с другой стороны — она недостаточно указывает (как на истинный источник этой умозрительной системы) на простое абстрактное продолжение общего разума, научная точка отправления которого не может быть прямо астрономической. Но для того, чтобы пополнить эту основную формулу, достаточно, во-первых, включить между астрономией и химией физику в тесном смысле слова, начавшую действительно существовать как самостоятельная наука лишь при Галилее; во вторых, поместить в начале этого обширного целого математику, единственную необходимую колыбель рационального положительного метода как для индивида, так и для рода. Если, при более частном применении нашего энциклопедического принципа, мы разложим в свою очередь эту начальную науку на ее три главные отрасли — исчисление, геометрию и механику, то мы определим, наконец, с философской точностью истинное происхождение всякой научной системы, действительно исходящей вначале из чисто числовых умозрений, которые, будучи наиболее независимыми из всех, почти смешиваются с само собой получающимся развитием положительного мышления у наиболее заурядных умов; факт этот подтверждает еще на наших глазах повседневное наблюдение индивидуального развития.

73. Таким образом мы постепенно приходим к открытию неизменной иерархии — одновременно исторической и догматической, одинаково научной и логической — шести основных наук: математики, астрономии, физики, химии, биологии и социологии; из них первая необходимо составляет исключительный отправной путь последней, являющейся единственной основной целью всякой положительной философии, рассматриваемой отныне как философия, которая образует, в силу своей природы, истинную неделимую, хотя несколько не произвольную, систему, где всякое разложение в корне искусственно, и которая относится, в конечном итоге, всецело к человечеству, единственному вполне уникальному понятию. Совокупность этой энциклопедической формулы, точно согласующейся с истинными свойствами соответственных наук и

очевидно обнимающая, сверх того, все элементы наших реальных умозрений, позволяет, наконец, всякому уму по желанию возобновлять в своей памяти общую историю положительного метода, переходя почти незаметным образом от простейших математических идей до наиболее возвышенных социальных концепций. В самом деле, ясно, что каждую из четырех промежуточных наук ее простейшие явления связывают, так сказать, с предыдущей, ее наиболее сложные — с последующей. Эта сама собой возникающая совершенная непрерывность станет особенно очевидной для всех тех, кто ознакомившись с вышеуказанным сочинением, узнают что тот же энциклопедический принцип дает также рациональное распределение различных составных частей каждой основной науки, так что догматические ступени и исторические фазисы могут сближаться постольку, поскольку этого требует точность сравнений или легкость переходов.

74. При настоящем состоянии умов логическое применение этой великой формулы еще более важно, чем ее научное употребление, так как в наше время метод является более существенным, чем сама доктрина, и, кроме того, только он непосредственно доступен полному преобразованию. Таким образом, главная полезность этой формулы заключается теперь в строгом определении неизменного хода всякого истинно положительного воспитания среди неразумных предрассудков и обычных недостатков, присущих предварительному развитию научной системы, образованной постепенно из частичных и несвязанных теорий, взаимные отношения которых должны были остаться до настоящего времени незамеченными для следовавших один за другим их основателей. Современные ученые всех специальностей нарушают теперь, одинаково серьезно, хотя и в различных отношениях, это основное обязательство. Ограничиваясь здесь приведением двух крайних случаев, укажу на то, что геометры, справедливо считая себя стоящими у истинного источника положительного метода, стремятся со слепым упрямством задержать человеческий разум на этой чисто начальной ступени действительного умозрительного подъема, не обращая внимание на его единственную необходимую цель; напротив, биологи, законно восхваляя превосходные качества своего предмета, непосредственно примыкающего к конечному звену этой великой цепи, упорно продолжают держать свои исследования в неразумной изолированности, произвольно освобождая себя от требуемой их природой трудной подготовительной работы. Эти противоположные, но одинаково эмпирические настроения очень часто приводят теперь у одних к напрасной затрате умственных сил, расходуемых отныне большей частью на все более и более

ребяческие исследования, у других — к постоянной шаткости различных основных понятий, обусловливаемой отсутствием истинно положительного метода. В этом последнем отношении важно в особенности заметить, что в действительности общественные науки являются теперь не единственными науками, которые остаются еще не вполне чуждыми положительной системе и пребывают под бесплодным господством теолого-метафизического мышления; в сущности, сами биологические науки, в особенности динамические, хотя они обставлены академически, также не достигли до сих пор истинно положительной ступени, ибо ни одна капитальная доктрина не является достаточно обоснованной, так что область иллюзий и фантастических построений остается почти бесконечной. А печальное продолжение такого положения вещей по существу зависит в одном и другом случае от недостаточного выполнения великих логических условий, определяемых нашим энциклопедическим законом: ибо давно уже никто не спорит против необходимости положительного метода, но никто не знает его природы и налагаемых им обязанностей, которые может характеризовать только истинная научная иерархия. Чего, в самом деле, ожидать, как относительно общественных явлений, так даже касательно более простого изучения индивидуальной жизни, от трудов ученых, которые приступают непосредственно к столь сложным умозрениям, не подготовившись достойным образом к ясной оценке методов и доктрин, относящихся к различным менее сложным и более общим явлениям, и лишив себя таким образом возможности в достаточной степени познать как индуктивную логику, характеризующуюся на начальной стадии главным образом химией, физикой и, прежде всего, астрономией, так даже чисто дедуктивную логику или элементарное искусство строить заключения. Ведь надлежало бы развить последнее можно только обладая математическим образованием.

75. Дабы облегчить обычное употребление нашей иерархической формулы, очень удобно (когда полная энциклопедическая точность не является обязательной) сгруппировать термины по два, представляя их в виде трех пар: начальной математико-астрономической, конечной биолого-социологической, разделенных и соединенных промежуточной физико-химической парой. Это удачное сжатие формулы вытекает из неопровержимой оценки наук. Ибо, в самом деле, существует гораздо более естественное сходство, как научное, так и логическое, между двумя элементами каждой пары, чем между цельными последовательными парами. Это обстоятельство часто подтверждается трудностью, испытываемой при точном отделении математики от астрономии и физики от химии, в силу

смутных привычек, господствующих еще в области всех взглядов на целое; в особенности это верно относительно биологии и социологии, которые большинство современных мыслителей продолжает смешивать. Не доходя никогда до этих ложных смещений, которые в корне исказили бы переходы нашей классификации, полезно будет часто сводить, таким образом, элементарную иерархию реальных умозрений к трем основным парам, из которых каждая, сверх того, сможет быть кратко обозначена по своему более специальному элементу, являющемуся всегда действительно наиболее характерным и наиболее способным определить великие фазисы эволюции (индивидуальной или коллективной) положительного метода.

3. Важность закона классификации

76. Эта краткая оценка достаточна здесь для того, чтобы указать назначение и отметить важность такого закона классификации, в котором окончательно заключается одна из двух основных идей, само собой возникающее и тесное сочетание которых необходимо составляет систематическое основание новой общей философии. Конец этого пространного «Слова», где истинное положительное мышление было охарактеризовано со всех его существенных сторон, приближается, таким образом, к своему началу, ибо эта теория классификации должна быть рассматриваема, в конечном счете, как естественно нераздельная от изложенной в начале теории эволюции: поэтому настоящее сочинение само образует истинное целое, верное, хотя чрезвычайно уменьшенное, изображение обширной системы. Легко, в самом деле, понять, что обычай сообразоваться с такой иерархией должен стать необходимым — как для надлежащего применения нашего первоначального закона о трех стадиях, так и для достаточного устранения единственных серьезных препятствий, которые он мог бы встретить; ибо частное историческое совпадение трех великих фазисов мысли в области различных умозрений являлось бы при всяком другом методе классификации необъяснимой аномалией, которую, напротив, разрешает наш иерархический закон, столь же относящийся к последовательности, как и к зависимости различных положительных знаний. Равным образом, в обратном смысле, ясно, что правило классификации предполагает правило эволюции, либо все основные мотивы, поддерживающие установленный в таком виде порядок, в сущности, вытекают из равной быстроты такого развития у различных основных наук.

77. Рациональное сочетание этих двух основных идей, образуя

необходимое единство научной системы, все части которой все более и более стремятся к одной цели, обеспечивает также, с другой стороны, правомерную независимость различных главных элементов, еще очень часто искажаемую ложными сближениями. Так как при своем предварительном развитии, единственно имевшем место до сих пор, положительный метод вынужден был таким образом постепенно распространяться от низших знаний к высшим, то последние неизбежно подверглись победному натиску первых, против влияния которых их необходимая самобытность не находила сначала другой гарантии, кроме бесконечного продолжения теолого-метафизической опеки. Это прискорбное колебание, чрезвычайно заметное еще в области науки о живых телах, характеризует теперь то, что в сущности содержится реального в длинных спорах — столь пустых во всех других отношениях, — между материализмом и спиритуализмом; оба эти течения в смутных очертаниях и в равно ложных формах отражали одинаково серьезные — хотя, к несчастью, до сих пор противоположные — потребности реальности и достоинства всех наших умозрений. Достигши отныне своей систематической зрелости, положительный метод расценивает заблуждения как одного, так и другого порядка и заканчивает эти бесплодные споры, одновременно удовлетворяя эти два условия. Их ошибочно считают противоречивыми, как это теперь показывает наша научная иерархия, в связи с нашим законом эволюции, ибо каждая наука может достигнуть истинно положительной ступени лишь тогда, когда вполне укреплены присущие ей характерные особенности.

Заключение

ПРИМЕНЕНИЕ АСТРОНОМИИ К ОБРАЗОВАНИЮ

78. Непосредственное применение этой энциклопедической теории — одновременно научной и логической — приводит нас, наконец, к тому, чему посвящен этот трактат. В самом деле, из предыдущих объяснений вытекает, что главное влияние, сначала умственное, затем социальное, которое мы должны теперь искать в мудром всеобщем распространении положительных знаний, необходимо зависит от строгого дидактического соблюдения иерархического закона. Для каждого быстрого индивидуального образования, как и для медленного коллективного просвещения, останется всегда необходимым, чтобы положительное мышление, развивая свое господство по мере того, как увеличивается область его влияния, поднималась мало-помалу от первоначального математического до конечного социологического состояния, проходя последовательно четыре

промежуточные ступени — астрономическую, физическую, химическую и биологическую. Никакое личное превосходство не может совершенно избавить от этой основной постепенности, по поводу которой весьма уместно теперь лишь констатировать, что у высших умов наблюдается в этом отношении непоправимый пробел, обусловливавший иногда безрезультатность чрезвычайных философских усилий. Такой ход должен, таким образом, стать еще более необходимым во всеобщем воспитании, где специальности имеют мало значения и главная полезность которого — более логическая, чем научная — по существу требует полной рациональности, в особенности когда дело идет об установлении, наконец, правильного строя мысли.

Таким образом, это народное образование должно теперь относиться главным образом к первоначальной научной паре, пока оно не будет надлежащим образом популяризовано. Именно там все должны сначала черпать истинные элементарные понятия общего положительного метода, приобретая знания, служащие основанием для всех других реальных умозрений. Хотя это строгое обязательство необходимо привело бы к помещению на первом плане наук чисто математических, нужно однако, принять во внимание, что речь идет еще не об установлении прямой и полной систематизации народного образования, но лишь о надлежащем сообщении философского импульса, который должен привести к этой систематизации. Поэтому легко признать, что такое движение должно в особенности зависеть от астрономических знаний; последние по своей природе необходимо представляют полное проявление истинного математического метода, главное назначение которого они в сущности составляют...

79. Это необходимое преобладание астрономической науки в первом систематическом распространении положительного образования вполне соответствует историческому влиянию этой науки, являющейся до сих пор главным двигателем великих умственных переворотов. В самом деле, основное чувство неизменности естественных законов должно было сначала развиваться в области наиболее простых и наиболее общих явлений, необыкновенные правильность и величие которых показывают нам единственный реальный порядок, который совершенно независим от всякого человеческого воздействия.

Даже прежде, чем принять сколько нибудь истинно научный характер, этот класс представлений в особенности определил решительный переход от фетишизма к политеизму, вытекающему везде из культа небесных светил. Его первоначальное математическое обоснование в школах Фалеса и Пифагора было впоследствии главной идейной причиной падения политеизма и торжества монотеизма. Наконец, систематическое

развитие современного положительного мышления, открыто стремящегося к новому философскому строю, является существенным результатом великого астрономического переворота, начатого Коперником, Кеплером и Галилеем. Не приходится, таким образом, удивляться тому, что общее положительное образование, на которое должна опираться непосредственная победа окончательной философии, оказывается вначале также зависимым от этой науки, в виду необходимого соответствия между личным воспитанием и коллективной эволюцией. Именно это, без сомнения, является последней ролью, какую ей предстоит сыграть в общем развитии человеческого разума, который, раз достигнув у всех истинно положительного характера, должен будет шествовать затем, побуждаемый новым философским толчком, прямо исходящим от окончательной науки, отныне навсегда возведенной к своему нормальному господствующему положению. Такова чрезвычайная польза — не менее социального, чем умственного характера, — которую нужно, наконец извлечь из разумного популярного изложения теперешней системы здоровых астрономических знаний.

КУРС ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Первая лекция

Цель этого курса или общие соображения о природе и значении положительной философии

В этой первой лекции я имею в виду ясно указать цель этого курса, т.е. точно определить то направление, в котором будут рассмотрены основные отрасли натуральной философии, указанные в представленной вам программе.

Без сомнения, характер этого курса можно будет понять вполне, т.е. настолько, чтобы составить о нем окончательное мнение, только тогда, когда отдельные его части будут развиты последовательно одна за другой. Таково обычное неудобство определений, относящихся к очень обширным системам идей, когда эти определения предшествуют самому изложению. Но общие положения можно рассматривать с двух точек зрения: или как общий взгляд на подлежащую доказательству систему, или как вывод из установленной уже системы, и если эти положения приобретают все свое значение только тогда, когда они рассматриваются со второй точки зрения, то и при первой точке зрения они имеют громадную важность, определяя с самого начала предмет исследования. Произведенное со всей возможной для нас строгостью общее ограничение поля наших исследований есть вступление, особенно необходимое, по нашему мнению, для столь обширного и до сих пор столь мало определенного труда, как тот, к которому мы теперь приступаем. В силу этой логической необходимости я считаю нужным теперь же указать вам на целый ряд основных соображений, которые вызвали появление этого курса, и которые впоследствии будут развиты с той подробностью, какую заслуживает чрезвычайная важность каждого из них. Чтобы лучше объяснить истинную природу и особый характер положительной философии, необходимо прежде всего бросить общий взгляд на последовательное движение человеческого духа, рассматривая его во всей совокупности, так как ни одна идея не может быть хорошо понята без знакомства с ее историей.

Изучая таким образом весь ход развития человеческого ума в различных сферах его деятельности, от его первого простейшего проявления до наших дней, я, как мне кажется, открыл главный основной закон, которому это развитие подчинено

¹Из кн *Конт О* Курс положительной философии В 6-ти томах СПб, 1900, т 1

безусловно, и который может быть твердо установлен или путем рациональных доказательств, доставляемых знакомством с нашим организмом, или с помощью исторических данных, извлекаемых при внимательном изучении прошлого. Этот закон состоит в том, что каждая из наших главных идей, каждая из отраслей нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: состояние теологическое (или фиктивное), состояние метафизическое (или абстрактное), состояние научное (или положительное). Другими словами, человеческий дух по самой своей природе в каждом из своих исследований пользуется последовательно тремя способами мышления, по характеру своему существенно различными и даже прямо противоположными друг другу: сначала теологическим методом, затем метафизическим и, наконец, положительным методом. Отсюда и возникают три взаимно исключающие друг друга вида философии, или три общие системы воззрений на совокупность явлений: первая есть необходимая исходная точка человеческого ума; третья — его определенное и окончательное состояние; вторая служит только переходной ступенью.

В теологическом состоянии человеческий дух, направляя свои исследования главным образом на внутреннюю природу вещей, первые и конечные причины поражающих его явлений, стремясь одним словом, к абсолютному познанию, воображает, что явления производятся прямым и постоянным воздействием более или менее многочисленных сверхъестественных факторов, произвольное вмешательство которых объясняет все кажущиеся аномалии мира.

В метафизическом состоянии, которое на самом деле представляет собою только общее видоизменение теологического, сверхъестественные факторы заменены абстрактными силами, настоящими сущностями (олицетворенными абстракциями), неразрывно связанными с различными вещами, и могущими сами собою производить все наблюдаемые явления, объяснение которых состоит в таком случае только в подыскании соответствующей сущности.

Наконец в положительном состоянии человеческий дух познает невозможность достижения абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения существующего мира и от познания внутренних причин явлений, и стремится, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений, т.е. их неизменных отношений последовательности и подобия. Объяснение явлений, приведенное к его действительным пределам, есть отныне только установление связей между различными отдельными явлениями и несколькими общими фактами, число которых уменьшается все более и более по мере прогресса науки.

Теологическая система дошла до высшей степени доступного ей совершенства, когда она заменила действием одного существа разнородные вмешательства многочисленных, независящих друг от друга божеств, существование которых до этого момента предполагалось. Точно также и предел метафизической системы состоит в замене всех разнообразных сущностей одной общей великой сущностью, природою, которую и надлежало бы рассматривать как единственный источник всех явлений.

Параллельно этому совершенство, к которому постоянно, хотя может быть и безуспешно, стремится положительная система, заключалось бы в возможности представить все отдельные подлежащие наблюдению явления как частные случаи одного общего факта, подобного, например, тяготению...

Со времени Бекона все здравомыслящие люди повторяют, что истинны только те познания, которые могут опираться на наблюдения. Это основное положение очевидно неопровержимо, если его применять, как это и следует делать, к зрелому состоянию нашего ума. Но относительно самого образования наших познаний не менее очевидно и то, что в первобытном своем состоянии человеческий дух не мог и не должен был мыслить таким образом, так как, если с одной стороны всякая положительная теория должна непременно опираться на наблюдения, то с другой стороны для того, чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории. Если созерцая явления, мы не связывали бы их с каким-нибудь принципом, то для нас было бы невозможно не только соединить эти разрозненные наблюдения, и следовательно, извлечь из них какую-нибудь пользу, но даже и запомнить их; чаще всего явления остались бы незамеченными.

Таким образом, под давлением необходимости наблюдать, чтобы составлять себе истинные теории, и не менее настойчивой необходимости создавать какие-нибудь теории, чтобы иметь возможность последовательно наблюдать, ум человеческий с самого начала попадет в заколдованный круг, из которого он никогда не выбрался бы, если бы к его счастью он не получил естественного выхода в самопроизвольном развитии теологических понятий, давших точку опоры его усилиям и доставивших пищу его деятельности. Таково независимо от связанных с ним важных социальных соображений, на которые я не могу даже намекнуть в этот момент, основное положение, доказывающее логическую необходимость чисто теологического характера первоначальной философии.

...Если положительная философия и является действительно окончательным состоянием человеческого духа, состоянием к которому он постоянно стремился все сильнее и сильнее, тем

не менее эта философия по необходимости должна была сначала, и притом в течении многих веков, пользоваться то как методом, то как предварительной доктриной, теологической философией, отличительной чертой которой является ее самопроизвольность, вследствие чего в начале только она и была возможна и только она могла в достаточной степени заинтересовать младенческий ум. Теперь уж очень легко понять, что для перехода от этой предварительной философии к окончательной человеческий дух должен был усвоить себе в виде переходной ступени метод и доктрины метафизики. Последнее замечание необходимо для пополнения общего обзора указанного мною главного закона.

На самом деле не трудно понять, что наш ум, принужденный двигаться только почти незаметными шагами, не мог перейти вдруг непосредственно от теологической философии к положительной. Теология и физика так глубоко несовместимы друг с другом, и понятия их так радикально противоположны друг другу, что прежде чем отказаться от одних, чтобы пользоваться исключительно другими, человеческий ум должен был некоторое время прибегать к переходным понятиям, носящим смешанный характер и потому способным содействовать постепенному переходу.

Таково естественное назначение метафизических понятий, так как сами по себе они не приносят никакой действительной пользы. Заменяя при изучении явлений сверхъестественное направляющее действие соответствующею неразделенною сущностью, хотя бы и понимаемую сначала только как эманация первого, человек понемногу приучился принимать во внимание только самые факты, понятия же о метафизических сущностях явлений отодвигались все далее и далее до тех пор, пока не превратились у всех здравомыслящих людей просто в абстрактные наименования явлений. Невозможно вообразить себе, при помощи какого другого процесса наш разум мог бы перейти от совершенно сверхъестественных к чисто естественным соображениям, от теологического к положительному образу мыслей.

Установив таким образом, насколько это возможно сделать не входя в неуместные теперь подробные рассуждения, общий закон развития человеческого духа, как я его понимаю, мы без труда можем сейчас же точно определить истинную природу положительной философии, что и составляет истинную задачу этой лекции.

Из предшествовавшего видно, что основная характеристическая черта положительной философии состоит в признании всех явлений подчиненными неизменным законам, открытие и низведение числа которых до минимума и составляет цель

всех наших усилий, хотя мы и признаем абсолютно недоступными и бессмысленными поиски первых или последних причин. Бесполезно долго настаивать на принципе, который ныне хорошо известен всем тем, кто несколько глубже вникал в основанные наблюдения науки. Действительно, всякий знает, что даже в самых совершенных объяснениях положительных наук мы не претендуем на указанные первопричины явлений, так как таким образом мы только отодвинули бы затруднение назад; мы ограничиваемся точным анализом обстоятельств возникновения явлений и связываем их друг с другом естественными отношениями последовательности и подобия.

Таким образом мы говорим — я привожу пример, самый замечательный — что все общие явления вселенной объясняются, насколько это возможно, Ньютоновским законом тяготения, так как, с другой стороны, эта чудная теория представляет нам всё изумительное разнообразие астрономических явлений как один и тот же факт, рассматриваемый с различных точек зрения: постоянное притяжение молекул друг у другу прямо пропорциональное массам и обратнопропорциональное квадратам расстояния; с другой же стороны, этот общий факт представляется как простое обобщение явлений, которое весьма близко к нам и которое мы поэтому считаем вполне нам известным, а именно тяжести тел на земной поверхности.

Что же касается того, что такое притяжение и тяжесть сами по себе и каковы их причины, то все эти вопросы мы считаем неразрешимыми, выходящими за пределы видения положительной философии, и с полным основанием предоставляем их воображению теологов или тонкому анализу метафизиков.

Очевидное доказательство невозможности добиться решения этих вопросов можно видеть в том, что, всякий раз, когда по этому предмету пытались сказать действительно что-нибудь разумное, наиболее великие умы могли определять эти два принципа только один при посредстве другого, утверждая, что притяжение есть не что иное как всеобщая тяжесть, и что тяжесть состоит просто в земном притяжении. Такие объяснения заставляют улыбаться, когда предъявляется претензия на знание внутренней природы вещей и способов происхождения явлений, но составляют однако все, что мы имеем наиболее удовлетворительного и показывают нам тождественность двух родов явлений, которые долго считались совершенно независимыми друг от друга...

Охарактеризовав с доступною для меня в этом обзоре точностью дух положительной философии, развитию которой посвящается весь этот курс, я должен теперь исследовать, в какой эпохе своего движения находится она в настоящее время. и что еще нужно сделать, чтобы закончить ее построение.

Для этого нужно прежде всего принять во внимание, что все отрасли нашего знания не могли с одинаковой быстротой пройти три вышеуказанные главные фазы своего развития и, следовательно, не могли одновременно достигнуть положительного состояния.

В этом отношении существует необходимый и неизменный порядок, которому следовали и должны были следовать в своем развитии различные виды наших понятий, и обстоятельное обсуждение которого составляет необходимое дополнение высказанного выше основного закона. Этот порядок представит исключительный предмет следующей лекции. В настоящее же время нам достаточно знать, что он зависит от различия в природе явлений, и определяется степенью их общности, простоты и относительной независимости, тремя условиями, ведущими, несмотря на все свое различие, к одной и той же цели. Так, к положительным теориям были сведены сперва астрономические явления как наиболее общие, наиболее простые и наиболее независимые от всех других, затем, последовательно и по тем же причинам, явления собственно земной физики, химии и наконец физиологии.

Нельзя указать точно на начало этого переворота, так как о нем, как и о всех великих событиях в жизни человечества, можно сказать, что он совершился понемногу, и в особенности со времени работ Аристотеля и Александрийской школы, и затем со времени введения арабами естественных наук в Западную Европу.

Однако так как во избежание неясности мысли полезно было бы точно определить эпоху, я укажу на сильное движение ума человеческого, вызванное два века тому назад соединенным воздействием правил Бэкона, идей Декарта и открытий Галилея, как на момент, начиная с которого дух положительной философии стал проявляться как очевидное противоположение теологическим и метафизическим воззрениям; именно тогда положительные идеи окончательно освободились от примеси суеверия и схоластики, которая более или менее скрывала истинный характер всех предыдущих работ.

С этой памятной эпохи подъем положительной философии и падение философий теологической и метафизической определились чрезвычайно ясно, и наконец сделались настолько очевидными, что ныне каждый понимающий дух времени наблюдатель не может не признать постоянного стремления человеческого ума к положительным наукам и бесповоротного отрицания тех бессмысленных доктрин и предварительных методов, которые были годны только для первых его проявлений...

Итак все приводится к простому вопросу о том, обнимает ли все разряды явлений положительная философия, которая

в последние два века получила такое широкое распространение? Очевидно, нет, и поэтому предстоит еще большая научная работа для того, чтобы дать положительной философии характер универсальности, необходимой для окончательного ее построения.

Действительно, в четырех только что названных главных категориях естественных явлений, т.е. явлениях астрономических, физических, химических и физиологических, можно заметить существенный пропуск, именно явлений социальных, которые, хотя и входят неявно в число явлений физиологических, но заслуживают однако (как по своей важности, так и по особенным трудностям их изучения) выделения их в особую категорию. Эта последняя группа понятий, относящихся к наиболее частным, наиболее сложным и наиболее зависящим от других явлениям, благодаря этому одному обстоятельству должна была совершенствоваться медленнее всех других, даже если бы и не было тех особых неблагоприятных условий, которые мы рассмотрим позднее. Как бы то не было, очевидно, что социальные явления не вошли еще в область положительной философии, и теологические и метафизические методы, которыми при изучении других родов явлений никто не пользуется ни как средством исследований, ни даже как приемом аргументации, до сих пор и в том и в другом отношении только одни и применяются при изучении социальных явлений, хотя недостаточность этих методов вполне сознается всеми разными людьми, утомленными бесконечными и пустыми пререканиями между божественным правом и главенством народа.

Итак, вот очень крупный, но очевидно единственный пропуск, который надо заполнить, чтобы закончить построение положительной философии. Теперь, когда человеческий дух создал небесную физику и физику земную, механическую и химическую, а так же физику органическую, растительную и животную, ему остается только закончить систему наблюдательных наук созданием социальной физики. Такова в настоящее время самая крупная и самая настоятельная во многих существенных отношениях потребность нашего ума, и такова, я осмеливаюсь это сказать, первая и особая цель этого курса.

Относящиеся к изучению социальных явлений идеи, которые я попытаюсь изложить и зародыш которых можно, как я надеюсь, найти даже в этой лекции, не имеют целью тотчас же дать социальной физике ту же степень совершенства, какую имеют уже более ранние отрасли положительной философии; такое намерение было бы очевидно несбыточно, так как даже эти последние проявляют относительно развития своего огромное и притом совершенно неизбежное неравенство.

Мои идеи должны будут только придать последнему классу наших познаний тот положительный характер, который уже имеют другие науки. Если только это условие будет в действительности выполнено, современная философская система во всей своей совокупности будет поставлена на прочное основание, так как тогда не будет существовать ни одного доступного наблюдению явления, которое не входило бы в одну из установленных выше пяти великих категорий явлений: астрономических, физических, химических, физиологических и социальных. После того как все наши понятия станут однородными, философия окончательно достигнет положительного состояния; она не будет уже в состоянии изменять свой характер, и ей останется только развиваться бесконечно путем новых, постоянно увеличивающихся приобретений, которые явятся неизбежным результатом новых наблюдений и более глубоких размышлений.

Получив таким образом характер универсальности, которого она еще не имеет, положительная философия, сохраняя свое естественное превосходство, будет в состоянии вполне заменить теологическую и метафизическую философию, универсальность которых в настоящее время является их единственным истинным достоянием, и которые, потеряв свое преимущество, будут иметь для наших потомков только чисто исторический интерес.

После такого объяснения специальной цели этого курса легко уже понять его вторую общую цель, которая делает его курсом положительной философии, а не только курсом социальной физики.

Действительно, так как построение социальной физики завершает систему естественных наук, то становится возможным и даже необходимым подвести итоги всем приобретенным познаниям, достигшим к этому времени определенного и однородного состояния, чтобы согласовать их и представить как ветви одного дерева, а не продолжать считать их за отдельные тела...

Чтобы насколько возможно предупредить всякие неправильные толкования, которые можно ожидать по поводу столь нового курса, каким является настоящий, я считаю нужным к предыдущим объяснениям присоединить еще несколько соображений, относящихся непосредственно к всеобщности специальных познаний, которую не вдумчивые судьи могут счесть тенденцией этого курса, и которая вполне справедливо придается совершенно противной истинному духу положительной философии. Эти соображения получают еще большее значение потому, что они представят дух положительной философии с новой точки зрения, которая может окончательно разъяснить общее о ней понятие.

В первобытном состоянии наших познаний не существует правильного разделения умственного труда, и одни и те же лица одновременно занимаются всеми науками. Такая организация человеческого труда, сначала неизбежная и даже необходимая... понемногу изменяется по мере развития отдельных разрядов понятий. По закону, необходимость которого очевидна, каждая отрасль научного труда незаметно отделяется от общего ствола, как только она разрастется настолько, чтобы выдержать отдельную обработку, т.е. как только она делается способной сама по себе занимать умы нескольких человек.

Этому разделению различных видов исследований между несколькими разрядами ученых мы обязаны тем удивительным развитием, которого в наши дни достигла каждая отдельная отрасль человеческого знания, и которое делает в настоящее время очевидно невозможной универсальность научных исследований, столь легкую и обычную в древности.

Одним словом, разделение умственного труда, все более и более совершенствуемое, является одним из самых важных и характерных атрибутов положительной философии.

Но, признавая вполне поразительные результаты этого разделения труда, видя отныне в нем истинную основу организации ученого мира, невозможно с другой стороны не почувствовать огромных неудобств, которые оно, при настоящем его состоянии, порождает благодаря чрезмерной узости идей, исключительно занимающих каждый отдельный ум. Этот печальный факт конечно неизбежен и до некоторой степени приводит в самый принцип разделения труда, так что мы в этом отношении никакими мерами не сравнимся с древними, превосходство которых происходило главным образом вследствие ограниченности объема их познаний.

Однако мне кажется, что подходящими мерами можно избежать самых губительных последствий чрезмерной специализации, не вредя при этом живительному действию разделения исследований. Необходимо этим заняться серьезно, ибо указанные неудобства, которые уже по своей природе стремятся все более и более увеличиваться, становятся очень заметными. По всеобщему признанию установленные ради достижения высшей степени совершенства наших работ деления различных отраслей естественной философии в конце концов не могут не считаться искусственными. Не будем забывать и того, что, несмотря на такое признание, в ученом мире очень мало людей, которые охватывали бы совокупность понятий одной науки, в свою очередь составляющей только часть великого целого. Большинство вполне довольствуется специальным изучением более или менее обширной части одной определенной науки, мало заботясь об отношении их работ к общей

системе положительных знаний. Поспешим исправить это зло, пока оно не сделалось еще тяжелее. Примем меры, чтобы в конце концов дух человека не потерялся в мелочах. Не будем скрывать от себя, что здесь-то и находится слабый пункт положительной философии, на который с некоторой надеждой на успех могут произвести нападение сторонники теологической и метафизической философии.

Действительное средство остановит разъедающее влияние, которым слишком большая специализация отдельных исследований угрожает интеллектуальной будущности, состоит конечно не в возвращении к прежнему смещению труда, которое заставило бы человечество пойти назад и которое к счастью сделалось теперь вообще невозможным.

Наоборот, это средство состоит в усовершенствовании самого разделения труда. Достаточно, действительно, изучение общих положений наук обратить еще в отдельную самостоятельную науку. Пусть новый ряд ученых, получивших подобающую подготовку, не отдаваясь специальному изучению какой-нибудь отдельной отрасли естественной философии, но основываясь на знакомстве с общим состоянием положительных наук, посвятит себя исключительно точному определению духа этих наук, исследованию их соотношений и связи друг с другом, низведению, если таковое возможно, присущих им принципов к наименьшему числу общих принципов, постоянно следуя при этом основным правилам положительного метода. Пусть в то же время другие ученые, с помощью образования, направленного на ознакомление с совокупностью положительных знаний, получают возможность, прежде чем взяться за свои специальные исследования, воспользоваться светом, проливаемым учеными, занимающимися общими положениями наук, и в свою очередь исправляют полученные ими результаты: это и есть то положение вещей, к которому современные ученые приближаются все более и более. Как только оба эти требования будут исполнены — а возможность этого очевидна — разделение научного труда без всякой опасности может быть доведено до той ступени, которой потребует развитие отдельных отраслей знания. При существовании особого, постоянно проверяемого всеми другими, класса ученых, на обязанности которых исключительно и постоянно лежало бы установление связи каждого нового открытия с общей системой, не будет более основания бояться, что слишком большое внимание к частностям помешает схватить целое. Одним словом, после этого организация научного мира будет вполне закончена и будет развиваться беспредельно, сохраняя постоянно все тот же характер.

Образовывать из изучения общих научных положений осо-

бый отдел всего умственного труда значит только распространить приложение того же принципа разделения, который последовательно создал отдельные специальности; до тех пор, пока положительные науки были мало развиты, их взаимные отношения не имели такого значения, чтобы вызвать, систематически по крайней мере, появление особого класса работ, и необходимость этой новой науки не была особенно настоятельна; в настоящее же время каждая из наук настолько развилась, что изучение их взаимных отношений может дать материал для целого ряда исследований, а вместе с тем новая наука становится необходимой для того, чтобы предупредить разрозненность человеческих понятий.

Так именно я понимаю назначение положительной философии в общей системе наук положительных в точном смысле этого слова. Такова, по крайней мере, цель этого курса.

Теперь, после того как я попытался определить общий дух курса положительной философии, насколько это было возможно при первом обзоре, чтобы сообщить картине действительный ее характер, считаю нужным бегло указать на главную пользу, которую подобная работа может принести прогрессу человечества, если все существенные условия будут надлежащим образом выполнены. Этот последний ряд соображений я ограничу указанием четырех основных свойств.

Во-первых, изучение положительной философии, рассматривающей результаты деятельности наших умственных способностей, дает нам единственное рациональное средство обнаружить логические законы человеческого ума, к отысканию которых до сих пор применялись средства, весьма мало для того пригодные.

Чтобы разъяснить вполне мое мнение по этому предмету, я должен сперва напомнить весьма важное философское понятие, высказанное где-Бленвилем в прекрасном введении к его Общим принципам сравнительной анатомии.

Он говорит, что всякое деятельное существо, и, в особенности, всякое живое существо, во всех своих проявлениях может быть изучаемо с двух точек зрения, в статическом и динамическом отношениях, т.е. как существо, способное действовать, и как действующее на самом деле. Ясно, что все соображения, которые можно представить, непременно войдут в тот или другой разряд. Применим теперь это блестящее основное положение к изучению отправления этого ума.

При рассмотрении этих функций со статической точки зрения, их изучение может состоять только в определении органических условий, от которых они зависят, и образует таким образом существенную часть анатомии и физиологии

Если же их рассматривать с динамической точки зрения, то вопрос приводится к изучению действительного хода работы человеческого ума путем исследования приемов, примененных в свое время к приобретению различных точных знаний, что по существу и составляет главный предмет положительной философии, как я ее определил в этой лекции. Одним словом, смотря на научные теории как на великие логические факты, мы только путем глубокого наблюдения этих фактов можем подняться до понимания логических законов.

Таковы очевидно два единственные общие приема, пополняющие друг друга, с помощью которых можно получить некоторые истинные рациональные познания относительно интеллектуальных явлений.

Отсюда видно, что здесь совсем нет места для той ложной психологии, представляющей последнее видоизменение теологии, которую так безуспешно пытаются теперь оживить и которая, не обращая внимания ни на физиологическое изучение наших мыслительных органов, ни на наблюдение рациональных процессов, действительно руководящих нашими научными исследованиями, стремится открыть основные законы человеческого духа, рассматривая их сами по себе, т.е. превращая в полную абстракцию и причины, и следствия.

Положительная философия приобрела свое превосходство понемногу, начиная со времени Бэкона; теперь она, хотя иногда и косвенно, получила такое влияние на умы, оставшиеся даже наиболее чуждыми ее колоссальному развитию, что метафизики, занимающиеся изучением нашего разума, могли надеяться замедлить падение своей мнимой науки только пытаясь представить и свои доктрины основанными как бы на наблюдении фактов. С этой целью они в последнее время, с помощью очень странного ухищрения, предложили отличать два равноважные вида наблюдения, внешнее и внутреннее, из которых последнее предназначено исключительно для изучения интеллектуальных явлений. Здесь не место вдаваться в подробный разбор этого основного софизма, и я ограничусь указанием на главное соображение, которое покажет ясно, что это прямое созерцание духа есть в самом деле чистейшая иллюзия.

Недавно еще считали, что для объяснения зрения достаточно указать, что световое действие тел рисует на сетине изображения, представляющие собой внешние формы и цвета. На это физиологи основательно возражали, что если бы световые впечатления действовали как картины, то нужно было бы иметь еще один глаз, чтобы видеть их. Не применимо ли то же возражение еще более в данном случае?

В самом деле, понятно, что в силу неизбежной необходимости человек может прямо наблюдать всякого рода явления кроме происходящих в нем самом. Кто будет тут наблюдать? Относительно моральных явлений еще можно допустить, что человек в состоянии наблюдать в самом себе свои страсти, если исходить из основанного на анатомии соображения, что органы через посредство которых наши страсти проявляются, отделены от органов, предназначенных для производства наблюдений. Но если бы даже каждый из нас имел случай сделать над собой подобные наблюдения, то они, очевидно, никогда не имели бы большой научной ценности, и лучшим средством изучения страстей все же остается наблюдение вне себя, ибо всякое очень яркое выраженное состояние страсти, т.е. как раз то, которое всего важнее было бы исследовать, является конечно несовместимым с состоянием наблюдения. Что же касается такого же наблюдения мыслительных явлений в самый момент их осуществления, то это очевидно невозможно. Мыслящий человек не может разделиться на две половины, из которых одна будет мыслить, а другая наблюдать за мышлением. Как может быть произведено наблюдение в случае, когда наблюдающий и наблюдаемый органы тождественны? Итак, этот мнимый психологический метод по самому своему основанию не имеет никакого значения...

Я не знаю, будет ли возможно в будущем составить надлежащий обзор методов независимо от философского изучения наук, но я вполне убежден в том, что подобное предприятие неисполнимо теперь, так как общие логические приемы еще не могут быть достаточно полно объяснены независимо от их применения. Я решаюсь, кроме того, сказать, что если даже в будущем это предположение будет приведено в исполнение, что можно еще себе представить, то только путем правильного применения научных приемов можно будет создать хорошую систему интеллектуальных привычек, что и составляет существенную цель изучения методов...

Итак, первым важным и прямым результатом положительной философии должно быть проявление путем опыта законов, которым следуют в своей деятельности наши умственные отправления, а следовательно и точное познание общих правил, способных верно вести нас в поисках истины.

Вторым, не менее важным, но еще более интересным следствием, которое необходимо повлечет за собой прочное обоснование положительной философии, определение коей дано в этой лекции, является руководящая роль ее во всеобщем преобразовании нашей системы воспитания.

В самом деле, здравомыслящие люди уже теперь единогласно признают необходимость замены нашего, по существу своему

все еще теологического, метафизического и литературного воспитания, воспитанием положительным, соответствующим духу нашей эпохи и применимым к потребностям современной цивилизации. Различные попытки, усилившиеся все более и более в последний век, а особенно в наше время, распространять и постоянно расширять положительное обучение, попытки, которым различные европейские правительства постоянно и охотно оказывали свое содействие (или даже принимали их сами) доказывают, что со всех сторон само собою зарождается желание действовать в этом направлении. Но, помогая насколько возможно этим полезным попыткам, не следует скрывать от себя, что при настоящем состоянии наших идей они не имеют ни малейшей надежды достигнуть своей главной цели — полного перерождения всеобщего образования. Ибо исключительная специализация и ясно выраженное стремление к обособлению, которые до сих пор характеризуют наши приемы понимать и разрабатывать науки, оказывают конечно большое влияние на способ преподавания их. Если кто-нибудь задумает в настоящее время изучить главные отрасли естественной философии для того, чтобы составить себе общую систему положительных идей, то он будет принужден изучать каждую науку отдельно, пользуясь теми же приемами и с теми же подробностями, как если бы он хотел сделаться специалистом-астрономом, химиком и т.п., что делает положительное образование почти невозможным и по необходимости крайне несовершенным даже для самых сильных умов, находящихся в самых благоприятных условиях. Подобный образ действий при применении к всеобщему образованию оказался бы конечно чистейшей бессмыслицей, а между тем последнее безусловно требует совокупности положительных идей по всем главным классам явлений природы. Этой то совокупности идей и суждено, в более или менее широких размерах, стать даже в народных массах постоянной основой человеческих соображений, создать, одним словом, общий дух наших потомков. Чтобы естественная философия, могла завершить уже столь подготовленное преобразование нашей интеллектуальной системы, необходимо следовательно, чтобы входящие в ее состав науки представлялись всем отдельными ветвями, выходящими из одного ствола, и прежде всего были сведены к тому, что составляет их суть, т.е. к их главным методам и наиболее важным результатам. Только при таком условии преподавание наук может сделаться у нас основанием новой действительно рациональной системы всеобщего образования. Пусть затем к этому начальному образованию присоединяются различные специальные научные

занятия, соответствующие тем специальным формам образования, которые должны следовать за общим — и в этом отношении очевидно не может возникнуть никаких сомнений. Но главное соображение, на которое я хотел здесь указать, состоит в том, что все эти специальные занятия были бы конечно недостаточны для действительного обновления системы нашего образования, если бы они не опирались на предварительное общее образование, представляющее прямой результат определенной в этой лекции положительной философии.

Специальному изучению общих положений наук суждено не только преобразовать воспитание, но и способствовать прогрессу отдельных положительных наук; это-то и составляет третье основное свойство, на которое я желаю указать.

Действительно, деление, которое мы устанавливаем между науками, хотя и не вполне произвольно, как некоторые это думают, однако по существу своему является искусственным. На самом деле предмет всех исследований один, и мы подразделяем его только с целью обособить встречающиеся при его изучении затруднения, чтобы потом лучше справиться с ними. Часто случается поэтому, что вопреки нашим классическим подразделениям, важные вопросы требуют известного соединения нескольких специальных точек зрения, которое нельзя осуществить при теперешнем состоянии научного мира; это обстоятельство иногда принуждает оставлять эти вопросы без ответа гораздо долее, чем это необходимо. Подобное неудобство должно в особенности возникать по отношению к наиболее существенным положениям каждой науки в частности... Наконец четвертое и последнее основное свойство науки, названной мной положительной философией, на которое я должен указать теперь же, и которое, по своему громадному практическому значению, должно более всего привлечь к ней всеобщее внимание, состоит в том, что положительную философию можно считать единственной прочной основой общественного преобразования, имеющего положить конец тому критическому состоянию, в котором так давно уже находятся наиболее цивилизованные народы. Последняя часть этого курса будет специально посвящена установлению и самому широкому развитию этого положения. Но общим очертанием той громадной картины, которую я взялся наметить в этой лекции, не доставало бы одного из самых характерных ее элементов, если бы я не указал здесь на столь существенное соображение.

Нескольких самых простых замечаний будет достаточно для оправдания того, что в таком определении может показаться слишком притязательным.

Читателям этой книги я не считал бы нужным доказывать, что идеи управляют и переворачивают мир, или, другими словами, что весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях. Они хорошо знают еще и то, что великий политический и моральный кризис современного общества зависит в конце концов от умственной анархии. Наша опаснейшая болезнь состоит в глубоком разногласии умов относительно всех основных вопросов жизни, твердое отношение к которым является первым условием истинного социального порядка.

До тех пор, пока отдельные умы не примкнут единогласно к известному числу общих идей, с помощью которых можно было бы построить общую социальную доктрину, нельзя скрывать от себя, что народы останутся по необходимости в совершенно революционном состоянии, и, несмотря ни на какие политические паллиативы, будут вырабатывать только временные учреждения. Равным образом достоверно и то, что если только такое единение умов на почве общности принципов состоится, то соответствующие учреждения создадутся сами естественным образом, без всякого тяжелого потрясения, так как самый главный беспорядок рассеется благодаря одному этому факту. На это обстоятельство и должно быть направлено главное внимание всех тех, кто понимает все значение действительно нормального положения вещей.

Теперь, с той высокой точки зрения, которой мы постепенно достигли с помощью различных соображений, высказанных в этой лекции, нам уже не трудно сразу характеризовать определенно, во всей его глубине, современное состояние общества, и установить, каким образом можно произвести в нем существенные изменения.

Пользуясь основным законом, провозглашенным в начале этой лекции, я считаю возможным точно резюмировать все сделанные относительно современного положения общества замечания, сказав просто, что существующий теперь в умах беспорядок в конце концов зависит от одновременного применения трех совершенно несовместимых философий: теологической, метафизической и положительной. На самом деле ведь очевидно, что если бы одна из этих философий достигла полного и всеобщего главенства, то получился бы определенный социальный порядок, тогда как зло состоит именно в отсутствии какой бы то ни было истинной организации.

Именно это одновременное существование трех противоречащих друг другу философий и препятствует безусловно соглашению по какому бы то ни было важному вопросу. Если такой взгляд правилен, то остается только узнать, какая

философия по природе вещей может и должна победить, а затем всякий разумный человек, каковы бы ни были его личные мнения до анализа этого вопроса, должен постараться содействовать успеху ее. Как только исследование будет доведено до этих простых положений, результат его не долго будет оставаться неопределенным, так как на основании различных соображений, из которых главнейшие указаны в этой лекции, видно, что положительная философия при естественном ходе вещей одна только и может победить. Она одна уже много веков постоянно прогрессировала, тогда как ее антагонисты постоянно падали. Справедливо ли это или нет — вопрос не важный, самый факт неоспорим, и этого вполне достаточно. О нем можно сожалеть, но его нельзя отрицать, и, следовательно, им нельзя пренебрегать, не рискуя перейти в область праздных соображений. Этот всеобщий переворот человеческого духа теперь уже почти закончен, и остается только, как я уже объяснил, пополнить положительную философию, включив в нее изучение социальных явлений, и затем привести ее в одну систему однородных доктрин. Когда эта двойная работа достаточно подвинется вперед, торжество положительной философии наступит само собой и восстановит порядок в обществе.

Ясно выраженное предпочтение, которое почти все умы, начиная от самых возвышенных и до самых вульгарных, оказывают теперь положительным познаниям пред неясными и мистическими понятиями, достаточно предсказывает, какая встреча ожидает положительную философию, когда она приобретет единственное недостающее ей качество, т.е. подобающую ей всеобщность.

Одним словом, в настоящее время теологическая и метафизическая философия оспаривают друг у друга задачу преобразования общества, совершенно непосильную и той, и другой; только между ними и идет борьба в этом отношении. Положительная философия до сих пор вмешивалась в борьбу только для того, чтобы подвергать критике и ту, и другую, и успела совершенно лишить их всякого доверия.

Приведем же ее наконец в такое состояние, чтобы она могла принять активное участие, и не будем останавливаться более на сделавшихся бесполезными спорах. Завершая обширное умственное здание, начатое Бэконом, Декартом и Галилеем, прямо создадим систему общих идей, которую положительной философии суждено поставить навсегда во главе рода человеческого, и революционный кризис, мучающий цивилизованные народы, будет совершенно закончен.

С этих четырех главных точек зрения я и счел нужным

указать теперь же на благотворное влияние положительной философии, чтобы представить существенное дополнение к общему определению, которое я попытался дать выше.

Прежде чем кончить, я желаю обратить внимание еще на одно соображение, которое, как мне кажется, поможет избежать насколько возможно ошибочного с самого начала понимания природы этого курса.

Признавая целью положительной философии приведение в одну систему однородных доктрин всей совокупности приобретенных человечеством познаний относительно различных классов естественных явлений, я был очень далек от мысли изучать все эти явления, смотря на них как на различные следствия одного принципа, или считая их подчиненными одному единственному закону. Хотя я и должен заняться специальным разбором этого вопроса в следующей лекции, я считаю нужным уже теперь заявить об этом, чтобы избежать совершенно неосновательных упреков, которые могли бы быть вследствие неправильного понимания высказаны мне лицами, если бы они отнесли мой курс к числу попыток дать универсальное объяснение, какими каждый день дарят нас люди, совершенно чуждые научным методам и знаниям.

Ничего подобного в этом курсе не заключается и дальнейшего его изложение ясно докажет это всем тем, у кого содержащиеся в лекции разъяснения могли бы оставить еще некоторую долю сомнения в этом отношении.

По моему глубокому личному убеждению все эти попытки общего объяснения всех явлений одним законом совершенно бесполезны, даже если их делают наиболее сведущие люди.

Я думаю, что силы человеческого духа слишком незначительны, а мир слишком сложен для того, чтобы мы хоть когда-нибудь достигли такого научного совершенства; кроме того, я нахожу, что обыкновенно слишком преувеличивают выгоды, которые проистекали бы из такого объяснения, если бы оно было возможно...

Мне не нужны дальнейшие подробности, чтобы окончательно убедить, что цель этого курса совсем не состоит в том, чтобы представить все явления природы в сущности тождественными, несмотря на внешнее их разнообразие.

Положительная философия была бы конечно более совершенна, если бы это положение было справедливо, но такое условие совсем не необходимо для ее систематического построения или для осуществления великих и благотворных последствий, которые, как мы видели, ей суждено вызывать; необходимым объединяющим элементом является только единство метода, которое очевидно может и должно существовать, и в большей части ее уже установлено. Что же касается самой

доктрины, то в ее единстве нет никакой необходимости; достаточно, чтобы она была однородна. Поэтому мы в этом курсе рассматриваем различные классы положительных теорий с двух точек зрения: единства метода и однородности доктрин. Стремясь все время к возможному уменьшению числа общих законов, необходимых для положительного объяснения естественных явлений, что и составляет на самом деле философскую цель наук, мы будем считать дерзостью надеяться когда бы то ни было, даже в самом отдаленном будущем, довести это число до единицы.

В этой лекции я пытался по возможности точно определить цель, дух и влияние положительной философии. Я отметил таким образом пункт, к которому постоянно были и будут направлены все мои усилия как при изложении этого курса, так и во всех других работах. Никто более меня не убежден, что моих умственных сил, даже если бы они были гораздо выше чем в действительности, не достаточно для решения такой обширной и высокой задачи, но задача, которая не может быть решена одним человеком, в течении одной жизни, может быть ясно поставлена все таки отдельными индивидуумами. В этом заключается все мое честолюбие.

Объяснив истинную цель моего курса, т.е. установив точку зрения, с которой я буду рассматривать различные главные отрасли естественной философии, я в следующей лекции дополню эти общие положения, перейдя к изложению плана курса, т.е. к определению энциклопедического порядка, который должен быть установлен между отдельными классами естественных явлений, а, следовательно, и между соответствующими положительными науками.

Вторая лекция

Изложение плана этого курса или общие соображения об иерархии положительных наук

Определив в прошлой лекции по возможности точно общий характер соображений, которые я намерен представить в этом курсе по всем главным отраслям естественной философии, я должен теперь указать план, которому мы должны следовать, т.е. предложить наиболее удобную и рациональную классификацию главных положительных наук для того, чтобы затем последовательно изучать их с установленной уже точки зрения. Это второе общее исследование необходимо, чтобы с самого начала окончательно выяснить истинный дух этого курса.

Прежде всего нетрудно понять, что мне незачем останавливаться на слишком, к сожалению, легкой критике предложенных в течение двух последних веков многочисленных классификаций общей системы человеческих познаний, рассматриваемых во всем их объеме. Теперь все вполне убедились, что всякого рода энциклопедические подразделения, построенные, как у Бэкона и д'Аламбера, на некоторых особенностях различных способностей человеческого ума, уже по самому принципу совершенно неправильны, — даже если эти особенности реальны, а не фиктивны, как это часто бывает, — ибо в каждой сфере деятельности наш разум сразу применяет все свои главные способности. Что же касается всех других классификаций, то достаточно указать на возникавшие при появлении их споры, которые убедили окончательно, что в каждой из них есть какой-нибудь крупный недостаток; таким образом ни одна классификация не заслужила всеобщего одобрения, и по этому предмету существует столько же мнений, сколько людей. В общем эти попытки были так дурно задуманы, что даже вызвали у всех умных людей невольное предубеждение против подобных предложений.

Не останавливаясь более на столь прочно установленном факте, гораздо важнее отыскать его причину. Объяснить себе глубокое несовершенство этих энциклопедических попыток, так часто возобновлявшихся до последнего времени, очень трудно. Мне незачем указывать, что когда благодаря неосновательности первых попыток все подобного рода работы совершенно лишились всеобщего доверия, за классификации стали браться чаще всего люди, совершенно незнакомые с классифицируемыми ими предметами. Кроме этого замечания, относящегося только к личности классификаторов, есть еще одно гораздо более важное соображение, заимствованное из самой природы предмета и показывающее, почему до сих пор невозможно было достичь действительно удовлетворительной энциклопедической теории. Причина лежит в недостатке однородности, которая до последнего времени существовала между отдельными частями интеллектуальной системы, из которых одни сделались последовательно положительными, тогда как другие все еще оставались теологическими или метафизическими. При таком нестройном положении вещей установление какой бы то ни было рациональной классификации было, конечно, невозможно. Как расположить в одной системе столь глубоко противоречивые понятия?

Вследствие этого именно затруднения потерпели неудачу все классификаторы, причем ни один из них не заметил его отчетливо. Для всякого, однако, кто понимал действительное

положение человеческого духа, было ясно, что подобное предприятие преждевременно, и что оно может быть выполнено с успехом только тогда, когда наши главные понятия станут положительными.

Так как на основании данных в прошлой лекции объяснений можно считать это основательное условие выполненным, то теперь можно приступить к действительно рациональному и прочному построению системы, все части которой сделались, наконец, однородными.

С другой стороны, общая теория классификаций, установленная в последнее время философскими работами ботаников и зоологов, позволяет надеяться на действительный успех подобного предприятия, так как она дает нам верного руководителя в виде истинного основного принципа искусства классифицирования, принципа, который до тех пор не был ни разу ясно понят.

Этот принцип вытекает как необходимое следствие прямого применения положительного метода к самому вопросу о классификации, который, как и всякий другой, надлежит рассматривать с помощью наблюдений, а не решать априорными соображениями. На основании этого принципа классификация должна вытекать из изучения самих классифицируемых предметов, и определяется действительным средством и естественными связями, которые между ними существуют; таким образом сама классификация должна быть выражением наиболее общего факта, обнаруженного внимательным сравнением охватываемых ею предметов.

Применяя это основное правило к настоящему случаю, мы должны приступить к классификации положительных наук на основании существующей между ними взаимной зависимости, и эта зависимость, если она реальна, может вытекать только из зависимости между соответствующими явлениями.

Но прежде чем совершить эту важную энциклопедическую операцию в указанном выше направлении, необходимо, чтобы не сбиться с пути в таком обширном труде, отметить границы предмета предполагаемой классификации с большей, чем мы делали до сих пор, точностью.

Все поступки человеческие приводятся или к размышлению или к действию, и поэтому самое общее деление наших познаний состоит в отличии теоретических познаний от практических. Если мы остановимся на этом первом делении, то очевидно, что в курсе, подобном нашему, могут быть рассматриваемы только теоретические познания, ибо здесь вопрос идет не об изучении всей совокупности человеческих знаний, а только системы основных понятий о явлениях

различных классов, которая дает прочную основу для всех других наших соображений и которая в свою очередь не опирается ни на какую предыдущую интеллектуальную систему.

Итак, в труде, подобном нашему, следует рассматривать общие рассуждения, а не их приложения, если только последние не могут послужить для объяснения первых. Вероятно это и понимал Бэкон, хотя весьма несовершенно, под своей первой философией, которая, по его мнению, должна быть извлечена из совокупности наук и которую так различно и постоянно, так странно объясняли пробовавшие комментировать его мысль метафизики.

Без сомнения, рассматривая всю совокупность занятий человечества, следует признать, что изучение природы как бы предназначено послужить истинной разумной основой воздействия человека на природу, ибо познание управляющих явлениями законов, которое позволяет нам постоянно предвидеть самые явления, одно только может дать нам возможность в нашей деятельности с пользой для нас видоизменять одни явления при помощи других. Наши естественные и прямые средства влиять на окружающие нас тела совершенно несоизмеримы с нашими потребностями. Каждый раз когда мы совершаем какое-нибудь сильное воздействие, это удается только благодаря тому, что наше знание законов природы позволяет нам ввести в число определенных обстоятельств, под влиянием которых происходят явления, несколько новых элементов, в известных случаях оказывающихся, несмотря на всю свою незначительность, достаточно сильными, чтобы изменить в нашу пользу окончательный результат действия всех вместе взятых внешних причин. Одним словом: на науке основано предвидение, на предвидении — действие. В такой очень простой формуле точно выражается отношение науки к искусству, если принимать эти два слова в их полном значении.

Несмотря, однако, на все значение этой связи, которую не следует упускать из вида, понимать науки только как основы искусств значило бы понимать их весьма несовершенным образом, а, к несчастью, в наши дни многие слишком склоняются к такому взгляду. Как бы ни были велики услуги, которые научные теории оказали промышленности, хотя бы даже наше могущество, по энергичному выражению Бэкона, и было пропорционально нашим познаниям, мы все же не должны забывать, что науки прежде всего имеют более прямое и возвышенное назначение: удовлетворять наш разум в его основной потребности познавать законы явлений. Чтобы понять, как глубока и могуча эта потребность, достаточно обратить внимание на физиологическое влияние удивления и вспомнить,

что наиболее ужасное из всех возможных для нас ощущений мы испытываем, когда нам кажется, что какое-нибудь явление происходит противно тем естественным законам, к которым мы привыкли...

Я считаю нужным здесь особенно отметить одно соображение, которое буду часто повторять в этом курсе, чтобы указать на необходимость нам защитить себя против чрезмерного влияния существующих привычек, которые препятствуют образованию благородных истинных взглядов на важность и назначение наук. Если бы главная сила нашего организма не исправляла в умах ученых, иногда непроизвольно, неполноту и узость общего направления нашего века, то человеческий ум, ограничиваясь имеющими немедленное практическое применение исследованиями, благодаря одному этому, как правильно заметил Кондорсе, остановился бы в своем прогрессе даже по отношению к тем практическим применениям, ради которых так неразумно пожертвовали бы чисто теоретическими работами, ибо самые важные приложения постоянно вытекают из теорий, созданных с чисто научными целями и существовавших иногда по целым векам без всяких практических результатов. Можно указать (как на весьма замечательный пример) на блестящую теорию конических сечений, созданную греческими геометрами, которая много поколений спустя вызвала обновление астрономии и дала возможность довести мореплавание до той высокой степени совершенства, на которой оно стоит теперь, и которой оно никогда не достигло бы без чисто теоретических работ Архимеда и Аполлония; таким образом Кондорсе по этому поводу с полным основанием мог сказать «моряк, которого спасают от кораблекрушения точные определения долготы, обязан своей жизнью теории, созданной две тысячи лет тому назад гениальными мыслителями, которые имели в виду только простые геометрические соображения».

Очевидно, что признав самым общим образом изучение природы за рациональную основу воздействия на нее, человек должен приступать к теоретическим исследованиям совершенно не задаваясь какими бы то ни было практическими целями, ибо наши средства для открытия истинны так слабы, что если мы не сосредоточим их исключительно на одной цели, и при отыскании истины будем еще задаваться и посторонними вопросами о немедленной практической пользе, то почти никогда не будем в состоянии найти самую истину.

Как бы то ни было, верно, что совокупность наших познаний о природе и совокупность выведенных из этих познаний приемов воздействия на природу в нашу пользу составляют две совершенно отдельные по существу своему

системы, которые следует и рассматривать, и изучать совершенно независимо одна от другой. Кроме того, так как первая система лежит в основе второй, то при методическом изучении ее и следует рассматривать раньше даже в том случае, если бы мы захотели охватить всю массу человеческих знаний, как теоретических, так и прикладных. Мне кажется, что именно система теоретических знаний и должна теперь быть предметом действительно рационального курса положительной философии так, по крайней мере, я ее понимаю. Без сомнения, можно было бы задумать более обширный курс, затрагивающий в одно и то же время общие положения теории и практики, но я не думаю, что подобное предприятие, не говоря уже о его размерах, может быть предпринято при теперешнем состоянии человечества. Мне кажется, что для его осуществления нужно предварительно совершить еще одну и очень важную и совершенно особенную работу, до сих пор не исполненную, а именно на основании научных теорий в истинном смысле этого слова выработать особые специальные понятия, должноствующие служить прямым основанием общих практических приемов.

При том развитии, какого уже достиг наш разум, науки не прилагаются к искусствам немедленно, по крайней мере в наиболее сложных случаях: между этими двумя рядами идей есть еще средний, который, с философской точки зрения определен очень слабо, но проявляет себя заметнее, если обратить внимание на класс людей, занимающихся им специально.

Между собственно учеными и директорами промышленных предприятий понемногу формируется новый промежуточный класс инженеров, специальное назначение которых состоит в установлении отношений между теорией и практикой. Совершенно не заботясь о прогрессе науки, эти лица изучают ее в современном ее состоянии для того, чтобы сделать те применения к промышленности, на которые наука способна. Таково по меньшей мере естественное положение вещей, хотя в этом отношении существует еще большое смешение. Собрание доктрин, которые относятся к этому классу и должны непосредственно создать настоящие теории различных искусств, могло бы, конечно, дать материал для весьма интересных и важных философских соображений. Но труд, который охватил бы их вместе с теориями, основанными на науках в чистом смысле этого слова, был бы теперь совершенно преждевременным, так как эти доктрины, лежащие между этой теорией и прямой практикой, еще не созданы, и в настоящее время существует несколько несовершенных элементов, относящихся

к наиболее развившимся наукам и искусствам, которые могут позволить нам только допустить возможность такого рода труда для всей совокупности человеческих действий...

Мы поймем еще лучше трудность построения промежуточных доктрин, на которые я только что указал, если мы обратим внимание на то, что всякое искусство зависит не от одной соответствующей ему науки, а от нескольких сразу, так что самые важные искусства пользуются содействием почти всех главных наук. Ограничиваясь только наиболее выдающимся примером, я укажу на то, что хорошая теория земледелия требует соединения познаний по химии, физиологии, физике и даже астрономии и математике; то же самое можно сказать и об изящных искусствах. Но из этого замечания легко понять, почему эти теории остались до сих пор не законченными, раз их построение требует предварительного развития всех основных наук. Оно же дает и новое основание не включать идей этого класса в курс положительной философии, так как общие теории отдельных главных искусств не в состоянии помочь систематическому образованию этой философии, а наоборот должны, как мы видели, явиться в будущем одним из самых полезных следствий построения ее.

Итак, мы должны в этом курсе рассматривать только научные теории, а совсем не их приложения. Прежде чем, однако, приступить к классификации отдельных частей теории, мне остается указать на существующее между науками в чистом смысле этого слова различие, которое окончательно определит предмет предпринимаемого нами исследования. По отношению к какому роду явлений надо различать два класса естественных наук: науки абстрактные, общие, стремятся путем изучения всех возможных случаев к открытию управляющих различного рода явлениями законов; науки конкретные, частные, описательные, иногда называемые собственно естественными науками, состоят в приложении этих законов к истории различных существующих тел. Поэтому первые являются основными, и ими-то мы и займемся в этом курсе; другие, как бы они не были важны сами по себе, занимают только второстепенное место и поэтому совершенно не должны входить в состав труда, естественные размеры которого так велики, что заставляют нас сокращать их до наименьшего по возможности объема...

...Положительная философия оказывается естественным образом разделенной на пять главных наук, последовательность которых определяется неизменным и необходимым подчинением, основанным, независимо от всяких гипотез, на одном только внимательном сравнении соответствующих явлений; эти науки суть астрономия, физика, химия, физиология и наконец

социальная физика. Первая изучает явления самые общие, самые простые, самые отвлеченные и наиболее удаленные от человечества; они влияют на все другие, не подвергаясь влиянию последних. Наоборот, в социальной физике рассматриваются явления наиболее частные, наиболее сложные, наиболее конкретные и наиболее затрагивающие прямые интересы человечества; эти явления более или менее зависят от всех предыдущих, не оказывая в свою очередь на них никакого влияния.

Между этими пределами степень частности и сложности явлений и непосредственности интереса их для человека, а равно и их последовательная зависимость идут, постепенно увеличиваясь, от одного предела к другому.

Таковы общие и глубокие соотношения, которые мы должны установить между отдельными главными науками не на основании произвольных и пустых различий между ними, а на основании правильно примененного истинно философского наблюдения...

Конт О.

ОБЩИЙ ОБЗОР ПОЗИТИВИЗМА¹

Часть третья НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЗИТИВИЗМА

Глава I

ЧЕРТЫ СХОДСТВА МЕЖДУ ФИЛОСОФАМИ И ПРОЛЕТАРИЯМИ

В силу философской природы и социального назначения позитивизма ему приходится искать основную точку опоры вне всех тех духовных или светских классов, которые до сих пор более или менее участвовали в управлении человечеством. За исключением редких единичных личностей, число которых, впрочем, вскоре значительно увеличится, каждый из этих классов, благодаря своим предрассудкам и страстям, естественно представляет серьезные препятствия для умственного и нравственного преобразования, долженствующего характеризовать вторую часть великой западной революции. Неправильное образование и эмпирические привычки мешают им создать цельное мирозерцание, которому отныне нужно подчинить все специальные понятия. Деятельный аристократический эгоизм у них обыкновенно мешает действительному преобладанию социального чувства — этого высшего принципа нашего возрождения.

Не только нельзя рассчитывать на классы, господство которых было навсегда разрушено в начале революционного кризиса, но мы должны ожидать почти столь же сильного, хотя более скрытого противодействия со стороны тех классов, которые достигли высшего социального положения, которого они так долго добивались. Их политические стремления сводятся, главным образом, к обладанию властью, не касаясь ее назначения и ее осуществления. Они не шутя полагали, что парламентарный режим, свойственный заканчивающемуся ныне переходному состоянию покоя, является завершением революции. Они долго будут сожалеть об этой эпохе застоя, так как она была особенно благоприятна для их честолюбивой деятельности.

Полное социальное преобразование почти так же пугает эти средние классы, как и старые дворянские сословия. Как одни,

¹Из кн. Родоначальники позитивизма СПб., 1910

так и другие охотно согласились бы, по возможности, продлить в новых формах, даже республиканских, теологическую систему лицемерия, составляющую теперь единственный реальный остаток ретроградного режима. Эта безнравственная система является для них вдвойне привлекательной, ибо она обеспечивает почтительное подчинение масс, не предписывая вождям никаких строгих обязанностей. Если их критико-метафизические предрассудки стремятся увековечить духовное междуцарствие, препятствующее окончательному преобразованию, то их страсти не менее страшатся воцарения нового морального авторитета, который, конечно, главным образом даст себя чувствовать людям богатым.

В восемнадцатом веке большая часть вельмож и даже королей могла принять чисто отрицательную философию, которая, избавляя их от многих затруднений, доставляла им легкую известность и не требовала от них никакой серьезной жертвы. Но это обстоятельство не позволяет еще надеяться, что наши богатые и образованные классы столь же сочувственно отнесутся к позитивной философии, которая начинает теперь дисциплинировать умы, дабы преобразовать нравы.

В силу этой двоякой причины позитивизм может встретить искреннее коллективное одобрение только среди классов, которые, будучи избавленными от бесполезного обучения словам и сущностям и естественно одушевленными деятельной общественностью, составляют отныне наилучшую опору для здравого смысла и нравственности. Одним словом, наши пролетарии единственно способны стать решительными помощниками новых философов. Импульс к преобразованию зависит, главным образом, от тесного союза между этими двумя крайними элементами окончательного строя. Вопреки их естественному различию (впрочем, более кажущемуся, чем действительному) в основе они имеют много сходных интеллектуальных и моральных черт. Ум тех и других будет все более и более обнаруживать один и тот же инстинкт реальности, равное предпочтение полезного и одинаковое стремление подчинять мысли, касающиеся мелочных вопросов, цельным взглядам. С той и другой стороны разовьются также великодушные привычки мудрой беззаботности к материальным благам и равное презрение к светским почестям (по крайней мере тогда, когда истинные философы, благодаря сношению с достойными пролетариями, окончательно выработают свой собственный характер).

Когда эти основные симпатии смогут достаточно обнаружиться, станет ясно, что каждый пролетарий является во многих отношениях самородным философом, подобно тому как всякий философ представляет собой с различных сторон систематического пролетария. Сверх того эти два крайних класса

проявят одинаковое отношение к промежуточному классу, который сосредоточивает в своих руках светское преобладание и от которого поэтому обыкновенно зависит их общее материальное существование.

Все эти сходства естественным образом вытекают из их положения и назначения. Если эти последние еще недостаточно отчетливо выражены, то это обусловливается, главным образом, отсутствием настоящего философского класса, насчитывающего сейчас лишь некоторых изолированных представителей. Хотя истинные пролетарии, к счастью, не столь редки, но, только во Франции или скорее только в Париже они могли проявить себя достойным образом свободными от всяких нелепых верований и от всякого пустого социального престижа...

Глава II

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОЛЕТАРИЯ БЛАГОПРИЯТСТВУЕТ РАЗВИТИЮ ВЕЛИКОДУШНЫХ ЧУВСТВ И ОБЩИХ ВЗГЛЯДОВ

Мы видим, что повседневные занятия пролетария гораздо более благоприятны философским размышлениям, чем занятия средних классов, ибо они не поглощают их настолько, чтобы мешать последовательному мышлению даже во время практической работы. Этот умственный досуг облегчается морально естественным отсутствием ответственности: положение труда само собой предохраняет их от честолюбивых расчетов, беспрестанно тревожащих предпринимателя. Характер размышлений того и другого определяется даже этим двояким различием, в силу которого один стремится к общим понятиям, а другой к специальным взглядам. Для достойного пролетария столь превозносимая теперь узкая специализация прямо представляется в ее настоящем свете, т.е. как притупляющая умственные способности, ибо она обрекает ум на такую жалкую деятельность, что она у нас никогда не возобладает, несмотря на эмпирические наставления наших экономистов-англоманов. Напротив, эта исключительная и непрерывная специализация должна казаться значительно менее унижительной и даже как будто необходимой для предпринимателя и даже для ученого, применяющих ее к вопросам, занимающим более посредственные умы (по крайней мере тогда, когда здоровое образование не развило у них вкус и привычку к отвлеченным обобщениям).

Но моральная противоположность между двумя формами практического существования еще резче выступает, чем их интеллектуальная противоположность. Гордость, внушаемая обыкновенно светскими успехами, в сущности плохо оправ-

дывается рядом достоинств, необходимых для приобретения (хотя бы вполне законного) высокого положения или богатств. Тот, кто более ценит внутренние качества, чем видимые результаты, без труда признает, что практические победы (как промышленные, так и военные) зависят преимущественно от характера, а не от ума или сердца. Это требует, главным образом, благоразумного сочетания известной степени энергии и достаточной настойчивости. Когда эти условия имеются в наличности умственная посредственность и моральное несовершенство несколько не мешают использовать благоприятные обстоятельства, которые обыкновенно необходимы для подобных успехов. Можно даже утверждать без всякого преувеличения, что бедность мыслей и чувств зачастую способствует проявлению и поддержанию соответственных наклонностей. Когда нужен большой подъем трех активных качеств, то он скорее определяется личными побуждениями жадности, честолюбия или славы, чем высшими инстинктами.

... Моральное превосходство пролетарского типа определяется преимущественно прямым подъемом различных высших инстинктов. Когда окончательная систематизация мнений и нравов закрепит истинный характер, присущий этому громадному основному классу современного общества, станет понятным, что различные домашние привязанности естественно должны здесь развиваться более, чем среди промежуточных классов, которые слишком заняты личными расчетами, чтобы достойно оценить подобные связи.

Но главное моральное значение пролетарской жизни касается собственно социальных чувств, которые здесь сами собой деятельно развиваются даже с младенческого возраста. Именно тут мы обыкновенно находим лучшие образцы настоящей привязанности, даже среди тех, кто в силу своей постоянной зависимости (слишком часто благодаря нашим аристократическим нравам переходящей в бесправие) кажутся обреченными на нравственное убожество. Искреннее благоговение, чистое от всякой угодливости, наивно развивается тут по отношению к выдающимся лицам всякого рода. При этом оно не нейтрализуется педантическим высокомерием и не смущается светским соперничеством. Великодушные побуждения поддерживаются здесь всегда невольно вытекающими из личного опыта деятельными симпатиями к страданиям, присущим человечеству. Ни в какой другой среде социальное чувство не встречает столько спонтанного возбуждения, по крайней мере в связи с активной солидарностью, в которой каждый, сохраняя свою ярко выраженную индивидуальность, видит главное средство к достижению благополучия. Если инстинкт человеческой непрерывности недостаточно еще развит среди пролетариев, то

это зависит, главным образом, от отсутствия у них систематической культуры, единственно целесообразной в этом отношении.

В настоящее время было бы излишне доказывать, что ни один другой класс не дает столь частых и столь решительных примеров искреннего и скромного самоотвержения в каждом случае действительной общественной потребности. Наконец, важно отметить по этому поводу, что, в виду отсутствия правильного образования, все эти высокие моральные качества следует рассматривать как врожденные пролетариату, с тех пор как коренное освобождение народных умов не позволяет относить эти результаты к религиозному влиянию. Хотя этот столь непризнанный тип пролетария в действительности существует еще пока только в Париже, его первое появление в центре Запада должно дать всем истинным наблюдателям достаточное понятие о полном окончательном распространении характера, столь сопутствующего здоровой теории человека, в особенности когда позитивизму удастся надлежащим образом систематизировать эти самородные стремления.

Глава III

КОНВЕНТ И ПРОЛЕТАРИИ

Благодаря этой краткой оценке становится понятным поразительный социальный инстинкт, побудивший конвент искать среди наших пролетариев главной поддержки не только против угрожавших ему исключительных опасностей, но также для окончательного преобразования, к которому он горячо стремился, хотя и не был в состоянии определить его природу. Однако, в виду отсутствия действительно общей доктрины и вследствие анархического влияния господствующей метафизики, этот основной союз был тогда задуман в духе, противоречившем его главной цели, так как он по обычаю призывал народ захватить в свои руки политическую власть. Подобное направление, без сомнения, определилось временными необходимостями тогдашнего состояния, когда защита республики зависела, главным образом, от пролетариев, единственно преданных и непоколебимых. Но это направление, принимаемое, согласно абсолютному духу официальной теории за окончательное, вскоре стало несовместимым с существенными условиями современного общества. Это не значит, что народ вообще не должен, даже в случае надобности, оказывать помощь, включая материальную, для поддержания светской власти. Такое подчиненное вмешательство как во внутренние, так и во внешние дела, не только не является анархическим, но со-

ставляет, очевидно, необходимую гарантию всякого нормального строя. Нужно даже признать, что в этом отношении французские нравы еще весьма несовершенны, так как они настраивают наше население равнодушно относиться к повседневым действиям охранительной полиции. Но всякое прямое участие народа в политическом управлении (для решения важных социальных мероприятий в современном государстве) уместно только в период революции. В окончательном же состоянии оно необходимо будет анархическим, если не станет вполне прозрачным.

Глава IV

ВЕРХОВАЯ ВЛАСТЬ НАРОДА. ПОЗИТИВИЗМ ЕЕ НЕ ДОПУСКАЕТ, НО ПРИЗНАЕТ, В КРАЙНИХ СЛУЧАЯХ, ПРАВО НА ВОЗМУЩЕНИЕ

Не допуская метафизического догмата о верховной власти народа, позитивизм систематически извлекает из этого догмата все то, что в нем заключается действительно благотворного (как для исключительных случаев, так, в особенности, для нормального существования), устраняя огромные опасности, связанные с его полным применением. В революционной практике его главное значение состоит в прямом оправдании права на бунт. Позитивная же политика рассматривает это право как крайнее средство для такого общества, которое (при безусловном подчинении, слишком проповедуемом современным католицизмом) рисковало бы подпасть под иго тирании. С научной точки зрения надо в этом видеть спасительный кризис, еще более необходимый для коллективов, чем для индивидуальной жизни, соответственно очевидному биологическому закону, гласящему, что болезненное состояние является тем более частым и тем более тяжким, чем организм сложнее и выше. Так что никто не может серьезно опасаться, что грядущее возобладание позитивизма, которое вызовет исчезновение собственно революционного духа, расположит когда-либо к пассивному подчинению. Это значило бы принять болезнь за окончательный вид здоровья. Глубоко относительный характер новой социальной доктрины, напротив, делает ее единственно способной коренным образом примирить обычное подчинение с исключительным возмущением, как этого требуют одновременно здравый смысл и человеческое достоинство. Сохраняя это опасное лекарство для действительно крайних случаев, она, не колеблясь, его одобрит и даже будет рекомендовать, когда оно станет безусловно необходимым. Но она выполнит эту временную функцию и не введет в обычай отдавать политические вопросы и выборы на суд

очевидно некомпетентных людей, которых она, сверх того, сумеет склонить к добровольному отречению от их анархических прав.

Что касается нормального предписания, которое действительно содержит в себе, хотя в весьма неясной форме, метафизическая теория народовластия, то позитивизм особенно способен освободить его от опасной примеси и тем увеличить его социальное значение, нисколько не ослабляя его. Он различает в нем два весьма отличных друг от друга понятия, которые до сих пор смешивались — одно политическое, применяющееся в некоторых определенных случаях, другое моральное, имеющее всеобщее применение.

Глава V

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ДОГМАТА О ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ НАРОДА

Политическое понятие сводится к провозглашению, от имени социальной массы, частных постановлений, главные мотивы которых все граждане могут обыкновенно достаточно оценить и которые прямо касаются практического существования всей общины, как то: судебные приговоры, объявление войны и т.д. В позитивном строе эти благородные предписания, подсказанные привычным инстинктом всеобщей солидарности, станут еще более внушительными, так как будут обращены ко всему человечеству, а не к отдельному народу. Но было бы нелепо распространять этот обычай на те многочисленные случаи, когда население, неспособное само принять решение, должно принимать решения лиц, облеченных его доверием. Эта социальная необходимость зависит либо от трудности решаемого вопроса, либо от слишком косвенного или слишком ограниченного влияния предпринимаемой меры. Типичным примером могут служить решения, — часто весьма важные — касающиеся научных понятий, а также большинство практических промышленных, медицинских и т.д. правил. Во всех этих случаях позитивизм может легко предохранить народную справедливость от разрушительных заблуждений, которые приобретают серьезное значение только под влиянием метафизического высокомерия, почти неизвестного нашим необразованным пролетариям.

С другой стороны, нормальное толкование мнимого народовластия сводится к основному обязательству направлять всю социальную деятельность к общему благу, впрочем весьма относительному для пролетарской массы как в силу ее подавляющего численного перевеса, так и в особенности ввиду

трудностей, связанных с ее естественным положением, требующим искусственного попечения, в котором другие слои общества мало нуждаются. Но понимаемое в таком смысле это по существу республиканское понятие совпадает с всеобщим основанием истинной морали, выражающимся в прямом и непрерывном преобладании общественности над личностью. Позитивизм не только не противоречит этому понятию, но и ... является единственным принципом его полной систематизации, даже умозрительной. Присвоив себе навсегда это великое социальное правило, временным выразителем которого была после падения католицизма метафизическая философия, позитивизм окончательно очищает его от всякого анархического духа. Ибо он переносит на моральную почву то, что революционная доктрина с такой опасностью ставит на политическую почву, благодаря свойственному ей предрассудку, касающемуся постоянного смещения двух основных сил...

Глава VI

СПОСОБНОСТЬ ПРОЛЕТАРИАТА СТАТЬ ОПОРОЙ ДЛЯ ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ

Мы переходим теперь к прямой характеристике главного коллективного участия, которое должны принимать пролетарии в окончательном строе человечества. Это участие принадлежит им в силу их естественной способности стать необходимыми союзниками духовной власти в ее тройной социальной функции — в оценке, руководстве и даже в подготовке. Все интеллектуальные и моральные свойства, которые имеются у пролетариата, содействуют тому, чтобы указанная его роль неизменно сохранялась. За исключением класса философов никакая другая часть современного общества не может так, как пролетарии, быть расположена вести себя надлежащим образом с общей точки зрения.

Превосходство пролетариев над другими слоями общества еще более очевидно в обладании социальным чувством. В этом отношении они обыкновенно стоят даже выше истинных философов, слишком отвлеченные стремления которых значительно выиграют от повседневного соприкосновения с врожденными благородными порывами народа.

Итак, пролетариат более всякого другого класса общества естественным образом приспособлен понимать и в особенности чувствовать действительные нравственные начала, хотя он и не в состоянии их привести в стройную систему. Эта врожденная способность обнаруживается преимущественно по

отношению к собственно социальной морали, являющейся наиболее важной и наиболее законченной из главных частей всеобщей морали...

Коллективные потребности пролетариата по необходимости заставляют его поддерживать главные нравственные правила, которые обыкновенно выгодны для него. Для поднятия этих правил на надлежащую высоту в активной жизни духовная власть не может очень рассчитывать на помощь посредствующих классов, являющихся естественными носителями светского господства, злоупотребления которого ее предписания должны умерить и исправлять. Обычно эгоистические стремления вельмож и богатых вредно отражаются, главным образом, на пролетариате, а потому именно пролетариев и нужно призвать на поддержку нравственных правил. Они тем более способны энергично поддерживать их, что они по необходимости не должны принимать участия в собственно политическом управлении. Всякое участие их в светской власти не только носило бы анархический характер, но и отвлекло бы их от главного лекарства, которым социальный порядок исцеляет все мучающие их недуги. Народная мудрость вскоре оценит несомненное ничтожество предлагаемых ныне немедленных решений. Она не замедлит понять, насколько ее законные требования преимущественно связаны с нравственными средствами, предоставляемыми пролетариям позитивизмом, хотя этот последний их призывает также не стремиться к призрачной власти, вносящей смуту.

Это основное стремление народа содействовать духовной власти в ее главной социальной задаче настолько естественно, что оно обнаружилось уже в средние века по отношению к католицизму. Подобным же тяготением нужно объяснить и те симпатии, которые католицизм, несмотря на свой общий упадок, еще вызывает у народов, не принявших протестантства. Поверхностные наблюдатели принимают часто эту привязанность за истинное признание этих верований, а в сущности это наибольшее к ним равнодушие. Но это историческое заблуждение рассеет прием, который в непродолжительном времени эти народы, неправильно причисленные к отсталым нациям, окажут позитивизму, когда они поймут его способность удовлетворять лучше католицизма основные потребности, справедливо подсказываемые им социальным инстинктом.

**НРАВСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА
ПРЕОБРАЗОВАННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

Как бы то ни было, врожденное тяготение пролетариата к духовной власти не могло значительно развиваться в средние века, так как народный элемент едва освободился от остатков рабства, когда католицизм пользовался наибольшим влиянием. Здравая историческая теория считает даже отсутствие этой поддержки одной из причин неизбежного крушения благородной попытки католичества. Это преждевременное духовное учение благодаря неизбежному оскудению соответствующих верований, а также вследствие ретроградного характера духовных авторитетов в сущности уже распалось к тому времени, когда пролетариат стал настолько значительной социальной силой, что был в состоянии оказать ему решительную поддержку, если бы оно того заслуживало.

Таким образом, вся новейшая эволюция способствовала тому, чтобы позитивизм организовал основной союз между философами и пролетариями, одинаково подготовленными к этому окончательному союзу, благодаря положительным и отрицательным переменам, совершившимся на Западе в течение последних пяти веков. Этот преобразовательный союз призван создать, главным образом, господство общественного мнения, которое, начиная с конца средних веков, согласно всем инстинктивным и систематическим передвижениям, должно стать главной характерной чертой окончательного строя человечества.

Благотворное влияние общественного мнения неизбежно станет важнейшей опорой нравственности (не только социальной, но также частной и даже личной) среди тех народов, у которых каждый человек должен будет жить все более и более на виду у всех, что позволит обществу действительно контролировать деятельность каждого. Неизбежное падение теологических иллюзий делает эту силу особенно необходимой, так как большинство людей, даже развитых умственно, не в достаточной степени обладает естественной нравственностью. После несравнимого удовлетворения, непосредственно сопровождающего постоянное упражнение социального чувства, общее одобрение будет составлять наилучшую награду за хорошее поведение. Оставлять достойную о себе память было всегда главным желанием каждого, даже при теологическом режиме. В позитивном строе это благородное честолюбие приобретает еще больше значения как единственное средство удовлетворить нашу внутреннюю потребность в увековечении нашего существования. Сила общественного мнения, являясь более необ-

ходимой для нового нравственного строя, развивается в нем с большей напряженностью. Реальность, свойственная всегда доктринам, соответствующим совокупности фактов, лучше обеспечивает авторитет правил нравственности и их целесообразное применение, чем смутные и авторитетные метафизические или теологические предписания. С другой стороны, прямое и постоянное воззвание к общественному интересу (как к единственному принципу позитивной морали) возбуждает постоянное вмешательство общественного мнения, являющегося единственным естественным судьей всякого поведения, направляется, таким образом, к общему благу. Теологическо-метафизическое учение о личном значении существования каждого человека не допускало, конечно, подобного воззвания.

Не приходится далее доказывать, что по отношению к политике в собственном смысле сила общественного мнения должна стать ее регулирующим началом. Влияние этой силы сказывается уже теперь, несмотря на нашу умственную анархию, всякий раз, когда благодаря какому-нибудь решительному толчку устраняются коренные общественные разногласия, сводящие на нет ее значение. Влияние ее обнаруживается даже тогда, когда общественное мнение склоняется к ложному пути, чему наши правительства почти никогда не в состоянии достаточно противодействовать.

Приведенные здесь доказательства позволяют судить о том, какое важное значение должно приобрести закономерное пользование этой силой, когда она явится результатом не случайного и временного совпадения мнений, но систематического исповедывания общих принципов. Отсюда можно ясно видеть, насколько окончательное возрождение социальных учреждений зависит, главным образом, от предварительного преобразования мнений и нравов.

Такое духовное основание не только необходимо для того, чтобы определить, в чем должно состоять гражданское переустройство, но оно также доставит главные средства для осуществления этого предприятия. По мере восстановления умственного и нравственного единства духовное основание необходимо будет руководить постепенным развитием политической системы.

Таким образом, главные социальные улучшения могут быть осуществлены задолго до того, как духовное преобразование будет закончено. В средние века католический строй играл значительную роль в возрождении общества, несмотря на то, что его собственная внутренняя организация еще мало подвинулась вперед. В нашем возрождении подобное соотношение между духовным и светским прогрессом должно иметь еще большее место.

Двойное назначение общественного мнения само определяет главные условия его нормальной организации. Его нравственное и политическое значение требует, во-первых, истинных социальных принципов, во-вторых — публики, которая, одобрив их, санкционировала бы их специальное применение, и, наконец, в-третьих — систематического органа, который, по установлении всеобщей доктрины, руководил бы ее повседневным приложением. Несмотря на естественную очевидность этот анализ общественного мнения еще настолько мало признан, что некоторые прямые указания необходимы здесь для характеристики каждого из трех общих условий.

Первое, в сущности, состоит в распространении на социальное искусство основного деления между теорией и практикой, необходимость которого в незначительных случаях никто уже не оспаривает. Именно благодаря этому обстоятельству новая духовность вскоре будет признана выше старой. В средние века общие принципы нравственного и политического поведения могли иметь лишь эмпирический характер, освященный только религией. Все превосходство этого строя над другим ограничивалось (в этом отношении) в отделении этих правил от их частного применения, благодаря чему они становились предметом непосредственного предварительного изучения и предохранялись от влияния переменчивых страстей. Однако, невзирая на важность подобного разделения, ему не хватало осмысленности, и поэтому здравый смысл должен был в каждом отдельном случае выяснять применение принципов, которые сначала были смутны и абсолютны соответственно природе самих верований. Ввиду этого, целесообразность данного первого спиритуализма была обусловлена его косвенной способностью развивать социальное чувство в той единственной форме, которая была тогда возможна.

Позитивный спиритуализм обладает теперь значительно более удовлетворяющим характером, так как основан на полной систематизации, одновременно объективной и субъективной. Не теряя ничего в практической ценности, социальные принципы приобретают внушительный теоретический авторитет и, в особенности, непоколебимое постоянство, благодаря их необходимой связи с совокупностью реальных законов нашей личной или коллективной природы. Эти законы подтвердят, по крайней мере, все те принципы, которые не будут прямо из них выведены.

Связанные, таким образом, постоянно с основной общес-

твенностью, практические правила смогут быть в каждом случае подвергнуты ясному и однородному толкованию, способному устранить всякие софизмы. Эти рациональные принципы, делающие наше поведение независимым от минутных побуждений, одни только и могут обеспечить целесообразное применение социального чувства и предохранить нас от заблуждений, вызываемых часто произвольными внушениями. Прямое и постоянное развитие социального чувства в действительной жизни как общественной, так и частной, составляет, без сомнения, первый источник нравственности. Но это необходимое условие обыкновенно недостаточно для обуздания естественного господства эгоизма, если практическое поведение не будет намечено наперед в каждом важном случае согласно доказуемым правилам, принятым сначала на веру, а затем — по убеждению. Ни в каком деле искреннее и пылкое желание преуспеть не избавляет нас от необходимости познать природу и условия добра. Политическая и нравственная практика не может быть освобождена от этой обязанности, хотя непосредственные внушения чувства в данном случае более действительны, чем во всех других. Множество примеров из общественной и частной жизни уже вполне показали, насколько чувство может увлечь нас на ложный путь, когда его побуждения не просвещены надлежащими принципами...

Обратные случаи еще более обычны и также способны характеризовать эту естественную солидарность между чувствами и принципами. Ложная социальная доктрина часто способствовала естественному главенству эгоизма, извращая понятие об общем благе. Современная история дает тому, в частности, поразительный пример незаслуженного доверия, оказываемого в Англии софистической теории Мальтуса о народонаселении. Несмотря на несочувственный прием, который эта теория встретила у всех других западных народов, и невзирая на то, что она уже отвергнута смелыми английскими мыслителями, это безнравственное заблуждение дает еще кажущуюся научную санкцию преступной антипатии, питаемой руководящими классами ко всякому глубокому возрождению британского населения.

После установления всеобщей доктрины следующим главным условием для создания господства общественного мнения является наличность социальной среды, способной проводить основные принципы. Вот чего, главным образом, недоставало католическому спиритуализму, крушение которого поэтому было неизбежно, даже если бы религиозные верования были более долговечны.

Я уже достаточно указал, почему современный пролетариат является прочной и естественной точкой опоры для новой

духовной власти. Потребность в ней столь же бесспорна, как и ее естественное возникновение. Хотя позитивная доктрина сама по себе несравнимо более целесообразна, чем все недоказуемые заповеди, тем не менее не нужно рассчитывать на то, что внушаемые ею убеждения смогут когда-либо сделать совершенно излишней эту сильную поддержку. Рассудок отсюда еще не может быть таким прямым авторитетом в нашей несовершенной организации. Даже социальное чувство, несмотря на его чрезвычайно большое значение, было бы недостаточно для обычного и надлежащего руководства активной жизнью, если бы общественное мнение не укрепляло благие личные намерения.

Для того, чтобы чувство общности одержало верх над личными интересами, требуется не только постоянное вмешательство настоящих общих принципов, способных рассеять всякое сомнение, касающееся поведения в каждом отдельном случае, но требуется также беспрестанное воздействие всех на каждого как для того, чтобы обуздать эгоистические побуждения, так и для возбуждения симпатических чувств. Без этого всеобщего сотрудничества чувство и рассудок оказались бы всегда почти недостаточными, поскольку наша несовершенная природа стремится всегда удовлетворять личные инстинкты.

Выше мы видели, что пролетарии естественно составляют в этом отношении главный источник общественного мнения не только в силу их численного превосходства, но и, в особенности, благодаря их умственным и нравственным качествам в соединении с их социальным положением. Таким образом, позитивизм, поставив, наконец, основную проблему человеческой жизни, один только и указывает в самой природе великого организма различные существенные основания реального решения ее.

Глава IX

РАБОЧИЕ КЛУБЫ

Отныне ничто не может помешать нашим пролетариям, как изолированным, так и, в особенности, соединенным в общества, свободно судить о повседневном применении и даже об общих принципах социального режима, по необходимости затрагивающего их более, чем всякий другой класс. Памятное стремление нашего народа образовывать всюду клубы, без особого к тому понуждения и вопреки отсутствию всякого действительного энтузиазма, лишней раз доказывало, насколько противоречили нашим правам материальные стеснения, которые эти естественные наклонности раньше испытывали.

Эти стремления не только не могут пойти на убыль, но должны все более и более укореняться и развиваться, так как они вполне соответствуют привычкам, чувствам и потребностям пролетариев, составляющих главное основание этих союзов.

Истинная социальная доктрина должна их укреплять, сообщая им правильную организацию и более важную цель. Отнюдь не являясь в каком-либо отношении анархическими, они в сущности являются незаметной и естественной подготовкой к обычаям окончательно возрожденного человечества. Эти союзы поддерживают социальное чувство посредством постоянного благотворного его возбуждения. Общественное мнение вырабатывается одновременно и более быстро, и более полно, по крайней мере, после достаточной индивидуальной подготовки к нему.

Никто теперь не подозревает, какое важное и благотворное значение приобретут эти естественные стремления, когда истинно всеобщая доктрина надлежащим образом их упорядочит. Они явятся тогда главной точкой опоры для духовного преобразования, которому будет, таким образом, обеспечена активная поддержка народа, тем более решительная, что она всегда будет свободной и мирной.

Опасение, что эти союзы могут вызвать политические волнения, обусловлены только эмпирической оценкой нашего революционного прошлого. Вместо того, чтобы поддерживать и развивать в пролетариях желание пользоваться так называемыми политическими правами, рабочие клубы, напротив, будут отвлекать их от всякого напрасного вмешательства в политику, призывая наших пролетариев к их основной социальной службе как главного вспомогательного элемента духовной власти. Эту благородную и нормальную будущность позитивизм представит им более привлекательной, чем могут быть для них теперь метафизические иллюзии.

Клуб, в сущности, должен, главным образом, заменить церковь или скорее, подготовить новый храм, под постепенным давлением преобразовательной доктрины, которая мало-помалу доставит первенство окончательному культу Человечества...

Глава X

ФИЛОСОФСКИЕ ОРГАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Чтобы закончить изложение истинной теории общественного мнения, мне остается только указать здесь на то, что должен необходимо существовать философский орган, связывающий доктрину с публикой, без чего их взаимоотношение

было бы почти безрезультатным. Это последнее условие еще более неизбежно, чем первое. И оно на деле всегда имело место, ибо всякое учение предполагает наличность первоначальных основателей его и даже обыкновенных учителей. Было бы очевидным противоречием считать, что нравственные и политические принципы имеют высокое социальное значение, и в то же время допускать, что лица, которые их устанавливают или преподают, лишены всякого духовного авторитета.

Отрицательная метафизика, сперва протестантская, затем деистическая, могла, конечно, временно допустить подобную несообразность, когда разумная часть общества была преимущественно занята тем, чтобы обезопасить себя от католического регресса. Во время этой продолжительной борьбы каждый превращался в своего рода священника, толкующего по своему усмотрению учение, которое могло обойтись без собственных органов, так как оно заключалось, главным образом, в критике. Наши различные метафизические организации прямо осветили подобное положение вещей своими предварительными декларациями, которые как бы давали каждому гражданину общее средство для социальной оценки, избавляющее его от необходимости обращаться к специальным толкователям. Я, к сожалению, не могу здесь подробно рассмотреть это неправильное распространение на прочное органическое состояние того порядка, который мог соответствовать только революционному переходному состоянию.

По отношению к простейшим искусствам никто не посмел бы требовать, чтобы общие правила существовали без теоретической разработки или чтобы их специальное толкование было предоставлено простому инстинкту практика. Как может быть иначе относительно наиболее трудного и наиболее важного искусства, более сложные и менее точные правила которого требуют в каждом случае специального объяснения? Доказательства социальных принципов никогда не станут настолько удовлетворительными, чтобы позитивная доктрина могла когда-либо (даже при наилучшей постановке образования) избавиться от необходимости прибегать в частной или общественной реальной жизни к помощи философских советов. Моральные мотивы, указывающие на необходимость такого постоянного посредствующего органа между правилом и приложением, еще более решительны, чем интеллектуальные соображения. Если, с одной стороны, философский орган один только может достаточно знать истинный дух руководящей доктрины, то, с другой стороны, он же единственно способен представлять гарантию чистоты, возвышенности и беспристрастия, без которых его советы не имели бы почти никакого значения для преобразования индивидуального или коллективного по-

ведения. Именно через его посредство должно, главным образом, совершаться это воздействие всех на каждого, признанное выше необходимым для истинной нравственности. Правда, он не является главным источником общественного мнения, как высокомерные теоретики это часто полагают. Но хотя сила последнего по существу вытекает из свободного народного признания, это естественное содействие становится вполне успешным только при систематическом провозглашении единодушных суждений, кроме исключительных случаев, когда достаточно прямого выражения народной воли.

Таким образом, пролетариат и философы являются двумя солидарными элементами в специальной выработке и даже в обычном проявлении настоящего общественного мнения. При отсутствии первого из этих элементов наилучше установленная доктрина была бы обыкновенно бессильна. Без другого она почти никогда не имела бы достаточной прочности, чтобы преодолеть постоянные препятствия, которые наша личная и социальная природа противопоставляет практическому господству основных правил.

Эта потребность в систематических органах для руководства и провозглашения общественного мнения дает себя, в сущности, чувствовать даже среди нашей духовной анархии каждый раз, когда наступает настоящее проявление общественного мнения, которое не могло бы иметь места, если бы никто не взял на себя почину или ответственности. В частной жизни это вмешательство зачастую отсутствует. Но в наличии потребности в нем нас убеждает неудовлетворительность на практике даже наименее спорных правил, если их специальное применение не регулируется никаким постоянным авторитетом. Более легкая оценка и более деятельные чувства стремятся тогда возместить несовершенным образом этот крупный пробел.

Вследствие более трудных условий и более высоких требований общественной жизни она никогда не оставалась вполне лишенной систематического вмешательства. В каждом из ее проявлений обнаруживается, даже теперь, необходимое участие некоторого духовного авторитета, представителями которого чаще всего являются философы и литераторы.

Итак, наше умственное и нравственное безначалие не избавляет общественное мнение от руководителей и толкователей. Но ему приходится удовлетворяться лицами, которые могут представить лишь личные свидетельства, не гарантирующие прочности их убеждений и чистоты их чувств.

Поставленный таким образом позитивизмом вопрос об организации общественного мнения не может долгое время оставаться нерешенным. В сущности, этот вопрос сводится к

нормальному разделению на две социальные власти, подобно тому, как главное условие позитивной доктрины было выше приведено к соответственному разделению на теорию и практику. С одной стороны ясно, что здравое толкование нравственных и политических правил может (как и для всякого другого искусства) исходить только от философов, посвятивших себя изучению естественных законов, на которых эти правила покоятся. А для того, чтобы философы могли сохранить цельное мирозерцание (что единственно составляет их интеллектуальную заслугу), они должны тщательно воздерживаться от всякого участия в активной жизни и особенно общественной, под влиянием которой их умозрительная способность вскоре ослабевает. С другой стороны, это условие не менее необходимо для сохранения чистоты их чувств и духовного беспристрастия, что является двойной нравственной гарантией их общественного или частного авторитета.

Глава XI

НЕОБХОДИМОЕ СОЧЕТАНИЕ ТРЕХ ЭЛЕМЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ДОКТРИНА, СИЛА И ОРГАН

...Посредством своих трех необходимых элементов — доктрины, силы и органа — общественное мнение глубоко связано с совокупностью духовного преобразования; или, скорее, оно составляет только самую обыкновенную оценку этого основного предмета. Все его части находятся между собой в тесном естественном согласии. Если позитивные принципы могут рассчитывать только на поддержку пролетариев, то последние, в свою очередь, не могут отныне сочувствовать какому-либо другому учению. То же самое можно сказать относительно философских органов, независимость которых может быть установлена и поддерживаема только народом.

Наши ученые инстинктивно отвергают необходимость двух властей, так как это привело бы к систематическому ограничению их честолюбия. Это разделение власти страшит также богачей, которые опасаются, что оно породит моральный авторитет, способный наложить на их эгоизм непреодолимую узду. Одни пролетарии могут теперь понимать эту реформу и сочувствовать ей, так как им более доступны цельные взгляды и социальное чувство. Лучше предохраненные, в особенности во Франции, от метафизических софизмов и от аристократических прельщений, их ум и сердце готовы легко усвоить правила позитивизма, касающиеся этого основного условия нашего истинного возрождения.

Эта теория общественного мнения ясно указывает на то, в каком положении находится организация этого важного современного регулятора и чего ему, главным образом, еще недостает. Существуют уже доктрина, сила и даже орган. но эти элементы не вступили еще между собою во взаимное сочетание. Поэтому весь успех возрождения зависит, в конце концов, от тесного союза между философами и пролетариями. Чтобы закончить характеристику этого окончательного союза, мне остается указать на общие выгоды, которые он может доставить народу в вопросе о нормальном удовлетворении их законных требований.

Главное улучшение, долженствующее вскоре развить и укрепить все другие, состоит в том, что пролетарии, благодаря своему благородному социальному назначению, станут отныне необходимыми помощниками духовной власти. Этот огромный класс людей, который с самого своего зарождения в средние века оставался чуждым новому строю, займет тогда положение, вполне соответствующее его собственной природе и общему благу. Помимо своих специальных занятий все члены этого класса примут важное участие в общественной жизни, которое вознаградит их за неизбежные неудобства их частной жизни. Такое народное сотрудничество, далеко не нарушая основного порядка, явится наиболее прочной гарантией порядка в силу того только, что оно будет не политическим, но моральным.

Таково окончательное изменение, которое позитивизм вносит в указанный революционным духом способ социального вмешательства пролетариев. Бурный спор о правах мы заменяем мирным определением обязанностей. Напрасные споры об обладании властью заменены исследованием правил, относящихся к мудрому ее осуществлению.

При поверхностной оценке современного состояния может показаться, что наши пролетарии еще весьма далеки от подобного настроения. Но более глубокое изучение может вполне убедить, что даже производимый ими теперь опыт расширения политических прав вскоре покажет им непригодность этого средства, мало соответствующего их естественным потребностям. Не отрекаясь формально от этих прав (что было бы несовместимо с их социальным достоинством) они, руководимые мудрым инстинктом, не замедлят еще более решительно их упразднить. Позитивизм без труда убедит их, что, если духовная власть для полного достижения своей социальной цели должна всюду разветвляться, то для сохранения порядка требуется, напротив, обычное сосредоточение светской власти. Это убеждение явится преимущественно результатом здоровой оценки чисто нравственной природы основных затруднений, справедливо озабочивающих наших пролетариев.

Глава XIII

КОММУНИЗМ

Пролетарии уже сделали в указанном выше направлении самопроизвольный шаг, значение которого еще очень плохо понято. Знаменитое утопическое учение, быстро распространяющееся среди них, служит им пока, в виду отсутствия лучшей доктрины, для формулирования их собственной точки зрения на главный социальный вопрос. Хотя опыт первой части революции не разочаровал их окончательно в политических иллюзиях, он, тем не менее, выяснил, что собственность для них более важна, чем власть в собственном смысле слова. Распространяя на этот пункт великую социальную проблему, коммунизм оказывает большую услугу, которую не могут умалить временные опасения, вызываемые его метафизическими формами. Поэтому эта утопия должна быть тщательно отделена от многочисленных заблуждений, порождаемых нашей духовной анархией, призывающей неспособные или плохо подготовленные умы к наиболее трудным умозрениям. Эти ненужные теории столь мало характерны, что приходится их различать по именам их авторов.

Коммунизм не называется именем какого-либо лица и не является случайным плодом исключительного положения. В нем нужно видеть самопроизвольный прогресс (скорее аффективный, чем рациональный) истинного революционного духа, стремящегося ныне заниматься преимущественно нравственными проблемами, отодвигая на второй план собственно политические вопросы.

Конечно, эти вопросы решаются коммунистами, как и их предшественниками, исключительно политическим путем, так как они также хотят руководить поведением посредством власти. Но вопрос, который они, наконец, поставили, требует непременно морального решения. Его политическое решение окажется столь недостаточным и губительным, что вскоре непременно должно одержать верх решение, указываемое позитивизмом, который станет руководителем окончательного преобразования мнений и нравов.

В коммунизме следует особенно ценить свойственные ему благородные чувства, а не напрасные теории, служащие временным выражением этих чувств в среде, где они не могут еще иначе формулироваться. Наши пролетарии, весьма мало проникнутые метафизическими воззрениями, принимая эту утопию, отнюдь не придают этим доктринам такого же значения, как люди ученые. Коль скоро они найдут лучшее выражение для своих законных желаний, они, не колеблясь, предпочтут ясные и реальные понятия, могущие служить

основанием для прочного мирного строя, смутным и призрачным идеям, анархическое направление которых они вскоре инстинктивно поймут. Для этого момента они должны примыкать к коммунизму как к единственному движению, которое может в настоящее время поднимать и энергично поддерживать самый основной вопрос. Даже опасения, вызываемые решением, которое они ныне предлагают, способствуют привлечению и сосредоточению общего внимания на этом важном предмете, который, без этого постоянного напоминания, устранился бы или игнорировался бы метафизическим эмпиризмом и аристократическим эгоизмом правящих классов.

Впрочем и тогда, когда наши коммунисты переработают свои идеи, им незачем отказываться от своего имени, которое указывает только на основное преобладание социального чувства. Но наше благотворное республиканское преобразование избавит их даже от этого названия и предложит им равноценное обозначение, не вызывающее тех опасений, который связаны со словом коммунизм.

Итак, новая философия не только не страшится коммунизма, но, напротив, рассчитывает на скорый успех среди большинства примкнувших к нему пролетариев, в особенности во Франции, где отвлеченные учения имеют мало влияния на вполне свободомыслящих людей. Этот результат необходимо будет достигаться по мере того, как народ будет знакомиться с основной способностью позитивизма разрешать лучше коммунизма главную социальную проблему.

Глава XII СОЦИАЛИЗМ

Новая формула, сама собой одержавшая верх среди наших пролетариев после первого издания настоящего рассуждения, уже ясно обнаружила, что их настроение изменилось. Одобрив удачное выражение «социализм», они тем самым одновременно приняли проблему коммунистов и отвергли их решение ее, ныне как будто безвозвратно отброшенное. Но современные социалисты могут обходить коммунизм только до тех пор, пока они занимают пассивную или критическую позицию. Если они приобретут политическое главенство раньше, чем их идеи окажутся в уровне с их чувствами, они по необходимости дойдут до анархических заблуждений, которые они теперь инстинктивно отвергают. Вот почему быстрое распространение социализма внушает основательную тревогу классам, сопротивление которых, опирающееся на опыт, составляет

теперь единственную закономерную гарантию материального порядка.

В самом деле, проблема, поставленная коммунистами, допускает решение только в коммунистическом духе (пока продолжается революционное смещение духовной и советской властей). Таким образом, единодушное отрицание, встречаемое этими утопиями, должно всюду подготовить благоприятную почву для позитивизма, который отныне один только и может предохранить Запад от всякой серьезной коммунистической попытки. Основывая, наконец, современную политику на надлежащем систематическом разделении властей, впервые возникшем в середине века, созидаящая партия стремится теперь удовлетворить бедных и в то же время успокоить богатых. Предлагаемое ею нормальное решение вскоре сделает бесполезными эти недолговечные обозначения. Окончательно очищенное древнее наименование «республиканцы» будет всегда достаточно для обозначения истинных преобразовательных чувств, между тем как название «позитивисты» исключительно будет характеризовать воззрения, нравы и даже соответственные учреждения.

Глава XIV

ПОЗИТИВНАЯ ТЕОРИЯ СОБСТВЕННОСТИ

Побуждаемый свойственным ему реализмом, равно как и постоянным стремлением посвятить рассудок на службу чувству, позитивизм вдвойне стремится основать систематизацию самопроизвольного коммунистического принципа на социальной природе собственности и на необходимости ее упорядочить.

Истинные философы не колеблясь поддерживают своим авторитетом инстинктивные протесты пролетариев против неправильного определения собственности, принятого большинством современных юристов, приписывающих этому институту абсолютную индивидуальность, право пользоваться и злоупотреблять. Эта антиобщественная теория, исторически вызванная чрезмерной реакцией против исключительных притеснений, несправедлива и несостоятельна.

Поскольку никакой вид собственности не может быть создан или даже передан в другие руки исключительно его обладателем без необходимого специального и общего сотрудничества общества, то пользование им никогда не должно быть чисто индивидуальным. Всегда и всюду общество более или менее вмешивалось и подчиняло пользование им социальным потребностям. Налог действительно делает все общество уча-

стником каждого частного владения. Общий ход цивилизации не только не уменьшает этого участия, но, напротив, постоянно его увеличивает, в особенности среди современных народов, все более и более расширяя связь каждого со всеми.

Другой всеобщий обычай показывает, что в некоторых крайних случаях общество считает себя вправе даже всецело завладеть собственностью. Хотя право конфискации было временно отменено во Франции, тем не менее этот единственный случай отмены его, обусловленный недавними злоупотреблениями этим беспорным правом, не может оказаться устойчивее традиций, поддерживающих это право, и власти, установившей его. Наши коммунисты, таким образом, прекрасно опровергли юристов относительно общей природы собственности. Вполне приемлема также их основная критика экономистов, метафизические правила которых препятствуют всякому социальному упорядочению личного владения. Это догматическое заблуждение, вызванное, как и предыдущее, неправильным вмешательством, прямо противоречит здравой философии, хотя оно и признает, что общественные явления подчиняются естественным законам, и тем как будто к ней приближается. Похоже на то, что экономисты одобрили этот основной принцип только для того, чтобы тотчас обнаружить насколько они неспособны его понимать. Ибо прежде, чем распространять его на наиболее важные явления, им следовало рассмотреть его относительно самых незначительных явлений. Пренебрегши этим, они показали свое полное непонимание тенденции естественного порядка — становиться, по мере своего осложнения, все более и более изменяемым. Так как вся наша деятельность покоится на этом понятии, то нельзя извинить педантизма экономической метафизики, с которым она осуждает непрестанное вмешательство человеческой мудрости в различные отрасли социального движения. Естественные законы, управляющие этим движением, на самом деле не только не препятствуют нам его беспрестанно видоизменять, но должны, напротив, способствовать лучшему приложению нашей деятельности, которая здесь оказывается более целесообразной и более необходимой, чем по отношению ко всем другим явлениям.

Итак, с этих различных сторон основной коммунистический принцип поглощается позитивизмом. Значительно укрепляя его, новая философия также расширяет его, так как она применяет его ко всем формам человеческого существования, которые, согласно истинному республиканскому духу, все, без исключения, должны быть отданы на служение обществу. Эгоистические чувства и мелочные взгляды необходимо преобладали в течение долгого революционного переходного состояния, отделяющего нас от

средних веков. Но как те, так и другие не соответствуют окончательному строю современного общества.

Во всяком нормальном состоянии человечества каждый гражданин является государственным чиновником, более или менее определенные преимущества которого обуславливают одновременно его права и обязанности. Этот всеобщий принцип должен, без сомнения, распространяться также на собственность, которую позитивизм рассматривает, главным образом, как необходимую социальную функцию, состоящую в накоплении и управлении капиталами, с помощью которых каждое поколение prepares поле деятельности для следующего за ним. Эта нормальная оценка облагораживает владение собственностью, не ограничивая его справедливой свободой и даже внушая к нему больше уважения.

Глава XV

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КОММУНИЗМОМ И ПОЗИТИВИЗМОМ

Именно в этом пункте здравые социологические теории совершенно расходятся с инстинктивными взглядами народной мудрости. Принимая и даже значительно дополняя коммунистическую аргументацию, позитивисты совершенно отбрасывают коммунистическое решение, которое считают недостаточным и разрушительным. Наше решение отличается от последнего главным образом введением моральных средств вместо политических.

Таким образом, главное социальное различие между позитивизмом и коммунизмом относится, в конце концов, к нормальному отделению светской власти от духовной; эта мера, отсутствовавшая до сих пор во всех представлениях об обновлении, всегда оказывается в основе каждой важной современной проблемы как единственный окончательный выход для человечества. Характеризуя лучше коммунистическое заблуждение, позитивизм его оправдывает, так как эту ошибку он разделяет со всеми другими признанными ныне доктринами. В то время, когда почти все высоко образованные умы не понимают основного принципа современной политики, разве можно порицать народный инстинкт за то, что он до сих пор находится под этим всемирным влиянием революционного эмпиризма?

Мне нет надобности, в особенности здесь, предпринимать специальное исследование древней утопии, основательно опровергнутой двадцать два века тому назад великим Аристотелем, провозгласившим органический характер позитивной

философии даже на первой стадии ее возникновения. Сверх того крайняя непоследовательность современного коммунизма указывает на полное отсутствие в нем рассудительности и в то же время на благородный сентиментальный источник его. Ибо он отличается от древней утопии, представленной преимущественно Платоном, главным образом тем, что последний, кроме общности имущества, проповедовал также общность жен и детей, что на самом деле и являлось необходимым следствием этой утопии.

Как бы связаны ни были эти два заблуждения, эта утопия понимается в таком смысле только немногими учеными, плохо направленный ум которых тревожит мало деятельное сердце. Наши же необразованные пролетарии, будучи благородно непоследовательными, принимают только ту часть этой неделимой ложной утопии, которая относится к их социальным потребностям, энергично отвергая все то, что оскорбляет наши лучшие чувства. Не вдаваясь в подробное обсуждение этих иллюзий, важно отметить главные недостатки соответствующего им метода, так как, за исключением позитивизма, они более или менее присущи всем обновляющим школам. Они состоят, с одной стороны, в незнании или даже отрицании естественных законов, управляющих социальными явлениями и, с другой — в обращении к политическим средствам там, где на первом месте должны стоять нравственные средства. Действительно, эти две связанные между собою ошибки обуславливают недостаточность и опасность различных утопий, тщетно оспаривающих друг у друга руководство нашим возрождением. Чтобы сделать эту оценку более ясной, я буду применять ее к наиболее яркому заблуждению, откуда всякий без труда может распространить ее и на все другие.

Глава XVI

НЕОБХОДИМОЕ СОГЛАСОВАНИЕ МЕЖДУ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ И СОДЕЙСТВИЕМ

Незнание реальных законов общественности обнаруживается, прежде всего, в опасном стремлении коммунизма подавлять всякую индивидуальность. Помимо того, что таким образом игнорируется естественное преобладание личного инстинкта, опускается также из виду одна из двух основных характерных черт коллективного организма, в котором разделение функций столь же необходимо, как и их участие. Если бы между всеми людьми установилась такая солидарность, что люди стали бы материально неотделимыми, как это наблюдается в некоторых

уродливых случаях внешнего сращения двух людей, общество немедленно перестало бы существовать. Эта крайняя гипотеза позволяет понять, насколько индивидуальность необходима для нашей социальной природы, так как она создает почву для разнообразия одновременных усилий, благодаря чему общественная жизнь стоит выше всякого личного существования.

Великая задача человечества состоит в согласовании, по возможности, этого необходимого разделения с не менее необходимым единением. Исключительная забота об этом последнем условии привела бы к уничтожению всякой реальной деятельности и даже истинного человеческого достоинства, так как всякая ответственность перестала бы существовать. Несмотря на радости домашнего очага, часто отсутствие независимости делает нестерпимым существование под постоянной опекой семьи. Что же было бы, если бы каждый находился в подобном положении по отношению к безразличной общине?

Таков огромный недостаток всех утопий, приносящих в жертву истинную свободу анархическому равенству или даже преувеличенному братству. В этом смысле позитивизм по существу присоединяется — хотя и на основании иного принципа, — к решительной критике, которой коммунизм подвергся у наших экономистов...

Глава XVII

В ПРОМЫШЛЕННОМ СТРОЕ РУКОВОДИТЕЛИ НЕОБХОДИМЫ

Коммунизм противоречит социологическим законам также тем, что он игнорирует естественную организацию современной промышленности, откуда он хочет устранить необходимых руководителей. Армия не может существовать без офицеров, равно как и без солдат; это простое понятие одинаково приложимо как к промышленному строю, так и к военному порядку. Хотя современная промышленность все еще бессистемна, однако естественно установившееся деление на предпринимателей и рабочих составляет, без сомнения, необходимый зародыш для окончательной организации. Никакое великое предприятие не могло бы существовать, если бы каждый исполнитель должен был быть также управляющим или если бы управление было неопределенно вверено косной и неответственной толпе.

Современная промышленность, очевидно, стремится беспрестанно увеличивать свои предприятия, причем всякое увеличение вызовет тотчас и большее расширение. А эта естествен-

ная тенденция, будучи далеко не неблагоприятной для пролетариев, одна только и даст возможность действительно систематизировать материальную жизнь, когда она будет надлежащим образом упорядочена моральным авторитетом. Ибо философская власть наложит именно на крупнейших руководителей предприятий обязанности, благоприятные для их подчиненных. Если бы материальное могущество не было достаточно сконцентрировано, мы не имели бы необходимых сил для выполнения великих нравственных предписаний или пришлось бы требовать чрезмерных жертв, несовместимых ни с каким промышленным движением.

Таков неизбежный недостаток всякой реформы, которая ограничивается заботой о захвате общественной или частной власти, вместо того, чтобы упорядочить пользование ею, в чьих бы руках она ни находилась. Таким путем сводятся на нет силы, целесообразное употребление которых составляет наше главное средство для устранения чрезвычайных социальных затруднений.

Глава XVIII

КОММУНИЗМ ИГНОРИРУЕТ ИСТОРИЧЕСКУЮ НЕПРЕРЫВНОСТЬ

Итак, несмотря на почтительное чувство, внушаемое современным коммунизмом, он, ввиду отсутствия в нем истинно научного обоснования, совершенно не годится как средство для исцеления общественного недуга. Можно даже сделать нашим коммунистам более тяжкий упрек в прямой ограниченности их социального инстинкта. Ибо чувство солидарности, которым они так гордятся, ограничивается настоящим временем, и в нем отсутствует историческая непрерывность, составляющая главную характерную черту человечества. Когда они укрепят свой нравственный порыв на историческом основании и проследят исторически ту связь, которую они видят только на ограниченном промежутке, они тотчас заметят необходимость всеобщих условий, которые ими теперь игнорируются. Они поймут тогда важность института наследства как естественного способа передачи одним поколением другому уже выполненных трудов и средств для их усовершенствования.

Расширение этого института на индивидуальную жизнь является только следствием его очевидной необходимости в коллективной жизни. Но упреки, которые заслуживают в этом отношении наши коммунисты, могут быть направлены также по адресу всех других новаторских сект, которые, вследствие

своего антиисторического направления, имеют в виду всегда общество без предков, даже в том случае, когда они интересуются, главным образом, потомками.

Все эти беспорные недостатки не могут помешать здоровой философии снисходительно судить настоящий современный коммунизм, принимая во внимание или его истинный источник, или его действительное назначение. Было бы весьма несправедливо судить в отдельности об учении, которое имеет смысл и ценность только относительно среды, в которой оно возникло. Оно здесь своеобразно выполняет необходимую функцию, прямо указывая на главную социальную проблему, которую только нарождающийся позитивизм мог лучше формулировать.

Было бы совершенно неосновательно предположить, что достаточно одной постановки вопроса без сопровождающего ее теперь опасного решения. Это значило бы совершенно игнорировать реальные требования нашего слабого ума, который даже в области простейших предметов не может долгое время останавливаться на вопросах, лишенных всякого ответа...

Наконец, если внимательно сравнить коммунистические заблуждения с другими социальными доктринами, занявшими в наши дни, даже официально, господствующее положение, наше заключение будет в пользу первых. Разве они, например, более бессмысленны и в основе более опасны, чем эмпирическая утопия (которая в течение целого столетия пользовалась во Франции большим успехом и еще теперь увлекает многих ученых) о завершении великой революции путем установления парламентарного режима, пригодного только для переходного состояния Англии?

Сверх того, наши мнимые консерваторы избегают коммунистических заблуждений, только отбрасывая или обходя соответственные вопросы, становящиеся, однако, все более и более неустраняемыми. Когда же они начинают их рассматривать, они, в свою очередь, впадают в те же самые опасные ошибки, по необходимости общие всем школам, отвергающим отделение духовной власти от светской и стремящимся заменить воспитание нравов созданием законов. Так, например, официальные доктрины предлагают ныне чисто коммунистические учреждения: детские приюты, ясли и т.д., между тем как народный инстинкт справедливо осуждает их как противные всеобщему развитию семейных привязанностей.

Глава XIX

НЕСМОТЯ НА БЛАГОРОДСТВО МОТИВОВ, ВЫЗВАВШИХ КОММУНИЗМ, ОН КАК СИСТЕМА НЕ ИМЕЕТ НИКАКОЙ ЦЕННОСТИ

За исключением временного противодействия другим ложным доктринам, коммунизм имеет ценность только в силу благородства вызвавших его чувств, но его призрачное и разрушительное решение социальной проблемы никогда не может быть допущено. Однако, один этот благородный нравственный источник сохранит за ним все возрастающее влияние до того времени, когда наши пролетарии признают, что удовлетворения тех же потребностей можно достигнуть более мягкими и более действительными средствами.

Наш республиканский строй, который с первого взгляда кажется столь благоприятным для этой утопии, должен, однако, вскоре уменьшить ее значение, так как он стремится непосредственно санкционировать социальный принцип, являющийся заслугой коммунизма, но освобождая его от опасных иллюзий, искажающих его. Во Франции, где легкость приобретения всюду развивает естественную склонность к собственности, особенно нечего бояться практических последствий этих заблуждений; напротив, их благотворное влияние выразится в том, что отныне будет обращено серьезное внимание на справедливые народные требования. Но в тех западных государствах, где вследствие того, что аристократия менее пришла в упадок, а пролетарии более угнетены и менее развиты (преимущественно в Англии), опасность станет более серьезной. Даже среди католических народов, где истинное братство представляло лучшее сопротивление анархическому эгоизму, коммунистических волнений можно окончательно избежать только при быстром распространении позитивизма, призванного рассеять все социальные заблуждения и дать истинное решение всем вызывающим их вопросам.

Природа социального недуга показывает, что средство для его исцеления должно быть преимущественно моральное, и народный инстинкт не замедлит понять эту необходимость, покоящуюся на действительном знании человечества. В этом смысле коммунизм, сам того не ведая, подготавливает практическое главенство позитивизма, ставя с непреодолимой энергией проблему, которую одна только новая философия может на самом деле мирно разрешить.

КОНТРОЛИРОВАТЬ УПОТРЕБЛЕНИЕ БОГАТСТВА БОЛЕЕ
ЦЕЛЕСООБРАЗНО, ЧЕМ ОСПАРИВАТЬ ПРАВО БОГАТОГО

Не вдаваясь в бесполезный и бурный спор о происхождении и объеме частной собственности, новая философия прямо устанавливает нравственные правила, относящиеся к ее социальному назначению. Распределение реальных сил, в особенности материальных, настолько недоступно нашему вмешательству, что мы потратили бы нашу недолгую жизнь на бесплодные и нескончаемые споры, если бы мы, главным образом, занялись исправлением (именно в этом отношении) несовершенств естественного порядка. Для публики важно знать не то, в чьих руках находится та или иная социальная власть, а то, как обладатели таковой ею пользуются; и с этой стороны наши усилия могут быть приложены с большим успехом. Сверх того, регулируя назначение собственности, мы производим косвенное воздействие на владение ею.

Эти необходимые правила должны быть по своему происхождению моральными, а не политическими, в своем же применении — общими, а не специальными. Все те лица, которые им подчинятся, примут их добровольно, в силу воспитания, и будут их соблюдать, сохраняя достоинство свободы так, как это понимал уже Аристотель. Благодаря моральному приравнению частной собственности к общественной обязанности, они не будут вынуждены исполнять тиранические предписания, которые глубоко унижают человеческую природу, так как уничтожают добровольность и ответственность. Эта нормальная оценка будет часто применяться даже в обратном смысле, дабы упрочить положение общественных служащих, вместо того, чтобы потрясать собственников.

Истинный республиканский принцип состоит в направлении всех сил общества к общему благу. Для этого нужно, с одной стороны, точно определить то, чего в каждом случае требует общая польза, и, с другой — всюду создать соответственные настроения. Эта двойная и постоянная функция может быть выполнена при наличии, прежде всего, основной доктрины, надлежащего образования и правильно руководимого общественного духа. Так что она должна, главным образом, зависеть от философского авторитета, который позитивизм поставил во главе современного общества.

Без сомнения, вследствие человеческой слабости, и впредь будут необходимы, кроме чисто нравственного управления, еще и законы в собственном смысле слова для обуздания наиболее прямых и наиболее опасных правонарушений. Но это неизбежное дополнение вскоре станет еще менее нужным, чем оно

было в средние века при социальном главенстве католицизма. Духовные наказания и награды берут верх над светскими по мере того, как, благодаря эволюции, в человеке развивается чувство связи каждого со всеми. Эта эволюция совершается по трем естественным путям: через чувство, рассудок и деятельность.

Глава XXI

ИНСТИТУТ НАСЛЕДСТВА НЕ ЗАСЛУЖИВАЕТ ТЕХ НАПАДКОВ, КОТОРЫМ ОН ПОДВЕРГАЕТСЯ

Являясь более мирным и целесообразным, чем коммунизм, в силу своей большей истинности позитивизм дает также более широкое и более полное решение крупных социальных затруднительных проблем. В отношении собственности нужно считать столь же узким, как и разрушительным, поверхностное и зачастую завистливое осуждение института наследства за то, что он ведет к нетрудовому владению. Рассматривая эти эмпирические обвинения с нравственной точки зрения, тотчас замечаешь их коренной недостаток, выражающийся в совершенном игнорировании основного свойства подобного способа передачи, а именно, развития лучше всякого другого склонностей, благоприятных для правильного употребления богатства. Ибо ум и сердце избегают в этом случае скряжнических или неблагоприятных привычек, порождаемых обыкновенно медленным накоплением капиталов. Наследственное владение богатством заставляет нас быть более отзывчивыми. Таким образом, те, которых клеймят именем паразитов, могут при мудром преобразовании воззрений и нравов легко стать наиболее полезными из всех богачей. Сверх того, известно, что нетрудовое существование становится все более и более редким, по мере того как благодаря цивилизации становится все труднее жить без заработка. Итак, стремление ниспровергнуть общество из-за наблюдающихся в нем злоупотреблений, которые имеют временный характер и могут принять даже благоприятное нравственное направление, является во всех отношениях заблуждением, заслуживающим глубокого порицания.

Глава XXII

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРУД, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИЛОЙ, ДОЛЖЕН БЫТЬ УПОРЯДОЧЕН

Позитивистское решение стоит выше коммунистического также благодаря своей полноте. Коммунизм занимается исключительно богатством, точно это в настоящее время единствен-

ные неправильно распределенные и плохо управляемые социальные силы. Однако, существуют еще и другие реальные злоупотребления большинства других человеческих способностей, в особенности интеллектуальных дарований, которые наши утописты даже не пытаются упорядочить.

Позитивизм, будучи единственным учением, способным рассматривать всю совокупность нашего существования, один только может утвердить настоящее превосходство социального чувства, распространяя его на все формы нашей реальной деятельности. Моральное требование подчинения частных занятий общественному служению еще более применимо к ученому, художнику и т.д., чем к простому пролетарию, как относительно источника способностей, так и относительно их назначения. Тем не менее, стремясь сделать общим достоянием материальные блага, единственные, которые могут вполне принадлежать отдельным лицам, коммунисты не распространяют этой утопии на духовные блага, которые могли бы гораздо скорее подвергнуться такому превращению. Часто даже апостолы коммунизма оказываются ярыми сторонниками мнимой литературной собственности. Эта непоследовательность только подтверждает ничтожество социальной доктрины, обнаруживающей свое бессилие в случаях, наиболее соответствующих ее назначению. Ибо подобное расширение тотчас показало бы неудобство политических предписаний и необходимость моральных правил, которые одни только способны одинаково обеспечить правильное употребление реальных сил.

Самопроизвольность, которая безусловно необходима для успешного интеллектуального порыва, мешают, конечно, коммунистическому инстинкту подчинить его своей уставной утопии. Напротив, позитивизм не встречает никаких затруднений и не вызывает никакого возмущения, когда он распространяет свое моральное влияние на силы, более всего нуждающиеся в мудром руководстве. Уважая их справедливую свободу, он укрепляет также свободу менее важных способностей, заглушение которых может иметь опасные последствия.

Когда истинная мораль гарантирует социальное направление всякой частной деятельности, свободное развитие этой последней, без сомнения, увеличивает ее общественное значение. Отнюдь не стесняя частную предприимчивость, современная цивилизация возлагает на нравственность все более и более функций, в особенности материальных, которые раньше выполнялись правительством в собственном смысле слова. Эта непреодолимая тенденция ошибочно привела экономистов к отрицанию потребности во всякой истинной систематизации. Она указывает только возрастающее преобладание моральных предписаний над политическими постановлениями.

Глава XXIII

ВОЗДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА КАПИТАЛИСТОВ

Характерная способность позитивизма переносить на моральную почву разрешение главных социальных затруднений должна послужить удовлетворению справедливых народных требований, вызываемых различными промышленными конфликтами. Очищенные, таким образом, от всякого анархического стремления, законные желания пролетариата приобретут непреодолимую силу, в особенности, когда они будут провозглашены во имя свободно господствующей доктрины и от имени философского авторитета, настолько же беспристрастного, как и просвещенного. Внушая народу обычное уважение к его светским руководителям, эта духовная власть сумеет предписать последним обязанности, от которых они не смогут увернуться. Если все классы, благодаря всеобщему образованию, усвоят основные начала налагаемых на них особых обязательств, то чувство и рассудок, являющиеся единственным оружием и поддерживаемые только общественным мнением, приобретут такое практическое значение, о котором ничто не может дать теперь представления. Даже вспоминая средние века, трудно составить себе о нем правильное понятие, потому что мы приписываем чувству страха или несбыточным надеждам то, что вытекало, главным образом, из энергичного распределения похвал и порицаний. По необходимости нуждающийся в помощи общественного мнения позитивный дух сообщит ему широту и постоянство, какие не мог ему доставить католический дух...

Глава XXIV

ОТКАЗ УЧАСТВОВАТЬ В ДЕЛЕ ИЛИ ЗАБАСТОВКА

Итак, единственное нормальное разрешение обычных споров, возникающих между рабочими и предпринимателями, возможно лишь путем высшего посредничества свободно уважаемого всеми философского авторитета. Чтобы дать понять всю целесообразность подобного решения, нужно его распространить на упорядочение материального антагонизма между двумя активными классами. Этот конфликт между богатыми и массой не мог еще значительно развиваться, так как объединение, которое одно только и делает его значительным, было до сих пор возможно лишь для одной стороны. Хотя в Англии законодательство не воспрещает пролетариям вступать в союзы, тем не менее недостаточное умственное и нравственное развитие английского рабочего класса мешает ему надлежащим

образом использовать это право. Когда французская трудящаяся масса получит возможность объединяться столь же свободно, как и работодатели, материальный антагонизм примет такие размеры, что вскоре обе стороны почувствуют потребность в духовном примирительном органе.

Философское примирение не может, однако, претендовать на полное упразднение крайних средств; но оно значительно ограничит их применение, а также их смягчит. Эти средства сведутся, с одной стороны, к отказу участвовать в деле, что должно быть всюду предоставлено каждому свободному деятелю на его личную ответственность за последствия, давая ему только в исключительных случаях понять важность его обычной функции. Рабочего нельзя принуждать к работе сильнее, чем предпринимателя к управлению предприятием. Моральная власть осудит только всякое злоупотребление той или другой стороной этой крайней формы протеста, составляющей всегда право различных элементов коллективного организма в силу их естественной независимости.

В наиболее спокойные времена всякий общественный деятель мог в исключительных случаях отказаться от исполнения своих обязанностей как это часто делали в средние века священники, профессора, судьи и т.д. Нужно поэтому ограничиться упорядочением этого права. Его упорядочение в области промышленности составит одну из второстепенных задач философской власти, с которой почти всегда естественно будут советоваться о подобных мерах, как и во всяком другом серьезном общественном или частном событии. Когда она одобрит прекращение работ или отрешение от должности, эта высокая санкция придаст подобному способу действия такую силу, какой он не располагает теперь. Только таким путем частичная мера сможет распространиться сперва на всех членов одной и той же профессии, затем из одной области промышленности на все другие, и даже перейти, наконец, на все западные народы, которые свободно признают одних и тех же духовных руководителей. Правда, философское неодобрение не сможет помешать лицам, которые почувствуют себя оскорбленными, применять на свой риск эту крайнюю форму протеста, ибо истинная творческая власть всегда только советует и никогда не приказывает. Но в этом случае, — если только философы не ошиблись в своем осуждении, — эта мера не сможет стать широкой и значительной, что является обыкновенно необходимым для ее полной удачи.

Эта теория стачек, в сущности, сводится к упорядочению в промышленных отношениях вышеуказанного права отказаться от исполнения самых высоких социальных функций как крайнего средства всякого коллективного организма. Она

одинаково применима как к простейшим и частым случаям, так и к случаям наиболее редким и наиболее важным. Философское вмешательство, призванное или добровольное, будет всегда сильно влиять на результат: либо путем систематизации законных, но эмпирических стремлений, либо путем осуждения их особого проявления.

Глава XXV

ПОЗИТИВИЗМ И СОЦИАЛИЗМ. ТОЧКИ СОГЛАСИЯ И РАЗНОГЛАСИЯ

Совокупность предыдущих соображений приводит к точному определению главного практического различия между политикой позитивистов и таковой коммунистов или социалистов. Все обновляющие школы сходятся в том, что необходимо, главным образом, заняться народом, дабы доставить ему надлежащее место в современном обществе, которое, начиная с конца средних веков, подготавливает свое окончательное устройство. Их воззрения совпадают также относительно природы важных социальных потребностей пролетариев, — с одной стороны, в нормальном образовании и, с другой — в упорядоченном труде, одинаково требующих систематизации.

Вот все то, что позитивизм действительно имеет общего с нашими различными прогрессивными доктринами. Но он глубоко отличается от их всех планом и способом осуществления организации этой двойкой потребности. Он считает, что систематизация второй должна быть основана на первой, между тем, как до сих пор они предполагались одновременными (и даже старались упорядочить труд, прежде чем организовать образование).

Хотя это различие в порядке кажется с первого взгляда незначительным, оно, однако, достаточно, чтобы коренным образом изменить ход нашего возрождения. Ибо преобладающий в настоящее время метод стремится, в сущности, начать материальное преобразование независимо от духовного, т.е. построить социальное здание без интеллектуальных и моральных оснований. Отсюда вытекает общее желание удовлетворить справедливые народные требования путем бесплодного и губительного предпочтения собственно политических мер, целесообразность которых кажется непосредственной. Напротив, позитивизм выдвигает на первое место мирное и верное, но косвенное и постепенное влияние чувства и рассудка, подкрепляемое мудрым общественным мнением под систематическим руководством истинных философов, поддерживаемых свободным народным согласием.

Одним словом, двоякое решение общей социальной проблемы будет всегда эмпирическим и революционным, оставаясь при этом чисто национальным, или оно станет рациональным и мирным, имея истинный западный характер в зависимости от того, будет ли организация труда предшествовать или следовать за организацией образования.

Глава XXVI

НЕОБХОДИМОСТЬ В НОВОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Моя характеристика значения позитивизма для народа была бы недостаточна, если бы я вкратце не указал здесь на такую систему всеобщего образования, которое должно составлять одновременно и главную функцию новой духовной власти, и наиболее могущественный способ удовлетворения законных желаний пролетариев.

Социальная заслуга католицизма состояла, главным образом, в установлении впервые, поскольку это возможно было в средние века, систематического образования, общего безразлично для всех классов, не исключая даже тех, которые пребывали еще в рабстве. Эта важная реформа по необходимости была связана с началом создания духовной власти, независимой от светской. Помимо ее временных благодеяний, мы ей обязаны и некоторым вечным принципом, а именно тем, что мораль должна преобладать над наукой.

Но этот первый опыт должен был быть чрезвычайно неполным как вследствие несовершенства среды, в которой он производился, так и благодаря недостаткам руководившей им доктрины. Предназначенное преимущественно для угнетенных народов, это образование должно было, главным образом, внушать почти пассивную покорность, и только правящим классам приписывались обязанности, но без всякой истинной интеллектуальной культуры. Эта двойственность вполне отвечала учению, которое полагало основную цель каждого индивидуального существования вне социальной жизни, и представляла все явления подчиненными тайной воле.

С этих различных сторон католическая система образования могла быть действительно пригодной только в средние века, во время постепенного освобождения избранной части человечества от древнего рабства путем превращения этого института сперва в крепостное состояние, чтобы достигнуть затем полного освобождения личности. При древнем строе католическая система была бы разрушительной; при новом она была

бы рабской и недостаточной. Она должна была служить лишь длительным и трудным переходом от одной формы общественной жизни к другой. После своего освобождения от личной зависимости, пролетарии стали развивать прогрессивную деятельность, стремясь достигнуть истинного коллективного положения, но вскоре они почувствовали, что эта система никоим образом не может удовлетворить их интеллектуальные и социальные потребности.

Тем не менее, именно она до сих пор являлась единственной истинной системой всеобщего образования, ибо нельзя присвоить это название мнимому университетскому образованию, которое, благодаря метафизикам, постепенно, начиная с конца средних веков, одержало верх на всем Западе. То было только расширение социального образования, которое раньше получали священники и которое сводилось преимущественно к изучению латинского языка и диалектики, необходимой для защиты богословских догм. Этика же оставалась связанной только с теологическим образованием. В сущности, это метафизическое и научное образование способствовало переходу к новому порядку только своей критикой, хотя оно попутно и участвовало в органической эволюции и, в особенности, эстетической. Его недостаточность и нерациональность все более и более обнаруживались по мере того, как оно распространялось среди новых классов, истинное назначение которых, как активное, так и умозрительное, требовало совсем иной подготовки. Поэтому эта мнимая всеобщая система никогда не имела успеха среди пролетариев, даже у протестантских народов, хотя каждый верующий становился у них как бы священником.

Итак, вследствие дряхлости теологического и бессилия метафизического методов мышления, основание истинной системы народного образования выпадает на долю позитивизма, так как только он способен ныне надлежащим образом примирить два рода одинаково необходимых условий, а именно: умственные и нравственные, которые с конца средних веков постоянно противопоставлялись. Преобладание сердца над рассудком будет теперь более прочно установлено, чем при католическом режиме, причем на свободу истинного умозрения не будет сделано никакого посягательства. Ибо, как и в активной жизни, рассудок будет всегда упорядочивать чувство, естественное развитие которого, начинающееся с рождения, будет неизменно расти, благодаря троякому упражнению: личному, семейному и социальному.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. — КРАТКОЕ
ИЗЛОЖЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ

Характеризуя главное назначение новой духовной власти, я уже прямо коснулся окончательного согласования всеобщей морали. Вот почему я должен здесь ограничиться указанием на высокое положение, которое она сначала самопроизвольно, затем систематически займет во всем курсе позитивного образования и каким образом она сама собой окажется связанной со всей системой реальных знаний. Подобное образование, а также практическая жизнь, к которой она должна подготовить, будет всегда подчинять умы общественной пользе, считая последнюю целью, а первый — средством. Оно в особенности предназначено подготовить пролетариев к их благородной социальной службе в качестве главных помощников философской власти, а также побудить их лучше выполнять свои специальные функции.

Обнимая период от рождения до совершеннолетия, все образование делится на две общие части: одна по существу самопроизвольная, заканчивающаяся с наступлением половой зрелости или с началом обучения ремеслу, должна по возможности иметь место в семье и состоять, главным образом, в развитии эстетического вкуса; другая — систематическая — будет преимущественно состоять из ряда публичных научных курсов об основных законах различных родов явлений и будет служить фундаментом для моральной координации, которая должна направить все приобретенные раньше познания к их общему социальному назначению. К сроку, указанному долгим опытом как на время законного совершеннолетия, когда у нас принято считать практическое обучение законченным, каждый пролетарий окажется, таким образом, подготовленным умом и сердцем к общественному и частному служению.

... В течение последней половины первоначального образования, когда будет развиваться преимущественно воображение, индивидуум совершит свою собственную философскую эволюцию, поднимаясь от простого первичного фетишизма к истинному политеизму, как это сделал в свое время род, находясь на той же стадии. Это неизбежное сходство между личным развитием и социальным прогрессом всегда более или менее обнаруживалось вопреки предостережениям христианского эмпиризма, которые никогда не могли отвлечь ребенка от наивных фантазий, свойственных этому фазису. Позитивное образование бережно отнесется к этому необходимому стремлению, не требуя от родителей, однако, никакого лицемерия и не давая места противоречию в будущем. Чтобы все при-

мирить, достаточно будет быть искренним и говорить ребенку, что его первоначальные верования соответствуют только детскому возрасту и должны привести его к другим воззрениям, согласно основному закону всякой человеческой эволюции. Подобное мудрое отношение, кроме своего научного преимущества приучить ребенка к этому главному догмату позитивизма, естественным образом воздействует на нарождающееся чувство общности, наперед располагая сочувственно относиться к многочисленным народам, находящимся еще на этой ступени интеллектуальной жизни.

Вторая часть позитивного образования не может оставаться чисто домашней, так как она требует школьного преподавания, в котором большая часть родителей сможет принимать только второстепенное участие. Но эта необходимость не должна, однако, привести к лишению ребенка семейной жизни, не перестающей быть весьма важной для его нравственной эволюции, требования которой должны всегда иметь перевес. Он может слушать лучших учителей, не подвергая свои личные и внушенные семьей нравственные привычки изменениям, неизбежно налагаемым нашими схоластическими монастырями. Соприкосновение со сверстниками, которое, по-видимому, вознаграждает за ущерб, наносимый в этом случае личности, может быть достигнуто еще лучше свободным знакомством с другими семьями, причем могут быть приняты во внимание чувства симпатии. Это требование, делающее одновременно более легким и более совершенным народное образование, может оказаться неподходящим только для некоторых профессий, специальная подготовка к которым, может быть, и впредь потребует обучения в закрытых заведениях. Но я сомневаюсь, чтобы даже в этих исключительных случаях эта необходимость оставалась окончательно неизбежной.

Что касается общего хода систематического образования, то он уже ясно и точно начертан энциклопедическим законом, составляющим второй необходимый элемент моей теории эволюции. Ибо научные познания пролетария, подобно познаниям философа, должны относиться сперва к неорганическому миру, затем к нашей собственной личной и социальной природе, дабы создать двойное рациональное основание для нашего повседневного поведения...

Философская эволюция индивида, подобно эволюции рода, завершится ... переходом от первобытного политеизма к врожденному монотеизму, благодаря возрастанию влияния рассудка на преобладавшее в начале воображение. Нужно будет также относиться с уважением к этому свободному метафизическому переходу, когда каждый наивно отдает последнюю дань главным условиям развития человека. Следует признать, что этот

предварительный метод мышления будет всегда соответствовать отвлеченной и независимой природе математических теорий, которые поглотят первые два года учения. Покуда дедукция имеет перевес над индукцией, ум по необходимости остается расположенным к метафизическим понятиям. Их само собой совершающееся развитие вскоре приведет каждого к сведению своих первоначальных теологических идей к более или менее смутному деизму; последний благодаря физико-химическим теориям, без сомнения, выродится затем в некоторого рода атеизм, который под благотворным влиянием биологических и в особенности социологических понятий окончательно будет заменен истинным позитивизмом.

Таким-то образом окончательная систематизация морали совпадает с полным личным сознанием общей человеческой связи, что позволит новому члену человечества как следует относиться ко всем своим предкам и современникам, не переставая работать для грядущих поколений.

Глава XXVIII

ПОЛЬЗА ПУТЕШЕСТВИЙ ДЛЯ ПОПОЛНЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Этот план народного образования кажется с первого взгляда несовместимым с драгоценной привычкой пролетариев — привычкой, выработанной свойственной им мудростью, — посвящать последние годы обучения ремеслу, вольным путешествиям, столь полезным для ума и сердца. Но этот прекрасный обычай нисколько не противоречит оседлому образу занятий, так как он даст возможность оставаться на продолжительное время в главных промышленных центрах, где рабочий естественно найдет возможность прослушать годичный курс, соответственный тому, который он прослушал бы на родине. Однородность философской корпорации и ее однообразное территориальное распространение устранят неудобства, связанные с подобными передвижениями. Так как каждый систематический курс требует всего только семь преподавателей, из которых каждый последовательно проходит все энциклопедические ступени, то общее число учителей будет настолько незначительным, что они всюду будут одинаково достойными и будут всюду также одинаково вознаграждаться. Отсюда, не препятствуя путешествиям пролетариев, позитивный порядок вещей придаст им новый интеллектуальный и социальный характер, распространяя их на весь Запад, где пролетарий сможет всюду легко продолжать свое образование, не встречая даже затруднений из-за незнания языка.

Эти мудрые странствования, благодаря которым разовьется братство западных народов, дополнят сверх того эстетическое образование, вследствие того, что они будут способствовать как лучшему усвоению языков, изученных в юношеском возрасте, так, в особенности, лучшему пониманию музыкальных, художественных или архитектурных произведений, которые можно правильно оценить только на месте.

Глава XXIX СКОЦЕНТРИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ

... Дидактическое значение чувства до сих пор игнорировалось, так как, начиная с конца средних веков, культура ума совпадает с инертностью сердца. Но непрерывное добровольное и систематическое подчинение ума социальному чувству, составляющее главную характерную черту позитивизма, будет плодотворно и в теоретическом, и в нравственном отношении. Родители и учителя воспользуются в каждом курсе народного образования всеми благоприятными случаями для развития у своих питомцев социального чувства, обычное обращение к которому окрасит самые сухие лекции. Ум будет главным образом посвящен укреплению и развитию сердца, которое, в свою очередь, оживит и направит его. Эта тесная солидарность между общими мыслями и великодушными чувствами облегчит научные занятия пролетария тем более, что последние будут происходить после занятий эстетических, которые породят хорошие привычки и скрасят всю нашу жизнь.

Глава XXX РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Назначая этот образовательный курс преимущественно для народа, я не только хотел лучше охарактеризовать его всеобщее распространение и его философскую природу. На мой взгляд не должно существовать никакого другого организованного образования, по крайней мере, общего. Священный долг, уплачиваемый таким образом республикой по отношению к пролетариям, нисколько не распространяется на классы, имеющие возможность воспитывать своих детей по своему усмотрению. Впрочем, это специальное образование может быть только частным развитием или, самое большое, определенным применением здравого общего образования, которое позволит каждому приобретать, даже без посторонней помощи, эти второстепенные познания.

Что касается профессионального обучения, то оно даже относительно важнейших искусств должно быть чисто практическим, отдельным от настоящего образования. Господствующее ныне на этот счет ложное мнение обусловлено тем, что со времени упразднения католического режима, к сожалению, отсутствует всякое общее образование. Ибо дорогие учреждения, созданные в течение последних трех веков на всем Западе и надлежащим образом преобразованные во Франции Конвентом, составляют в сущности только научные зародыши, необходимые для окончательного обновления общего образования. Насколько их теоретическое значение бесспорно, настолько можно усомниться в их практическом значении, ради которого они, по-видимому, созданы: соответственные искусства легко могли бы без них обойтись, даже без Политехнической Школы, Музея естественной истории и т.д. Они имеют крупную ценность только как временные средства, подобно всем здоровым учреждениям нашей анархической эпохи. В этом смысле они могут теперь быть с пользой преобразованы под влиянием такой философии, которая, не создавая иллюзий относительно их долговечности, лучше приспособит их к важному современному их назначению. По различным соображениям она предложит даже некоторые новые учреждения, в особенности высшую школу философии, которая будет обнимать совокупность человеческих языков, согласно их истинным аналогиям, чем возместит необходимое уничтожение греко-латинских кафедр.

Без сомнения, однако, все это предварительное сооружение не доживет до конца девятнадцатого века, когда одержит верх окончательная система истинного общего образования. Теперешняя необходимость в нем не должна вводить в заблуждение относительно его истинного характера и его назначения.

Государство, в сущности, обязано дать образование только пролетариям; и, мудро организовав его, оно не будет нуждаться ни в каком специальном учреждении. Эти окончательные принципы значительно облегчают народное образование и в то же время его облагораживают. Они побудят нации, провинции и города наперерыв просить у западной власти наиболее выдающихся преподавателей для этих курсов, и всякий истинный философ будет почитать за честь читать на них, когда все поймут, что действительная популярность образования необходимо совпадает с его систематической возвышенностью. Эта деятельность естественным образом станет главной функцией большинства носителей новой духовности, по крайней мере на протяжении большей части их практической карьеры.

Как видно из предыдущих указаний, это общее образование

ни в коем случае не может быть теперь непосредственно организовано. Каковы бы ни были в этом отношении искренние настроения различных современных правительств, их эмпирические усилия значительно повредили бы построению этого великого здания, если бы они пожелали его ускорить и, в особенности, если бы они попытались им руководить.

В самом деле, всякая настоящая система образования предполагает предварительное влияние истинной философской и социальной доктрины, определяющей ее природу и назначение. Дети не могут воспитываться на принципах, расходящихся с убеждениями родителей, а также без помощи последних. Хотя систематическое образование должно затем сильно укрепить мнения и нравы, уже привившиеся в социальной среде, оно, однако, невозможно, пока эти связующие принципы сами собою не приобретут достаточного преобладания. До тех пор умственной и нравственной систематизации могут достигнуть только лица, достаточно подготовленные и старающиеся, по возможности, исправить недостатки и пробелы собственного образования, руководствуясь новой всеобщей доктриной. Эти медленно созревающие личные убеждения будут указывать общий путь ближайшему поколению, если доктрине действительно суждено возобладать.

Таков в этом отношении естественный ход, которого не может изменить никакое искусственное влияние. Поэтому, отнюдь не приглашая современные правительства уже теперь организовать всеобщее образование, мы должны их побуждать искренно отказаться от праздных или возмутительных прав, которые они — особенно во Франции — еще присваивают себе относительно этого предмета.

... Итак, в настоящее время следует, главным образом, стараться внушить взрослым систематические убеждения, которые затем создадут почву для истинного обновления образования в собственном смысле слова. Среди главных средств, как печатных, так и устных, которые можно применять на этой подготовительной стадии, я должен особенно указать на более или менее методический ряд народных курсов о различных позитивных науках, включая сюда историю, отныне заслуживающую занимать среди них место. Но эти курсы могут оказаться вполне целесообразными лишь тогда, когда они будут носить истинно-философский и, следовательно, социальный характер даже при изложении простейших математических теорий. Они должны также оставаться независимыми от какого бы то ни было правительства, дабы избежать влияния всякой официальной доктрины. Всем этим условиям можно удовлетворить, если считать эти курсы западно-европейскими, а не чисто национальными. Таким образом достигается активное

участие свободной философской ассоциации, к которой на всем Западе добровольно будут принадлежать все, кто может достойно и бескорыстно сотрудничать в этом великом деле переходного периода. Позитивизм один только может вызвать теперь подобную организацию. И именно таким-то путем вскоре разовьется основной союз между философами и пролетариями.

В соответствии с этим независимым движением, усилия, направленные на распространение позитивистских убеждений, естественным образом совпадут со свободным подъемом духовной власти, которая в них найдет опору для нашего возрождения. Переходный же режим будет все больше приближаться к нормальному состоянию, по мере того, как будет вырисовываться солидарность между этими двумя крайними классами окончательного строя.

Чтобы лучше понять эту постепенную тенденцию, можно сравнить позитивистские курсы с соответственными клубами. Между тем, как одни прямо готовят будущее, другие преследуют ту же цель, обсуждая прошлое и направляя настоящее, так что одновременно вырабатываются три главные формы нового спиритуализма.

Глава XXXI

СОЮЗ МЕЖДУ ФИЛОСОФАМИ И ПРОЛЕТАРИЯМИ

Совокупность вышеприведенных соображений уже достаточно ясно характеризует окончательную систему народного образования и непосредственную переходную ступень, долженствующую ее подготовить. В это переходное время союз между философами и пролетариями даст важные для обеих сторон результаты задолго до того, как нормальное состояние станет возможным на Западе. Эта энергичная поддержка позволит зарождающемуся спиритуализму приобрести уважение и даже любовь светских вождей, особенно расположенных в настоящее время пренебрежительно относиться ко всякой нематериальной силе. Их тщеславная гордость не раз заставит их прибегать к помощи философов для усмирения справедливого негодования пролетариев. Какой бы огромной ни казалась всегда сила толпы, она, в сущности, значительно уступает силе богатства. Ибо первая, главным образом, зависит от солидарности, которая, чтобы стать продолжительной, требует интеллектуального и морального соглашения, более доступного философскому влиянию как в положительном, так и в отрицательном смысле.. Хотя философам никогда не удастся вполне управлять пролетариями, как об этом мечтали некоторые беспринципные люди, они, тем не менее, смогут во многом изменить их

страсти и поведение, если они будут надлежащим образом применять свою моральную власть в целях порядка или прогресса. Это свободное влияние может вытекать только из чувства доверия и признательности, обусловливаемого преимущественно оказанными услугами. Так как никто не может придать достаточно веса своим собственным домогательствам, то именно философам надлежит представлять правящим классам справедливые требования пролетариев, между тем как последние заставят светскую власть уважать новую духовную власть. Благодаря этому обоюдному обмену услугами пожелания одних будут очищены от всякой анархической тенденции и притязания других будут свободны от тщеславного честолюбия. Отнюдь не унижая своего собственного достоинства своекорыстными стремлениями, каждый из двух классов получит, таким образом, удовлетворение своих главных потребностей и будет ограничиваться благородным выполнением своей социальной функции.

Чтобы закончить характеристику позитивистской политики, единственно подобающей пролетариям, мне остается указать на умственные и сердечные качества, которые она у них предполагает и из которых вытекают те требования, которые пролетарии должны предъявлять к своим союзникам-философам.

Эти различные условия, в конце концов, сводятся к лучшему развитию свойственных народу склонностей, уже преобладающих в центре великого западного движения. В интеллектуальном отношении существуют два главных условия: одно — отрицательное, другое — положительное или подготовка.

Глава XXXII

ПРОЛЕТАРИИ НЕ ПИТАЮТ БОЛЕЕ НИКАКОГО ДОВЕРИЯ К ТЕОЛОГИИ

Отрицательное условие уже достаточно выполнено, по крайней мере, в Париже, относительно теологического строя, более глубоко павшего в глазах наших пролетариев, чем где бы то ни было. Беспочвенный деизм, на котором останавливаются еще многие ученые, не встречает никакого доверия в народе, к счастью, чуждом наук о словах и сущностях, — наук, которые одни только могут продлить эту чрезвычайную задержку в современном освободительном движении. Нужно только, чтобы истинные склонности народного духа проявились более резко во избежание всяких иллюзий относительно интеллектуального характера нашего возрождения. А это решительное возрождение не замедлит совершиться в той вполне свободной

среде, в которой новая философия будет служить органом систематизации. Мы должны на это рассчитывать тем более, что это возрождение тесно связано с социальными потребностями народа, так как система теологического лицемерия — система, которую нужно теперь окончательно разрушить, — была, главным образом, установлена или, по крайней мере, применена в целях противодействия справедливым требованиям народа. Этот безнравственный обман ведет лишь к умственному закреплению пролетариев и стремится только обойти их законные желания реального улучшения, отвлекая их несбыточной надеждой на будущее.

Таким образом, только пролетарии могут и должны раскрыть этот обман, более смешной, чем гнусный, для чего им достаточно открыто и энергично заявить о своих убеждениях так, чтобы у правящих классов не осталось на этот счет никаких сомнений. Им придется отвернуться от всех ученых, которые окажутся недостаточно свободомыслящими или сколько-нибудь прикосновенными к этому систематическому притворству, на которое, начиная с Робеспьера, опираются все ретрограды, как демагоги, так и монархисты. Тем, кто искренно считает нашу социальную жизнь временным изгнанием, в котором каждый должен по возможности меньше принимать участия, крепкая народная мудрость не замедлит ответить предложением отказаться, согласно их собственному принципу, от всякого участия в управлениях общественным строем, чуждым их единственной цели.

Глава XXXIII

ПРОЛЕТАРИИ ДОЛЖНЫ ТАКЖЕ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Освобождение наших пролетариев от метафизических идей меньше подвинулось вперед, но оно столь же необходимо, как и избавление их от теологических воззрений. У народов, не принявших протестантства, метафизические блуждания, опутывающие ныне умы германцев, без сомнения, не пользуются большим доверием. Но народ всюду, даже в Париже, в силу ложного предрассудка, с уважением относится к соответственному образованию, хотя он сам, к счастью, этой премудрости не вкусил. Весьма важно поэтому рассеять эту последнюю иллюзию наших пролетариев, которая отныне одна только препятствует подъему социального чувства. Она покоится прежде всего на слишком частом смешении образованности с умом, откуда народ простодушно заключает, что только образованные люди способны управлять. А это ошибочное,

хотя весьма извинительное мнение часто приводит к избранию неспособных руководителей.

Лучшая оценка нашего общества покажет народу, что вопреки высокомерию наших образованных людей и даже ученых, большинство действительно сильных умов находится теперь вне этих групп, именно среди столь пренебрегаемых практиков и иногда среди самых необразованных пролетариев. В средние века, когда воспитание преобладало над образованием, лучшей рассуждали и умели восхищаться и пользоваться глубокой реальной мудростью весьма невежественных рыцарей. Прямота, проницательность и даже связность мыслей суть вообще качества, совершенно независимые от всякого образования, и их развитие гораздо более обуславливается практической жизнью, чем теоретическим обучением. Что касается цельного мирозерцания, являющегося главным основанием всякой политической способности, то можно с уверенностью сказать, что оно отсутствует преимущественно у образованных классов.

Глава XXXIV

СЛЕПОЕ БЛАГОГОВЕНИЕ ПРОЛЕТАРИЕВ ПЕРЕД ЛИТЕРАТОРАМИ И АДВОКАТАМИ

Предыдущее замечание приводит, далее, к оценке главного источника глубокого заблуждения, в котором я упрекаю наиболее передовых из наших пролетариев. Это заблуждение преимущественно вытекает из их ошибочного смешения всех видов образования. Политическое доверие, которое они, к несчастью, питают еще к литераторам и адвокатам, показывает, что обаяние педантов пережило у них престиж богословов и монархистов. Но естественное течение нашей республиканской жизни, при систематическом влиянии здоровой философии, в конце концов рассеет и этот предрассудок. Народ вскоре инстинктивно поймет, что постоянное упражнение в письменном или устном выражении мыслей не только не создает прочной гарантии в способности понимания, но, напротив, может сделать нас неспособными ко всякой точной и решительной оценке. Покоясь на образовании, лишенном всяких истинных принципов, оно почти всегда предполагает или обуславливает полное отсутствие твердых убеждений. Большинство этих людей, изучающих искусство формулировать чужие мысли, становится в конце концов неспособными отличить истину от лжи в простейших вопросах, даже когда этого требует их собственный интерес. Поэтому народ должен, наконец, отказаться от слепого восхищения ими и перестать доверять им свою судьбу. Уважение к людям, стоящим выше на со-

циальной лестнице, конечно, необходимо для хорошего порядка, но это иерархическое чувство должно быть лучше направлено.

Придя таким образом к исследованию вопроса о том, какова должна быть их собственная умственная подготовка и, следовательно, умственная подготовка их истинных представителей, пролетарии поймут, что она преимущественно состоит в систематизации посредством здравых научных теорий врожденного им позитивного духа. Их повседневный труд уже имеет в себе зачатки настоящего философского метода и направляет их внимание к главным естественным законам. Поэтому парижские пролетарии — естественный тип западного народа — понимают лучше, чем большинство наших ученых, это тесное сочетание реальности с полезностью, характеризующее позитивное мышление. Их специальные занятия вызывают гораздо меньше потребность в общении. Но они составляют досуг для мысли, благодаря чему могут развиваться естественные наклонности всех способных людей.

Однако, именно социальный толчок даст народу вскоре понять, насколько для него важно дополнить и согласовать свои реальные представления. Решившись теперь по возможности исправить существующий плохой порядок вещей, он убедится в необходимости познать сперва его истинные законы, как это делается во всяком ином хозяйстве. Далее он поймет, что нельзя правильно оценить настоящее, не связав его, с одной стороны, с прошедшим и, с другой, с будущим. Даже необходимость изменить естественное течение социальных явлений пробудит в нем желание познакомиться с их историей и с их характером, дабы лучше избежать всякого ошибочного или излишнего вмешательства.

Признав, таким образом, что политическое искусство зависит, еще более, чем всякое другое, от знания соответственной науки, народный ум вскоре поймет, что эта наука, будучи отнюдь не изолированной, требует предварительного изучения индивидуального человека и внешнего мира. Таким образом, он пройдет всю основную иерархию позитивных представлений и сознательно возвратится к источнику, который ему естественно указывают его специальные занятия, относящиеся, главным образом, к неорганическому миру.

Этот необходимый ход пролетарского разума вскоре представит ему позитивную философию как единственно подходящую для народа, как теоретически, так и практически, так как она обнимает ту же область, имеет то же назначение и так же выдвигает на первое место социальные соображения. Народный инстинкт проникается, таким образом, сознанием, что это учение ограничивается приведением в систему того,

что в нем является врожденным, и что это упорядочение значительно увеличивает общественную и частную силу морали и здравого смысла, этого обычного двойного основания отныне нераздельных умозрительной и активной мудростей.

Тогда наши пролетарии со стыдом будут вспоминать, что они некогда вверяли наиболее трудные дознания лицам, не знавшим даже точного различия между кубическим сантиметром и кубическим дециметром. С другой стороны, не нужно особенно опасаться того, что ученые в собственном смысле слова, столь уважаемые средними классами, приобретут теперь большое влияние на народ. Они ненавистны народу вследствие их равнодушного отношения к высоким социальным вопросам, перед которыми по необходимости ступшевываются их академические занятия пустяками. Присущий им эмпиризм делает их неспособными удовлетворять справедливые требования этих наивных умов, которые, согласно выражению великого Мольера, желают иметь ясное представление обо всем. По мере того, как суетное честолюбие современных ученых заставит их выходить за пределы той области, которой они до сих пор занимались, народный ум с удивлением станет замечать, насколько их столь хваленый метод мышления сузил их понимание, сведя его к нескольким несложным и чаще всего маловажным вопросам. Здравая философия рассеет это естественное удивление, объяснив, каким образом этот вид академического идиотизма явился результатом неправильного удлинения переходной стадии. Этот временный метод мышления, являясь прогрессивным в течение последних трех веков, именно тем, что он позволил выполнить долгую подготовительную научную работу философского обновления, предначертанного Бэконом и Декартом, должен был стать ретроградным с тех пор, когда, вследствие завершения этой подготовительной работы, оказалось возможным приступить к непосредственному построению науки, по необходимости относящейся к Человечеству. Далеко не способствуя главному современному умственному движению, он является, в особенности во Франции, серьезным препятствием к решительному расширению и согласованию этого движения, как это поразительным образом предчувствовала революционная мудрость Конвента, когда она возымела смелую мысль закрыть Академию Наук. Наши пролетарии вскоре поймут, насколько политический инстинкт великого собрания был верен. Поэтому нужно полагать, что они сумеют отказать в своей доверии метафизикам или литераторам, не ища покровительства у плохих ученых. Их социальная цель внушить им, что им нужны обобщение и позитивность. И в то время, как главные представители промышленности, в силу узости своих взглядов, будут про-

должать восхищаться нашими учеными, народ будет политически тяготеть к истинным философам, чрезвычайно небольшое число которых возрастет благодаря призыву пролетариев и даже благодаря вступлению последних в их ряды.

Глава XXXV

ПРОЛЕТАРИЙ ДОЛЖЕН СЧИТАТЬ СЕБЯ СОСТОЯЩИМ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Что касается моральных условий народного подъема, то они вытекают, главным образом, из деятельного чувства важности основного назначения пролетариата, связанного с сознанием его нынешнего положения.

С первой точки зрения наши пролетарии могут морально считать себя истинными общественными служащими, одновременно социальными и общими. Однако, такой характер их деятельности никоим образом не должен повлечь за собой изменения нынешней формы частного вознаграждения, естественно устанавливаемого за всякую услугу настолько непосредственную и ограниченную, что ее особая оценка может быть прямой и обычной. Нужно только дополнить это индивидуальное вознаграждение каждой деятельности справедливой социальной благодарностью по отношению к трудящемуся, подобно тому, как у нас уже принято поступать относительно так называемых либеральных профессий, где плата за труд не избавляет от признательности. В этом смысле самопроизвольное республиканское направление Конвента определило систематические указания здоровой философии в характеристике народного сотрудничества.

Чтобы понять действительное значение своего специального труда, пролетариям достаточно предположить его полное или даже временное прекращение, что тотчас вызвало бы расстройство основного порядка современной жизни. Гораздо труднее для них в настоящее время оценить свое общее участие, являющееся главным источником общественного мнения и, следовательно, существенной поддержкой морального авторитета. Но, согласно моим предыдущим разъяснениям, эта нормальная функция столь неминуемо вытекает из их природы и состояния, она так соответствует их коллективным потребностям, что понимание ее станет для них все доступнее в той мере, в какой течение событий позволит или даже потребует ее применения.

Это постепенно нарастающее сознание своего значения может принять существенно вредное направление только в том

случае, если пролетарии сосредоточат свое внимание на том, что метафизики называют политическими правами. Занятие этими вопросами отвлекло бы народ от моральных вопросов, относящихся к использованию властью, и втянуло бы их в бесполезные споры, касающиеся обычного обладания последней.

Но эта опасность не внушает серьезной тревоги, в особенности во Франции, где инстинкт пролетариев не испорчен метафизическим фанатизмом. Наставнические увещания наших идеологов, даже официальных, не помешают народной мудрости понять, что не в этом его истинное социальное назначение. Нынешнее пресыщение избирательными голосованиями приведет вскоре к добровольному упразднению этого призрачного права, не имеющего более даже привлекательности привилегии. Тщетные усилия сосредоточить внимание народа на собственно политических вопросах не будет в состоянии отвлечь его от настоящих специальных проблем, действительное решение которых по преимуществу моральное. Он никогда не позволит свести результаты великой революции к простым перемещениям лиц или изменениям партийных группировок, ни даже к каким бы то ни было изменениям центральной власти.

Это настроение требует равносильных стремлений у тех, кто желает стать его духовными руководителями. Подобно ему, они должны ставить социальные проблемы выше простых политических вопросов и лучше его ценить существенно нравственную природу соответственных решений. Для этого они прежде всего должны принять как нормальное основание современной организации систематическое отделение духовной власти от светской. Этот принцип настолько отвечает народным потребностям, что вскоре народ потребует от всех своих интеллектуальных вождей, чтобы они его приняли. Чтобы его лучше обеспечить, он, без сомнения, заставит их формально отречься от всякого притязания на центральную или даже местную светскую власть.

Посвящая себя, таким образом, исключительно служению Человечеству, истинные философы внушат больше доверия своим союзникам-пролетариям, а также правящим классам. Избавленная от непосредственного применения социальная теория сможет получить свободное развитие, которое, отнюдь не вызывая беспорядка, надлежащим образом подготовит нормальное будущее, не пренебрегая и нынешним переходным состоянием. В то же время социальная практика, освобожденная от напрасных наставнических притязаний, не сохранит более никакой ретроградной связи с отжившими доктринами

и постепенно приспособится к прогрессивным указаниям общественного духа, энергично выполняя в то же время свою необходимую материальную службу.

Глава XXXVI

ПРОЛЕТАРИЙ НЕ ДОЛЖЕН СТРЕМИТЬСЯ НИ К БОГАТСТВУ, НИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЕ

Чтобы лучше соответствовать своему нынешнему и окончательному назначению, народные нравы должны только более развивать свой самобытный характер. Для этого пролетарский инстинкт должен, главным образом, очиститься от всякого суетного стремления к почестям или личному богатству. Метафизический эмпиризм охотно свел бы результаты великой революции к расширению для народа доступа к политической или гражданской власти. Но эта возможность, хотя она необходима для окончательного строя, далеко не отвечает истинным народным потребностям, так как может способствовать только индивидуальным улучшениям, не изменяющим судьбы социальной массы, но скорее стремящимся часто ее ухудшить вследствие ухода из нее наиболее энергичных членов. Один только Конвент сумел надлежащим образом оценить этот факт. Только он умел уважать пролетариев как таковых в их частной деятельности и в их общем участии в государственной жизни, являющемся главным возмещением неприглядных материальных условий их существования. Все вожаки, как ретроградного, так и стационарного состояний, следовавшие за Конвентом, пытались, напротив, отвлечь их от социальной цели, облегчая им личный доступ к высшим положениям. Привыкшие к слепой рутине средние классы невольно присоединились к этой развращающей политике и стали проповедовать, что все должны подражать им и стремиться делать сбережения. Эта привычка к сбережению необходима для накопления и управления капиталами; она должна поэтому преобладать в промежуточной части окончательного организма. Но они были бы неуместны и даже губительны во всех остальных частях, там, где материальное существование, главным образом, зависит от какой-либо заработной платы. Философы и пролетарии должны одинаково остерегаться нравов, стремящихся унижить их моральный характер, не улучшая обыкновенно их физического положения. У тех и других отсутствие всякой серьезной практической ответственности и свободный подъем — как общественный, так и частный, — умозрительной и аффективной жизни составляют главные условия истинного счастья.

... Эмпирические разглагольствования против кабачков не

помешают им оставаться и впредь единственными местами народных собраний, где вырабатывается чувство общности, заслуживающее большого поощрения, чем эгоистичное посещение сберегательных касс. Что касается истинных личных опасностей, сопряженных с этой мудрой непредусмотрительностью, то они вместе с ростом цивилизации постоянно уменьшаются, причем сохраняется характер пролетария, составляющий одновременно его главное достоинство и наиболее драгоценное утешение. Эта поправка вытекает преимущественно из возрастающего подъема чувств и мыслей. Призывая народ к общественной жизни, позитивная философия сумеет сделать клуб наилучшим коррективом кабака.

В этом отношении философам надлежит прислушиваться к великодушным внушениям народного инстинкта. Всякая жадность к деньгам, как и всякое светское честолюбие лиц, стремящихся к духовному управлению человечеством, будут вызывать законное подозрительное отношение к ним со стороны народа, так как они таким образом выкажут свою моральную несостоятельность, обыкновенно связанную с тайным бессилием мысли.

Моральная власть философов, которым помогают пролетарии, заключается в позитивном строе преимущественно в том, чтобы непрерывно изменять, путем справедливого распределения уважения, социальную группировку, в которой должно всегда перевешивать материальное значение. Хотя субординация должностей не перестанет существовать, каждое должностное лицо будет, однако, оцениваться сообразно качествам его ума и сердца, что предохранит и от анархии, и от рабства. Ничто не сможет помешать народу понять, что истинные качества, необходимые для отправления различных общественных должностей, весьма несоразмерны с доставляемым ими светским господством. Он будет все более и более сознавать, что настоящее человеческое счастье отнюдь не связано с тем или иным высоким положением и что оно может скорее стать уделом скромного положения, кроме разве тех исключительных личностей, которые должны стремиться к власти — по суждению, может быть, более пагубному, чем полезному нашей коллективной мудрости в применении к общественному благу. Истинные пролетарии, равно как истинные философы, вскоре перестанут завидовать высокому положению, неизбежно связанному с серьезной ответственностью.

Когда это взаимоотношение не будет более призрачным, народ убедится, что все социальное искусство имеет целью удовлетворить его справедливые потребности путем совместной деятельности его духовных вождей с его светскими руководителями. Поэтому он не пожелает ни славы, купленной ценой

тяжелых размышлений, ни могущества, сопряженного с постоянными заботами. Давая возможность свободно проявляться необходимым теоретическим и практическим дарованиям, социальная масса сможет наслаждаться состоянием, соответствующим нашей обычной организации, сообразно которой действительное благополучие преимущественно связано с умеренным упражнением чувства и рассудка и умеренной же деятельностью. Так как материальная нужда будет устранена, то каждый будет искать справедливого вознаграждения за свое хорошее поведение в неизменном, даже посмертном, уважении той части человечества, которая могла его оценить.

Одним словом, определение, сохранившееся в силу ложной скромности, не вытекавшее из инстинктивно понятой социальной действительности, будет все более и более соответствовать характеру высших должностных лиц, которые будут невольными слугами своих добровольных подчиненных. Позитивное общество будет так организовано, что его теоретические и практические вожди, несмотря на личные выгоды, связанные с их положением, будут часто сожалеть, что они не родились или не остались пролетариями. Для великих душ светское или духовное первенство доставляло всегда прочное удовлетворение лишь потому, что оно открывало им более широкое социальное поприще и позволяло принимать большее участие в созидании общественного блага. Главное же достоинство окончательного порядка будет состоять в том, что для всех станет доступна эта благотворная связь частной жизни с общественной, и самому ничтожному гражданину будет обеспечено социальное влияние, не распорядительное, но совещательное, всегда соразмерное с его усердием и заслугами.

Все соображения, изложенные в этой третьей части, подтверждают положение, высказанное в начале ее, о необходимой способности пролетариата составлять главную опору не только окончательной системы, но также нашего временного строя, который, рассматриваемый таким образом, будет возможно меньше отличаться от подготавливаемого им нормального состояния. Главные условия этой политики переходного времени... находят наилучшую гарантию в естественных настроениях западно-европейского народа и, в особенности, во Франции. Нашим светским руководителям следует благоразумно сообразоваться с народными стремлениями вместо того, чтобы пытаться ими управлять: ибо они сами собою соответствуют нашим истинным современным потребностям в свободе и в общественном порядке.

Глава XXXVII

СВОБОДА СОЮЗОВ И СВОБОДА ОБУЧЕНИЯ

Свобода критики и свобода слова существуют во Франции с большей полнотой, чем где-либо, и покоятся, главным образом, на умственной эмансипации наших пролетариев, в особенности парижских. Они освободились от всех богословских воззрений, не примкнув ни к какому метафизическому учению. Но полное отсутствие систематических убеждений поразительным образом согласуется у них с покорностью ума, побуждающей их принимать те убеждения, в которых соединены реальность и полезность. Все другие классы современного общества готовы принудительно навязать доктрины, не выдерживающие критики. Только народ может укрепить и расширить свободу, необходимую истинным философам для выполнения их функции. И никакая сила закона не может внушить такого чувства безопасности, как эта моральная гарантия. Каковы бы ни были покушения некоторых главарей или партий оставаться на одном месте или идти вспять, им не удастся притеснить такой народ. Это является наиболее решительным обстоятельством, утверждающим за Францией естественную роль руководительницы великого западно-европейского возрождения.

Народ вскоре преодолет отрицательное отношение к свободе союзов и свободе обучения. Население со столь сильным общественным инстинктом не позволит окончательно лишиться себя права устраивать свободные союзы, которые позволят ему удовлетворять его главные наклонности и стремиться к реализации его главных интересов. Глубоко сознаваемая им потребность в настоящем образовании, дать которое неспособны как метафизики, так и теологи, все более и более будет побуждать его содействовать с непреодолимой энергией установлению истинной свободы обучения, главные условия которого при отсутствии такой поддержки еще долгое время не были бы возможны. Что касается политики, как внешней, так и внутренней, то народная гарантия здесь не менее необходима. Мир, как и свобода, зависит от основного строения наших пролетариев.

Глава XXXVIII

ПРОЛЕТАРИИ И ВОЙНА

Поразительное спокойствие, царящее ныне на Западе, обусловлено преимущественно непреодолимым отвращением, питаемым нашими пролетариями к войне. На это не столько указывают напрасные сожаления различных ретроградных

партий об упадке военного духа, сколько необходимое учреждение сперва во Франции, затем на всем Западе принудительного набора, ясно характеризующего наши современные нравы. Таким образом, вопреки ложным разглагольствованиям, надо признать, что в наши армии добровольно идут только офицеры. Пролетарии, сверх того, менее, чем какой-либо другой класс, проникнуты национальными предрассудками, которые, хотя и значительно ослаблены, но все еще сеют рознь в великой европейской семье. Они более деятельно проявляются у средних классов, преимущественно из-за промышленного соперничества. В глазах пролетариев они всюду ступшевываются перед основным сходством склонностей и состояний трудящихся всего Запада.

Эта благотворная солидарность вскоре приобретет надлежащую прочность, вследствие всеобщего участия народа в разрешении поднятого им теперь великого социального вопроса об отведении подобающего им места в новом строе. И ввиду повсеместного преобладания этого интереса никакое военное или промышленное заблуждение не в состоянии будет его преодолеть и вызвать войну на Западе.

Глава XXXIX

В ТЕЧЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ЦЕНТРАЛИЗОВАНА

Могущественные социальные волнения поистине менее благоприятны для внутреннего порядка, чем для внешнего мира. Но тревога, не без основания внушаемая нам нынешней духовной анархией, не может нам помешать по достоинству оценить гарантии, которые дают нам, даже в этом отношении, истинные стремления пролетариев. Преобладание центральной власти над местной, которое, как мы выше видели, необходимо для общественного порядка, может быть достигнуто лишь при содействии народа. Правительство, в собственном смысле слова, если оно только не будет вызывать опасений в ретроградности, без труда встретит в нем поддержку против собрания депутатов, где почти всегда будут господствовать антипролетарские тенденции. Между этими двумя видами светской власти народный инстинкт естественно предпочтет тот из них, более практический характер и менее двусмысленная роль которого лучше отвечают его главным желаниям.

Пустые конституционные споры выгодны для честолюбцев из средних классов, так как они облегчают их политическую карьеру. Но эта бесплодная агитация вызывает мало интереса и часто справедливое презрение у народа, которому она не

может принести никакой пользы и законные требования которого она стремится обойти, увеличивая непрочность единственной власти, способной их удовлетворить.

Итак, народное предпочтение обеспечено всякой администрации, которая сумеет его заслужить, в особенности во Франции, где политические страсти уже улеглись благодаря непреодолимому влиянию поднятых социальных вопросов.

Поддержка пролетариев должна не только укрепить центральную власть, но и значительно улучшить ее обычный характер, ибо она приведет ее к ее истинному практическому назначению тем, что освободит ее от пустых теоретических притязаний. В виду всех этих соображений, стремления философов к систематизации отныне встретит более благоприятные условия для своего осуществления благодаря добровольному влиянию их союзников-пролетариев.

Чтобы лучше охарактеризовать это спасительное вмешательство народа в современную политику, мне остается еще указать, какая группа населения могла бы выставить из своей среды центральное правительство, способное руководить переходным состоянием светской власти до момента прекращения духовного междуцарствия.

Удачная двусмысленность, выражаемая, в особенности на французском языке, словом народ (peuple), постоянно напоминает, что пролетарии не образуют настоящего класса, но составляют социальную массу, откуда вытекают как необходимые органы различные специальные классы. Со времени уничтожения каст, последним остатком которых была королевская власть, наши светские вожди вербовались, главным образом, в пролетарской среде. В нормальном государстве требуется только, чтобы эти новые властители, прежде чем занять какой-либо государственный пост, предварительно приобрели в частной практике умение властвовать, необходимое для их политической деятельности.

Во всяком правильном строе правительство, в собственном смысле слова, может быть только расширением гражданской власти. Вот почему окончательный порядок современных обществ обеспечивает главным представителям промышленности обладание светской властью. Хотя они кажутся еще малоспособными для этой власти, они не замедлят ее получить, когда духовное преобразование сделает их более достойными ее и облегчит им пользование ею, упростит ее и придаст ей чисто практический характер.

Однако, ни одно из этих двух условий в настоящее время еще не выполнено, что затрудняет доступ к светской власти лицам, которые, в конце концов, станут ее законными представителями. Они могут уже взять на себя различные специ-

альные обязанности даже относительно функций, кажушихся, на первый взгляд, совершенно чуждыми промышленным способностям. Но за исключением единичных личностей (на возможность появления которых ничто не указывает и от которых не должен зависеть наш временный режим) эти классы еще не способны заменить королевскую власть в ее роли центрального органа. До сих пор они слишком далеки от той возвышенности взглядов и чувств, которая могла бы им позволить такой политический подъем. Впрочем, это двоякое условие практического первенства и вне промышленности вообще выполняется не лучше. Наличие его еще менее наблюдается среди ученых, особенно во Франции, где академический режим так сузил ум, иссушил сердце и расслабил характер, что большинство ученых стало неспособно к действительной жизни и в особенности к малейшему руководству, даже научному.

Глава XL

В ПРОДОЛЖЕНИИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ, В ВИДЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ, ВВЕРЕНА ПРОЛЕТАРИЯМ

Неспособность к общественной службе наших различных социальных классов заставляет искать другое средство для удовлетворения этого революционного требования и обратиться туда, где цельное мирозерцание менее сдавлено и чувство долга лучше развито. Здравая историческая теория дает мне основание решительно заявить, что одни только наши пролетарии могут выставить из своей среды достойных представителей высшей светской власти до окончания духовного междоусарствия, т.е. на время, по крайней мере, одного поколения.

Освободившись от всякого педантократического или аристократического обаяния, легко видеть (при рациональном исследовании, согласно соображениям, приведенным в начале этой третьей части), что у народа общность мыслей и благородство чувств более возможны и более непосредственны, чем у всех других классов. Обычный недостаток административных понятий и привычек делает наших пролетариев малоспособными к различным специальным должностям практической государственной деятельности. Но это обстоятельство не является для них препятствием к пользованию высшим авторитетом и к исполнению высоких социальных функций, требующих истинной широты взглядов и не предполагающих никаких специальных знаний. Когда эти важные посты будут заняты достойными пролетариями, их мудрый и скромный

инстинкт сумеет найти подходящих лиц из недр тех классов, откуда они до сих пор вербовались. Так как их умелый выбор обеспечит практический характер и прогрессивный дух правительства, они смогут без опасений использовать все специальные способности даже тех лиц, которым, как стоящим очень высоко, наиболее может быть противна служба республике.

Таким образом, все светские элементы окажут, — под влиянием могучего импульса со стороны пролетариев, — надлежащее содействие нашему окончательному преобразованию, в особенности среди военных и судей, особенно способных к превращению в искренних республиканцев. В то время, когда это обладание верховной властью ободрит и успокоит народную массу и сделает излишними обычные приемы обуздания, оно воздействует на представителей промышленности в том смысле, что они будут делаться все более и более достойными предстоящего им светского высокого назначения, по мере того, как их чувства будут очищаться и их взгляды расширяться.

Итак, условия свободы и общественного порядка создадут почву для передачи революционным путем центральной власти нескольким выдающимся пролетариям на время духовного междуцарствия. Их воцарение не породит в пролетарской массе опасных честолюбивых стремлений, подобно тем, какие вызывает теперь в этой среде жажда обогащения, ибо все ясно поймут исключительную природу и необходимые условия этого редкого величия.

Назначение этой политической аномалии определяет также ее форму осуществления. Надо на самом деле освободиться от корыстной рутины, которая в последнее время сделала из местной власти род обязательной подготовки к центральной власти, хотя в действительности именно центральная власть была всегда предметом честолюбия парламентариев. Неопровержимый опыт достаточно подтвердил, в этом отношении, здравые теоретические соображения, согласно которым такая школа может воспитывать только бесполезных болтунов, лишенных всякой настоящей политической способности, какими были, например, жирондисты. Помимо того, что наши пролетарии, идя таким путем, вряд ли могли бы восторжествовать, следует признать, что если бы они имели несчастье достигнуть успеха, они потеряли бы прямо ту и самобытность, составляющие теперь их истинные качества, делающие их достойными этой исключительной ответственной роли.

Таким образом, временный пост, который позитивизм предназначает для вождей пролетариев, последние должны будут занять сразу, без всяких парламентарных околичностей. Тогда наше прямое движение к окончательному возрождению приобретает тот характер, который ему должен быть свойствен-

нен: мирный и энергичный, благодаря добровольному и систематическому сотрудничеству философов, свободных от всякого светского честолюбия, и диктаторов, чуждых всякой духовной тирании. Общественный разум будет отныне считать мятежником и в то же время ретроградом всякого ученого, который будет домогаться светской власти, и всякого правителя, который пожелает поучать. Одним словом, наше революционное правительство подвергнется тому внутреннему преобразованию, в котором нуждалось правительство Конвента, если бы это удивительное политическое создание могло, как того хотели его творцы, просуществовать до наступления всеобщего мира.

Таков окончательный договор между истинными философами и истинными пролетариями относительно руководства органическим завершением великой революции, путем мудрого восстановления режима Конвента, не искаженного опытами, произведенными его различными преемниками эпохи реакции и застоя...

Теоретические пробелы наших пролетариев будут легко восполнены философами, которые, подчиняясь непреодолимому требованию социального чувства, ознакомят своих союзников со здоровой исторической теорией, без которой человеческая солидарность представляется лишенной своей главной особенности — непрерывности. Хотя нравственное несовершенство современных философов создаст много затруднений для пролетариев, тем не менее народное движение встретит поддержку в их высоком убеждении о всеобщем преобладании сердца; это убеждение в состоянии будет преодолеть пустое высокомерие, которое могло бы расстроить этот союз, имеющий целью обновление.

Конт О.

СИСТЕМА ПОЗИТИВНОЙ ПОЛИТИКИ¹

Глава XVII

Возможность приступить к социальному преобразованию

Та же теория, которая объясняет умственную эволюцию человечества, устанавливает, таким образом, действительно окончательную систематизацию наших элементарных идей, благодаря чему устраняются существовавшие до сих пор, в большей или меньшей степени, противоречия между условиями гармонии и движения. Ее историческая способность и ее догматическая ценность взаимно друг друга укрепляют; ибо действительная связь наших понятий должна всегда исходить из их последовательных превращений, которые, в свою очередь, остались бы необъяснимыми без нее. История и философия становятся, таким образом, нераздельными для всех здравых умов.

Теория, одновременно статическая и динамическая, выполняющая столько условий, может, конечно, рассматриваться теперь как способная построить единую спекулятивную систему на ее истинном объективном основании, хотя ее единство должно быть еще развито и упрочено, что возможно будет по мере того, как ее основание будет все глубже изучаться. Но этот двойной прогресс должен в действительности гораздо более зависеть от социального назначения этого построения, чем от бесполезного стремления к научному совершенству. Именно, руководя духовным преобразованием передовых народов, абстрактная философия должна будет почувствовать потребность в новом расширении или в лучшей связи, в особенности тогда, когда требования морали и политики вызовут изучение новых естественных отношений; так что знание никогда не будет слишком опережать применение. Достаточно, чтобы это нарождающаяся систематизация всех наших реальных умозрений была теперь настолько выработана, чтобы можно было непосредственно приступить к синтезу чувств и даже действий, начиная с систематизации позитивной морали, которая должна руководить окончательным возрождением человечества. А мой основной труд, смею думать, не оставляет никакого сомнения в немедленной возможности такого предприятия, своевременность которого будет доказана в настоящем рассуждении.

¹В кн. Родоначальники позитивизма, вып. 4—5 СПб., 1912—1913

Глава XVIII

Не нужно смешивать позитивизм с атеизмом, материализмом, фатализмом или оптимизмом. Как атеизм, так и теология стремятся разрешать неразрешимые вопросы

Охарактеризовав достаточно общий дух позитивизма, я должен теперь дать по этому предмету несколько дополнительных разъяснений, предназначенных частью для предупреждения, частью для исправления грубых ошибок, которые встречаются слишком часто и слишком опасны, чтобы я мог обходить их молчанием; но я отнюдь не намереваюсь отвечать на недобросовестные нападки.

Так как полное освобождение нашего мирозерцания от влияния теологии должно в настоящее время составить необходимую подготовительную работу к наступлению вполне позитивного образа мыслей, то это предвратительное условие заставляет многих поверхностных наблюдателей искренно смешивать этот окончательный метод мышления с чисто отрицательным направлением, которое даже в последнее столетие имело истинно прогрессивный характер, но которое теперь в руках лиц, считающих его неизменным, обратилось в серьезное препятствие для всякого социального и даже умственного преобразования. Хотя я уже давно торжественно отверг всякую солидарность как догматическую, так и историческую между истинным позитивизмом и тем, что называют атеизмом, я, тем не менее, считаю необходимым дать здесь по поводу этого ложного мнения еще несколько кратких, но прямых разъяснений.

Даже в интеллектуальном отношении атеизм составляет только чрезвычайно неполное освобождение, так как он стремится бесконечно удлинить метафизическое состояние, непрерывно ища новых решений теологических проблем, вместо того, чтобы раз навсегда отказаться от всех недоступных исследований как совершенно бесполезных. Истинный позитивный дух состоит преимущественно в замене изучения первых или конечных причин явлений изучением их непреложных законов; другими словами — в замене слова почему словом как. Он поэтому несовместим с горделивыми мечтаниями туманного атеизма о создании вселенной, о происхождении животных и т.д. В своей общей оценке наших различных умственных состояний позитивизм, не колеблясь, ставит эти ученые химеры, даже в отношении рациональности, значительно ниже самопроизвольных верований человечества. Ибо теологический принцип, состоящий в объяснении всего хотениями, может быть вполне изгнан только тогда, когда, признав недоступным всякое исследование причин, мы ограничимся познанием за-

конов. Пока же мы упрямо стремимся разрешать вопросы, свойственные нашему младенчеству, у нас имеется слишком мало оснований отбросить наивный метод, который к ним применяло наше воображение и который на самом деле один только и соответствует их природе.

Эти самопроизвольные верования могли окончательно исчезнуть только по мере того, как человечество, лучше просвещенное о своих средствах и потребностях, безвозвратно изменяло общее направление своих постоянных исследований. Когда мы хотим проникнуть в неразрешимую тайну сущности происхождения явлений, то мы не можем придумать ничего более удовлетворительного, как приписать их внутренним или внешним хотениям, уподобляя их, таким образом, повседневным проявлениям волнующих нас страстей. Только метафизическая или научная гордость древних или современных атеистов могла их убедить в том, что их смутные гипотезы об этом предмете действительно стоят выше того непосредственного уподобления, которое должно было исключительно удовлетворять наш ум, пока не были признаны полное ничтожество и совершенная бесполезность всякого искания абсолютного.

Хотя естественный порядок во всех отношениях чрезвычайно несовершенен, его возникновение, тем не менее, гораздо лучше согласуется с предположением разумной воли, чем с теорией слепого механического мироздания. Поэтому закоренелых атеистов можно рассматривать как самых непоследовательных теологов, так как они занимаются теми же вопросами, отбросив единственно годный для них метод.

Впрочем, чистый атеизм наблюдается даже теперь весьма редко. Чаще всего под этим названием разумеют вид пантеизма, который в сущности представляет собой ни что иное, как научное попятное движение к смутному и отвлеченному идолопоклонству, откуда могут возродиться в новых формах все богословские состояния, когда дается полный простор метафизическим заблуждениям.

Такой образ мыслей, сверх того, показывает, что лица, считающие его окончательным, слишком преувеличенно или даже несправедливо оценивают интеллектуальные потребности и имеют весьма несовершенно понятие о моральных и социальных потребностях. Чаще всего он сочетается с опасными утопиями о мнимом царстве разума. В области нравственности его догматы как бы освящают неблагородные софизмы современной метафизики об абсолютном господстве эгоизма. В политике он прямо стремится удлинить до бесконечности революционное состояние, благодаря слепой ненависти ко всему прошлому, которую он внушает, препятствуя всякой

истинно-позитивной оценке прошедшего, способной открыть нам будущее человечества. Поэтому в борьбе с позитивизмом атеизм может теперь рассчитывать только на тех лиц, у которых он является лишь временным состоянием, последним и наименее продолжительным из всех метафизических состояний. Так как наблюдаемое ныне широкое распространение научного направления значительно облегчает этот последний переход, то лица, не совершившие его произвольно до достижения ими зрелого возраста, обнаруживают своего рода умственное бессилие, часто связанное с моральным убожеством и весьма плохо согласуемое с позитивизмом.

В виду того, что чисто отрицательные связи всегда слабы и недолговечны, современная философия не может более довольствоваться непризнанием единобожия, многобожия или идолопоклонства, непризнанием, которое никто не станет считать достаточным, чтобы им мотивировать сближение с другими учениями. Подобное подготавливание, в сущности, имело значение только для тех, которые должны были взять на себя почин в коренном обновлении человечества. Оно уже более не необходимо, так как дряхлость старого миропонимания не оставляет никакого сомнения в необходимости преобразования. Стойкое анархическое направление, по преимуществу характеризующее атеизмом, отныне более неблагоприятно для преобладания органического духа, чем могли бы быть искренне сохранение старых обычаев. Ибо это последнее уже более не мешает правильному и прямому пониманию основного вопроса и даже способствует ему, обязывая новую философию нападать на отсталые верования лишь постольку, поскольку она способна лучше удовлетворить все моральные и социальные потребности. Вместо этого спасительного соревнования позитивизм встречает теперь лишь бесплодное противодействие со стороны атеизма, исповедуемого многими метафизиками и учеными, антитеологические настроения которых приводят их только к безусловному стремлению препятствовать преобразованию, которое они в известных отношениях подготовили в прошлом веке.

Итак, позитивизм не только не может рассчитывать на поддержку современных атеистов, но должен смотреть на них как на своих естественных противников; впрочем, недостаточная прочность их воззрений позволяет легко привлечь тех из их среды, у которых заблуждения не обусловлены преимущественно гордостью.

Глава XIX

Материализм стремится подчинить высшие науки низшим.

Позитивизм исправляет эту ошибку

Для новой философии весьма важно снять с себя обвинение в материализме, обвинение, вменяемое ей благодаря необходимой для нее предварительной научной обоснованности. Отказываясь от всякого бесполезного обсуждения непроницаемых тайн, моя основная теория человеческой эволюции позволяет мне ясно определить реальную сущность этих смутных споров.

Так как позитивный дух был долгое время ограничен простейшими исследованиями и мог распространиться на более важные только проходя с самопроизвольной последовательностью промежуточные ступени, то каждое новое его приобретение должно было сначала совершаться под чрезмерным влиянием методов и доктрин предыдущей области. В этом преувеличении и состоит, на мой взгляд, научное заблуждение, которое публика инстинктивно и не без основания называет материализмом, так как последний, действительно, всегда стремится унизить самые возвышенные суждения, уподобляя их самым примитивным. Это направление было тем более неизбежно, что всюду оно покоится на необходимой зависимости менее общих явлений от более общих, из чего вытекает законное дедуктивное влияние, благодаря которому каждая наука участвует в непрерывной эволюции следующей за ней науки, специальные индукции которой не могли бы иначе приобрести достаточной рациональности. Поэтому каждая наука должна была долгое время бороться против захватов предыдущей, и эта борьба существует еще и теперь даже между наиболее древними науками. Она совершенно прекратится только тогда, когда все науки подчинятся дисциплине здоровой философии, которая всюду доставит преобладание справедливому пониманию истинных энциклопедических отношений, столь плохо оцениваемых современным эмпиризмом.

В этом смысле материализм представляет опасность, нераздельную с приобщением к науке в той его форме, в какой оно должно было до сих пор совершаться, а именно, когда каждая наука стремится поглотить следующую за ней по праву более древней и лучше установленной позитивности. Зло лежит, таким образом, гораздо глубже и распространено шире, чем это думают те, которые на него жалуются. Оно замечается теперь только по отношению к наиболее высоким умозрениям, на которых оно, действительно, более всего отражается, так как они страдают от захватов всех других наук; но оно существует также для любого элемента нашей научной иерар-

хии, не исключая ее математического основания, которое, на первый взгляд, кажется от него естественно избавленным. Истинный философ видит материализм в стремлении современных заурядных математиков подчинить исчислению геометрию или механику, так же как в более явном захвате физики всеми математическими науками, или химии физикой, в особенности биологии химией и, наконец, в неизменной склонности выдающихся биологов рассматривать социальную науку просто как следствие или добавление к биологии. Всюду мы видим один и тот же коренной порок — злоупотребление дедуктивной логикой — и один и тот же необходимый результат — неизбежное подчинение высших наук слепому господству низших.

Таким образом, все истинные ученые в настоящее время более или менее материалисты, в зависимости от большей или меньшей простоты и общности изучаемых ими явлений. Геометры более других склонны к этому заблуждению в виду их невольного стремления класть в основание построения единой умозрительной системы самые грубые умозрения: числовые, геометрические или механические. Но биологи, которые наиболее энергично восстают против такого захвата, в свою очередь, заслуживают тех же упреков, когда они, например, претендуют все объяснить в социологии чисто второстепенными влияниями климата и расы, ибо они не считаются при этом с основными законами, которые могут быть раскрыты только с помощью исторических индукций.

Эта философская оценка материализма объясняет одновременно естественный источник и глубокую несправедливость грубой ошибки, которую я стараюсь здесь окончательно исправить. Далеко не благоприятствуя подобным опасным заблуждениям, позитивизм, напротив, один только может их совершенно устранить благодаря своей исключительной способности воздавать должное законным стремлениям, эмпирическим преувеличением которых являются эти заблуждения. До сих пор зло сдерживалось только самопроизвольным сопротивлением теологико-метафизического духа; и эта временная функция составляла необходимое, хотя и недостаточное, назначение собственно спиритуализма. Но такие препятствия не могли мешать энергичному наступлению материализма, облеченного в глазах современных мыслящих людей в некоторый прогрессивный характер, благодаря его долгой связи с справедливым возмущением человечества против мирозерцания, ставшего ретроградным. Поэтому, несмотря на эти бессильные протесты, притеснительное господство низших теорий наносит теперь значительный ущерб независимости и достоинству высших наук. Удовлетворяя несравнимо лучше, чем это раньше

было возможно, всему тому, что есть законного в противоположных притязаниях материализма и спиритуализма, позитивизм безвозвратно изгоняет оба направления, одно как анархическое, другое как ретроградное.

Эта двойная услуга позитивизма самопроизвольно вытекает из создания истинной энциклопедической иерархии, обеспечивающей каждой элементарной науке свободное индуктивное развитие, не нарушая ее дедуктивного подчинения. Но этим основным примирением мы будем, в особенности, обязаны всеобщему логическому и научному преобладанию, которое новая философия одна только может доставить социальной точке зрения. Когда, таким образом, первое место отводится наиболее благородным умозрениям, для которых материалистическая тенденция самая опасная и, вместе с тем, также самая неизбежная, то она прямо представляется не менее отсталой, чем спиритуалистическая, так как обе они одинаково препятствуют обработке конечной науки. Тем самым исключение обеих тенденций оказывается даже связанным с совокупностью социального преобразования, которым может руководить только точное познание естественных законов, присущих моральным и политическим явлениям.

Мне вскоре представится случай дать также понять, насколько социологический материализм в настоящее время вредит социальному искусству, так как он склонен не признавать самого основного принципа последнего, именно систематического разделения власти на духовную и светскую, разделения, которое теперь особенно важно сделать ненарушимым, воссоздавая на лучших основаниях удивительное построение средних веков. Мы убедимся таким образом, что позитивизм глубоко противоположен материализму не только по своему философскому характеру, но и по своему политическому назначению.

Чтобы сделать эту краткую оценку одновременно более беспристрастной и более решительной, я нарочно устранил тяжкие моральные обвинения, возводимые обыкновенно на материализм. Эти обвинения, столь часто отвергаемые опытом, на самом деле противоречат, даже когда они искренни, истинной теории человеческой природы, так как наши здравые или неправильные воззрения, к счастью, неспособны оказывать на наши чувства и наше поведение того абсолютного влияния, которое им обычно приписывается. Благодаря их временной связи с общим прогрессивным движением, материалистические заблуждения современных людей, напротив, часто сопровождались великодушными побуждениями. Но, помимо того, что эта временная солидарность уже прекратилась, следует теперь признать, что, даже в лучших случаях, эта интеллектуальная

тенденция всегда до известной степени задерживала самопроизвольный прогресс наших наиболее благородных инстинктов, так как она была склонна устранять или неправильно понимать аффективные явления, недоступные для ее грубых гипотез. Весьма убедительным примером такого влияния материализма служит печальный приговор, вынесенный знаменитым Кабанисом средневековому рыцарству. Хотя сердце этого философа было столь же чисто, и даже столь же нежно, как ум его был возвышен и обширен, тем не менее его материалистические воззрения помешали ему оценить по достоинству дивную организацию культа женщины, созданную нашими энергичными предками.

Это решительное устранение двух главных обвинений, естественным образом направляемых теперь по адресу систематического позитивизма вследствие его первоначальной солидарности с эмпирическим позитивизмом, избавляет меня от необходимости долго останавливаться на частых упреках в фатализме и оптимизме, несправедливость которых гораздо легче показать.

Глава XX

**Позитивизм не верит в неизбежность судьбы:
он поддерживает мнение, что человек может и должен
видоизменять внешний порядок**

Не нужно удивляться тому, что с момента зарождения реальных теорий фатализм всегда сопровождал каждое новое завоевание позитивизма. Когда какие-либо явления переходят из-под опеки хотений, даже видоизмененных в сущности, под управление законов, то контраст между их правильностью в последнем случае и первоначальным непостоянством должен, на самом деле, сначала внушить мысль о предопределении, которая может затем быть опровергнута только посредством глубокой оценки в истинно научном духе. Эта ошибка тем более неизбежна, что наш первоначальный тип естественных законов относится к неизменным для нас явлениям небесных движений, говорящим нам всегда о существовании безусловной необходимости, которая затем невольно распространяется на более сложные явления, по мере того, как к ним применяется позитивный метод. Нужно даже признать, что догмат позитивизма предполагает всюду строгую непреложность основного порядка, самопроизвольные или искусственные изменения которого могут быть всегда лишь второстепенными или временными. Ибо считать, что последние не ограничены никакими пределами, было бы равносильно полному отрицанию естественных законов.

Но, если, таким образом, понятна неизбежность обвинения в фатализме, направляемого всегда по адресу новых позитивных теорий, то равным образом очевидно, что слепое настаивание на подобном упреке указывает теперь на весьма поверхностную оценку истинного позитивизма. Ибо если для всех явлений естественный порядок неизменен в своих главных состояниях, то также для всех, за исключением небесных, его второстепенные состояния тем более доступны изменению, чем они сложнее.

Позитивный дух, по необходимости признающий предопределение пока он ограничивается математико-астрономическими теориями, немедленно теряет свой первоначальный характер, как только он начинает распространяться на физико-химические исследования и, в особенности, на биологические умозрения, где изменения могут быть столь значительны. Поднявшись, наконец, до области обществоведения, он окончательно освобождается от упрека, который он заслуживал в эпоху своего младенчества, так как отныне он будет, главным образом, заниматься явлениями наиболее видоизменяемыми, в особенности посредством нашего вмешательства.

Итак, очевидно, что догмат позитивизма ведет нас не к оцепенению, а к деятельности, преимущественно социальной, гораздо вернее, чем это мог когда-либо сделать теологический догмат. Рассеивая напрасные опасения и несбыточные надежды на помощь, он удерживает нас от вмешательства в ход вещей только в случае безусловной невозможности.

Глава XXI

**Позитивизм не говорит, что все к лучшему в этом мире:
исторические факты он рассматривает относительно,
не но оправдывает всех**

Обвинение в оптимизме еще менее обосновано, чем предыдущее, ибо эта тенденция не имеет, подобно фатализму, некоторой первоначальной солидарности с позитивным направлением. Ее источник, напротив, чисто теологический; ее влияние падает с каждым днем по мере того, как позитивизм развивается.

Хотя неизменные небесные явления естественно внушают нам идею совершенства в той же степени, как и идею необходимости, их простота, однако, обнаруживает столько недостатков естественного порядка, что оптимизм вряд ли стал бы искать в них главную точку опоры, если бы первая разработка их теорий не совершалась при господстве монотеистических воззрений, заставивших предполагать проявление

в них абсолютной мудрости. Основываясь на теории эволюции, на которую опирается теперь систематический позитивизм, новая философия самопроизвольно и все более и более выступает и против оптимизма, и против фатализма, по мере того, как она охватывает более сложные умозрения, в которых становятся заметны как несовершенства естественного устройства, так и его видоизменения. Поэтому как это обвинение, так и предыдущее, менее всего уместны по отношению к социальным теориям. Если в пользу них все же как-будто находятся кой-какие доводы, то в настоящее время это объясняется тем, что мыслители, разрабатывавшие эту область, не могли хорошо знать ее природу и условия, так как не были достаточно проникнуты истинно научным духом. Благодаря отсутствию надлежащей логической подготовки, ученые в наши дни действительно часто злоупотребляли особенным характером социальных явлений и представляли абсолютным их самопроизвольный мудрый ход, который, правда, выше плановости, допускаемой их степенью сложности. Но поскольку эти явления обусловлены разумными существами, постоянно стремящимися исправлять недостатки своего коллективного устройства, они и должны представлять более совершенный порядок, чем в том случае, если бы при той же степени сложности их действующие силы были бы слепы. Так как истинное понятие добра всегда относится к соответствующему социальному состоянию, то немислимо, чтобы какое-либо положение вещей или изменение не могли в известных отношениях найти себе оправдание, без которого они были бы необъяснимы как противоречащие природе людей данной эпохи и характеру событий.

Таковы мотивы, поддерживающие в настоящее время опасное стремление к политическому оптимизму даже у наиболее выдающихся мыслителей, которые, не получив строго научного образования, не в силах окончательно освободиться от теологико-метафизических привычек по отношению к наиболее высоким умозрениям. В самопроизвольной гармонии между каждым социальным строем и соответствующим состоянием цивилизации, они, благодаря неточности определения, видят несуществующее совершенство. Но было бы несправедливо приписывать позитивизму заблуждения, очевидно несовместимые с его действительным направлением и обусловленные исключительно недостаточной логической и научной подготовкой тех лиц, которые до сих пор разрабатывали социальные вопросы. Обязанность все объяснять приводит к оправданию всего только тех ученых, которые в социологии не умеют отличать влияние лиц от влияния положений.

Глава XXII

Различные значения слова «позитивное»: относительное, органическое, точное, достоверное, полезное, действительное.

Позже оно получит также моральное значение

Рассматривая в целом эту краткую оценку основного направления позитивизма, не трудно теперь понять, что все характерные черты новой философии естественно резюмируются в наименовании, которое я ей дал при ее зарождении.

Действительно, на всех западных языках словом позитивное и двумя производными от него словами обозначаются два свойства — реальность и полезность, сочетание которых достаточно для определения истинно-философского духа, который, в сущности, может быть только обобщенным и систематизированным здравым смыслом. Этот же термин напоминает на всем Западе два качества — достоверность и точность, которыми современное мышление глубоко отличается от древнего. Последнее всеми признанное свойство преимущественно характеризует чисто оорганическую тенденцию позитивного духа и тем отделяет его, несмотря на существовавшую первоначально связь, от просто метафизического духа, который всегда мог быть только критическим; в этом сказывается социальное назначение позитивизма — именно заменить теологию в духовном направлении человечества.

Это пятое значение существенного термина здоровой философии естественным образом приводит к относительному характеру нового интеллектуального направления, так как современный ум сможет отказаться от критического отношения к прошлому только тогда, когда он откажется от всякого абсолютного принципа. Когда публика на Западе поймет это последнее, не менее реальное, хотя более скрытое соотношение, позитивное станет всюду неотделимо от относительного, как оно теперь неразрывно связано с органическим, точным, достоверным, полезным и действительным.

Когда эти главные качества истинной человеческой мудрости постепенно соединятся в одном удачном наименовании, останется только пожелать по необходимости более позднего присоединения к ним моральных свойств. Хотя эта формула до сих пор обнимала только простые интеллектуальные черты, однако, естественный ход современного умственного движения позволяет надеяться, что слово позитивное в конечном итоге примет характер еще более относящийся к сердцу, чем к разуму. Это последнее расширение совершится тогда, когда будет надлежащим образом понято, что позитивный импульс, именно в силу реальности, единственно характеризовавшей его вначале, должен привести теперь к систематическому преоб-

ладанию чувства над разумом и даже над деятельностью. Благодаря такому превращению философия вновь получит свое первоначальное благородное назначение, соответствующее этимологическому значению этого слова (любовь мудрости); это станет осуществимым только благодаря примирению моральных и умственных условий в окончательном построении истинной социальной науки.

СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПОЗИТИВИЗМА, ВЫТЕКАЮЩЕЕ ИЗ НЕОБХОДИМОЙ СВЯЗИ ЕГО СО ВСЕЙ ВЕЛИКОЙ ЗАПАДНОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Глава I

Связь между французской революцией и позитивизмом

Так как позитивная философия преимущественно характеризуется преобладанием в ее миропонимании социальной точки зрения, то ее практическая пригодность естественным образом вытекает из ее собственного теоретического строения, которое, будучи хорошо понято, позволяет без затруднения систематизировать действительную жизнь, а не ограничивается доставлением нам удовлетворения чисто созерцательного свойства. С другой стороны, это естественное применение ее значительно укрепит ее истинный умозрительный характер, напоминая всегда о необходимости сосредоточить все научные силы на одной конечной цели, сдерживая, таким образом, по возможности обычную склонность отвлеченных исследований вырождаться в праздные умствования.

Но эта общая связь не была бы достаточно сильна, чтобы доставить теперь первенство столь новому и столь сложному образу мыслей, если бы все современное положение вещей не налагало отныне на философию новую, более определенную обязанность — удовлетворять огромную социальную потребность; это назначение философии должно будет непосредственно привлечь интерес публики к ее теоретическим успехам, и ее прочность окажется, таким образом, не менее обеспеченной, чем ее достоинство. Поэтому, рассмотрев позитивизм как необходимый продукт умственного движения, я должен теперь указать его политическое назначение, так как без этого указания его нельзя надлежащим образом оценить.

Чтобы ясно определить сущность этого назначения, считаю достаточным помочь читателям хорошо понять тесную связь новой философии со всей великой революцией, которая вот

уже шестьдесят лет¹ глубоко волнует передовую часть человечества, являясь конечным результатом решительного перехода, постепенно совершившегося в течение последних пяти веков.

Этот кризис естественно должен был иметь две главные фазы: одну отрицательную, закончившуюся на наших глазах и навсегда разрушившую старую систему, не дав, однако, еще определенного и твердого понятия о новом социальном состоянии; другую — положительную, которая уже началась и которая завершит основную разработку новой системы. Здравая философия должна была явиться последним продуктом первой части кризиса и призвана отныне руководить второй его частью; такова двойная связь позитивизма с великой революцией, связь, которую мне предстоит здесь рассмотреть.

Глава II

Отрицательная или разрушительная фаза революции благоприятствовала идее прогресса и, следовательно, изучению социальных явлений

Умственная реакция, наступившая вслед за великой революцией, имела то важное значение, что только благодаря ей человеческий разум мог с неослабной энергией устремиться к созданию новой системы, истинная природа которой была скрыта для наиболее выдающихся мыслителей восемнадцатого века бесполезными обломками старого строя. Эта решительная реакция была, в особенности, необходима для построения социальной науки, так как она уясняет истинную идею человеческого прогресса, которая служит основанием социальной науки и которая иначе не могла бы занять господствующего положения.

В древности, когда порядок вещей считался неизменным, могла появиться только предварительная теория социальной науки, и великий Аристотель удивительным образом ее обработал (подобно тому, как в области биологии чисто статические умозрения рождались тогда без всякого динамического понятия). Всякая же действительная идея социального прогресса по необходимости была чужда древним философам, ибо они не имели перед глазами удовлетворительной исторической картины непрерывного прогресса человечества.

В средние века этот прогресс стал настолько ясным, что могло зародиться, вначале инстинктивно, понятие о нашей способности совершенствоваться; это случилось благодаря существовавшему тогда всеобщему убеждению в превосходстве

---

¹Настоящее сочинение написано Контом в 1848 г

католицизма над политеизмом и иудаизмом, даже раньше, чем установление феодального режима на развалинах римского строя дополнило духовную оценку подтверждением гражданского свойства. Как бы смутно ни было это первоначальное чувство человеческого прогресса, оно все же обладало энергией в высокой степени и было довольно широко распространено, но оно значительно ослабело во время теологико-метафизической распри. Чтобы понять действительное начало прогрессивного стремления, отличающего великую семью западных народов и удерживающего их от многих научных заблуждений, нужно будет всегда восходить к этой эпохе, особенно к тому времени, когда метафизика протестантов или деистов наименее искажала благородные чувства средних веков.

Но как ни было необходимо это первоначальное мнение, оно, конечно, не могло быть достаточным для построения основной теории человеческого прогресса. Ибо, чтобы составить какую-либо прогрессию, нужно иметь, по крайней мере, три члена, а тогда можно было составить только два, именно, сравнивать средние века с древностью. Сверх того, абсолютный характер теологической философии, руководившей этим первым сравнением мешал даже предположить существование третьего члена, так как эта философия считала католическо-феодальный режим в высшей степени совершенным, уступающим разве только религиозной утопии о будущей жизни.

Когда теология пала настолько, чтобы не представлять препятствия в этом отношении для воображения современного человека, то это падение сначала повлекло за собой род умственной реакции, которая долгое время была неблагоприятна для первой разработки идеи прогресса и выражалась в слепой ненависти к средним векам. Почти все мыслители презирали господствовавшие тогда верования и были охвачены неразумным восхищением к древности до того, что совершенно отрицали превосходство средневекового социального строя, некоторое действительное понимание которого сохранилось только среди необразованной массы и, в особенности, у народов, не принявших протестантства.

Идея прогресса начала занимать умы современных народов только тогда, когда она возродилась в новой форме в середине семнадцатого столетия благодаря завершению элементарной эволюции, которая была произведена избранной частью человечества в науках и промышленности и даже, хотя менее явно, в области изящных искусств. Но, несмотря на то, что эти частичные научные приобретения действительно явились первым непосредственным источником систематических понятий нашего века о человеческом прогрессе, они, однако, никоим образом не могли указывать на прогресс в социальном по-

ложении; он оставался даже более сомнительным, чем в средние века; а, между тем, социальные вопросы важнее всех этих специальных точек зрения.

Революционное потрясение, решительно толкнувшее Францию, представляющую собой нормальный центр Запада, на путь полного преобразования, было, таким образом, необходимо для построения этой прогрессии; оно указывало, по крайней мере в отдаленной и туманной перспективе, на третий существенно важный член, истинный образ нового порядка, сравнение которого со средними веками ознаменовало собой такой же общий и смелый шаг, как тот, который совершили наши предки рыцарской эпохи под влиянием справедливого сознания превосходства их социального строя над общественным порядком древних народов.

Пока католико-феодальный режим не был окончательно уничтожен, его гордые обломки скрывали политическое будущее, лишая возможности составить ясное представление о непрерывном прогрессе обществности. В силу особенности, свойственной социальным явлениям, зрелище должно здесь развиваться одновременно со зрителем. До начала великого кризиса политическая эволюция, способная служить экспериментальным основанием для теории прогресса, оставалась, можно сказать, еще настолько неполной, что ум не был в состоянии ее оценить. Сто лет тому назад наиболее выдающиеся мыслители на самом деле не могли реально представить себе непрерывный поступательный ход человечества, и он им казался обреченным на круговое или колебательное движение. Но под влиянием революции действительный инстинкт человеческого прогресса самостоятельно и более или менее решительно пробудился у всех здравомыслящих людей сначала во Франции, а затем и на всем Западе.

Итак, именно этому спасительному потрясению мы обязаны силой и смелостью, позволявшими нам создать себе понятие, на котором по необходимости покоится истинная социальная наука, и, следовательно, вся позитивная философия, которая стала всеобщей только благодаря этой науке. Без теории прогресса теория порядка была бы недостаточной, даже если была бы допущена возможность построить на ней социологию, которая может вытекать лишь из тесного сочетания этих двух теорий; потому что прогресс, во всех отношениях, есть не что иное как развитие порядка и является также его единственным и решительным показателем. Поэтому понятно, насколько позитивная философия непосредственно вытекает из французской революции, не говоря уже о том, что далеко не случайно совпадение революции с завершением постройки научного фундамента этой философии.

Но, чтобы дополнить эту оценку, нужно теперь признать, что благотворное влияние умственной реакции, вызванной глубоким потрясением социальных устоев, могло начаться только тогда, когда чисто революционный дух был настолько ослаблен, что свет, озаривший будущее, не мешал более видеть совокупность прошлого.

В самом деле, если, с одной стороны, сильное революционное пробуждение начало нам открывать, хотя смутно, третий член социальной прогрессии, оно, с другой стороны, препятствовало нам справедливо оценивать второй, пока продолжалась слепая ненависть, которую освободительное движение должно было нам внушить ко всему средневековью, и без которого мы не могли бы окончательно порвать со старым порядком. Уничтожение промежуточного члена не менее вредило составлению общего понятия, чем отсутствие третьего члена, который слишком отличается от первого, чтобы быть с ним непосредственно сравниваем. Поэтому невозможно было образовать истинную теорию человеческого прогресса, не воздав сначала должного средним векам, которые одновременно и соединяли и разделяли древнее и новое состояние. А эта справедливая оценка была, конечно, несовместима с господством собственно революционного духа.

В этом смысле сильная философская реакция, вызванная знаменитым Де Мэстром, сыграла огромную роль в подготовке истинной теории прогресса. Несмотря на очевидно ретроградный дух, одушевлявший эту кратковременную школу, ее труды будут всегда занимать место среди трудов, подготовивших систематический позитивизм, хотя новая философия в своем окончательном развитии решительно отвергла их, воспользовавшись всеми их существенными результатами.

Таким образом, истинная социальная наука и здравая философия могли явиться только плодом молодого, полного революционного пыла ума, который впитал в себя все то, что в трудах реакционной школы было ценного относительно исторического значения средних веков. Только тогда могло зародиться настоящее историческое направление, всеобщее сознание непрерывности человеческого прогресса, дотоле неизвестное даже моему главному предшественнику, знаменитому и несчастному Кондорсэ.

К тому же времени гениальный Галь завершил новую систематическую разработку биологии, создав научную теорию внутренних функций мозга, по крайней мере постольку, поскольку индивидуальная эволюция позволяет их оценить.

Все это дает возможность окончательно понять совокупность социальных и умственных условий, благодаря которым открытие социологических законов и, следовательно, создание

позитивизма должны были иметь место именно в то время, когда я выступил на философском поприще, т.е. через одно поколение после прогрессивной диктатуры Конвента или почти с момента падения ретроградной тирании Бонапарта.

Итак, великое революционное потрясение и даже наступившая после него долгая реакция должны были предшествовать и подготовить систематическую концепцию новой общей доктрины. Если уже философская обработка позитивизма требовала такого приготовления, то оно было еще более необходимо для его общественного признания: для этого надо было обеспечить достаточную свободу изложения и обсуждения его и в особенности расположить в его пользу общественное мнение. Было бы излишне здесь настаивать на столь очевидной необходимости.

Глава III

Доказательства бессилия метафизической или критической доктрины

После того, как мы признали, что позитивизм явился результатом первой фазы революции, мы должны теперь рассмотреть, почему он должен был руководить и второй фазой.

Здравая историческая оценка далеко не устанавливает того, что революция вызвала разрушение старого порядка; напротив, она доказывает, что этот великий кризис обусловлен сначала произвольным, затем систематическим внутренним разложением, которому, начиная с четырнадцатого века, средневековая политическая система все более и более подвергалась на всем Западе и, в особенности, во Франции. Отнюдь не продолжая отрицательного движения предшествовавших пяти веков, революция тотчас же кладет ему предел, обнаруживая в окончательном потрясении непоколебимое решение всецело отречься от одряхлевшего строя и непосредственно приступить к полному преобразованию. Это решение особенно ярко выразилось в совершенном уничтожении королевской власти, с которой были последовательно связаны все обломки духовного и гражданского характера старого французского государственного строя. Но за исключением этого необходимого предварительного акта, занявшего только первое заседание главного революционного собрания, движение в целом имело с самого начала, по существу, органическое назначение, в особенности обнаружившееся, когда республиканское направление стало преобладающим.

Тем не менее ясно, что, вопреки этой основной тенденции, первая часть революции в действительности была по преиму-

шеству отрицательной. Эта первоначальная неудача в области созидательной была вызвана не только настоятельными требованиями трудной и славной борьбы, которую Франция вела за свою независимость против грозных нападений ретроградной коалиции; ее должно, главным образом, приписать чисто критическому характеру метафизических доктрин, которые одни только могли руководить революционным движением.

Несмотря на естественную солидарность двух непрерывных развитий — отрицательного и положительного — совершавшихся с конца средних веков, первое по необходимости оказалось более подвинувшимся, чем второе. Дряхлость старого режима должна была, таким образом, вызвать желание полного обновления прежде, чем предварительное приготовление нового строя могло быть достаточно выполнено, чтобы его истинная природа стала в общих чертах очевидной. Приходится даже признать, что решительная разработка преобразовательной доктрины не только не могла предшествовать революционному потрясению, но стала возможна лишь под его напором. Не трудно поэтому понять непреодолимую неизбежность применять в это время в качестве органических принципов чисто критические доктрины, долженствовавшие руководить предшествовавшей борьбой. Хотя эта отрицательная метафизика становилась беспочвенной, как только старый порядок был открыто осужден, однако, ее догматы были единственными общепринятыми и содержали единственную формулу, которая соответствовала социальному прогрессу. Итак, первоначальное движение должно было совершаться под руководством безусловно отсталой доктрины, которая не могла удовлетворить своему новому назначению.

Эта философия, по необходимости бессильная что-либо создать, имела органическое значение только в том отношении, что она туманно формулировала скорее сентиментальную, чем рациональную, программу политического будущего, но несколько не указывала, каким образом к нему подготовиться. Критические догматы, возведенные, таким образом, в органические принципы, должны были вскоре, в силу своего абсолютного характера, развить глубокое анархическое стремление, столь же враждебное основам нового порядка, как и развалинам старого строя.

Итак, решительный опыт, память о котором неизгладима и который благодаря этому не может быть повторен, показывает безусловную органическую неспособность доктрины, руководившей вначале революционным движением, которое только доказало настоятельную необходимость полного обновления, не указав, однако, его характера.

Глава IV

Период реакции (от 1794 до 1830 г.)

В создавшемся анархическом состоянии философии и политики возникла сильная потребность в порядке, которая должна была вызвать продолжительную ретроградную реакцию; последняя началась легальным деизмом Робеспьера, особенно развивалась после завоеваний Бонапарта и слабо продолжалась, несмотря на воцарившийся мир, при его жалких преемниках. Ее прочным результатом было только историческое и догматическое доказательство школой Де Мэстра ничтожного социального значения современной метафизики; в умозрительном отношении ее недостаточность проявилась в решительном распространении позитивного метода на самые высокие биологические теории, благодаря удачным работам Кабаниса и в особенности Галля. Впрочем, это медленное противодействие окончательному освобождению человечества далеко не достигло своей политической цели, а пробудило только влечение к прогрессу, вследствие непреодолимого отвращения, которое внушала всюду мысль о восстановлении старого порядка, одряхлевшего до того, что его природа и условия стали непонятными даже для тех, кто старался его возродить.

Это неизбежное пробуждение революционного духа стало обнаруживаться с момента, когда, благодаря наступившему миру, пала главная опора реакционной системы. Но это обновление отрицательной метафизики не сопровождалось более никакими иллюзиями насчет ее органической способности. Ее догматы были приняты, за неимением лучшей доктрины, в сущности, только как средство для опровержения ретроградных принципов, подобно тому, как последние обязаны были кажущейся благосклонностью к ним общественного мнения только потребности сдерживать анархические стремления. Возникшие новые споры о старых предметах вскоре показали публике, что окончательное разрешение волнующих ее вопросов еще невозможно; поэтому она придавала реальное значение только условиям порядка и свободы, ставшими не менее необходимыми для философской работы, чем для материального благополучия.

Такое положение вещей оказалось чрезвычайно благоприятным для построения окончательной доктрины, основной принцип которой действительно выяснился в течение этой последней фазы ретроградного движения, когда я в 1822 г. открыл двойной общий закон теоретической эволюции.

Кажущееся равнодушие публики, не видевшей ни на одном знамени истинной формулы социального будущего, было принято слепой властью за молчаливое одобрение ее бесполезных проектов. Но лишь только гарантиям прогресса стала угрожать серьезная опасность, памятное потрясение 1830 г. положило навсегда конец ретроградной политике, начавшейся тридцать шесть лет тому назад. Ее основы стали уже столь шатки, что ее сторонники сами собою дошли до отрицания своих собственных доктрин и стали развивать на свой лад главные революционные учения. Последние, в свою очередь, открыто отвергались их старыми приверженцами, по мере того, как они становились достоянием правительства. Двойное и решительное разрушение реакционной системы наилучшим образом характеризуется для истории спорами, относящимися к свободе образования, которая в продолжение двадцати лет попеременно то допускалась, то отвергалась во имя одних и тех же мнимых принципов, представлявших с обеих сторон только отстаивание своих интересов. Это коренное разложение старых убеждений непосредственно привело к пробуждению общественного мнения, требовавшего отныне согласования духа порядка с духом прогресса. Но это требование еще явственнее обнаружило полное отсутствие действительного решения этой великой задачи, ибо позитивизм, единственно содержащий принцип решения, еще только нарождался. Напротив, все ходячие мнения стали одновременно анархическими и ретроградными. Что же касается того воззрения, которое предполагало их согласование, то благодаря своему органическому ничтожеству оно могло иметь лишь то реальное значение, что одинаково поощряло и анархию, и реакцию, постоянно уравнивая их путем натравливания их друг на друга. Никто, в сущности, не видел серьезного разрешения великой революции в мнимом создании конституционной монархии, которая противоречила всему прошлому Франции и могла нам дать только тщетное эмпирическое подражание несовершенному политическому строю, преимущественно годному для Англии.

Таким образом, эти последние восемнадцать лет следует рассматривать как эпоху неподвижного состояния, когда отсутствие господствующей доктрины мешало приступить к органическому завершению революции, несмотря на то, что ретроградная реакция, вызванная первоначальным потрясением, окончательно прекратилась. Одни только настоящие философы вступили на новый революционный путь с тех пор, как построение социальной науки позволило, наконец, точно

определить общий характер человеческого будущего, неизвестного моему главному предшественнику. Но для того, чтобы преобразовательная доктрина могла свободно стремиться к мирному завоеванию общества, нужно было открыто осудить официальную ложь об окончании революции благодаря установлению парламентского режима, и предоставить руководство духовным перерождением независимым мыслителям. Таково, несомненно, будет двоякое философское воздействие чудесного политического превращения, пережитого Францией.

Глава VI

Уничтожение королевской власти. Республиканский дух предполагает подчинение политики морали

Благодаря поразительному инстинкту наших энергичных пролетариев, слабые ретроградные покушения власти, переставшей удовлетворять своему первоначальному назначению, были замечены и вызвали безвозвратное уничтожение французской королевской власти, которая давно уже потеряла свое обаяние и составляла только сильное препятствие для прогресса, не представляя никакой пользы для порядка. Ее бесполезное господство непосредственно мешало духовному преобразованию, но в то же время ее действительное влияние было недостаточно для прекращения жалкого политического волнения, поддерживаемого соперничеством чисто личных интересов.

Республиканский принцип в своем отрицательном значении окончательно резюмирует первую часть революции, делая невозможным всякое возвращение королевской власти, которая, начиная со второй половины царствования Людовика XIV, естественно объединяла все ретроградные стремления. В своем положительном смысле он выражает прямое начало преобразования, провозглашая основное подчинение политики морали, т.е. неизменное посвящение всех сил служению обществу.

Без сомнения, этот принцип существует еще только как чувство; но именно на почве чувства он должен был возникнуть и после своей необходимой систематизации он именно как чувство всегда будет господствовать, как это устанавливает первая часть настоящего рассуждения. С этой точки зрения французы как достойный авангард великой семьи западных народов, в сущности, начали уже нормальную эру: ибо они без всякого теологического вмешательства провозгласили истинный социальный принцип, возникший впервые в средние века под влиянием католицизма, но получивший возможность первенствовать только под руководством более совершенной философии и в лучше подготовленной среде. Таким образом,

Французская республика стремится освятить основную доктрину позитивизма, утверждающую всеобщее преобладание чувства над рассудком и даже над деятельностью. Такая исходная точка должна вскоре привести общественное мнение к пониманию новой философии как единственно способной привести в систему этот окончательный строй.

Глава VII

Необходимое согласование между порядком и прогрессом. Порядок останется регрессивным, пока прогресс будет анархическим

Новое положение вещей делает более наглядным вопрос о необходимом согласовании между порядком и прогрессом, поставленный в течение предыдущего политического кризиса. В то же время полное бессилие всех современных школ выполнить эту бесспорную программу становится, таким образом, более очевидным. Ибо безвозвратное уничтожение королевской власти разрушает одновременно и последнее серьезное препятствие, мешавшее еще социальному прогрессу, и единственную сохранившуюся гарантию общественного порядка.

Однако, все политические направления, побуждаемые теперь с двух сторон к строительству, ограничиваются чисто отрицательной деятельностью, состоящей для каждого в критике — и то весьма неумелой — заблуждений противников.

В состоянии, гарантирующем прогресс, но оставляющем беззащитным порядок, последний, естественно, требует больших попечений, для которых нет еще надлежащего систематического органа. Между тем опыт решительно доказал чрезвычайную непрочность всякого чисто материального строя, основанного исключительно на интересах и не опирающегося ни на чувства, ни на убеждения. Но, с другой стороны, при отсутствии действительно господствующих доктрин, духовный порядок остается невозможным. Нельзя даже рассчитывать на политическое влияние социального чувства, которое, будучи лишено принципов, часто приводит к беспорядку. В силу этого, хотя недостаточность материального режима всеобще признана, он по необходимости продолжается. Однако, республиканское состояние уничтожает наиболее характерное свойство этого режима, именно взяточничество, которое заменилось более или менее продолжительным усилением гнета всякий раз, когда анархия особенно усиливается. Но эти временные меры соразмерны соответствующим требованиям момента, между тем как порядок, которому в этом случае угрожает большая опасность, нуждается для своего поддержания в более энергичных средствах.

Вскоре после первого формулирования этого рассуждения, беспримерное революционное движение¹ показало, что для защиты общественного порядка республика имеет в своем распоряжении силы, значительно превосходящие те, которыми могла располагать монархия. Королевская власть теряет, таким образом, единственное преимущество, которое говорило еще в ее пользу, и отныне ее единственное политическое проявление заключается в ретроградном движении.

Между тем, благодаря вышеуказанному противоречивому положению, ее партия как-будто стала теперь органом сопротивлений, поддерживающих материальный порядок, так как только ее доктрины обладают еще известным органическим, хотя и ретроградным, характером, консервативные элементы объединяются в ней, не встречая серьезного противодействия со стороны прогрессивных элементов, смутно чувствующих свою настоящую неспособность. Но в то же время оказывается, что эти принципы в корень разрушены даже у приверженцев этой партии, официальное значение которых покоится на свободном одобрении революционных догматов, обреченных, таким образом, гибнуть в лагере ретроградов. Потребность в порядке теперь так сильна, что она на время доставляет преобладание партии, лишившейся своих старых убеждений и, казалось, уже исчезнувшей с политического горизонта раньше водворения нашей республики. Только позитивизм может объяснить и положить конец этому ненормальному положению вещей, основанному на следующем очевидном законе: порядок остается регрессивным, пока прогресс носит анархический характер.

Но в сущности попятное движение неосуществимо, и его принципы всегда нейтрализуются непоследовательными уступками. Несмотря на самохвальство вожаков этого движения, уверяющих, что республиканский строй разрушен, он самопроизвольно продолжает существовать в силу только своей своевременности, которая становится еще очевиднее от ребяческого противодействия почти всех официальных властей. Когда инстинкт совершенствования будет систематизирован, его непреодолимый подъем вскоре укажет истинный источник современного строя.

Глава VIII

Неудовлетворительность различных политических партий

Кажущееся господство теологических теорий, бессознательно подготавливая этот нормальный выход, ставит позитивизм в

---

¹Июньские дни 1848 г.

положение, о котором я мечтал вот уже десять лет, именно создает возможность непосредственной борьбы между двумя органическими системами без всякого вмешательства критики. Метафизика, которая всегда была непоследовательна, теперь окончательно признается бесполезной в том самом строе, в котором она надеялась первенствовать. Когда дело доходит до созидательной работы, то вскоре обнаруживается полная бесполезность всех тех школ, которые ограничиваются непрерывными протестами против теологических учреждений, допуская, однако, их основные принципы. Они настолько обессилены, что не могут более выполнять надлежащим образом своей старой отрицательной функции, отныне ставшей побочной принадлежностью позитивизма, являющегося единственным твердым оплотом как против ретроградного движения, так и против анархии.

Действительно, психология в собственном смысле потерпела поражение одновременно с конституционной королевской властью вследствие тесного сродства этих двух продуктов протестантства. Но их естественные противники, идеологи, которые, казалось, должны были, таким образом, обрести свое былое влияние на народ, не могли вернуть к своим устаревшим доктринам былого доверия революционеров. Наиболее передовые из них, недостойные наследники вольтеровской и дантоновской школы, показали себя совершенно неспособными, по недостатку сердца и ума, руководить второй частью революции, которую они едва отличают от первой. Я сначала судил о них по чисто исключительному среди них типу, по благородному Арману Каррелю, который, к сожалению, столь рано был похищен у нашей республики. Истинные республиканские убеждения не могли существовать у тех, которые, будучи воспитаны в парламентских интригах, руководили или содействовали продолжительному заговору французской печати, имевшим целью реабилитировать Бонапарта. Их жалкая власть могла поддерживать материальный порядок, только опираясь на ретроградную партию; и они, постыдно отрекшись от своей философской веры, стали вскоре просто ее помощниками. Этот чудовищный союз останется навсегда характерным для гнусного предприятия, все свободные соучастники которого вскоре получат справедливое пожизненное наказание в ожидании сурового приговора истории.

Но эта же тенденция реакционного лицемерия уже ясно проявилась у другой группы деистов, учеников Руссо и подражателей Робеспьера. Хотя они, как недолго стоявшие у кормила правления, не так низко пали в глазах народа, все же они не имеют теперь никакой реальной точки опоры. Их дикие анархические воззрения прямо несовместимы со всеоб-

шим современным настроением, поддерживающим неизменно промышленную деятельность, научный дух и эстетические вкусы. Эти ученые от гильотины, пустые софизмы которых хладнокровно доказывали необходимость исключительных жестокостей, были вскоре вынуждены для сохранения своей популярности одобрить временное уничтожение государственного эшафота. Та же необходимость заставляет их теперь отказаться от единственного реального смысла их кровавой эмблемы, служащей для обозначения их партии, которая слишком неопределенна, чтобы носить другое имя. Занятые слепой заботой о метафизических правах, которые народ спокойно позволил у себя отнять, когда этого, по-видимому, потребовал порядок, и в которых они упорно полагают решение республиканского вопроса, они также плохо поняли истинные стремления пролетариата. Стремясь всегда угнетать во имя прогресса, они берут себе образцом государственного строя краткое и ненормальное политическое состояние, которое никогда не повторится. Будучи единственными сторонниками войны в эпоху ненарушимого мира и ограничивая упорядочение труда уничтожением промышленной иерархии, созданной в средние века, эти фразеры, проповедующие анархию, во всех отношениях решительно отвергаются своим веком. Хотя пролетарии питают еще некоторое доверие к недостойным или неспособным вожакам, однако, теперь, когда метафизические предрассудки не смогут уже более разжечь политические страсти, это быстро падающее доверие не может стать серьезной опасностью. Действительное значение анархической партии заключается преимущественно в роли пугала для ретроградной партии, что побуждает средние классы выражать ей внешнее одобрение, всегда противоречащее их характеру и их привычкам. Если бы, против всякого вероятия, эти бесполезные уравниатели стали во главе правительства, то их кратковременное царствование вызвало бы вскоре их окончательное падение, ибо оно доказало бы народу их полную неспособность руководить преобразованием Запада. Таким образом, под непрерывным давлением событий общественное мнение все более и более высказывается против всякого метафизического направления, как оно раньше высказывалось против всякого теологического направления. Это окончательное падение всех отсталых школ подготавливает всеобщее признание позитивизма, единственно соответствующего истинным стремлениям девятнадцатого века, равно как его существенным потребностям.

Необходимость новой общей доктрины

Чтобы пополнить характеристику современного положения вещей во Франции, достаточно указать, что общий ход прений и, в особенности, событий, показывая с большей очевидностью, чем раньше, основную потребность в действительно всеобщей доктрине, способной положить конец политическим шатаниям и устранить или прекратить нарушения порядка, обнаруживает также особую необходимость в духовной власти, которая одна только может служить гарантией практического значения подобной философии. При всех своих бесчисленных разногласиях наши метафизические секты сходятся в этом тесном смещении двух основных властей, и это воззрение, начиная с четырнадцатого века и, в особенности, под влиянием протестантства, все более и более возводилось в главный революционный догмат, которому ненавистен средневековый строй.

Подобно своим греческим предшественникам, мнимые современные философы, психологи или идеологи всегда добивались полного сосредоточения в одних руках всех человеческих властей; они даже распространили это заблуждение среди ученых специалистов.

Только систематический позитивизм позволяет теперь оценить удивительный инстинкт, побуждавший всех выдающихся людей средневековья отделять моральную власть от политической. Это основное деление, являющееся образцовым произведением социального искусства и человеческой мудрости, слишком опередило свою эпоху для того, чтобы иметь прочный успех как вследствие теологического характера руководящих принципов, так и в силу военного направления активной жизни. Составляя главный фундамент будущего строя, оно ныне пользуется пониманием и уважением только в новой философской школе, где и занимает надлежащее почетное место, хотя оно пользуется также симпатиями народов, не принявших протестантства.

С самого начала революции ученые педанты прямо стремились к социальному всемогуществу, о котором они всегда мечтали как об идеальном типе политического совершенства. Хотя естественные успехи общественного мнения больше не допускают опасного распределения этой ретроградной утопии, они, однако, еще слишком бессистемны, чтобы помешать некоторым попыткам в этом направлении. В настоящее же время, когда политическое положение таково, что честолюбие метафизических новаторов может не ограничиваться ролью простых сторонников министерства, они все, более чем когда-

либо, домогаются практического и теоретического главенства. Не прекращающиеся раздоры в их собственном лагере и их общее несогласие с современной средой устраняют опасение, что они когда-нибудь получат возможность серьезно препятствовать свободе мысли и проведут в качестве закона какую-нибудь доктрину. Но они достаточно сделали попыток в этом направлении, чтобы ясно показать общественному мнению необходимо стеснительный характер всякой социальной теории, противоречащей истинному основному принципу новейшей политики, состоящему в нормальном разделении двух главных властей.

Таким образом, возмущение, которое вызовет честолюбие метафизиков, неминуемо подвигнет на специальную оценку решительных доказательств новой философии, которая все более и более будет представлять это деление одинаково необходимым как для порядка, так и для прогресса. Если позитивисты по-прежнему будут избегать всякого соблазна, противного их убеждениям, их мирное поведение среди бесполезного политического волнения окончательно примирит беспристрастную публику с этой великой идеей, отныне освобожденной от верований, которые необходимо сопутствовали ее первому историческому выступлению. Это невольное противопоставление дает все более и более понять, что как истинная свобода, так и действительное единогласие возможны теперь только при господстве позитивных доктрин, единственно выдерживающих критику, так как они покоятся на действительных доказательствах.

Народная мудрость, созревшая благодаря особым условиям современного политического состояния, вскоре с непреодолимой энергией потребует от философов, чтобы они сосредоточивали все свои силы на непосредственном управлении умами и сердцами, без всякого стремления к политическому господству; погоня за ними будет служить несомненным признаком их умственного бессилия и даже нравственного убожества.

Сверх того, уничтожение королевской власти обеспечивает истинным мыслителям полную свободу исследования и даже изложения, покуда они сумеют уважать условия порядка. Ибо, благодаря разрушению этого последнего остатка кастового режима, который раньше присваивал одному семейству право решения высоких социальных вопросов, освобождение от господства теологических воззрений было вполне закончено. Как бы республиканские чиновники ни пытались угнетать, эта принадлежность королевской власти никогда не сможет серьезно перейти к чисто временным властям, которые, будучи даже представлены отдельными личностями, всегда зависят от

голосования людей, не находящихся у власти. Позитивная философия без затруднений докажет, что подобные уполномоченные почти также, как и их доверители, чужды тем логическим и научным условиям, которых требует теперь всякая систематическая разработка моральных и социальных доктрин. Эти авторитеты, лишённые духовной санкции, могут, конечно, призывать к подчинению, когда они строго ограничиваются своей ролью в гражданской жизни, не ища никакого умственного главенства. Даже прежде чем центральная власть создаст надлежащие практические органы, республиканский режим установит это необходимое разграничение сфер влияния у народа, уже освободившегося от всякого ретроградного или анархического фанатизма. Такое направление разовьётся тем лучше, чем больше возрастающие заботы о поддержании материального порядка будут отвлекать действующие власти от всякого вмешательства в духовный порядок, создание которого, таким образом, окажется всецело в руках свободных мыслителей. Не случайный и даже не личный характер носит то огромное завоевание, которое я сделал в течение всей моей ученой деятельности, добившись свободы изложения, — сначала письменного, затем устного — при различных угнетавших образах правления. Отныне всякий истинный философ получит равносильную возможность, представляя, подобно мне, справедливые интеллектуальные и моральные гарантии, которых публика и правительство должны требовать от систематических органов человечества. К каким бы жестоким мерам ни вынуждала когда-либо необходимость обуздать уравнителей, я смею уверить, что строители всегда будут уважаемы и вскоре будут призваны на помощь общественному порядку, который не может долго обходиться без санкции разума.

Таким образом, благодаря важному политическому изменению, имевшему место во Франции, вторая часть великой революции, открывшаяся теперь публике, как она уже давно открылась истинным философам, стремится более непосредственно и более быстро развить свой настоящий общий характер, призывая новую всеобщую доктрину руководить окончательным преобразованием мнений и нравов, что является единственным твердым основанием для постепенного преобразования социальных учреждений. Но указав, каким путем позитивизм получает теперь это высокое назначение в силу изменений, происшедших самостоятельно в самом центре первоначального революционного движения, следует дополнить эту оценку, представляя духовное преобразование во всем характеризующем его объеме, так как, согласно здоровой исторической теории, оно должно непременно обнять весь запад Европы.

Глава X

**Реформа должна быть сначала интеллектуальная;
она должна распространиться на весь Запад**

Огромный революционный период, отделяющий нас от средних веков, изгладил из нашей памяти основную связь, подготовленную завоеваниями Рима и установившуюся при Карле Великом между различными западными народами, достигшими уже католико-феодалного состояния. Несмотря на национальные различия, впоследствии увеличившиеся благодаря религиозным несогласиям, эта обширная республика обнаружилась всюду, в течение последних пяти веков, такое интеллектуальное и социальное развитие, одновременно положительное и отрицательное, равного которому остальная, даже европейская, часть человечества не достигла до сих пор. Хотя разрыв уз католицизма и упразднение рыцарских обычаев значительно ослабили сначала общее чувство подобного братства, но оно стремилось возродиться в новых формах вследствие частичного средства, вытекающего из повсеместного преобладания промышленной жизни, из общей эстетической эволюции и из очевидной научной солидарности. Когда политическое разложение стало достаточно сильным, чтобы всюду вызвать полное обновление, это сходство цивилизации выразилось в общем инстинктивном желании участвовать в социальном движении, происходившем до сих пор в одной только нации.

Почин в неизбежном великом кризисе по необходимости выпал на долю населения Франции, которое было к этому подготовлено лучше всякого другого как вследствие коренного уничтожения здесь старого режима, так и благодаря основной разработке французскими мыслителями новой системы. Но деятельные симпатии, высказанные на всем Западе к первым шагам нашей революции, показали, что наши западные братья представляют нам только честь опасного почина в общем преобразовании передовой части человечества, как это провозгласило, даже в разгаре нашей оборонительной войны, наше памятное республиканское собрание. Военные заблуждения, которые затем характеризовали главную фазу реакции, должны были, без сомнения, заглушать с обеих сторон привычное чувство этой необходимой солидарности. Но, благодаря предыдущим свежим событиям, оно было всюду до того глубоко заложено, что, вопреки непрерывным усилиям различных партий, заинтересованных в увековечении этого исключительного разделения, наступивший мир сделал его снова деятельным. Повсеместное падение различных теологических воззрений значительно облегчило это естественное стремление, так

как иссяк главный источник разногласий. В течение последней фазы реакции и, в особенности, в продолжение последовавшей за ней только что закончившейся продолжительной остановки, все западно-европейские народы старались идти по пути, более или менее совпадающему с общим ходом французской революции. Наш последний политический переворот мог только укрепить это общее настроение, которое не может, однако, тотчас произвести подобные изменения у менее подготовленных народов.

Для каждого понятно, что это однообразие внутреннего волнения способствует все более и более упрочению внешнего мира, благоприятствовавшего его распространению. Таким образом, несмотря на отсутствие систематических уз, равноценных тем, которые объединяли народы в средние века, всеобщее влияние мирных и разумных современных нравов создало уже между всеми западно-европейскими нациями род самопроизвольного братства, которое до сих пор невозможно было осуществить и которое не позволяет более рассматривать никакое окончательное преобразование как чисто национальное.

Такая точка зрения более всякой другой способна ясно указать истинный общий характер второй части революции. Первая часть, хотя в итоге была полезна для всего Запада, должна была развиваться, главным образом, во Франции, потому что наш народ единственно созрел для первоначального потрясения, которое должно было даже воспламенить его национальный патриотизм, дабы он мог сопротивляться ретроградной коалиции. Напротив, органическое завершение, начавшееся после того, как общий кризис достиг своих естественных размеров, следует отныне всегда рассматривать как дело общее всей западной Европы. Оно состоит; главным образом, в духовном преобразовании, настоятельная необходимость которого одинаково, хотя в различных формах, обнаружилась у пяти наций, составляющих ныне великую семью европейских народов. С другой стороны, европейский характер, все более и более выпукло выступающий в преобразовательном движении, способен выдвинуть на первый план интеллектуальное и нравственное преобразование, тогда как перестройка гражданских учреждений по необходимости должна будет представлять глубокие национальные различия. В настоящее время первая социальная потребность на всем Западе — это общая доктрина и одинаковые нравы, покоящиеся на однообразной системе всеобщего воспитания, руководимой и применяемой одной и той же духовной властью. По мере того, как эта потребность будет удовлетворяема, будет совершаться всюду гражданское преобразование согласно особенностям

каждой национальности; но эти необходимые различия несколько не нарушат основного единства великой позитивистской республики, систематическая связь которой будет более полной и более прочной, чем связь католической республики, существовавшей в средние века.

Таким образом, общее состояние западной Европы не только способствует тому, что философское движение одерживает верх над политическими волнениями, оно, кроме того, вызывает решительное господство духовной власти, которая одна только и может произвести это свободное и систематическое обновление мнений и нравов во всей его обширности и с надлежащим единообразием. Поэтому старый революционный предрассудок о смешении двух властей становится теперь прямо вредным для социального преобразования, которое он некогда подготовил. С одной стороны, он выдвигает на первый план национальные особенности, которые должны уже подчиниться задачам общеевропейского характера; и в то же время, в виду того, что действительное тождество кризиса требует всюду одинакового решения, он побуждает к выполнению этого условия однородности посредством принятия одинаковых гражданских учреждений, что является столь же несбыточным, как и опасным.

Хотя в моем основном труде я тщательно определил, на основании совокупности прошлого, состав этой огромной европейской семьи, тем не менее, в виду чрезвычайной важности, которую это понятие приобретает теперь, я считаю необходимым прямо мотивировать здесь методическое перечисление его главных элементов.

Глава XI

Западная республика обнимает Францию, Италию, Испанию, Англию и Германию

После падения римского господства и, в особенности, начиная с Карла Великого, Франция постоянно составляла необходимый социальный и географический центр ядра отборной части человечества. Единственное крупное предприятие, которое запад совершил с общего согласия, — именно, — памятные крестовые походы, характеризующие главную фазу средневековья — было, очевидно, выполнено под французским влиянием. Правда, когда общее разложение католико-феодального режима стало принимать систематический характер, центр потрясения западной Европы оказался перемещенным в течение двух веков. Отрицательная метафизика появилась сперва в Германии; затем ее приложение к гражданскому устройству

имело впервые место в Голландии и Англии в форме двух характерных революций, которые, хотя и были неполными вследствие недостаточной умственной подготовки, однако, послужили вступлением к великому кризису. Но после этого двойного предварительного приложения, обнаружившего истинное социальное назначение критических догматов, их полное согласование и решительное распространение совершались во Франции, которая вновь становится главным центром для разработки общих политических и нравственных вопросов.

Таким образом, первенство, которое приобрела Франция в преобразовательном движении и которое все более и более укрепляется, является, в сущности, только естественным возвращением к нормальному устройству Запада, временно изменившемуся в силу исключительных обстоятельств. Новые перемещения центра социального движения можно ожидать только в столь отдаленном будущем, что они нас не должны тревожить; они, на самом деле, могут быть вызваны широким распространением цивилизации за пределы западной Европы, как я это укажу в конце этого рассуждения.

На севере и на юге от этого естественного центра находятся две пары западных государств, главную связь которых будет всегда составлять Франция как благодаря своим нравам и языку, так и вследствие своего географического положения. В первую пару, являющуюся по существу протестантской, нужно прежде всего поставить многочисленное население Германии с различными примыкающими к ней государствами, в особенности, Голландию, которая, начиная со средних веков, составляла во всех отношениях наиболее передовую ее часть; затем сюда входит британское население с северо-американцами включительно, несмотря на их нынешнее соперничество. Вторая пара, по преимуществу католическая, обнимает: на востоке обширное итальянское население, всегда ясно отличающееся своими особенностями, невзирая на разложение его государственного строя; на западе совокупность испанского населения, от которого социальная наука не должна отделять родственных ему португальцев, и которое столь распространило влияние западной Европы своей широкой колонизационной деятельностью.

Чтобы дополнить социологическое определение состава передовой части человечества, нужно сюда добавить два второстепенных элемента, которые, относясь исторически — один в древней, другой в новой истории — к западным народам, а географически к восточным, составляют во всех отношениях, ввиду их настоящего состояния, естественный переход между востоком и западом; эти элементы суть: на юге греческое население и на севере польское. Здесь не место указывать

различные промежуточные звенья, сближающие или отделяющие главные части великой семьи.

Такова огромная республика, умственным и нравственным образованием которой новая философия должна теперь руководить, комбинируя почин, исходящий из французского центра, с естественными реакциями, посредством которых каждый из других элементов должен совершенствовать этот общий порыв. Такая задача наилучшим образом характеризует социальную способность позитивизма, действительно могущего выполнить это назначение, для которого метафизическая философия годится не более, чем теологическая. Если дряхлость последней обусловила разрыв связи, существовавшей в средние века между западными народами, то разрушительная деятельность второй была прямым фактором этого события. Поэтому ни одна из них не может претендовать на роль объединительницы элементов, предшествовавшее отделение которых преимущественно совершалось под теологико-метафизическим влиянием. Исключительно самопроизвольному позитивизму, одновременно промышленному, эстетическому и научному, мы обязаны некоторыми новыми отношениями, которые, начиная со средних веков, все более и более готовят восстановление связи между западными государствами.

Итак, систематический позитивный дух, достигший, наконец, своей полноты, единственно способен стать во главе объединительного движения. Только ему надлежит коренным образом рассеять антипатии, питаемые еще различными национальностями друг к другу, не изменяя, однако, естественных качеств каждой из них, дабы создать путем мудрого сочетания этих качеств общий гений нового Запада.

Глава XII

Первая попытка отделить духовную власть от светской имела место в католическом средневековье

Повсеместное распространение великого кризиса делает вполне очевидным его действительно общий характер, уже установленный прямым исследованием его сущности. Таким образом, все высокие социальные соображения, касающиеся как внешних, так и внутренних вопросов, единогласно говорят о том, что вторая часть революции должна состоять преимущественно в преобразовании принципов и нравов на всем Западе, дабы в результате создалось общественное мнение, непреодолимое преобладание которого определит затем постепенно образование политических учреждений, соответствующих способностям каждой национальности, под общим ру-

ководством духовной власти, которая надлежащим образом разработала основную доктрину.

Общий дух этой доктрины, главным образом, исторический, между тем как отрицательная часть революции должна была доставить преобладание антиисторическому направлению. Слепая ненависть к прошлому была тогда необходима, чтобы решительно порвать со старым порядком. Напротив, отныне для нашего полного освобождения требуется, чтобы мы прежде всего воздали должное прошлому; такая справедливая оценка особенно свойственна истинному позитивному духу, единственно способному, благодаря своей неизменно относительной природе, встать на подобную точку зрения. Лучший признак истинного превосходства заключается, без сомнения, как для доктрин, так и для лиц, в правильной оценке всех своих противников. И таково необходимое стремление настоящей социальной науки, основывающей теперь определение будущего на систематическом созерцании прошлого. Дабы одна и та же идея окончательного преобразования, всегда точно связанная с совокупностью человеческой эволюции, могла всюду свободно стать господствующей, существует только один путь — навсегда рассеять смутные и нестройные образы, вызванные произвольными внушениями. Сверх того, возрастающее преобладание социального чувства совместно с естественным прогрессом общественного мнения способствуют тому, чтобы последняя часть революции приобрела этот исторический характер, который ее глубоко отличит от первой, на что уже указывают многие самопроизвольные склонности.

В виду этого общего расположения позитивизм никогда не должен скрывать основное отношение, существующее между духовным преобразованием, которое он совершил, и удивительной попыткой в этом направлении, составляющей главную характерную черту средневековья. Далеко не предлагая человечеству рассматривать свое грядущее преобразование как не имеющее корней в прошлом, мы постоянно будем призывать его, достигшего ныне зрелого состояния, осуществить, наконец, благородное предприятие, задуманное им в юношеском возрасте, когда умственные и социальные условия не позволяли еще добиться в этом отношении решительного успеха. Мы слишком полны будущим, чтобы опасаться, что нас могут когда-либо серьезно заподозрить в возврате к прошлому. Это обвинение было бы в особенности странно со стороны тех из наших противников, которые видят теперь политическое совершенство в первоначальном, теократическом или военном смещении двух основных властей.

Разделение этих властей в средние века составляет самый крупный шаг, который до сих пор сделала общая теория

социального порядка. Хотя окончательное осуществление этой идеи по необходимости должно было быть отложено до лучших времен, тем не менее эта характеристическая попытка указала существенную цель и даже начертала главные результаты. Она же положила основание догмата о постоянном подчинении политики требованиям нравственности; этот догмат есть отличительная черта современной общественности, и он пережил, несмотря на серьезные и частые нападки, даже падение верований, впервые его провозгласивших, как это видно из того, что он получил республиканскую санкцию у наиболее передовой нации. Оттуда, следовательно, берет свое начало это деятельное чувство собственного достоинства, соединенное с сознанием всеобщего братства, характеризующее западные народы, в особенности те, которые не приняли протестантства. Сюда нужно отнести также единое стремление оценивать людей сообразно их личным умственным или нравственным качествам, независимо от их общественного положения, всецело при том признавая необходимость неравенства в распределении социальных функций, вытекающего из неизбежного практического преобладания одних над другими. С этой же попыткой связать народные обычаи свободного обсуждения вопросов нравственности и даже политики, обычаи, основанные на праве и обязанности каждого применять к суждению о поступках и лицах универсальную доктрину, введенную в общественное образование. Наконец, было бы излишне указывать прямую тенденцию этого важного учреждения — создать единство западных народов, которое не имело другой систематической связи.

Все эти социальные результаты, обычно приписываемые преимуществам христианской религии, при здоровой исторической оценке оказываются исходящими из одного главного источника, именно, из католического разделения двух властей. Они остались достоянием только тех стран, где этот режим мог первенствовать, хотя и в других странах господствовала равноценная мораль или даже тождественная религия. Впрочем, разложение католического организма значительно способствовало их изменению, несмотря на их тесную связь с современными нравами, в особенности там, где старались вернуть этой доктрине ее первоначальные авторитет и чистоту.

Позитивизм во всех отношениях воздал уже должное католицизму в более полной мере, чем любой из его собственных защитников, не исключая и знаменитого Де Мэстра, как это признали некоторые искренние органы ретроградной школы. Но эта справедливая оценка не покоится только на величии задачи, выпавшей, таким образом, на долю средних веков в общей эволюции человечества. Она вытекает также из точного

исторического доказательства скороспелости такого предприятия, политическая неудача которого зависела, главным образом, от несовершенства руководящих доктрин и противодействия соответствующей среды. Хотя монотеизму гораздо менее, чем политеизму, противно постоянное разделение двух властей, но по необходимости абсолютная природа всякого богословского направления способствовала всегда вырождению этого порядка в чистую теократию. Его падение было даже определено окончательным преобладанием этого неизбежного стремления, вызвавшего в четырнадцатом веке всеобщее осуждение, естественными выразителями которого явились короли. Точно также, хотя это разделение властей более согласуется с собственно оборонительными войнами средних веков, чем с системой завоеваний древности, тем не менее всякий настоящий военный дух коренным образом его отвергает как противное сосредоточению власти, которого требует военный режим.

Поэтому это разделение могло в то время быть действительно систематически продумано только некоторыми, выдающимися духовными или светскими мыслителями. Его кратковременное осуществление было, главным образом, необходимым результатом всего умственного и социального состояния. Оно почти всегда представляло собой только вид чрезвычайно непрочного равновесия, постоянно колеблющегося между теократией и империей.

Глава XIII

Отделение духовной власти от светской.

Учреждение духовной власти как органа Западной Республики

Естественно позитивная цивилизация современного Запада способна совершить теперь то, что могло быть только задумано в средние века, причем она утилизирует не только эту удивительную попытку средних веков, но также и необходимую к ней подготовку. Научное направление новой философии и промышленный характер современной деятельности естественным образом способствует тому, чтобы отныне сделалось неизбежным и даже общенародным предприятием постоянное разделение властей, одновременно самопроизвольное и систематическое, которое в средние века могло быть только смутно предчувствуемо в силу благотворных внушений пылкого инстинкта прогресса.

В умственном отношении это предприятие на самом деле сводится к необходимому разделению между теорией и практикой, разделению уже допущенному, хотя бы только эмпи-

рически, на всем Западе относительно самых незначительных предметов, и было бы странно считать его нежелательным для самых трудных — науки и искусства. С социальной точки зрения оно в особенности устанавливает естественное различие между воспитанием и действием или между моралью и политикой, различие, непрерывное развитие которого никто не дерзнул бы теперь открыто не признавать одним из главных благоденствий прогрессивной цивилизации. Действительная нравственность и истинная свобода глубоко заинтересованы в том, чтобы поведение и суждение могли покоиться на настоящих принципах, применение которых, даже наиболее доступное доказательству, было бы почти всегда недостаточным, если бы оно обуславливалось исключительно и непосредственно приказанием или подчинением. В отношении общей гармонии политических сил ясно, что две власти, теоретическая и практическая, имеют столь различные источники и пути касательно сердца, ума и характера, что отныне увещательное и повелительное влияние не могут исходить от одних и тех же органов. Всякое серьезное стремление осуществить эту ретроградную утопию могло бы привести только к невыносимому господству посредственностей, одинаково неспособных в обеих областях.

В дальнейшем течении настоящего рассуждения будет сверх того доказано, что это основное разделение естественным образом все более и более окажется под непреодолимым специальным покровительством двух социальных элементов, по преимуществу отличающихся здравым смыслом и нравственностью.

Наши нравы уже столь благоприятны этому существенному принципу всякой истинной современной политики, что если ему противятся, то исключительно только вследствие его первоначальной близости к ныне устаревшим верованиям. Но эти революционные предубеждения рассеются, когда беспристрастная публика увидит, что эта важная идея составляет нераздельную часть доктрины, единственно действительно свободной от всяких теологических воззрений.

Каждое человеческое понятие и даже каждое социальное улучшение должно было возникнуть сначала под внушением теологии, как это ясно доказывают все факты, даже самые незначительные. Тем не менее, это никогда не мешало человечеству окончательно присваивать себе успехи, которыми оно было обязано первоначальному господству покидаемых им затем верований. То же самое будет с этим великим политическим принципом, который уже понимается реально только позитивистами и лишь как естественный вывод из его частичных поверок.

Единственное и прямое противодействие, которое он встречает теперь, исходит из лагеря метафизиков, так как он затрагивает их честолюбивые притязания на абсолютное господство. Оттуда же раздается всегда странный и часто ложный упрек в теокрактизме, направляемый иногда по адресу философов, открыто освободившихся от всяких верований, служащих для их противников средством избегать решительного спора.

Но тяжкие социальные неурядицы, которые вскоре вызовет бесполезное упрямство педантов, желающих регулировать законами то, что должно быть воспитано нравами, ясно покажут общественному мнению безусловную своевременность позитивистского догмата о систематическом отделении морального правительства от политического. Первое, располагая только силой убеждения, ограничивается всегда в активной жизни ролью простого советника, между тем как второе, опираясь на материальную силу, прямо навязывает определенное поведение.

На основании всех предыдущих соображений органическое направление, долженствующее характеризовать вторую часть революции, представляется как сочетание выдающегося социального гения средневековья с поразительным политическим инстинктом Конвента. В промежутке между этими двумя эпохами избранная часть человечества действительно была лишена всякой систематической организации и в ней совершился двоякий переход: разложение старого порядка и подготовка нового. Эти предварительные условия ныне достаточно выполнены: ибо, с одной стороны, желание социального обновления стало непреодолимым, между тем как с другой — философия, предназначенная им руководить, уже построена.

Итак, отныне мы призваны вновь прямо приступить к осуществлению, на лучших умственных и социальных основаниях, великого предприятия, на которое покушались средние века, результатом которого должно быть установление на всем Западе мирного и разумного порядка, покоящегося на систематическом и постоянном преобладании всеобщей любви, господствующей и над умозрением, и над действием. Общий ход этого переустройства будет такой же, как и ход предварительной ломки. Последняя началась в четырнадцатом веке уничтожением на Западе функций старого организма; точно так же, окончательное преобразование начнется теперь с прямого удовлетворения интеллектуальных и моральных потребностей, общих пяти передовым народам.

Глава XIV

Нравственное учение позитивизма. Оно состоит в возвышении альтруизма над эгоизмом, общественных интересов над личными

Дабы лучше охарактеризовать социальное назначение позитивизма, я должен вкратце указать на присущую ему способность окончательно систематизировать всеобщую нравственность, которая составляет цель философии и отправной пункт политики. Так как о всякой духовной власти следует, главным образом, судить со стороны этого свойства, то ничто не может лучше обнаружить естественное превосходство духовной стороны позитивизма над таковой католицизма.

Для позитивизма моральное искусство состоит в возвышении систематических инстинктов над эгоистическими побуждениями, общественности над личностью. Такой взгляд на нравственность присущ новой философии, которая, систематизируя успехи, сделанные современными народами, одна только дает истинную теорию человеческой природы, столь несовершенно представленную католицизмом.

Пользуясь существенным принципом биологии, утверждающим основной перевес органической жизни над всей животной жизнью, социология труда объясняет самопроизвольное влияние личных чувств, всегда более или менее связанных с инстинктом самосохранения. Но она прямо примиряет это неизбежное первенство с постоянным существованием доброжелательных страстей, которые католическая теория представляла чуждыми нашей организации и внушенными только сверхъестественной благодатью, не подчиняющейся никаким законам.

Таким образом, великая задача состоит в том, чтобы доставить искусственным путем общественному чувству то преобладание, которым личное чувство естественно пользуется. Ее решение покоится на другом биологическом принципе, на принципе развития функций и органов при постоянном их упражнении и их стремлении атрофироваться, коль скоро они долгое время остаются в бездействии. Наша же социальная жизнь по необходимости вызывает непрерывный подъем симпатических инстинктов, между тем как она стесняет развитие личных склонностей, свободное проявление которых вскоре привело бы к прекращению всех наших взаимных отношений. Первые, следовательно, возмещают до известной степени свою первоначальную слабость свойственной им способностью к почти бесконечному расширению; и естественное влияние вторых более или менее умеряется неизбежным сопротивлением.

Эти два неизменных стремления естественным образом

возрастают по мере того, как человечество развивается и их двойной прогресс служит главным показателем нашего постепенного совершенствования. Мудрое систематическое влияние как частное, так и общественное, может значительно улучшить этот естественный порядок вещей, увеличивая благоприятные влияния и уменьшая влияние их антагонистов.

Такова цель морального искусства, которое, как и всякое другое, имеет неизбежные границы, хотя в данном случае они должны быть менее узкими, так как здесь явления, вследствие их чрезвычайной сложности, более доступны изменению.

Таким образом, позитивная мораль, признавая за всеобщим принципом непосредственное преобладание социального чувства, отличается не только от морали метафизической, но также и от богословской. Человеческое счастье как частное, так и общественное, она видит в возможно большем развитии доброжелательных чувств, являющихся и наиболее приятными и единственными, расширение которых может произойти одновременно у всех людей.

Это учение столь же глубокое и чистое, как оно просто и истинно, может вытекать только из философии, которая, благодаря характеризующей ее реальности, дошла уже до умственного установления первенства социальной точки зрения, единственно способной связать все наши позитивные умозрения как логические, так и научные. Метафизика, ввиду ее интуитивного метода, не могла никогда рационально выйти из индивидуальной сферы. Теология, в особенности христианская, могла подняться до социальных теорий только косвенно, под давлением настоятельных требований практики. Ее естественное направление носило по необходимости личный характер как относительно цели, поставленной в жизни каждого человека, так и касательно чувства, которое она считает главным.

Хотя наши великодушные чувства должны были вначале проявиться при теологическом режиме, однако, его нравственное значение следует главным образом приписать мудрости духовенства, исправлявшего существенные недостатки единственной доктрины, которую оно могло в то время применять, сообразуясь с социальными условиями, вытекавшими из самопроизвольного антагонизма между воображаемыми и реальными интересами. Напротив, в позитивном состоянии моральная способность прямо присуща доктрине и может достигнуть значительного развития тотчас, как только установятся соответственные убеждения, прежде чем создастся какая-либо духовная организация, хотя это свойство не избавляет от необходимости в подобной организации. В то время, как систематическая мораль, тесно связанная с совокупностью

реальных знаний, приобретает, таким образом, постоянство, дотоле невозможное, самопроизвольная мораль под непосредственным и непрерывным давлением социального чувства стремится подчинить своему влиянию всю человеческую индивидуальную или коллективную жизнь.

Чтобы лучше понять совершенное единство позитивной морали, которым она обязана своему единому принципу всеобщей любви, следует рассмотреть значение этого принципа в естественной систематизации ее различных частей и в специальной разработке каждой из них.

Глава XV

Нравственная прогрессия чувств: личные, семейные, общественные. Человеческое сердце может перейти от первого члена к третьему только под влиянием семейных чувств

Общая последовательность частей позитивной морали согласно трем главным ступеням нашей жизни, — личной, семейной и общественной, — самопроизвольно представляет постепенное развитие основного чувства, мало-помалу развивающегося из аффектов, которые становятся все менее и менее энергичными, но все более и более возвышенными. Эта естественная прогрессия в действительности составляет наше главное средство для достижения по возможности нормального преобладания общественности над личностью. В самом деле, между этими двумя крайними состояниями человеческого сердца существует промежуточное состояние, способное определить самопроизвольный переход, на котором покоится истинное решение нравственной проблемы. Только благодаря семейным обязанностям человек изменяет своему первоначальному себялюбию и может надлежащим образом подняться к конечной ступени, к общественности. Всякую попытку направлять нравственно воспитание непосредственное к усилению последней, минуя промежуточную ступень, следует рассматривать как совершенно несбыточную и сопряженную с серьезными опасностями для социального порядка. Такая утопическая теория, слишком распространенная теперь, не только не составляет действительного социального прогресса, но представляет, в сущности, резкий поворот назад, основанный на ложной оценке древности.

Ввиду основного назначения семейной жизни служить естественной связью между себялюбием и общественностью, достаточно будет показать здесь ее необходимое устройство, чтобы охарактеризовать общий план позитивной морали, всегда соответствующей порядку естественных отношений.

Индивидуальная эволюция социального чувства начинается в семье благодаря неизбежной детской привязанности, этому первому источнику нашего нравственного воспитания, из которого возникает инстинкт непрерывности и, следовательно, уважение предков; именно таким образом каждое новое существо первоначально вступает в связь со всей совокупностью человеческого прошлого. Вскоре затем братская любовь дополняет этот первый зародыш общественности, присоединяя к нему прямой инстинкт действительной солидарности. Возмущалось открывает далее новую семейную эволюцию, вводя совершенно добровольные и поэтому еще более общественные отношения, чем невольные связи незрелого возраста. Эта вторая эпоха нравственного воспитания начинается с супружеской привязанности, являющейся главным фундаментом всех остальных; в ней взаимность и нерасторжимость брачных уз обеспечивают полноту преданности. Название этого высшего типа симпатических инстинктов не требует никакого определения. Из этого союза по преимуществу естественно вытекает последняя семейная привязанность, именно родительская, которая, уча нас любить наших потомков, завершает наше самопроизвольное посвящение в универсальную общественность; таким образом, мы связываемся с будущим, так же как сначала мы приобщались к прошлому.

Я должен был поместить группу семейных чувств, касающихся добровольных отношений, после той, которая относится к невольным привязанностям, дабы проследить индивидуальное течение аффективной эволюции с целью представить семейную жизнь как необходимое промежуточное состояние между личным и социальным существованием. Но расположение должно быть обратное, когда прямо устанавливается собственная теория семьи в качестве естественного элемента общества. Тогда нужно рассматривать сперва чувство, составляющее главный фундамент семьи, строя новую социальную единицу, часто сводящуюся к основной паре. Семья, однажды созданная брачным союзом, увековечивается в силу родительской привязанности, сопутствуемой детской любовью, и распространяется затем благодаря братским узам, единственно способным непосредственно сблизить различные семьи.

В этом новом порядке семейные чувства расположены по их убывающей энергии и возрастающему распространению. Хотя последнее чувство обыкновенно из всех наименее сильное, оно, однако, приобретает важное значение, если рассматривать его как прямой переход от чисто семейных привязанностей к социальным отношениям, естественным типом которых всюду является братство. Но для того, чтобы дополнить

краткий очерк этой теории, социология должна еще поместить между этими двумя порядками чувств третий, промежуточный, слишком мало оцененный до сих пор, касающийся слуг, в котором семейные отношения смешиваются с общественными. Одно название этой связи должно быть в настоящее время, несмотря на наши анархические нравы, достаточно, чтобы напомнить нам, что во всяком нормальном состоянии человечества она составляет естественное дополнение к семейным привязанностям, предназначенное завершить самопроизвольное воспитание социального чувства путем специального обучения подчинению и повелеванию, при чем и то и другое должны регулироваться всеобщим принципом взаимной любви.

Этот беглый очерк главной нравственной теории достаточно характеризует основное качество позитивной систематизации, оценка которой будет дана на протяжении всего трактата, для которого настоящее рассуждение служит только общим вступлением. Тем не менее, я считаю необходимым еще указать здесь на полное преобразование личной морали, в которую только позитивизм впервые вводит единый принцип всей новой доктрины тем, что связывает непосредственно с любовью то, что относилось к эгоизму даже в католической философии.

Глава XVI

Альтруизм есть истинное основание личной морали

Так как чувства могут развиваться лишь путем постоянного их упражнения, тем более необходимого, чем их природная энергия слабее, то, злоупотребляя легкостью оценки, отличающей эту первую часть всеобщей нравственности, т.е. сводя обязанности к простым личным соображениям благоразумия, мы тем самым вступаем в прямое противоречие с истинным духом аффективного воспитания. Как бы реальна ни была польза для личности от подобных предписаний, такое направление по необходимости вырабатывает корыстолюбивые наклонности, которые и так уже являются слишком преобладающими и должны были бы, напротив, по возможности, систематически упраздняться. Сверх того, специальная цель, которая здесь преследуется, часто не достигается благодаря тому, что нравственное решение предоставляется усмотрению личности, чем заранее санкционируются естественные разнообразия решения, а так же то, что отдельное лицо, беря на свою ответственность вытекающие для него последствия, о которых оно одно только может судить, изменяет установленное правило.

В силу свойственной ему реальности позитивизм всецело преобразовывает эти первоначальные предписания, прямо подчиняя личность общественности, так как речь идет о применении их в области, где интересы индивидуума отнюдь не единственные. Позитивная мораль рекомендует такие основные добродетели, как, например, выгоды от умеренности, целомудрия и т.д., отнюдь не в силу их пользы для личности. Не отрицая их действительной индивидуальной полезности, она старается не слишком на ней настаивать из опасения поддерживать привычку к личным соображениям. Она, в особенности, никогда не делает из этих выгод реального основания для своих заповедей, всегда связанных с социальным чувством. Если бы даже исключительная организация человека предохраняла его от губительных последствий неумеренности или прелюбодеяния, трезвость и воздержание ему точно также строго предписываются как необходимые условия для надлежащего выполнения им своих общественных обязанностей. Это распространяется и на простейшую из всех личных добродетелей — привычку к чистоплотности; таким образом, облагораживается простое гигиеническое правило тем, что его связывают с желанием сделать себя более способным служить другим. Только таким путем нравственное воспитание может с самого начала приобрести свой истинный общий характер, приучая человека подчиняться требованиям человечества в своих малейших поступках, что приводит его прежде всего к преодолению своих дурных наклонностей, оценка которых тогда становится более легкой.

Такое преобразование личной нравственности достаточно подтверждает существенное превосходство позитивизма, уже указанное относительно семейной морали, составляющей, однако, главную заслугу католицизма и первое основание его прекрасной систематизации.

Было бы излишне особо останавливаться на общественной нравственности в собственном смысле, где новая философия должна обнаружить еще более прямую и более полную способность, так как только она может надлежащим образом встать на эту точку зрения. Как относительно точного определения всех взаимных обязанностей, вытекающих из различных реальных отношений, так и касательно укрепления и расширения основного чувства всеобщего братства, никакая метафизико-теологическая мораль не может быть сравниваема с позитивной, предписания которой, всегда соответствующие общим законам нашей индивидуальной или коллективной природы, самопроизвольно приспосабливаются к особенностям каждого случая. Мне в настоящем рассуждении придется еще

неоднократно говорить об этой естественной способности, так что здесь мне нет надобности на этом более настаивать.

Это беглое указание новой систематизации нравственности требует теперь соответственного рассмотрения общих средств, с помощью которых можно будет установить и применить эту доктрину. Эти средства суть двух видов: одни, основные, прямо относящиеся к каждому моральному посвящению, устанавливают принципы и регулируют чувства; другие, дополнительные, способствуют правильному применению принципов в активной жизни. Эта двойная функция вначале самопроизвольна, совершаясь единственно благодаря даже косвенному влиянию общей доктрины и социального инстинкта; но она достигает полной силы только когда становится систематической принадлежностью соответственной духовной власти.

Глава XVII

Нравственное воспитание должно быть основано на рассудке и на чувстве

Нравственное воспитание в собственном смысле позитивизм основывает одновременно на рассудке и на чувстве, выдвигая, однако, последнее всегда на первый план, согласно руководящему принципу новой философии.

Благодаря средствам первого вида, нравственные предписания будут приведены, наконец, к подлинным доказательствам, могущим выдержать всякую критику на основе истинного познания нашей личной и общественной природы, законы которой позволяют точно оценить в действительной частной или общественной жизни любое прямое или косвенное, специальное или общее влияние всякой привязанности, мысли, действия и привычки. Соответствующие убеждения могут стать столь же глубокими, как и те, которые создаются на основании лучших научных доказательств с тем естественным приращением в силе, которое должно вытекать из их высшего значения и их тесного соотношения с нашими наиболее благородными инстинктами.

Сила этих предписаний должна распространяться не только на тех людей, которые будут в состоянии понять всю логическую справедливость подобных доказательств. Многочисленные примеры уже показали относительно всех других позитивных вопросов, что понятия, допущенные только на веру, могут быть приняты и применены с таким же рвением и твердостью, как и те понятия, которые наилучшим образом

обоснованы. Достаточно, чтобы умственные и нравственные условия этой необходимой веры были надлежаще выполнены; и часто современный человек, вопреки его мнимой непокорности, слишком легко подчиняется. Добровольное согласие, которое мы ежедневно выражаем относительно каких-либо правил математических, астрономических, физических, химических и биологических наук, даже когда при этом затрагиваются важнейшие интересы, без сомнения, распространится на нравственные заповеди, когда будет признано, что они также доступны неопровержимым доказательствам.

Но развивая силу доказательства до невозможной дотоле степени, новая философия будет всегда избегать преувеличивать его значение для нравственного воспитания, которое должно преимущественно покоиться на чувстве, как на то указывает простая общая постановка великой человеческой проблемы. Как бы здравы ни были доказательства, их исходная точка не может быть непосредственно моральна, так как каждый будет оценивать поведение другого скорее, чем свое, согласно требованиям беспристрастности и ясности, обязательным для истинно научного умозрения, которое всегда должно быть объективным, а не субъективным. А такая внешняя оценка без непосредственного созерцания своей собственной души может, правда, определить реальные убеждения, но она не стремится развивать истинные чувства, самопроизвольное упражнение которых она, напротив, может нарушить и задержать, если она войдет в привычку. Но такого излишества нечего опасаться у новых моральных руководителей человечества уже потому, что оно прямо противоречит тому глубокому познанию истинной человеческой природы, которое ставит позитивизм неизмеримо выше католицизма.

Таким образом, позитивное направление лучше всякого другого всегда будет считать главным источником действительной нравственности прямой подъем, одновременно самопроизвольный и систематический, социального чувства, которое оно постарается, по возможности, развивать даже с самого нежного возраста, пользуясь всеми приемами, могущими быть указанными здоровой философией. Именно в таком постоянном упражнении и будет состоять, главным образом, как частное, так и общественное нравственное воспитание, которому будет всегда подчинено умственное образование. Я дополню это общее указание ниже приводимой характеристикой народного воспитания.

Глава XVIII

Моральное воздействие духовной власти на общественное мнение; распределение похвал и порицаний, прославление великих людей, осуждение главных ретроградов

Как бы совершенно ни было полученное воспитание, оно не может достаточно направлять поведение среди бурных волнений активной жизни, если та же духовная власть, которая его направляла, не закрепит его значение, распространяя его систематическое приложение на всю нашу как частную, так и общественную жизнь путем надлежащего напоминания отдельным лицам и классам или даже нациям об истинном смысле забытых или непризнанных принципов, в особенности, об их мудром применении в каждом случае. Но здесь еще более, чем в основном воспитании, духовная власть должна менее обращаться к чистому рассудку, чем к непосредственному чувству. Ее главная сила явится результатом могущественной организации общественного мнения, которое будет санкционировать ее справедливое распределение похвал и порицаний, как это будет особо указано в третьей части настоящего рассуждения.

Это моральное воздействие человечества на каждого отдельного человека — что является необходимым следствием всякого истинного согласия между принципами и чувствами — должно быть развито при позитивном режиме сильнее, чем когда-либо. Большая реальность господствующей доктрины и полная общественность соответственной среды доставят в этом отношении позитивной духовной власти нравственные преимущества, которыми не обладал католический духовный авторитет.

Это естественное превосходство обнаружится, в особенности, в правильной организации почитания памяти усопших, что является в руках всякой духовной власти драгоценнейшим добавлением к нравственному воспитанию. Абсолютный характер теологической доктрины, еще более чем несовершенство социальной среды, обусловил неудачу благородных стремлений католицизма к настоящей всеобщности. Несмотря на все его усилия, он никогда не мог обнять своей систематической санкцией более, чем весьма ограниченную часть времени и места, вне которой его оценка была всегда столь слепа и несправедлива, что он за нее упрекает теперь своих собственных врагов. Только позитивное прославление может неослабно и последовательно распространяться на все эпохи и на все места. Основанное на истинной теории человеческой эволюции, оно воздаст должное каждому состоянию и каждой фазе ее, таким образом, оно естественным путем призовет потомство

к поддержке всех моральных заповедей даже частного характера, распространяя до малейших случаев свою общую систему почитания памяти усопших всегда в одном и том же духе.

Не забегая здесь вперед с указаниями, имеющими войти в трактат, введением к которому служит настоящее рассуждение, я считаю, однако, необходимым охарактеризовать теперь же эту способность позитивизма одним примером, который может доставить материал для первого ее применения. Он состоит в ежегодном торжественном чествовании памяти на всем Западе в установленные дни наших трех главных предшественников в социальном отношении — Цезаря, Св. Павла и Карла Великого, являющихся лучшими представителями древности, средневековья и связывающего эти эпохи католицизма. Ни один из этих выдающихся людей не мог быть до сих пор надлежащим образом оценен, вследствие отсутствия здоровой исторической теории, которая одна только и может указать на их важное участие в основной эволюции. Этот пробел замечен даже по отношению к Св. Павлу, несмотря на почести, воздаваемые ему религией; позитивизм естественным образом пойдет дальше в этом отношении, исторически представляя этого великого человека как истинного основателя того, что неточно называют христианством. Новая всеобщая доктрина еще в более сильной степени является единственной, способной правильно оценить Цезаря, почти непризнаваемого теологической и метафизической философией, равно как Карла Великого, предназначение которого могло быть только весьма несовершенно обрисовано католицизмом.

Но не взирая на недостаточность систематических суждений, признательное общество самопроизвольно поддерживало культ этих трех великих имен. Отсюда понятно, насколько единодушно будет принято всей семьей западных народов достойное позитивистское чествование их памяти.

Чтобы дополнить этот характерный пример, нужно еще добавить указание на двоякий результат здоровой исторической оценки, которая приводит не только к восхвалению, но и к порицанию. Хотя последнее должно развиваться гораздо менее, чем первое, из опасения чрезмерно культивировать тягостные и даже губительные аффекты, тем не менее нужно иногда уметь энергично клеймить, дабы делать более наглядным одобрение и, следовательно, более укреплять социальные принципы и чувства. Так, устанавливая систематическое почитание памяти трех великих людей, наиболее способствовавших ускорению человеческой эволюции, я предложил бы одновременно подвергать торжественному порицанию двух главных ретроградов, которых нам представляет история, Юлиана (Отступника) и

Бонапарта, из которых один был более безрассуден, а другой более преступен. Реальное влияние этих двух отверженных было достаточно обширно, чтобы их справедливое периодическое клеймение могло стать одинаково популярным во всех частях Запада¹.

Эти две различные оценки прошлого составляют одновременно неизбежное продолжение и необходимое дополнение основного назначения духовного организма, а именно, подготовку будущего путем воспитания в собственном смысле слова. Но это назначение дает почву для другого рода дополнительных функций, имеющих целью прямо изменять настоящее, благодаря благотворному влиянию в качестве советника, которое всякая истинно воспитательная власть естественным образом оказывает на любую часть активной жизни как частной, так и общественной. Хотя эти советы должны быть всегда свободно получаемы практическими деятелями, они, тем не менее, являются более плодотворными, когда они мудро исходят от надлежащего теоретического авторитета. Они преимущественно касаются взаимных отношений различных классов или народов и стремятся, по возможности, улаживать различные внутренние или внешние споры, возникающие на всем протяжении социальной среды, которая, допуская одну и ту же доктрину и получая одно и то же воспитание, добровольно признает одних и тех же интеллектуальных и моральных руководителей.

В третьей части настоящего рассуждения мне придется определить главную сферу этого второго рода дополнительных функций, которыми заканчиваю здесь систематическое указание нормальных областей новой духовной власти.

Глава XIX

Девиз позитивизма: порядок и прогресс

Предшествующие замечания позволяют теперь определить, каким образом все характерные черты, отличающие эту способность к преобразованию, самопроизвольно реформируются в основном, одновременно философском и политическом, девизе (порядок и прогресс), создание и провозглашение которого я всегда буду считать своей заслугой.

Прежде всего, один только позитивизм может прочно построить каждое из этих двух важных понятий, рассматри-

---

¹Впоследствии Конт взял обратно это предложение. См. *Systeme de Politique positive*, том IV, глава V (*Примечание редактора*)

ваемых в одно и то же время как научные и социальные. Эта исключительная способность очевидна по отношению к прогрессу, ясного и полного определения которого ни одна другая доктрина не может дать. Но, хотя касательно порядка она менее заметна, все же, как видно из разъяснений, данных в первой части настоящего рассуждения, она и здесь не менее реальна, не менее глубока.

Всякая предыдущая философия по необходимости должна была считать порядок недвижимым; а эта идея совершенно неприменима к современной политике. Позитивная же философия, способная избегать понятия абсолюта, не вводя, однако, понятия произвола, может, таким образом, дать единственное понятие порядка, соответствующее нашей прогрессивной цивилизации. Она строит это понятие на непоколебимом основании, сообщая ему объективный характер, согласно всеобщему догмату о непреложности естественных законов, не допускающему в этом отношении никакого субъективного уклонения. Для новой философии искусственный порядок, как социальных, так и всех других явлений, необходимо покоится на естественном порядке, обусловленном всюду совокупностью реальных законов.

Глава XX

Прогресс есть только развитие порядка

Основное согласование между порядком и прогрессом составляет еще более неотъемлемое преимущество позитивизма. Ни одна доктрина даже не пыталась произвести это необходимое слияние, которое он самопроизвольно устанавливает, переходя сообразно своей энциклопедической системе от малейших научных случаев до важнейших политических вопросов. Теоретически он сводит это согласование к необходимому соотношению между существованием и движением, сперва разработанному относительно простейших неорганических явлений и затем дополненному биологическими понятиями. После этой двоякой подготовки, доставляющей этому сочетанию внушительное научное основание, он определяет его окончательное назначение, распространяя его на здравые социальные умозрения, откуда тотчас вытекает его практическое значение, присущее всей позитивной систематизации. Порядок становится тогда неизменным условием прогресса, между тем как прогресс составляет непрерывную цель порядка.

Наконец, путем более глубокой оценки, позитивизм прямо представляет человеческий прогресс, как состоящий всегда в

простом развитии основного порядка, который по необходимости содержит в себе зародыш всех возможных успехов. Здравая теория нашей индивидуальной или коллективной природы доказывает, что ход наших превращений совершается эволюционно, без участия какого-либо творчества. Этот общий принцип вполне подтверждается историческим исследованием, всегда вскрывающем уходящие вглубь корни каждого совершившегося изменения вплоть до наиболее глубокого первоначального состояния, зародыша всех будущих усовершенствований.

В силу этого основного тождества прогресс в свою очередь становится показателем порядка. Поэтому анализ идеи прогресса может достаточно характеризовать двойное понятие, на котором покоятся одновременно социальные наука и искусство. Рассматриваемая таким образом эта оценка делается более доступной пониманию, в особенности, в наше время, когда новизна и важность теории прогресса сильно занимают внимание публики, по своему понимающей огромное значение подобной идеи как необходимое основание всякой здравой моральной и политической доктрины.

Глава XXI

Теория прогресса: материального, физического, интеллектуального и морального

Позитивизм считает постоянной целью всего нашего личного и общественного существования всеобщее совершенствование сперва внешних условий и затем, в особенности, нашей внутренней природы. Первый род прогресса — один и тот же для нас и для всех более высших животных, стремящихся более или менее улучшить свое материальное положение. Несмотря на низменный характер прогресса этого рода, он, благодаря своей большей легкости, составляет для нас необходимое начало совершенствования, более высокие степені которого не могут быть оценены народами, оставшимися чуждыми его наиболее грубой форме. Это-то и является причиной наблюдаемого в настоящее время сильного влечения к материальному прогрессу, в котором избранная часть человечества черпает, сверх того, самопроизвольное побуждение к наиболее благоприятным улучшениям, систематические противники которых не смеют отвергать этой непроизвольной первоначальной соблазнительности. Впрочем, наша умственная и нравственная апатия, мешающая нам предпринять какое-либо другое существенное совершенствование, объясняет, хотя и не

оправдывает, чрезмерное значение, которое теперь придается материальному прогрессу.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что только второй род прогресса составляет главную характерную черту человечества, за исключением слабого почина, обнаруживаемого в этом отношении некоторыми высшими животными, которые действительно в самых грубых чертах стремятся улучшить также свою собственную природу.

Это истинно человеческое совершенствование обнимает три вида улучшений, трудность которых возрастает одновременно с их важностью и обширностью, смотря по тому, касаются ли они нашей физической, интеллектуальной или моральной природы. Его первая ступень, которая может быть разложена согласно тому же принципу, почти сливается своим началом с простым материальным прогрессом. Но в целом она является гораздо более важной и более трудной в виду ее чрезвычайно большого влияния на наше истинное счастье. Мы, например, более выигрываем от малейшего удлинения нашей жизни или какого-либо укрепления нашего здоровья, чем от наиболее старательных усовершенствований русла наших рек или наших искусственных путей сообщения, которыми никогда мы не достигнем тех преимуществ, которыми пользуются птицы благодаря их естественной организации. Во всяком случае, этот первый вид внутреннего прогресса не может считаться исключительно присущим человеку, так как некоторые животные делают кой-какие самопроизвольные шаги в этом направлении, в особенности, относительно чистоплотности, являющейся естественным началом подобного рода совершенствования.

Таким образом, человечество хорошо характеризуется только интеллектуальными и моральными преуспеваниями, доступными для животных лишь в некоторых частных случаях, коллективный же подъем их возможен только при нашем постоянном вмешательстве.

Эти две высшие ступени полного совершенствования не равны по своей ценности, обширности и трудности, подобно тому, как не равны две низшие ступени, причем мы их всегда оцениваем по их действительному влиянию на частное или общественное человеческое счастье. Наше умственное, научное или эстетические улучшения как со стороны метода наблюдения, так и со стороны индуктивной или дедуктивной способности, когда социальное состояние позволяет надлежащим образом ею пользоваться, имеет большое значение для нашей судьбы и доступно большему подъему, чем все физические и тем более материальные улучшения.

Но согласно основному объяснению, данному в начале

настоящего рассуждения, ясно, что истинное человеческое счастье еще более зависит от морального прогресса, для достижения которого мы имеем также больше возможностей, хотя он и является более трудным. Нет такого интеллектуального улучшения, которое в этом отношении могло бы быть равноценно, например, действительному увеличению доброты и мужества. Поэтому, чтобы упростить точное понятие о совокупности нашей личной или общественной жизни, достаточно указать, что она должна быть, главным образом, посвящена нравственному совершенствованию, ведущему нас к истинному счастью более прямым и более верным путем, чем всякое другое. Хотя оно не может избавить нас от предшествующих видов совершенствования, долженствующих даже служить постепенным подготовлением к нему, оно тем более способно вместить в себя цель всей нашей жизни, ибо благодаря этой связи оно естественно вызывает все другие совершенствования.

Итак, наше совершенствование относится, главным образом, к двум нравственным качествам, наиболее важным для реальной жизни, а именно для аффективного импульса и активного решения; эти качества суть благорасположение и энергия; на это указывает удачная двусмысленность во всех наших западных языках значения слова *сердце* у двух полов. Позитивная философия необходимо стремится развить эти качества более непосредственно, более полно и более верно, чем всякая другая, предшествующая ей доктрина.

Подчиняя социальному чувству все наши мысли, чувства и действия, она является пропитанной благорасположением. Что касается энергии, то она ее всюду предполагает и постоянно внушает уже тем, что она коренным образом исключает всякое стеснение свободы, возбуждает в нас сознание истинного достоинства и непрерывно побуждает нас к частной и коллективной деятельности. Наше собственное вступление в эту конечную форму существования составляет в этом отношении решительное доказательство, обязывая каждого из нас преодолеть страхи, которые некогда приводили в колебание наиболее мужественные и наиболее гордые характеры.

Такова основная система человеческого совершенствования, являющегося вначале материальным, далее физическим, затем интеллектуальным и, наконец, в особенности, моральным. Эти четыре главные ступени могут быть разложены согласно тому же правилу на второстепенные, причем между ними образуется много нормальных переходов. Хотя я не могу здесь вдаваться в эти подробности, все же считаю необходимым указать, что философский принцип всего этого разложения тождественен

с принципом истинной энциклопедической иерархии, соответствующей или общности, или сложности явлений. Оба ряда будут точно соответствовать друг другу, если они будут составлены по одному и тому же способу. Они кажутся различными только в виде необходимости более подробно означать для научной цели их нижнюю часть и для социального приложения — их высшую часть. Но эта двойная лестница истины и добра приводит к одному и тому же заключению как в том случае, когда социальная точка зрения ставится выше всех других, так и в том, когда высшее благо полагается во всеобщей любви.

Эта систематическая оценка основного девиза представляет собой краткую характеристику духовного преобразования, составляющего главное назначение новой философии. Не трудно теперь понять, каким образом позитивизм осуществляет одновременно наиболее благородные социальные попытки католицизма в средние века и наиболее важные условия великой программы Конвента. Окончательно присваивая себе противоположные достоинства, принадлежавшие раньше католичеству и революционному духу, он обеспечивает одновременное упразднение теологического и метафизического методов мышления, так как отныне, когда их противоречивые функции лучше выполняются одной конечной доктриной, они оба уже бесполезны. Нормальное отделение духовной власти от светской должно было в особенности вызвать это слияние и это необходимое очищение, ибо оно было главным предметом этого долгого подготовительного антагонизма.

Глава XXII

Политические указания. Переходный режим. Временное правительство.

Определив по возможности умственное и нравственное преобразование, которое должно характеризовать на всем Западе вторую часть великой революции, мне остается указать необходимые отношения между этим философским движением и всей современной политикой.

Хотя эволюция позитивизма в основе независима от социальных стремлений, представляемых ныне остатками старых доктрин, однако общий ход событий может оказать на нее воздействие, которое важно предвидеть. Наоборот, новая доктрина, хотя и лишена возможности значительно изменить соответствующую среду, способна, однако, произвести здесь

улучшения, на которые нужно указать. С этих двух точек зрения трактат, предисловием к которому служит это сочинение, будет содержать тщательное исследование характера, который должен иметь нормальный переход, долженствующий по возможности облегчить наступление нормального будущего, определенного истинной социальной наукой. Поэтому эта вторая часть моего общего введения была бы неполной, если бы я не присоединил к ней указание, достаточное до тех пор, пока обновляющая доктрина свободно не получит решительного перевеса.

Главная характерная черта этой политики определяется ее временным назначением. Ни одно постоянное учреждение не может создаться, пока будет длиться современная анархия мнений и нравов. Покуда глубокие убеждения и систематические привычки не возьмут верх во всех важных случаях социальной жизни, могут иметь успех лишь различные меры, способные облегчить это основное переустройство. Все другие попытки по необходимости будут недолговечны, как опыт это уже неоднократно подтверждал вопреки напрасной надежде их авторов, поддерживаемой вначале народным увлечением.

Это неизбежное условие нашего революционного состояния было надлежащим образом понято только памятным собранием, руководившим республиканским переворотом. Из всех верховных властей, которые на протяжении двух поколений стараются вершить наши судьбы, только Конвент сумел избежать высокомерной политической иллюзии, будто можно строить речные учреждения, не ожидая создания интеллектуального и морального фундамента. Поэтому он один и оставил наиболее глубокие следы в умах и сердцах. В силу только того, что его великие мероприятия открыто назывались временными, не исключая даже тех, которые более касались будущего, чем настоящего, они оказывались в естественной гармонии со средой, подлежавшей изменению. Всякий истинный философ всегда будет испытывать почтительное восхищение этой инстинктивной мудростью, которая не только не могла опираться ни на какую реальную теорию, но ей приходилось непрерывно бороться с обманчивой метафизикой, духом которой были проникнуты умы всех выдающихся государственных людей, которыми может гордиться Запад со смерти великого Фридриха. Это превосходство было бы необъяснимо, если бы обусловившая его настоящая необходимость не способствовала также в значительной степени его подъему тем, что обнаруживала невозможность существования в данное время какого-либо окончательного строя, или тем, что сдерживала анархические иллюзии официальной доктрины путем сильного со-

средоточения политики, которое одно только могло помешать ретроградному вторжению.

Когда эта спасительная необходимость потеряла свой острый характер, великое собрание поддалось, хотя в гораздо меньшей степени, чем его предшественник, метафизическому влечению к отвлеченному и полному устройству мнимого окончательного состояния, продолжительность которого не достигла даже предела, назначенного в начале для предварительного режима, обессмертившего первую половину правления Конвента.

Согласно своему персональному постановлению, это революционное правительство должно было прекратить свое существование только в момент общего мира. Но если бы оно могло продержаться до этого срока, то, вероятно, пришлось бы сохранить его и на будущее время, ввиду действительной невозможности установить в то время окончательный образ правления.

Эта исключительная политика была, без сомнения, продиктована только неотложными нуждами тогдашнего положения как необходимая для нашей национальной защиты. Однако, кроме этой временной необходимости, которая отодвигала на задний план всякое другое соображение, существовал более глубокий и более прочный мотив, который могла обнаружить только историческая теория, тогда еще невозможная. Он состоял в чисто отрицательной природе господствующей метафизики, которая обусловила полное отсутствие интеллектуальных и моральных оснований, требуемых истинным политическим переустройством. Хотя этот огромный пробел не сознавался, он, тем не менее, был главной причиной, вследствие которой пришлось отложить введение окончательного режима. Воцарившийся мир не замедлил бы его обнаружить, так как он был уже создан в противном лагере людьми, чуждыми справедливой республиканской борьбе. Он был, в особенности, незаметен благодаря неизбежному первоначальному заблуждению, приписывавшему настоящую органическую способность чисто критическим доктринам, разработанным в течение предыдущего века. Когда именно это тождество революционной метафизики сделало очевидным ее существенно анархическую природу, стремление к окончательным построениям становится необходимым началом продолжительного ретроградного движения, различные фазы которого заполняют все следующие столетия. Ибо отсутствие принципов, приуроченных к действительному преобразованию, заставило основать эти тщетные попытки на принципах старого строя, выразивших единственные понятия реального порядка, которые были тогда доступны систематизации.

Глава XXIII

Духовное преобразование должно предшествовать светской реформе

Наше революционное состояние, в силу вышеуказанного обстоятельства, не позволяет еще и теперь приступить к непосредственному светскому преобразованию из опасения новых ретроградных попыток, которые отныне оказались бы в то же время и анархическими. Хотя позитивизм уже установил философские основания истинного окончательного режима, эти новые принципы, однако, еще столь мало развиты и, в особенности, так плохо оценены, что они никоим образом не могут руководить политической жизнью в собственном смысле. Покуда они не займут первого места в умах и сердцах, на что потребуются, по меньшей мере, целое поколение, они не смогут управлять постепенным возведением окончательных учреждений.

В настоящее время можно прямо заняться только духовным преобразованием, которое, невзирая на его чрезвычайную трудность, стало, наконец, настолько же осуществимым, насколько раньше оно было крайне необходимым. Когда оно будет достаточно двинуто вперед, оно мало-помалу определит действительное светское преобразование, которое, будучи предпринято преждевременно, вызвало бы только новые неурядицы.

Конечно, эти смуты не могут уже повлечь за собой таких же тяжелых политических последствий, как раньше, так как именно наша глубокая духовная анархия препятствует преобладанию всех действительных одновременно прочных и общих убеждений. Единственные сильно преобладавшие доктрины безвозвратно обессилены после того, как неопровержимый опыт, сопровождавшийся решительной критикой, доказал всюду органическую несостоятельность и разрушительную тенденцию революционной метафизики. Ослабленная сделанными теологии уступками, которые были вызваны ее созидательными стремлениями, она может только привести к политике, вечно колеблющейся между ретроградными стремлениями и анархией, или, вернее, являющейся одновременно стеснительной и разрушительной в силу необходимости обуздывать социальную среду, для которой господство метафизики сделалось столь же ненавистно, как и царство теологии.

Но хотя этот коренной разлад и должен теперь рассеять всякое серьезное беспокойство о возможности глубоких политических смут, отныне невозможных ввиду отсутствия достаточной страстности, тем не менее, эмпирические стремления

к непосредственному созданию окончательного строя могут помимо их неизбежной бесплодности вызвать еще прискорбные нарушения порядка... Это странное положение вещей будет неминуемо продолжаться до тех пор, пока будет длиться интеллектуальное и моральное междуцарствие, не позволяющее установить надлежащее согласие принципов и чувств, которое одно только способно создать в этом двойном отношении реальную и полную безопасность.

Хотя самопроизвольность этого временного равновесия делает его более прочным, чем можно было бы ожидать, оно естественным образом вызывает внутри и даже вне страны частые тревоги, которые, являясь всегда тягостными, нередко влекут за собой на практике губительные реакции. Всякая же попытка немедленно приступить к светской реформе не только не в состоянии улучшить это положение, но всегда приводит к ухудшению его, искусственно оживляя одряхлевшие доктрины, которым нужно было бы предоставить естественно угасать. Тщетные попытки со стороны власти к их пробуждению могут привести только к нарушению у публики и даже среди мыслителей умственной свободы, необходимой для мирного воцарения истинных и окончательных принципов.

Таким образом, несмотря на то, что настало мирное время, наша новая республиканская политика, в виду продолжающегося духовного междуцарствия, должна быть также, как и старая, по существу временной. Этот временный характер должен даже особенно резко в ней проявляться, так как не существует уже никаких серьезных иллюзий относительно органической ценности официальной метафизики, которая в силу потребности в каких-нибудь принципах, с одной стороны, и по недостатку настоящей социальной доктрины — с другой, ныне как будто воскресла, что составляет резкий контраст с полным отсутствием систематических убеждений у большинства деятельных умов. Иллюзия, вначале неизбежная, заставившая пользоваться чисто критическими принципами в качестве органических, не может серьезно возродиться.

Чтобы успокоиться на этот счет, достаточно обратить внимание на повсеместное распространение промышленных нравов, эстетических вкусов и научных стремлений, тройное самопроизвольное влияние которых непримиримо с социальным господством метафизических догм как идеологических, так и психологических. Не нужно особенно бояться естественного увлечения, возвращающего нас теперь к первой части революции, дабы вновь укрепить наши республиканские чувства, заставляя нас скорее забыть и продолжительное ретроградное движение, и двусмысленное неподвижное состояние, отдаля-

ющие нас от первоначального потрясения, с которым все более и более непосредственно будут связываться окончательные воспоминания человечества. Удовлетворяя этой потребности, общественный инстинкт не замедлил в то же время понять, что в этой великой эпохе главным предметом подражания должна быть для нас только поразительная мудрость, с которой Конвент в течение прогрессивной фазы оценил необходимость безусловно временной политики, оставляя до лучших времен окончательное переустройство. Есть основание надеяться, что всякая новая попытка создать отвлеченную конституцию вызовет вскоре во Франции, и, следовательно, на всем Западе глубокое общее убеждение в полной тщете подобных опытов.

Впрочем, это последнее усилие угасающей метафизики совершится при условиях полной свободы обсуждения и среди народа, одинаково недоверчиво относящегося как к политическим сущностям, так и к христианским тайнам. Ни один из предыдущих опытов не производился при условиях столь неблагоприятных для доктрин, не допускающих истинных доказательств, которые составляют отныне единственный возможный источник прочной веры. Таким образом, если даже новая конституция будет разработана со всей надлежашей тщательностью, общественное мнение ее, может быть, отвергнет, прежде чем она будет окончена, не позволив ей официально существовать даже то короткое время, в течение которого в среднем продержались предшествующие конституции. Всякая же попытка со стороны закона ограничить по этому предмету свободу прений только вернее приведет к этому естественному следствию нашего умственного и социального состояния.

Глава XXIV

**Задача правительства в течение духовного междуцарствия:
обеспечить материальный порядок, гарантировать свободу
слова и прений**

Необходимость, предписывающая нам чисто временную политику покуда будет длиться духовное междуцарствие, определяет также истинную природу этого переходного режима. Если бы революционное правительство Конвента продержалось до наступления общего мира, оно, без сомнения, осталось бы и далее у власти, изменив только согласно новым потребностям свой главный характер. Пока продолжалась национальная борьба, оно должно было представлять собой сильную диктатуру, одновременно духовную и светскую, отличавшуюся от

павшей королевской власти только более высокой напряженностью вследствие чрезвычайно прогрессивного направления; эта черта только и отличала ее от настоящей тирании. Но мир по необходимости положил конец этому полному сосредоточению политики, без которого защита республики была бы безуспешна. При изменившихся обстоятельствах временное правительство, обязанное своим существованием только отсутствию истинных социальных принципов, должно допустить полную свободу изложения и прений, дотоле невозможную и даже опасную, но ставшую теперь необходимым условием разработки и установления новой всеобщей доктрины, которая одна лишь может служить твердым основанием для окончательного преобразования.

Это предполагаемое превращение собственно революционного правительства должно осуществиться в исключительной политике, наиболее подходящей для французской республики, возрождающейся среди общего отныне непоколебимого мира и глубокой духовной анархии. Недостойные преемники Конвента превратили в ретроградную тиранию вверенную им силою обстоятельств прогрессивную диктатуру. В последнюю фазу долгой реакции это полное сосредоточение было коренным образом обессилено противодействием на основании закона местной власти. Хотя центральная власть домогалась всегда официального всемогущества, однако неизбежное расширение свободы исследований все более и более сводило на-нет ее бесполезное духовное господство, оставляя ей только светское главенство, которого требовал общественный порядок. В течение перерыва, последовавшего за реакцией, даже светская диктатура была законным путем уничтожена, благодаря раздроблению центральной власти и усилению местной власти. Обе эти власти молча отказались руководить духовным преобразованием, посвятив себя всецело все более и более трудному поддержанию материального порядка среди полной умственной анархии, которую еще усиливал позорный эмпиризм, который считал возможным основать общественный строй на одних только интересах, без всякого нравственного фундамента.

Прогрессивный характер, по необходимости присущий нашей республике, конечно, несомненно придает ее двум светским органам естественное усиление напряженности, которое в прежнее время возбудило бы непреодолимое отвращение. Но каждый из них совершил бы огромную ошибку, если бы он попытался теперь возродить в какой-либо форме временную диктатуру Конвента. Хотя подобная попытка не могла бы увенчаться успехом, она, тем не менее, вызвала бы тяжелые

смуты, которые отныне были бы одновременно и анархическими, и ретроградными, соответственно природе окончательно дискредитированной метафизики, которая при этом была бы применена.

Таким образом, полное отсутствие твердых и общих убеждений заставляет вести теперь чисто временную политику, ограничивающуюся, главным образом, материальным порядком; в то же время благоприятные условия внутреннего и внешнего положения вещей не требуют другой политики для содействия великому умственному и нравственному обновлению, долженствующему характеризовать окончательный строй. Расценивая навсегда официальную ложь, согласно которой конституционная монархия признавалась окончательным результатом великой революции, наша республика может провозгласить непреложным только свой единственный нравственный принцип: полное и постоянное преобладание социального чувства, прямо посвящающего общему благу все реальные силы.

Таково теперь единственное, поистине окончательное правило, которое нет надобности предписывать, так как оно самопроизвольно вытекает из всеобщих стремлений, не позволяющих его оспаривать с тех пор, как все противоречивые предрассудки совершенно разрушены. Но что касается доктрин и, следовательно, учреждений, могущих организовать это прямое царство универсальной общественности, наша республиканская форма правления в сущности остается неопределенной и допускает множество режимов. Безвозвратным, с политической точки зрения, здесь является только полное уничтожение королевской власти, которая, в какой бы форме она ни существовала, составляла с давних пор во Франции и даже, в меньших степенях, на всем Западе символ регресса.

Это торжественное признание главенства социального чувства — главная заслуга республиканской формы правления — прямо отвергает всякое притязание на непосредственное создание окончательного режима, так как это противоречит добросовестному исканию реального решения, предполагающего наличность систематических условий, источником которых не могут быть современные остатки прежних доктрин. Требуя, чтобы умственное и нравственное преобразование отныне было искренне предоставлено свободному соперничеству всех мыслителей, истинные философы будут, таким образом, говорить от имени республики, для которой чрезвычайно важно помешать теперь стеснительному освящению какого-либо из иррациональных верований. Подобная поддержка будет гораздо более целесообразна для обеспечения полной философской свободы против вредных излишеств политического движения,

чем инстинктивное сопротивление реакционной власти, обнаруженное ею в течение парламентарного перерыва.

Это сильное, но слепое отвращение к непосредственному созданию учреждений, будет отныне, к счастью, заменено естественным возрастанием мудрого общественного равнодушия, вследствие неизбежного крушения всех нестройных попыток, внушенных различными метафизическими утопиями. Единственная истинная философская опасность, которую может представить новое политическое состояние, заключается в его стремлении отвращать общество и даже мыслителей от всякого глубокого и продолжительного размышления, побуждая их отдаваться немедленным практическим опытам, основанным только на поверхностной и поспешной оценке. Следует признать, что наше современное настроение было бы совершенно неподходящим для первоначальной разработки преобразовательной доктрины, если бы эта доктрина не была уже проведена при принудительном равновесии, которое одно только посвящало ей наш слабый ум в то время, как обессиленная политическая реакция уже не в состоянии была помешать свободному полету философской мысли. Но подлинная концепция возникла окончательно в последнюю фазу ретроградного движения; затем она развивалась и даже распространялась во время остановки его при парламентарном режиме. В настоящее время новая философия выступает в качестве руководительницы социальным прогрессом, навсегда возобладавшем. Эти временные настроения, которые могли бы помешать ее возникновению, довольно благоприятны для ее оценки, лишь бы только ее главные органы сумели всегда с достоинством избегать пошлого соблазна, который побуждает ныне многих мыслителей отдаваться интересам дня. Только позитивная философия способна хорошо оценить ничтожество и серьезную опасность различных метафизических утопий, оспаривающих руководство окончательным преобразованием, и она вскоре отвлечет публику от этого бесполезного политического волнения, чтобы сосредоточить всеобщее внимание на полном обновлении мнений и нравов на основании ее принципов.

Пока республиканское правление обеспечивает позитивизму полную свободу, необходимую для его действительного назначения, оно может быть, с другой точки зрения, рассматриваемо как начало нормального состояния, постепенно определяющего основную независимость новой духовной власти от местной или центральной временной власти. Не только правительство, в собственном смысле, вскоре вынуждено будет признать свою неспособность осудить общую доктрину, требующую налично-

сти высоких научных знаний, которым наши государственные люди большей частью чужды, но, кроме того, неурядицы, вызываемые честолюбивыми мечтаниями метафизиков, неспособных оценить современное положение, побудят общество оказывать доверие только мыслителям, которые откажутся от всякой политической карьеры и торжественно посвятят себя философии.

Таким образом, нормальное отделение духовной власти от светской, систематически проводимое позитивизмом, явится результатом нашего республиканского режима, который, увлекаясь соблазнительной легкостью непосредственных применений, вначале как будто мешает нам в этом деле. Хотя кажется, что наши революционные предрассудки нас еще значительно удаляют от этого великого социального принципа, однако опыт вскоре заставит правительство и общество признать его, чтобы обеспечить одновременно порядок и прогресс, которым одинаково угрожают метафизические утопии. Все истинные мыслители будут стараться даже преодолеть слепое отвращение, внушаемое им этим принципом, и признают, что если он и осуждает их пустое политическое честолюбие, зато он им открывает огромное поприще благородного нравственного возвышения. Помимо своего высокого социального назначения этот новый путь один только может привести к осуществлению справедливых личных притязаний на звание истинного философа, которое в настоящее время часто компрометируется стремлением философов к временным успехам.

Миль Д.С.

СИСТЕМА ЛОГИКИ СИЛЛОГИЧЕСКОЙ И ИНДУКТИВНОЙ¹

О ФИЗИЧЕСКОМ, ИЛИ КОНКРЕТНОМ ДЕДУКТИВНОМ МЕТОДЕ

1. ...В области общественных явлений следствие сложного ряда обстоятельств равняется как раз сумме следствий этих обстоятельств, взятых поодиночке, и сложность вытекает здесь не из многочисленности законов (которых не особенно много), а из необычайно большого количества и разнообразия данных, или элементов, т.е. тех факторов, которые, подчиняясь этому небольшому числу законов, участвуют в произведении данного следствия. Таким образом, социальная наука (для обозначения которой был образован удобный варваризм «социология») есть наука дедуктивная — однако дедуктивная не по образцу геометрии, а по образцу более сложных физических наук. Она выводит закон каждого следствия из тех законов причинной связи, от которых это следствие зависит: не из закона одной только причины, как это бывает при геометрическом методе, а приняв во внимание все причины, совокупно влияющие на следствие и слагающие друг с другом свои законы. Короче говоря, метод общественной науки есть тот конкретный дедуктивный метод, наиболее совершенное применение которого мы находим в астрономии, несколько менее совершенное — в физико-химических науках, и употребление которого (с соответствующими предмету приноровлениями и предосторожностями) начинает преобразовывать и физиологию.

Не может быть сомнения в том, что подобные приноровления и предосторожности необходимы и в социологии. Прилагая к этому наиболее сложному из всех предметов изучения единственный метод, при помощи которого оказалось возможным пролить свет науки на явления, обладающие гораздо меньшей сложностью, мы должны знать, что такая высшая степень сложности, делая дедукцию еще более необходимой, делает ее в то же время и менее надежной, а потому должны принять надлежащие меры к преодолению этих трудностей.

Действия и чувства людей, живущих в общественном состоянии, без сомнения, всецело управляются психологическими

---

¹Из кн Миль Д.С Система логики силлогической и индуктивной Книга VI, 1899

и этиологическими законами; какое бы влияние ни оказывала на общественные явления та или другая причина, она оказывает его через посредство этих законов. Поэтому, предполагая законы человеческих действий и чувств известными, мы не будем уже испытывать особых трудностей при определении на основании этих законов сущности тех общественных следствий, какие стремится произвести всякая данная причина. Но когда надо сложить несколько стремлений и вычислить совокупный результат многих сосуществующих причин — особенно же, когда, пытаясь предсказать то, что действительно произойдет в том или другом случае, мы встречаемся с необходимостью определять и складывать влияния всех причин, какие могут в этом случае оказаться, — тогда мы берем на себя задачу, выполнение которой выходит за пределы человеческих способностей.

Если всех средств науки недостаточно даже для того, чтобы с полной точностью а priori вычислить взаимодействие трех тел, тяготеющих друг к другу, то можно представить себе, с какой надеждой на успех мы можем приступить к вычислению результата противоположных стремлений, действующих в тысяче различных направлений и вызывающих в каждое мгновение в каждом обществе тысячу различных перемен. Такая надежда совершенно неосновательна, хотя мы можем и должны быть в состоянии с достаточной достоверностью различать — на основании законов человеческой природы — эти самые стремления, поскольку они зависят от причин, доступных нашему наблюдению, а также определять то направление, в котором каждое из этих стремлений, действуя в отдельности, повлияло бы на общество, и судить (в общих чертах, по крайней мере) о том, какие из этих стремлений могущественнее других.

Но не скрывая от себя неизбежных несовершенств априорного метода в его приложении к общественным явлениям, мы, с другой стороны, не должны также и преувеличивать их. Те же самые возражения, какие приложимы к дедуктивному методу в этом наиболее сложном случае, приложимы к нему... и в самых простых случаях; и они были бы непреодолимы даже и в тех простых случаях, если бы не существовало некоторого вспомогательного приема. Прием этот заключается в процессе, который мы — под названием «проверки» — охарактеризовали как третью существенную часть дедуктивного метода: это процесс сопоставления дедуктивных заключений с самими конкретными явлениями или с их эмпирическими законами (когда мы можем таковые установить). Основанием доверия ко всякой конкретной дедуктивной науке служит не само априорное умозаключение, а согласие его результатов с результатами апостериорного наблюдения. Каждый из этих

процессов, взятый отдельно от другого, уменьшается в своей ценности с увеличением сложности изучаемого предмета, и притом столь быстро, что результат процесса уже очень скоро теряет всякое значение. Напротив, достоверность, вытекающая из соединения этих двух видов доказательства, не только не уменьшается хотя бы приблизительно с такой же быстротой, но может даже вовсе не уменьшаться в сколько-нибудь значительной степени. В конце концов получается лишь нарушение в порядке следования двух процессов, доходящее иногда до их полной перестановки: вместо того чтобы получать наши заключения путем дедукции и проверять их наблюдением, мы в некоторых случаях сначала предварительно устанавливаем заключения путем специального опыта, а уже затем связываем их при помощи априорных умозаключений с принципами человеческой природы; в таких случаях эти умозаключения играют роль реальной проверки.

Единственный мыслитель, который, обладая надлежащим знанием научных методов вообще, попытался охарактеризовать метод социологии, О.Конт, считает этот обратный порядок неизменно присущим социологическому умозрению. По его мнению, существенным содержанием социальной науки являются исторические обобщения, не внушаемые, а только проверяемые дедукцией из законов человеческой природы. Хотя в таком воззрении содержится истина, значение которой я постараюсь сейчас показать, тем не менее я не могу не признать, что истина эта выражена в слишком неограниченной форме и что в социологических исследованиях в значительной степени приложим как прямой, так и обратный дедуктивный методы.

В самом деле..., есть такого рода социологические вопросы, к которым, вследствие их необычайной сложности, метод прямой дедукции совершенно неприменим. И в то же время, к счастью, как раз в этих случаях мы лучше всего можем устанавливать эмпирические законы, а потому для такого рода вопросов пригоден исключительно «обратный метод». Но существуют также, как мы сейчас увидим, и другие случаи, где непосредственное наблюдение не может дать ничего такого, что было бы достойно названия эмпирического закона; и опять-таки, как раз в этих случаях прямой метод наименее страдает, к счастью, от того недостатка, от которого он, без сомнения, всегда должен страдать в той или другой степени.

Итак, мы начнем с прямой дедукции в качестве метода социальной науки и посмотрим, чего и при каких ограничениях можно здесь достичь при помощи этого способа исследования. Затем... мы разберем и постараемся охарактеризовать «обратный метод».

2. Прежде всего, очевидно, что социология как система априорных дедукций может быть наукой лишь тенденций, а не положительных предсказаний. Исходя из законов человеческой природы в их приложении к обстоятельствам данного общественного состояния, мы можем заключить, что та или другая причина будет действовать так-то и так-то, если не встретит себе противодействия; но мы никогда не будем в состоянии сказать с уверенностью, в каком объеме или в какой степени она будет так действовать и встретит или нет она себе противодействие, так как нам редко удастся узнать даже приблизительно все те факты, которые могут сосуществовать с этой причиной, а еще менее — вычислить совокупный результат столь многих элементов. Здесь надо, однако, еще раз повторить то замечание, что знание, недостаточное для предсказания, может быть в высшей степени ценным в качестве руководства на практике. Для обдуманного ведения как своих личных, так и общественных дел нам нет необходимости безошибочно предвидеть результаты того, что мы делаем. Нам приходится добиваться своих целей при помощи таких средств, которые могут иногда оказаться недействительными, и принимать меры против таких опасностей, которых может никогда не оказаться на самом деле. Цель практических политиков заключается в том, чтобы поставить общество в возможно большее число таких условий, тенденции которых благодетельны, и устранить или по возможности парализовать влияние тех условий, тенденции которых вредны. А такую способность в значительной степени сообщает нам уж знание одних тенденций, хотя бы мы и не могли в точности предсказать их совокупный результат.

Ошибочно было бы, однако, предполагать, будто даже относительно тенденций мы можем установить этим способом сколько-нибудь значительное число таких положений, которые будут истинны для всех обществ без исключения. Такое предположение было бы несовместимо с чрезвычайно изменчивой природой общественных явлений и с множеством и разнообразием обстоятельств, под влиянием которых они изменяются: обстоятельства эти никогда не бывают одинаковы (или хотя бы приблизительно одинаковы) в двух различных обществах или в два различных периода жизни одного и того же общества. Это не было бы столь серьезным препятствием, если бы (при многочисленности всех причин, действующих на общество) причин, влияющих на каждое явление общественной жизни, имелось немного; мы могли бы тогда выделить всякое отдельное общественное явление и исследовать его законы без помехи со стороны остальных явлений. Но в действительности замечается совершенно обратное. Все, что хоть сколько-нибудь

заметным образом затрагивает какой-либо один элемент общественной жизни, затрагивает через его посредство и все другие ее элементы. Происхождение всех общественных явлений представляет собой одно огромное «смешение законов». Мы никогда не сможем ни понять (в теории), ни направить (на практике) жизнь общества в каком-либо одном отношении, не принимая во внимание его жизни во всех других отношениях. Нет ни одного общественного явления, которое не испытывало бы большего или меньшего влияния со стороны всякого другого факта жизни того же общества, а, следовательно, и со стороны всякой причины, которая влияет на всякое другое из явлений этого общества. Короче говоря, здесь имеет место то, что физиологи называют «согласием, или гармонией», консенсусом; подобный консенсус наблюдается между различными органами и функциями организма у человека и животных и представляет одну из многих аналогий, способствовавших введению во всеобщее употребление таких выражений, как «общественный организм» и «организм естественный». Из этого «согласия» следует, что если два общества не окажутся одинаковыми во всех окружающих их и влияющих на них обстоятельствах (что подразумевало бы и одинаковость их прежней истории), то они только случайно могут быть вполне сходными между собой в каких бы то ни было из своих проявлений: ни одна причина не произведет в них обоих совершенно одинаковых следствий. Всякая причина по мере распространения своего следствия в обществе должна приходиться в соприкосновение с различными группами факторов, причем ее действие на те или другие общественные явления будет различным образом видоизменяться; а эти изменения, оказывая, в свою очередь, воздействие на причину, обусловят различия даже в тех ее следствиях, которые без этого были бы одинаковы. Поэтому мы никогда не можем с уверенностью утверждать, что причина, обнаруживающая известную тенденцию у одного народа или в одну эпоху, будет обнаруживать ту же самую тенденцию и у другого народа или в другую эпоху: мы должны возвратиться к нашим посылкам и снова проделать для второй эпохи или нации тот анализ всей совокупности влияющих на них обстоятельств, какой мы проделали уже для первой эпохи или нации. Дедуктивная наука об обществе не устанавливает теорем, утверждающих во всеобщей форме следствия какой-либо причины: она, скорее, учит нас, как построить теорему, соответствующую обстоятельствам всякого данного случая. Она дает не законы общественной жизни вообще, а средство определять явления любого общества на основании отдельных элементов или данных этого общества.

Таким образом, все общие положения, какие могут быть установлены дедуктивной наукой, являются гипотетическими в самом узком смысле этого слова. Они основаны на некотором предполагаемом ряде обстоятельств и указывают на то, какое действие окажет та или другая причина при этих обстоятельствах, предполагая, что к ним не присоединится никаких других. Когда этот предположенный ряд обстоятельств представит из себя копию с обстоятельств какого-либо существующего общества, то наши заключения будут истинны относительно этого общества, если только и настолько действие этих обстоятельств не будет изменено другими обстоятельствами, которые не были приняты в расчет. И единственное средство ближе подойти к конкретной истине будет состоять в том, чтобы принимать или стараться принимать в соображение возможно большее число индивидуальных особенностей случая.

Однако если принять во внимание то, с какой быстротой возрастает недостоверность наших заключений по мере того, как мы пытаемся ввести в наши вычисления все большее число совместно действующих причин, то надо признать, что, как только мы сделаем те гипотетические сочетания обстоятельств, на которых мы строим общие теоремы науки, более или менее сложными, возможность ошибки столь быстро возрастет, что наши заключения скоро утратят всякую ценность. Таким образом, этот способ исследования, если его рассматривать как средство для установления общих положений, должен быть (если мы не хотим получить негодные результаты) ограничен теми классами общественных фактов, которые, находясь, как и остальные, под влиянием всех социологических факторов, непосредственное влияние — по крайней мере, в главных чертах — испытывают лишь со стороны немногих из них.

3. Несмотря на всеобщий консенсус социальных явлений, вследствие которого ничто происходящее в одной области общественной жизни не остается без влияния на всякую другую ее область; несмотря на то первенствующее значение, какое вследствие этого должен иметь для всех частных и подчиненных явлений данного общества общий уровень его цивилизованности и социального развития, — все-таки оказывается, что различные разряды социальных фактов (в общем, непосредственно и в первой инстанции) зависят от различных родов причин. Поэтому их не только с удобством можно, но даже и должно изучать отдельно друг от друга — подобно тому, как в органическом теле мы изучаем особо физиологию и патологию каждого из главных органов и каждой из тканей, хотя каждый и каждая из них зависят от состояния всех остальных, и хотя в определении состояния того или другого

отдельного органа наряду с местными причинами участвуют (и часто берут над ними верх) индивидуальные особенности организма и его общее состояние.

На этих соображениях основывается существование особых и отдельных, хотя и не независимых одна от другой, отраслей, или областей социологического умозрения.

Так, например, в одном обширном классе социальных явлений непосредственно определяющими причинами выступают преимущественно те, которые действуют через посредство стремления к богатству; здесь из психологических законов главную роль играет тот общеизвестный закон, согласно которому люди большую выгоду предпочитают меньшей. Я имею ввиду ту область общественных явлений, которая составляет из промышленной (или производительной) деятельности людей и из тех их поступков, которыми достигается распределение продуктов этой промышленной деятельности, поскольку это последнее не осуществляется насильственным путем и не видоизменяется добровольным дарением. Умозаключая на основании одного этого закона человеческой природы и на основании главных внешних обстоятельств (всеобщих или же присущих только отдельным состояниям общества), действующих на человеческую душу посредством этого закона, мы можем объяснить и предсказать соответствующую часть общественных явлений, поскольку они зависят лишь от этой группы обстоятельств. При этом мы оставляем без внимания влияние всех других общественных условий, а потому, с одной стороны, не прослеживаем принимаемых нами в расчет обстоятельств до их возможного происхождения от каких-либо других фактов общественного строя, а с другой, не считаемся и с тем, каким образом каждый из этих других фактов может повлиять на следствие первых обстоятельств, противодействуя ему или видоизменяя его. Таким путем мы и можем построить науку, получившую наименование «политической экономии».

Побуждение, заставляющее выделять этого рода общественные явления из остальных и создавать для них особую науку, состоит в том, что в общем — по крайней мере, в первой инстанции — эти явления зависят от одной только группы обстоятельств. Мало того, даже в тех случаях, когда привходят другие условия, установление следствий одного только этого класса обстоятельств является настолько сложной и трудной задачей, что оказывается полезным решить ее раз навсегда и лишь затем учитывать действие видоизменяющих обстоятельств, — особенно если принять во внимание, что определенные сочетания первого рода обстоятельств могут часто повторяться, будучи связаны всякий раз с новыми видоизменяющимися обстоятельствами.

Политическая экономия, как я говорил по другому поводу, ограничивается лишь такими явлениями общественного строя, которые возникают вследствие стремления к богатству. Она совершенно игнорирует все другие человеческие страсти или побуждения, кроме тех, которые можно считать стремлениями, постоянно противодействующими желанию богатства: а именно, кроме отвращения к труду и желания пользоваться в каждый данный момент дорогостоящими удовольствиями. Эти последние факторы политическая экономия до известной степени принимает в расчет, так как они не только случайно (как другие наши желания) сталкиваются со стремлением к богатству, а постоянно сопровождают его в качестве тормозов или препятствий и потому неразрывно связаны со всяким исследованием этого стремления. Политическая экономия рассматривает людей как занятых исключительно приобретением и потреблением богатства: ее задача — показать, какое поведение должны были бы усвоить себе люди, живущие в общественном состоянии, если бы все их действия всецело определялись рассматриваемым побуждением, поскольку оно не сдерживается постоянно двумя вышеупомянутыми побуждениями противоположного характера. Она показывает, как под влиянием такого желания люди накапливают богатство и пользуются для произведения другого богатства; как они по взаимному соглашению учреждают институт собственности; как они устанавливают законы для того, чтобы помешать отдельным лицам силой или обманом захватывать собственность других; как они придумывают различные средства для увеличения производительности своего труда; как они под влиянием конкуренции распределяют по соглашению продукты (причем самой конкуренцией также управляют известные законы, являющиеся поэтому конечными регуляторами распределения продуктов) и пользуются известными способами (каковы деньги, кредит и проч.) для облегчения распределения. Все эти действия политическая экономия рассматривает как вытекающие исключительно из желания богатства, хотя многие из них на самом деле обуславливаются не одним мотивом, а множеством их. Затем политическая экономия приступает к исследованию законов, управляющих всеми этими действиями, при предположении, что человек есть существо, природа которого необходимо заставляет его предпочитать большее богатство меньшему во всех без исключения случаях, кроме тех, в которых действуют два уже указанных противоположных побуждения. Конечно, ни один политэконом не был настолько безрассуден, чтобы предполагать, будто природа людей в самом деле такова; но этого предположения требовал тот метод, какому необходимо должна следовать наука. Когда следствие

зависит от стечения нескольких причин, то, если мы желаем получить возможность при помощи этих причин предсказывать следствия или управлять ими, мы должны изучать эти причины, исследовать их законы отдельно, так как закон следствия слагается из законов всех причин, его определяющих. Прежде чем движения Земли и планет стали доступны для объяснения (а многие из них — и для предсказания), надо было узнать законы центростремительной и тангенциальной сил. То же самое справедливо и относительно поведения человека в обществе. Для того, чтобы судить, каким образом он будет поступать под влиянием различных стремлений и отвращений, совместно на него действующих, мы должны знать, как он стал бы поступать под исключительным влиянием каждого из них в отдельности. Нет, быть может, ни одного действия в жизни человека, где бы он не находился под непосредственным или отдаленным влиянием других побуждений, помимо простого желания богатства. Что касается тех областей человеческого поведения, для которых богатство не служит главным объектом, то политическая экономия не стремится прилагать к ним свои заключения. Но есть также и такие области деятельности, где главную и признанную цель составляет приобретение богатства — только их-то и рассматривает политическая экономия. Прием, к которому она необходимо должна прибегать, состоит в том, что она принимает главную цель за единственную. И такое предположение из всех одинаково простых гипотез ближе всего подходит к истине. Политэконом исследует — каковы те действия, которые должно было бы породить желание богатства, если бы в рассматриваемых областях оно не наталкивалось ни на какие другие желания. Таким путем он насколько возможно близко подходит к действительным отношениям, имеющим место в этих областях. Найденное решение должно быть исправлено потом при помощи надлежащего учета следствий всех тех различных побуждений, какие могут оказать свое действие в каждом частном случае. Только в немногих наиболее выдающихся случаях (как, например, в важном вопросе о том, согласно какому принципу возрастает население) такие исправления вносят в сами трактаты по политической экономии, несколько нарушая этим — в видах практического удобства — строгость чисто научного изложения. В какой степени (как нам известно или как можно предполагать) на поведение людей в их погоне за богатством оказывают побочное влияние также и другие свойства нашей природы, кроме желания с наименьшим трудом и самоотречением получить наибольшее количество богатства, в такой же степени и политическая экономия не может объяснять и предсказывать действительные события до тех пор,

пока ее положения не видоизменены правильным учетом влияний других причин.

Из таких общих положений, каковы приведенные выше, для любого данного состояния общества можно извлечь широкие и важные практические указания даже и в том случае, если при установлении этих положений было оставлено без внимания видоизменяющее влияние всех причин, не принятых в расчет теорией, а также и действие общих социальных перемен, обуславливаемых прогрессом общества. Таким образом, хотя экономисты очень часто впадали в ошибки, выводя заключения на основании элементов одного состояния общества, а затем прилагая их к другим общественным состояниям, в которых многие элементы были другими, тем не менее и в таких случаях бывает нетрудно, проследив развитие доказательств и введя в соответствующих местах новые посылки, приспособить общий ход аргументации к этим другим сочетаниям обстоятельств.

Так, например, у английских политэкономов было в большом ходу обсуждение законов распределения продуктов, исходящее из такого предположения, которое едва ли осуществляется где-либо, кроме Англии и Шотландии: а именно, из предположения, что продукты делятся между тремя классами, совершенно отграниченными друг от друга, — между рабочими, капиталистами и землевладельцами, и что все эти классы являются свободными деятелями, могущими и по закону, и фактически назначать за свой труд, свой капитал и свою землю всякую цену, какую только они в состоянии получить за них. Политэкономические заключения в применении к обществу, построенному таким образом, должны пересматриваться всякий раз, когда их прилагают к какому-либо другому обществу. Они неприложимы там, где единственными капиталистами являются землевладельцы, а рабочие составляют их собственность, как это имеет место в рабских странах. Они неприложимы там, где чуть ли не единственным землевладельцем является государство, как, например, в Индии. Они неприложимы там, где сельскохозяйственный рабочий обыкновенно является собственником и самой земли, и капитала, как это часто бывает во Франции, или одного только капитала, как в Ирландии. Но хотя современному поколению политэкономов часто можно с полным основанием сделать тот упрек, что они пытаются построить вечное здание из преходящих материалов, что они считают доказанной неизменность основ общественного строя, основ, из которых многие отличаются колеблющимся или прогрессивно изменяющимся характером, и выставляют (со столь же малыми ограничениями, как если бы это были всеобщие и абсолютные истины) положения, применимые, быть может, лишь к тому состоянию общества, в каком

случилось жить самому писателю, — это нисколько, однако, не умаляет ценности таких положений, если их рассматривать в их отношении к тому состоянию общества, для которого они были установлены. Однако даже и в отношении других состояний общества не следует думать, будто эта наука настолько неполна и неудовлетворительна, как это может показаться на основании сказанного. Хотя многие из ее заключений истинны лишь для определенных случаев, однако ее метод приложим везде, и подобно тому как всякий решивший некоторое число алгебраических уравнений без труда может решать и все другие уравнения того же рода, так и всякий знающий политическую экономию Англии или даже одного Йоркшира знает политическую экономию и всех других — как действительно существующих, так и возможных наций, если только у него достаточно здравого смысла для того, чтобы не думать, будто при изменении посылок заключения останутся неизменными. Кто с полной точностью изучил законы, определяющие при свободной конкуренции ренту, доход с капитала и заработную плату, как они получаются землевладельцами, капиталистами и рабочими при том состоянии общества, где эти три класса совершенно дифференцировались, — тот нисколько не затруднится определить и (весьма отличные от этих) законы распределения продуктов между заинтересованными классами и распределения земельной собственности, при любом из тех сочетаний общественных условий, какие указаны в предыдущей выдержке.

4. Я не стану заниматься здесь решением вопроса о том, какие другие гипотетические, или отвлеченные, науки, подобные политической экономии, можно еще выделить из общего состава социальной науки, т.е. какие другие группы социальных явлений настолько тесно и полно зависят в первой инстанции от какого-либо одного класса причин, что оказывается полезным предварительное изучение этих причин (причем рассмотрение причин, действующих через них или наряду с ними, откладывается до более поздней стадии исследования). Среди этих отраслей есть, однако, такая наука, которую нельзя обойти молчанием, так как ее объем и значение — больше всякого другого из тех отделов, на какие можно разделить социальную науку. Подобно всем им она непосредственно имеет дело с причинами одного только класса социальных фактов — однако такого класса, который прямо или косвенно оказывает определяющее влияние на остальные. Я имею в виду то, что можно назвать «политической этиологией», или учением о причинах, определяющих характер, присущий всякому народу или эпохе. Из всех подчиненных отраслей социальной науки эта всего меньше успела выйти из младенческого состояния. Факторы

национального характера едва ли хоть сколько-нибудь выяснены, и то влияние, какое оказывают учреждения и социальные отношения на характер нации, вообще крайне мало обращало на себя внимание и изучалось. Да это и неудивительно, если принять в соображение младенческое состояние индивидуальной этиологии, так как именно из этой последней надо выводить те законы, следствиями и частными случаями которых должны быть истины политической этиологии.

Между тем всякий, кто хорошенько всмотрится в дело, должен будет заметить, что законы национального (или коллективного) характера составляют, бесспорно, важнейший класс социологических законов. Прежде всего, характер, образующийся под влиянием данного сочетания общественных условий, уже сам по себе есть наиболее интересное явление, какое только может представить это состояние общества. Во-вторых, этот факт в сильной степени влияет на все остальные явления. Наконец (и это самое главное), характер, т.е. мнения, чувствования и нравы народа, являясь в значительной степени результатом предшествующего им состояния общества, наряду с этим в такой же степени обуславливают следующее его состояние: это — та сила, под влиянием которой всецело формируются все искусственные социальные условия, например, законы и обычаи. Относительно обычаев это очевидно; но не менее справедливо это и относительно законов, так как эти последние возникают либо под прямым влиянием общественного настроения правящих сил (классов), либо под влиянием народного мнения и чувства, поскольку они имеют значение в установлении формы правления и в образовании характера правителей.

Как и следовало ожидать, наиболее несовершенным пунктом в тех отраслях социальных исследований, которые рассматривались в виде отдельных наук, является вопрос о том, как на их выводы влияют положения этиологического характера. Такой пробел не вредит этим наукам, поскольку они суть науки отвлеченные, или гипотетические, но он подрывает их в их практическом приложении. Так, например, в политической экономии английские мыслители скрыто принимают такие эмпирические законы, которые имеют значение лишь для Великобритании и Соединенных Штатов. Между прочим, они постоянно предполагают наличие столь острой конкуренции, какой — в качестве общего факта — не существует ни в одной стране мира, кроме двух упомянутых. Английский политэконом, как и вообще его соотечественники, редко знает о том, что люди, продавая свои товары за прилавками, больше могут заботиться о своем удобстве или тщеславии, чем о своей денежной выгоде. Между тем всякий, кому известны нравы

континентальной Европы. знает, как часто там незначительный, по-видимому, мотив перевешивает стремление к денежной выгоде даже и при таких операциях, непосредственной целью которых является приобретение денег. Чем больше будет разработана этиология и чем лучше будут изучены различия в индивидуальном и национальном характерах, тем меньше, вероятно, останется таких положений, которые считаются всеобщими принципами человеческой природы.

Эти соображения показывают, что процесс подразделения социальной науки на отдельные отрасли (чем достигается возможность изучать каждую из них особо и затем для практических целей, вносить в ее выводы поправки, указываемые другими отраслями той же науки) должен быть ограничен по крайней мере в одном важном отношении. А именно, объектом особых отраслей науки с выгодой могут (даже на время) быть сделаны только те отделы социальных явлений, где различия между отдельными народами и эпохами имеют лишь второстепенное значение. Напротив, те явления, в которые на каждом шагу примешивается влияние этиологии народа (так что мы не можем даже в грубой форме выявить связи между следствием и причинами, не принимая во внимание этого влияния), нельзя без значительных неудобств исследовать независимо от политической этиологии, а потому и от всех обстоятельств, влияющих на характер народа. По этой причине (как и по другим, которые будут указаны впоследствии) не может быть особой науки о правительстве: правительство есть такой факт, к которому более, чем ко всем остальным, примешиваются в качестве причин и следствий свойства данного народа и данной эпохи. Поэтому все вопросы относительно тенденции различных форм правления должны входить в общую науку об обществе, а не в какую-либо из ее отдельных ветвей.

Нам остается теперь охарактеризовать эту общую науку об обществе в отличие от отдельных ее ветвей (из которых каждая высказывает свои заключения лишь в условной форме, подчиняя их верховному контролю со стороны законов общей науки). Как здесь будет показано, достичь в этой области чего-либо имеющего действительно научный характер можно только при помощи обратного дедуктивного метода. Но прежде чем расстаться с теми социологическими умозрениями, которые пользуются прямой дедукцией, мы должны рассмотреть, в каком отношении они стоят к необходимому элементу всех дедуктивных наук: к их проверке специальным опытом — при помощи сравнения между дедуктивными умозаключениями и результатами наблюдений.

5. Мы видели, что в большинстве дедуктивных наук (и между прочим, в самой этиологии, служащей непосредствен-

ным основанием для социальной науки) наблюдаемые факты сначала подвергаются предварительной обработке, которая делает возможным быстрое и точное (а иногда даже и вообще какое бы то ни было) сопоставление их с теоретическими заключениями. Эта предварительная обработка состоит в установлении общих положений, сжато выражающих признаки, общие обширным классам наблюдаемых фактов, — положений, называемых «эмпирическими законами» явлений. Таким образом, нам надо исследовать, возможен ли подобный подготовительный процесс по отношению к фактам социальной науки, т.е. существуют ли какие-либо эмпирические законы в области истории и статистики.

Относительно статистики очевидно, что здесь иногда можно установить и эмпирические законы; и это их установление образует важную часть той системы непрямого наблюдения, в которой мы часто бываем вынуждены искать данных для дедуктивной науки. Научное исследование состоит в объяснении следствий из их причин. Но часто у нас бывает возможность наблюдать причины исключительно через посредство их следствий. В подобных случаях дедуктивная наука не в силах предсказывать следствия, так как для этого не оказывается необходимых данных: она может определять, какие причины способны производить то или другое следствие, но не может сказать, насколько часто и в каких размерах эти причины встречаются. Как раз такого рода данные сообщает, например, лежащая сейчас передо мною газета. Один из официальных агентов по расследованию дел о несостоятельных должниках поместил здесь статью о том, во скольких банкротствах из числа тех, которые ему пришлось разбирать, потери были вызваны дурным ведением дела и во скольких — неотвратимыми несчастьями. В результате оказалось, что число банкротств вследствие дурного ведения дел далеко превышает число банкротств, вызванных всеми другими причинами. Ничто, кроме специального опыта, не могло бы дать достаточного основания для решения этого вопроса. Поэтому установление при помощи прямого наблюдения подобных эмпирических законов (всегда представляющих собой лишь приблизительные обобщения) составляет важную часть процесса социологических исследований.

Это обращение к опытному материалу следует рассматривать здесь не как особый путь к истине, а как средство (случайно оказывающееся единственным или же наиболее пригодным) для получения данных, требуемых дедуктивной наукой. Когда непосредственные причины социальных фактов недоступны для прямого наблюдения, эмпирический закон следствий дает нам в то же время и эмпирический закон причин, — и это

все, чего мы можем достичь в подобных случаях. Но эти непосредственные причины зависят от причин отдаленных, и на эмпирический закон, установленный при помощи такого непрямого способа наблюдения, можно положиться в применении к ненаблюдавшимся случаям лишь постольку, поскольку есть основание думать, что ни в одной из отдаленных причин, от которых зависят данные ближайšie причины, не произошло никакой перемены. Поэтому когда мы на основании самых лучших статистических обобщений умозаключаем (хотя бы только предположительно), что те же эмпирические законы будут иметь силу и для того или другого нового случая, мы должны хорошо знать более отдаленные причины — для того, чтобы не приложить данный эмпирический закон к случаям, отличающимся от прежних такого рода обстоятельствами, от которых в конце концов зависит истинность самого закона. Таким образом, даже в тех случаях, когда заключения на основании прямого наблюдения пригодны для практических выводов относительно новых случаев, все равно необходимо, чтобы на страже всего процесса стояла дедуктивная наука, чтобы мы постоянно обращались к ее помощи и получали ее санкции для каждого вывода.

То же самое справедливо и относительно всех обобщений, какие можно основать на фактах истории. Подобные обобщения не только существуют, но, как сейчас будет показано, общая социальная наука, изучающая законы последовательности и сосуществования тех великих фактов, из которых складывается состояние общества и цивилизации в данное время, может развиваться именно (и единственно) при помощи таких обобщений, подтверждаемых потом путем установления связи между ними и теми психологическими и этиологическими законами, от которых они в действительности зависят.

6. Но мы отложим пока обсуждение этого вопроса, а теперь заметим только, что в тех более специальных исследованиях, которые составляют предмет отдельных отраслей социальной науки, такой двойной логический процесс и взаимная проверка невозможны: специальный опыт не дает здесь ничего подобного эмпирическим законам... Хотя теория может давать вполне достоверные указания, например, на то, какого рода следствие должны производить хлебные законы и в каком вообще направлении должно сказываться их влияние на промышленное благосостояние, тем не менее их действие неизбежно настолько затемняется сходными с ними или противоположными им действиями других факторов, что специальный опыт может, самое большее, показать только то, что (в среднем выводе из какого-либо значительного числа случаев) в тех случаях, когда существовали хлебные законы,

данное следствие проявлялось в большей степени, чем в тех, когда их не было. Но ведь мы никогда не можем получить такого числа случаев, какое необходимо для того, чтобы исчерпать весь цикл сочетаний различных влияющих обстоятельств и таким образом достичь правильного среднего вывода. Не только мы никогда не сможем изучить с достаточной достоверностью так много случаев, но и сама действительность не может дать нам их в достаточном количестве в пределах того состояния общества и цивилизации, какое всегда предполагается такими исследованиями. Таким образом, у нас нет никаких предварительных эмпирических обобщений, с которыми мы могли бы сопоставлять теоретические заключения, и единственным способом прямой проверки у нас остается сравнение этих заключений с результатом какого-либо единичного эксперимента или случая. Но и здесь встречается столь же большое затруднение. В самом деле, для проверки теории при помощи эксперимента обстоятельства этого эксперимента должны быть совершенно одинаковы с обстоятельствами, принятыми в расчет в этой теории. Но в общественных явлениях нет двух таких случаев, в которых обстоятельства были бы совершенно сходны. Опыт хлебных законов в другой стране или в какую-либо прежнюю эпоху весьма мало мог бы помочь проверке того заключения относительно их следствия, какое мы можем вывести для нашего времени и в нашей стране. Таким образом, по большей части оказывается, что единственный частный случай, действительно пригодный для проверки теоретических предсказаний, есть тот самый, для которого эти предсказания были сделаны, и проверка эта приходит слишком поздно для того, чтобы ею можно было каким-нибудь образом воспользоваться для руководства на практике.

Но если прямая проверка здесь невозможна, то существует ведь еще проверка непрямая, имеющая едва ли меньшую ценность и всегда для нас доступная. Заключение относительно какого-либо единичного случая может найти прямую проверку только в себе самом; но непрямым путем его можно проверить при помощи проверки других заключений, выведенных из тех же самых законов для других единичных случаев. Опыт приходит слишком поздно для проверки данного отдельного случая, но он может проверить общую состоятельность теории. Показателем того, в какой степени надежное основание дает наука для предсказания (а, следовательно, и для практического контроля) того, что еще не случилось, служит то, насколько она позволила бы нам предсказать то, что действительно произошло. Прежде чем мы получим право вполне положиться

на свою теорию о влиянии при данных обстоятельствах той или другой отдельной причины, мы должны быть в состоянии объяснить и обосновать наличную действительность всей той области общественных явлений, на которую эта причина имеет тенденцию оказывать свое влияние. Если, например, мы хотим на основании своих политикоэкономических соображений предсказать или практически повлиять на строй той или другой страны, то мы должны быть в состоянии объяснить все факты торговой или промышленной жизни, имеющие общее значение и характеризующие современное состояние этой страны, должны наметить причины, достаточные для объяснения всех этих фактов, и доказать (или дать прочное основание для предположения), что такие причины здесь действительно существовали. Если же мы не можем этого сделать, то это служит доказательством либо того, что мы не вполне еще знаем те факты, которые нам следовало бы принять в расчет, либо того, что (в том случае, если мы вполне знаем эти факты) мы не знаем надлежащим образом, каковы будут следствия этих фактов. Как в том, так и в другом случае мы не вполне компетентны выводить относительно данной страны какие-либо теоретические или практические заключения. Подобным же образом, если мы пожелаем высказаться относительно того, какое влияние окажет то или другое политическое учреждение (предполагая, что оно могло бы быть введено в данной стране), то мы должны быть в состоянии показать, что существующее в данный момент управление этой страной и все зависящие от него явления, а также характер, тенденции и условия различных элементов общественного благосостояния данного народа как раз таковы, какими они и должны быть в зависимости от его учреждений и от других обстоятельств его природы и его положения.

Короче говоря, для доказательства того, что наша наука и наше знание данного частного случая дают нам право предсказывать будущее, мы должны показать, что они позволили бы нам предсказать настоящее и прошедшее. Если же в настоящем и прошедшем окажется нечто такое, чего мы не можем предсказать, то это будет остаточное явление, и для его объяснения потребуются дальнейшее изучение: мы должны будем либо пересмотреть обстоятельства данного частного случая, пока не найдем среди них такого, которое в соответствии с принципами имеющейся у нас теории объяснит это непонятное для нас явление, либо вернуться назад и искать объяснения путем расширения и усовершенствования самой теории.

Глава X

ОБ ОБРАТНО-ДЕДУКТИВНОМ, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

1. Есть два рода социологических исследований. В одних ставится вопрос о том, каково будет следствие той или другой причины при предположении известного общего состояния социальных условий. Таковы, например, исследования относительно того, каковы будут следствия принятия или непринятия хлебных законов, уничтожения монархии или введения всеобщего голосования — при данном состоянии общества и культуры в той или другой европейской стране или же при каком-либо другом предположении касательно социальных условий вообще, без отношения к тем переменам в этих условиях, которые могли бы осуществиться или, быть может, уже осуществляются. Но бывают еще и другого рода исследования: в них изучается то, какими законами определяются сами эти общие обстоятельства... Решением таких вопросов занимается общая социальная наука, которая должна ограничивать и контролировать результаты более специальных исследований.

2. Чтобы правильно представить себе область этой науки и отграничить ее от подчиненных отделов социологических умозрений, необходимо фиксировать понятия, связываемые с выражением «состояние общества». «Состоянием общества» называется то положение, в каком находятся в какой-либо данный момент общественные факты или явления: например, уровень познаний и степень умственной и нравственной культуры всего общества и каждого из его классов; состояние промышленности, богатство и его распределение; обычные занятия общества; его деление на классы и отношения этих классов друг к другу; общепринятые воззрения относительно всех наиболее важных для человека предметов и степень той уверенности, с какой придерживаются этих воззрений; вкусы общества, характер и степень его эстетического развития; форма правления и наиболее важные из законов и обычаев. Состояние всего этого и много другого, что легко можно было бы перечислить, и образует состояние общества, или состояние цивилизации в какое-либо данное время.

Когда о состояниях общества и о вызывающих их причинах говорят как об объекте науки; то при этом подразумевают, что между названными элементами существует некоторое естественное соотношение, что возможно не любое сочетание этих общих социальных фактов, а лишь некоторые из их сочетаний, — короче говоря, что между различными социальными явлениями обнаруживается однородность в их сосущес-

товании. Так именно и есть на самом деле, и это выступает, конечно, необходимым следствием того влияния, какое все сосуществующие явления оказывают друг на друга. Этот факт предполагается консенсусом отдельных частей общественного тела.

Состояния общества подобны различным организациям или различным возрастам живого тела: это состояния не одного или немногих органов или функций, а всего организма. Поэтому имеющиеся у нас сведения относительно прошлых веков и тех общественных состояний, какие существуют в настоящее время в различных областях Земли, должны при надлежащем анализе указывать на известное единообразие. А именно, оказывается, что когда одно из явлений общественной жизни находится в каком-либо особом состоянии, с ним всегда или обыкновенно сосуществует более или менее точно определенное состояние многих других общественных явлений.

Но единообразия сосуществования, имеющие место между такими явлениями, которые суть следствия причин, должны (как мы уже часто отмечали) быть выводами из тех законов причинной связи, какими в действительности эти явления определяются. Взаимное соотношение между различными элементами каждого состояния общества является, таким образом, производным законом, вытекающим из законов, управляющих последовательностью отдельных состояний общества: ближайшая причина каждого состояния общества есть непосредственно предшествующее ему состояние этого общества. Поэтому основная задача социальной науки заключается в отыскании законов, согласно которым всякое данное состояние общества вызывает другое, следующее за ним и замещающее его. Здесь важный и много обсуждавшийся вопрос о том, прогрессируют ли человек и общество. Идея прогресса содержится во всяком правильном представлении об общественных явлениях как о предмете науки.

3. Одна из особенностей наук о человеческой природе и обществе (присущая им, правда, не исключительно, но в особенно сильной степени) состоит в том, что они имеют дело с предметом, свойства которого изменчивы. Я разумею здесь не те перемены, которые происходят со дня на день, а перемены от века к веку — те, при которых меняются не только качества отдельных индивидуумов, но и особенности большинства членов общества.

Главной причиной этой изменчивости служит широкая и постоянная реакция следствий на свои причины. Обстоятельства, окружающие людей, действуя согласно своим собственным законам и законам человеческой природы, образуют характер людей; но и люди, в свою очередь, формируют и

создают обстоятельства для самих себя и для своих потомков. В результате такого взаимодействия необходимо должен получаться либо цикл, либо прогресс, движение вперед. В астрономии всякий факт есть точно так же одновременно и следствие, и причина: последовательные положения различных небесных тел производят перемены как в направлении, так и в напряжении тех сил, которыми эти положения определяются. При этом в результате таких взаимодействий после некоторого числа перемен здесь снова получается прежнее сочетание условий, что, конечно, ведет к постоянному повторению того же самого ряда в неизменной последовательности. Короче говоря, тела солнечной системы вращаются по орбитам; но существуют (или, по крайней мере, могут существовать согласно законам астрономии) другие небесные тела, которые вместо орбиты будут описывать траекторию — путь, не возвращающийся в себя самого. Один из этих двух путей и должен служить прообразом течения жизни человечества.

Один из первых мыслителей, признавших, что последовательность исторических событий подчинена определенным законам, и пытавшихся открыть эти законы путем аналитического обзора истории, — Вико, знаменитый автор «Scienza Nuova», держался первого из этих воззрений. Он представлял себе общественные явления вращающимися по орбите, т.е. периодически проходящими один и тот же ряд перемен. Хотя не было недостатка в обстоятельствах, придававших этому взгляду некоторое правдоподобие, однако он не мог выдержать строгой критики, и все мыслители после Вико усвоили идею траектории, или прогресса, вместо орбиты, или цикла.

Слова «прогресс» и «прогрессивность» не следует понимать здесь как синонимы слов «улучшение» и «стремление к улучшению». Вполне понятно, что законы человеческой природы могут определять и даже делать необходимыми и такие перемены в человеке и обществе, которые не всегда или даже никогда не могут быть улучшениями. Правда, я убежден, что в обществе, несмотря на случайные и временные отклонения, дело идет и впредь будет идти к лучшему и более счастливому состоянию. Но это — уже не вопрос метода социальной науки, а теорема самой этой науки. Для нашей цели достаточно наличия прогрессивного изменения как в характере человеческой расы, так и в ее внешних обстоятельствах, поскольку они создаются самими людьми, — достаточно того, что в каждый следующий век главные общественные явления отличаются от того, чем они были в век предыдущий, и в еще большей степени от того, чем они были в какую-нибудь более раннюю эпоху; причем наиболее резко отмечают эти последовательные перемены периоды деятельности отдельных поколений — пе-

риоды, в течение которых успела воспитаться, вырасти и завладеть обществом новая смена людей. На идее прогресса человеческой расы был в последние годы построен новый метод социальной науки, далеко превосходящий оба господствовавших до сих пор метода: химический, или опытный, и геометрический. Этот новый метод, принятый теперь всеми передовыми мыслителями континента, задается целью открыть путем изучения и анализа общих исторических фактов «закон прогресса» (как выражаются эти мыслители): такой закон, будучи установлен, должен, по их мнению, дать нам возможность предсказывать будущие события совершенно так же, как, установив несколько членов какого-нибудь бесконечного ряда в алгебре, мы можем открыть принцип их образования и предсказать любое число остальных членов это ряда. Установление этого закона и служило главной целью исторического умозрения во Франции в последние годы. Но охотно признавая великие услуги, оказанные этой школой историческому знанию, я не могу не считать ее представителей больше всего виновными в коренном непонимании истинного метода социальной философии. Непонимание это заключается в предположении, будто тот порядок последовательности, какой нам удалось проследить между различными состояниями общества и цивилизации (даже если бы этот порядок был более строго единообразен, чем это доказано до сих пор), может когда-либо получить значение закона природы. Он может быть только «эмпирическим законом». Последовательность состояний человеческого духа и человеческого общества не может иметь своего особого, независимого закона: она должна зависеть от психологических и этиологических законов, управляющих действием обстоятельств на людей и людей на обстоятельства. Понятно, что эти законы и те общие условия, в которых находится человечество, могут иногда определять последовательные преобразования человека и общества в одном определенном и неизменном порядке. Но даже и в данном случае конечной целью науки не может быть открытие такого эмпирического закона. Пока этот закон нельзя связать с теми психологическими и этиологическими законами, от которых он должен зависеть, пока его нельзя (связав априорную дедукцию с историческими данными) превратить из эмпирического закона в закон научный, до тех пор им нельзя пользоваться и для предсказания будущих событий, — разве что за исключением строго смежных случаев. Среди представителей новой исторической школы один только О.Конт видел необходимость такого увязывания всех наших исторических обобщений с законами человеческой природы.

4. Но несмотря на положительное правило — не вводить

в социальную науку ни одного обобщения из истории, пока для него нельзя указать достаточных оснований в человеческой природе, — я тем не менее не думаю, чтобы кто-нибудь стал утверждать, будто, отправляясь от принципов человеческой природы и от общих условий жизни человечества, можно было а priori определить тот порядок, на каком должно происходить развитие человечества, и дедуктивно вывести из этого основные факты прошлой истории — вплоть до нашего времени. После первых немногих членов ряда влияние, оказываемое на каждое поколение предшествующими ему поколениями, получает (как это правильно заметил только что упомянутый писатель) все больше и больше перевеса над всеми другими влияниями. И в конце концов то, что мы теперь собой представляем и что мы делаем, является лишь в весьма незначительной степени результатом всеобщих условий человеческой расы или хотя бы условий нашей личной жизни, действующих через посредство основных свойств нашей природы; все это есть главным образом результатом тех свойств, которые созданы в нас всей прежней историей человечества. Столь длинного ряда взаимных влияний между обстоятельствами и человеком — ряда, в котором каждый последующий член складывается из все большего числа все более разнообразных частей, — совершенно не в силах вычислить (на основании элементарных законов, лежащих в основе этого ряда) человеческие способности. Уже одни размеры этого ряда явились бы препятствием к этому, так как даже маленькая ошибка в каком-либо одном из его членов стала бы быстро возрастать при каждом следующем шаге.

Таким образом, если в ряде самих следствий, рассматриваемых как одно целое, не оказывается никакой правильности, то мы напрасно стали бы пытаться построить общую социальную науку. В таком случае мы должны довольствоваться отмеченными выше социологическими умозрениями подчиненного порядка, т.е. установлением следствий введения той или другой причины в предполагаемое неизменным состояние общества. Такого рода знание, удовлетворяющее обычным требованиям повседневной политической практики, должно терять свою силу во всех тех случаях, где одним из фактов является прогрессивное движение общества; таким образом, оно тем ненадежнее, чем важнее случай. Но так как и естественные различия между людьми, и разнообразие первоначальных местных условий гораздо менее значительны, нежели черты сходства, то естественно, что прогрессивное развитие человечества и его деятельности будет в известной степени единообразным. И по мере движения общества вперед это единообразие стремится стать больше, а не меньше, так как развитие каждого народа, определяемое сначала исключительно

его собственной природой и обстоятельствами, постепенно попадает под влияние (притом усиливающееся с прогрессом цивилизации) со стороны других народов земного шара и со стороны обстоятельств, повлиявших на эти народы. Поэтому история при разумном ее изучении дает эмпирические законы общества. Задача же общей социологии заключается в том, чтобы проверить эти законы и связать их с законами человеческой природы посредством дедукций, показывающих, что таких именно производных законов и надо было ожидать в качестве следствий тех, основных законов.

Правда, едва ли когда возможно, даже если история наметит производный закон, доказать а priori, что таков единственный порядок последовательности или сосуществования, в каком могли в соответствии с законами человеческой природы произойти данные следствия. Мы можем выяснить (самое большее), что имелись сильные априорные основания ожидать этого порядка и что никакой другой порядок последовательности или сосуществования нельзя считать столь же вероятным, основываясь на природе человека и общих обстоятельствах его положения. Часто мы не можем сделать даже и этого: мы можем показать не то, что происшедшее было вероятно а priori, а лишь то, что оно было возможно. Однако такое установление возможности является для характеризуемого нами теперь обратного дедуктивного метода действительной проверкой и столь же необходимо для него, как проверка специальным опытом в тех случаях, где заключение получается первоначальным методом прямой дедукции. Эмпирические законы необходимо должны быть здесь результатом лишь немногих случаев, так как вообще немного наций достигло высокой степени социального прогресса, а еще меньшее число их достигло его в силу своего собственного, независимого развития. Если бы поэтому хотя бы только один или два из этих немногих случаев оказались недостаточно нам известными (или не вполне разложенными на свои элементы, а потому и не вполне пригодными для сравнения с другими случаями), то очень вероятно, что вместо правильного эмпирического закона у нас получился бы неправильный. Таким образом, на основании фактов истории постоянно делаются самые ошибочные обобщения — и не только в Англии, где история, можно сказать, до сих пор еще совсем не разрабатывалась научным образом, но даже и в других странах, где она разрабатывается как наука, и притом людьми, хорошо с ней знакомыми. И единственной поправкой или коррективой будет в данном случае постоянная проверка ее выводов психологическими и этиологическими законами. К этому можно прибавить, что только лица, вполне усвоившие себе эти законы, способны подготавливать при

помощи анализа фактов истории или даже просто наблюдения над современными общественными явлениями материал для исторического обобщения. Только такие люди могут осознавать сравнительную важность различных фактов, а, следовательно, знать и то, какие факты им нужно искать или наблюдать; еще менее возможна без этого оценка доказанности тех фактов, которые, как это бывает в большинстве случаев, не могут быть установлены прямым наблюдением или на основании свидетельства и должны быть выведены из признаков.

5. Эмпирические законы общественной жизни бывают двоякого рода: одни из них суть единообразия сосуществования, другие — единообразия последовательности. В зависимости от того, занимается ли наука установлением и проверкой единообразий первого или второго рода, О.Конт дает ей наименование «социальной статики» и «социальной динамики» — соответственно принятому в механике различию между условиями равновесия и условиями движения (или различию между законами организации и законами жизни — в биологии). Первый из этих отделов науки определяет условия устойчивости общественного объединения; второй — законы его прогресса. Социальная динамика есть теория общества, рассматриваемого в состоянии прогрессивного движения. Социальная же статика есть теория того консенсуса между различными частями социального организма, о котором мы говорили выше, — иными словами, теория взаимодействий между одновременными социальными явлениями, теория, оставляющая на время (в целях науки) без внимания — насколько только это возможно — то основное движение, которое во все времена постепенно видоизменяет всю совокупность этих явлений.

С этой, первой точки зрения, социология должна дать нам возможность выводить один из другого (имея в виду дальнейшую проверку прямым наблюдением) различные характерные признаки каждой отдельной формы социального существования — выводить методом, в существенных чертах аналогичным тому, который обыкновенно применяется в настоящее время в анатомии. Эта предварительная форма политической науки необходимо предполагает (в противоположность обычным воззрениям философов) рассмотрение каждого из многочисленных элементов социального состояния не как чего-то независимого и абсолютного, а (всегда и исключительно) в его отношении ко всем другим элементам, с которыми он соединен взаимной зависимостью. Излишне было бы настаивать здесь на том, что эта отрасль социологического умозрения всегда в высшей степени полезна. Прежде всего, она составляет необходимую основу теории социального прогресса. Сверх того, она может непосредственно и сама по себе заступать (по

крайней мере, на время) место прямого наблюдения некоторых из общественных элементов, не поддающихся наблюдению, но о действительном положении которых можно, однако, в достаточной степени судить на основании отношений, связывающих их с другими, уже известными элементами. История наук может дать нам некоторое представление о важности этого вспомогательного средства; например, она может напомнить нам о том, как ошибки популярной эрудиции касательно предполагаемых познаний древних египтян в высшей астрономии были (еще прежде, чем над ними произнесла свой приговор более строгая наука) окончательно рассеяны одним соображением — о неизбежной связи общего развития астрономии у египтян с развитием отвлеченной геометрии, находившейся у них в очевидно младенческом состоянии. Легко было бы привести множество аналогичных случаев, относительно которых не может быть никакого спора. Однако чтобы избежать преувеличения, надо заметить, что эти необходимые соотношения между различными сторонами жизни общества уже по самой своей природе не могут быть настолько простыми и точными, чтобы наблюдаемые явления могли возникать только благодаря какому-либо одному виду взаимных отношений между ними. Подобное воззрение, слишком узкое уже и для науки о жизни, совершенно не соответствовало бы еще более сложной природе социологических умозрений. Точное измерение пределов этого несоответствия как при здоровом, так и при болезненном состоянии образует (по крайней мере, в такой же степени, в какой это имеет место и в анатомии организма) необходимое дополнение ко всякой теории социологической статистики, и без этого не прямое исследование, о котором мы говорили выше, часто может только вводить в заблуждение.

Здесь не место методически доказывать существование необходимого соотношения между всеми возможными сторонами одного и того же социального организма: относительно этого пункта — по крайней мере, принципиально — мнения здравых мыслителей в настоящее время мало расходятся. Какой бы из социальных элементов мы ни избрали в качестве исходной точки, мы легко можем видеть, что он всегда находится в более или менее непосредственной связи со всеми другими элементами — даже с теми из них, которые на первый взгляд кажутся наиболее от него независимыми. Динамическое рассмотрение прогрессивного развития цивилизованного человечества дает, без сомнения, еще более эффективное средство для этой любопытной проверки консенсуса социальных явлений, выясняя, каким образом всякая перемена в одной их части действует, немедленно или весьма скоро, и на все остальные. Но

этому указанию может предшествовать (или, во всяком случае, за ним может следовать) подтверждение чисто статического характера: ибо в политике, как и в механике, сообщение движения одним предметом другому доказывает связь между этими предметами. Даже если не касаться в деталях взаимной зависимости между различными ветвями всякой науки или искусства, то разве не очевидно существование между различными науками, а также и между большинством искусств связи такого рода, что, раз нам в достаточной степени известно состояние какого-либо одного, хорошо определенного их отдела, то мы можем с действительно научной вероятностью вывести, на основании их необходимого соотношения, и одновременное состояние всякого отдела других наук? Путем дальнейшего расширения этих соображений мы можем понять необходимое соотношение между состоянием наук вообще и состоянием искусств вообще, — но с тем лишь ограничением, что взаимная зависимость становится здесь менее сильной по мере того как она делается менее непосредственной. То же самое имеет силу и в тех случаях, когда вместо рассмотрения совокупности социальных явлений у какого-нибудь одного народа мы исследуем ее синхронистически у различных народов, так как нельзя отрицать, особенно для новейших времен, постоянного взаимного влияния между народами. Надо только иметь в виду, что этот консенсус обыкновенно слабеет и постепенно уменьшается по мере уменьшения сходства случаев и числа точек соприкосновения, пока, наконец, в некоторых случаях не исчезает почти совершенно. Так, например, в Западной Европе и Восточной Азии общественный строй был до сих пор, по-видимому, почти независимым друг от друга.

За этими замечаниями следует разъяснение одного из наиболее важных, но до последнего времени наименее обращавших на себя внимание общих принципов, какие можно считать установленными в этом отделе социальной науки. Мы говорим о необходимом соотношении между существующими во всяком обществе формой правления и современным ей состоянием цивилизации. Это — естественный закон, и именно в силу его все бесконечные рассуждения и бесчисленные теории относительно форм правления, рассматриваемых с отвлеченной точки зрения, оказывались бесплодными и непригодными для всякого другого назначения, кроме подготовительной обработки материала, долженствующего потом пойти на построение лучшей теории.

Как уже было замечено, одним из главных результатов социальной статистики должно быть установление условий прочности политического объединения. Есть такие обстоятельства, которые имеются налицо во всех обществах без исключения,

а в наибольшей степени там, где социальное единение является наиболее полным, и которые можно признать (если такое предположение получит подтверждение со стороны психологических и этиологических законов) условиями существования сложного явления, называемого государством. Так, например, ни одно значительное общество не существовало еще без законов или заменяющих их обычаев, без судов и той или иной организованной силы для приведения в исполнение судебных решений. Всегда существовали общественные авторитеты, которым с большей или меньшей покорностью и в более или менее точно определенных случаях повиновались или, согласно общему убеждению, обязаны были повиноваться остальные члены объединения. Таким способом мы найдем известное число условий, которые имелись налицо в каждом обществе, сохранявшем свое существование как целого, и с исчезновением которых оно либо поглощалось каким-нибудь другим обществом, либо перестраивалось на каком-либо новом основании, соответствующем другим условиям. Хотя такие результаты, полученные путем сравнения различных форм и состояний общества, сами по себе имеют значение лишь эмпирических законов, однако некоторые из них, будучи однажды намечены, как оказывается, с такой вероятностью вытекают из общих законов человеческой природы, что соответствие этих двух процессов делает доказательство полным, а обобщение превращает в научную истину.

Это, по-видимому, можно сказать, например, о результатах следующего рассуждения, извлеченного, с некоторыми изменениями, из критической статьи об отрицательной философии восемнадцатого столетия; я цитирую эту статью, хотя она принадлежит мне самому..., потому что не имею лучшего средства пояснить то представление, какое составилось у меня относительно характера теорем, долженствующих составить социологическую статику.

«Уже самый первый элемент социального единения — повиновение какому-либо правительству — оказалось нелегко установить в мире. Среди робкой и бедной духом нации, подобной обитателям обширных равнин тропических стран, пассивное повиновение развилось, быть может, естественным путем, хотя я не помню, чтобы и среди них оно оказалось хоть у одного народа, у которого не господствовал бы в качестве религиозного учения фатализм, т.е., иными словами, подчинение власти обстоятельств как божественному предначертанию. Но побудить храбрый и воинственный народ подчинить свой индивидуальный произвол, *arbitrium*, какой-либо общей власти всегда считалось делом столь трудным, что его относили к сверхъестественной силе; и такие племена всегда

приписывали первому установлению гражданского общества божественное происхождение. Так расходятся мнения тех, кто знал дикие племена по действительному опыту, и тех, кто знакомился с ними только по цивилизованному состоянию. Даже в Европе Нового времени, после падения Римской империи, для того чтобы подавить феодальную анархию и заставить всю совокупность какого-либо европейского народа повиноваться правительству (хотя здесь этому в наиболее сосредоточенной форме своего влияния содействовало еще христианство), потребовалось втрое больше столетий, чем сколько их прошло с тех пор до нашего времени.

И вот если бы эти философы знали человеческую природу другого типа, чем та, какой она является в их собственную эпоху и в том классе общества, в котором они сами живут, то они увидели бы, что везде, где прочно и на долгое время устанавливалось подчинение закону и правительству (и при этом в некоторой степени сохранялись противившиеся такому подчинению сила и мужественность характера), там необходимо существовали известные факторы и выполнялись известные условия, главными из которых можно признать следующие.

Во-первых, для всех, кто считался гражданами, кто не принадлежал к числу рабов, удерживавшихся в повиновении грубой силой, существовала некоторая система воспитания, применявшаяся с детства в течение всей жизни, — система, в которой (что бы ни входило в нее сверх того) главной и непрременной частью было развитие сдерживающей дисциплины. Воспитание в человеке привычки, а, следовательно, и способности подчинять свои личные побуждения и стремления тому, что считалось тогда целями общества, — способности несмотря ни на какие искушения держаться предписываемого этими целями поведения, сдерживать в себе все чувствования, могущие повредить этим целям, и поощрять чувствования, им благоприятные, — такова была цель, для которой старались пользоваться всяким внешним стимулом, каким только располагала направляющая всю эту систему власть, и всякой внутренней силой или принципом, какие она могла вызвать к деятельности на основании того, что она сама знала о человеческой природе. Вся гражданская и военная политика древних республик была такой системой воспитания; у современных народов ее постарались заменить главным образом религиозным обучением. А где и поскольку строгость сдерживающей дисциплины ослабевала, там везде и постольку вновь появлялось на сцену естественное стремление людей к анархии: государство начинало разлагаться изнутри, взаимные раздоры из-за эгоистических целей парализовывали энергию,

нужную для борьбы против естественных причин зла, и нация после более или менее продолжительного периода прогрессирующего упадка либо подпадала под ярмо деспотизма, либо становилась добычей чужеземного завоевателя.

Вторым условием постоянства политического общества оказалось наличие в той или иной форме чувства верности или лояльности. Это чувство может иметь различные объекты, оно не ограничивается какой-либо особой формой правления. Будет ли это демократия или монархия, его сущность всегда остается той же: в устройстве государства существует нечто установленное, нечто постоянное и не подлежащее сомнению — нечто такое, что, по общему признанию, имеет право быть там, где оно есть, и не должно затрагиваться, какие бы перемены ни происходили кругом. Это чувство может относиться, как у евреев и в большинстве древних республик, к общему всем Богу или богам, покровителям и охранителям государства. Оно может относиться к тем или другим людям, в которых видят законных руководителей и охранителей остальных членов общества, пользующихся этим положением в силу божественного указания либо в силу долгого господства или общего признания их более высоких способностей и достоинств. Оно может быть связано с законами, со старинными вольностями или правами. Наконец (и это единственная форма, в какой рассматриваемое чувство может сохраниться в будущем), оно может относиться к принципам индивидуальной свободы и политического и социального равенства, осуществляемым в таких учреждениях, которых пока еще нигде нет или которые есть лишь в зачаточном виде. Во всяком случае, во всех политических обществах, имевших продолжительное существование, было нечто установленное — нечто такое, что весь народ почитал священным, что, конечно, позволительно было оспаривать теоретически (там, где свобода обсуждения была признанным принципом), но действительного потрясения этого никто не боялся и никто на таковое не надеялся, — что, короче говоря (кроме, быть может, какогонибудь временного кризиса), стояло в общем мнении вне обсуждения. И необходимость этого легко доказать. Государство никогда не бывает (да пока люди в значительной степени не улучшатся, и не может надеяться быть) в течение сколько-нибудь продолжительного времени свободным от внутренних раздоров: нет и никогда еще не было такого состояния общества, чтобы в нем не происходило столкновений между непосредственными интересами и страстями влиятельных групп народа. Что же в таком случае позволяет народам выдерживать эти бури и переживать смутные времена без сколько-нибудь продолжительного ослабления гарантий мирного существова-

ния? Именно то, что, как бы ни были важны интересы, из-за которых враждуют люди, их столкновение не затрагивает основного принципа существующего социального объединения и не угрожает крупным частям общины низвержением того, на чем построены их расчеты и с чем отождествлены их надежды и стремления. Но если сомнение в этих основных принципах уже стало не случайной болезнью или спасительным лекарством, а обычным состоянием политического тела, если вызваны к существованию все жестокие страсти, естественно возникающие при таком положении дел, то государство скрыто находится в состоянии гражданской войны и непременно в более или менее близком будущем испытает ее и на самом деле.

Третьим существенным условием устойчивости политического общества является сильный и деятельный принцип связи между членами одной и той же общины или государства. Едва ли надо говорить, что мы имеем в виду не «национальное чувство» в популярном, пошлом смысле этого термина, не бессмысленную антипатию к иноземцам, равнодушие к общему благу человечества или несправедливое предпочтение того, в чем видят выгоду для своей собственной страны, не склонность к тем или другим дурным особенностям только потому, что они национальны, и не отказ от того, что признано хорошим другими странами. Мы имеем в виду принцип симпатии, а не враждебности, единения, а не разъединения. Мы разумеем чувство солидарности между теми, кто живет под одним и тем же управлением, в одних и тех же естественных или исторических границах. Мы разумеем такое состояние общества, когда одни его члены не считают себя чуждыми другим, когда они дорожат своей связью — чувствуют, что они составляют один народ, что судьба всех их связана, что несчастье каждого из их соотечественников есть несчастье для них самих, и когда они не проявляют эгоистического стремления разрывом такой связи освободиться от своей доли участия во всякой общей невзгоде. Каждому известно, насколько сильно было это чувство в тех древних республиках, величие которых было сколько-нибудь продолжительным. С каким успехом удалось Риму, несмотря на всю его тиранию, насадить «чувство общего отечества» в отдельных областях его обширной и разделенной империи — это станет ясно всякому, кто с должным вниманием постарается уяснить себе этот вопрос. И в новейшие времена наиболее могущественными были те страны, в которых это чувство было всего сильнее; таковы Англия, Франция, а также (если принять во внимание величину их территории и средств) Голландия и Швейцария. Между тем Англия, поскольку она связана с Ирландией, представляет собой один из

самых ярких примеров того, какие последствия влечет за собой отсутствие такого чувства. Всякий итальянец знает, почему Италия находится под чужеземным игом; всякий немец знает, чем поддерживается деспотизм в Австрийской империи; бедствия Испании в такой же степени истекают от отсутствия национального чувства среди самих испанцев, в какой и от его наличия в их сношениях с иностранцами. Самым же полным пояснением сказанного могут служить республики Южной Америки, где части одного и того же государства настолько слабо соединены друг с другом, что как только какая-нибудь область сочтет себя обиженной общим правительством, она немедленно провозглашает себя отдельным государством.»

6. В то время как производные законы социальной статистики устанавливаются анализом различных состояний общества и сравнением их между собой без отношения к порядку их следования, главным предметом изучения в социальной динамике, задающейся целью наблюдать и объяснять смену социальных состояний, служит, напротив, их последовательный порядок. Этот отдел социальной науки достиг бы всей возможной для него полноты, если бы для всякого из главнейших условий жизни каждого поколения были указаны его причины в фактах жизни непосредственно предшествующего поколения. Но консенсус здесь настолько полон (особенно в новейшей истории), что при смене одного поколения другим скорее целое производится целым, чем часть частью. Поэтому лишь очень мало можно сделать для установления зависимости между двумя поколениями прямо на основании законов человеческой природы, не установив сначала тех ближайших (или производных) законов, по которым социальные состояния порождаются в общественном процессе одни другими, т.е. не установив средних истин (или принципов), *axiomata media*, общей социологии.

Те эмпирические законы, которые всего легче получить путем исторических обобщений, сами не являются «средними принципами», а дают лишь указания для их установления. Это — только известные общие тенденции, замечаемые в обществе: прогрессивное усиление одних социальных элементов и ослабление других или постепенное изменение в общем характере тех или других элементов. Легко видеть, например, что с развитием общества психические свойства все более и более стремятся одерживать верх над телесными, а массы — над индивидуумами; что вначале главным занятием всей той части человечества, которая не находится под внешним принуждением, служит война, но что затем в обществе все более и более развиваются производительные занятия, и воинствен-

ный дух постепенно уступает место промышленности. Сюда можно прибавить еще много других подобных же истин. Обобщениями такого рода и довольствуются обыкновенно исследователи, даже принадлежащие к той исторической школе, которая господствует теперь на континенте. Однако даже эти и все им подобные результаты все еще слишком далеки от тех элементарных законов человеческой природы, из которых они вытекают: они отделяются от этих последних все еще слишком многочисленными звеньями или ступенями, и стечение причин на каждой из этих ступеней слишком сложно для того, чтобы мы могли счесть такие положения прямыми выводами из этих элементарных принципов. Поэтому у большинства исследователей такие обобщения остались на ступени эмпирических законов, приложимых лишь в пределах действительного наблюдения, без всякой возможности определить границы, в которых они действуют, и сказать, должны ли происходящие в данный момент в обществе перемены продолжаться неопределенно долгое время или же они окончатся или даже примут обратное направление.

7. Для установления более удовлетворительных эмпирических законов мы не должны довольствоваться выяснением перемен в отдельных элементах общества, указывающих лишь на отношение фрагментов следствия к соответствующим фрагментам причины. Необходимо с динамическим обозрением сочетать и статическое обозрение социальных явлений, рассматривая не только прогрессивные перемены различных элементов, но и одновременные состояния каждого из них. Таким образом, мы будем в состоянии эмпирически установить закон соответствия не только между синхронистическими состояниями элементов, но и между синхронистическими переменами в этих элементах. Именно такой закон соответствия (если бы он получил надлежащую проверку a priori) и стал бы истинно научным производным законом развития человечества и человеческой деятельности.

Требующийся для этого трудный процесс наблюдения и сравнения, очевидно, в значительной степени упростился бы, если бы оказалось, что какой-либо один из элементов общественной преобладает — в качестве главного фактора общественного движения — над всеми остальными. Тогда мы могли бы принять прогресс одного этого элемента за основную нить, к каждому из звеньев которой присоединялись бы соответствующие звенья всех других элементов. Уже благодаря одному этому последовательность фактов может представиться здесь в виде самопроизвольно развивающегося порядка, который гораздо ближе, нежели порядок, устанавливаемый всяким другим

чисто эмпирическим процессом, подойдет к порядку их действительного генезиса...

Было бы большой ошибкой (и вряд ли кто-нибудь впал бы в нее) утверждать, будто мышление, умственная деятельность, искание истины принадлежат к очень могущественным тенденциям человеческой природы или занимают, кроме очевидно исключительных случаев, преобладающее место в жизни каких-либо индивидуумов. Но несмотря на относительную слабость этого начала среди других социологических факторов, его влияние оказывается главной определяющей причиной социального прогресса, так как все другие тенденции нашей природы, способствующие такому прогрессу, получают средства для своего прогрессивного влияния именно от этого фактора. Так (возьмем сначала наиболее яркий случай), к большинству усовершенствований в житейских искусствах людей побуждает желание большего материального комфорта; но так как мы можем действовать на внешние предметы лишь постольку, поскольку мы их знаем, то состояние знания в каждую эпоху служит пределом для возможных в данное время усовершенствований в промышленности. Поэтому прогресс промышленности должен следовать за прогрессом знания и зависеть от него. Истинность этого можно показать, хотя и не с такой очевидностью, также и относительно прогресса изящных искусств. Далее, так как наиболее сильные склонности нецивилизованной или полумцивилизованной человеческой природы (чисто эгоистические и те из симпатических, которые по своей природе наиболее приближаются к эгоистическим), очевидно, сами по себе стремятся разделять, а не объединять людей, делать их соперниками, а не союзниками, — то социальное существование возможно только при дисциплинировании этих могущественных склонностей посредством их подчинения какой-либо общей системе мнений. Степень такого подчинения служит мерой полноты социального единения, характер же его определяется сущностью этих общих мнений. Но для того чтобы люди согласовывали свои поступки с известными мнениями, эти мнения должны существовать, должны быть объектом их уверенности. Поэтому-то состояние мыслительных способностей и содержание умственной жизни, определяющие, как мы уже видели, материальный быт общины, в то же время существенным образом определяют и ее нравственное и политическое состояние.

Заклучения эти, выведенные на основании законов человеческой природы, находятся в полном согласии с общими историческими фактами. Всякому известному нам из истории значительному изменению в положении какой-либо части человечества, не вызванному внешней силой, предшествовало

соответствующего масштаба изменение в состоянии знаний или в господствовавших верованиях. Между каждым состоянием умозрения и соответствующим ему состоянием всего другого существует такое отношение, что почти всегда сначала проявляется первое, хотя следствия, без сомнения, оказывают здесь могущественное обратное воздействие на причину. Всякому значительному прогрессу в материальной цивилизации предшествовал прогресс в знаниях, и когда в силу постепенного развития или внезапного столкновения наступало время для какой-либо важной социальной перемены, то ее предвестницей бывала важная перемена в мнениях и образе мыслей общества. Политеизм, иудаизм, христианство, протестантизм, критическая философия новейшей Европы и ее положительная наука — все это было последовательно первичными факторами в придании обществу такого вида, каким оно обладало в разные периоды, между тем как в их создании общество играло лишь второстепенную роль: каждый из этих факторов (поскольку можно указать его причины) обуславливался главным образом не практической жизнью данного периода, а прежним состоянием верований и мышления. Таким образом, несомненная в общем слабость умозрительной склонности людей не мешала прогрессу умозрения управлять общим ходом прогресса общественной жизни: она только (правда, слишком часто) совершенно задерживала этот прогресс, когда умственное развитие — за отсутствием достаточно благоприятных условий — преждевременно останавливалось.

На основании всех этих соображений мы вправе заключить, что развитие всех сторон жизни человечества зависит главным образом от развития умственной жизни людей, т.е. от закона последовательных изменений в человеческих мнениях. Остается вопрос о том, можно ли установить этот закон сначала на основании истории (в качестве эмпирического закона), а затем превратить его в научную теорему, выведя его *a priori* из принципов человеческой природы. Так как прогресс знания и перемены в мнениях людей происходят весьма медленно и обнаруживаются вполне определенно лишь за долгие промежутки времени, то нельзя ожидать, чтобы можно было открыть общий порядок последовательности без рассмотрения весьма значительного периода общественного развития. Необходимо принять во внимание все прошлое время начиная с первого отмеченного историей состояния человечества вплоть до достопамятных событий, совершившихся на памяти предыдущего и теперешнего поколений.

8. До настоящего времени исследование, которое я старался охарактеризовать выше, было предпринято в систематической форме только одним О.Конттом. Его произведение до сих пор

выступает единственным примером изучения социальных явлений на почве такого понимания исторического метода. Не обсуждая здесь вопрос о том, насколько ценны его заключения, а особенно его предсказания и советы относительно будущности общества (они, по моему мнению, значительно уступают данной им оценке прошлого), я ограничусь указанием на одно важное обобщение, которое Конт признает основным законом прогресса человеческого знания. А именно, по его мнению, умозрение относительно каждого предмета, изучаемого человечеством, проходит три последовательных стадии: в первой оно стремится объяснять явления сверхъестественными деятелями, во второй — метафизическими отвлечениями, в третьей (и конечной) ограничивается установлением законов их последовательности и сходства. Это обобщение обладает, как мне кажется, той высокой степенью научной доказательности, какая получается от совпадения исторических указаний с вероятностями, вытекающими из организации человеческого духа. Трудно даже представить себе, исходя из простой формулировки этого положения, какой поток света прольет оно на весь ход истории, если указать его следствия, связав с каждым из различаемых им трех состояний человеческого ума и с каждым последовательным видоизменением этих трех состояний соответствующее состояние других общественных явлений.

Но какую бы оценку компетентные судьи ни дали результатам, к которым пришел какой-либо отдельный исследователь, охарактеризованный здесь метод есть именно тот, каким надлежит пользоваться для получения производных законов социального строя и социального прогресса. С его помощью нам удастся, быть может, впоследствии не только далеко заглянуть в будущую историю человечества, но и определить, какие искусственные средства и в какой именно степени можно применять для того, чтобы ускорить естественный прогресс, поскольку он благодетелен, чтобы загладить все его возможные неудобные или вредные следствия и предостеречь против тех опасностей или неожиданностей, каким подвергнется человечество в силу необходимых случайностей своего развития. Такие практические указания, основанные на высшей отрасли умозрительной социологии, составят самый благородный и самый благодетельный отдел «политического искусства».

Очевидно, что в настоящее время еще только начинают закладываться основания такой науки и такого искусства. Однако лучшие умы уже начинают смело приступать к этому предмету. Истинно научные мыслители стали стремиться связывать факты всеобщей истории посредством теорий и к общей системе социальной науки предъявляют требование, чтобы она объясняла главные исторические факты (в пределах

имеющихся у нас о них сведений), признавая, что «философия истории» есть в одно и то же время и проверка, и начальная форма «философии общественного прогресса».

Если попытки построить философию истории, имеющие место в настоящее время у всех более цивилизованных народов и начинающие появляться даже и в Англии (обыкновенно позже всех присоединяющейся к общему движению европейского ума), будут направляться и контролироваться теми воззрениями на природу социологических доказательств, какие я постарался (в весьма краткой и несовершенной форме) охарактеризовать, то они должны дать начало такой социологической системе, которая будет очень далека от всех прежних смутных и предположительных построений и окажется достойной занять, наконец, свое место среди наук. Когда наступит это время, ни одна важная отрасль человеческой деятельности не будет уже предоставлена на произвол эмпиризма и ненаучных догадок: круг человеческого знания станет полон, и дальнейшее его увеличение будет происходить только посредством постоянного развития в пределах этих основных положений.

ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ¹

Глава I

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО?

...212. Вот вопрос, который должен быть поставлен и разрешен с самого начала. Пока мы не решили, смотреть ли на общество как на некоторое особое бытие или нет; пока мы не решили, должно ли это бытие, если оно будет признано таким, считаться сходным с какими-либо другими бытиями или же должно считаться безусловно отличным от всех других, наше представление о предмете этого сочинения будет оставаться крайне неопределенным.

Можно было бы сказать, что общество есть лишь собирательное имя для обозначения известного числа индивидов. Перенося спор между номинализмом и реализмом в другую область, номиналист мог бы утверждать, что подобно тому как существуют только отдельные члены известного вида (*species*), а сам вид, взятый независимо от них, не имеет действительного существования, так же точно существуют одни только общественные единицы, т.е. люди, существование же самого общества чисто словесное. Сославшись на пример аудитории, собирающейся на чтения какого-либо профессора и представляющей собой такой агрегат, который самым своим исчезновением по окончании каждого чтения показывает, что он не есть некоторый действительно существующий предмет, но лишь известная группировка личностей, он (номиналист) мог бы доказывать, что то же самое имеет место и по отношению к гражданам, составляющим собой всякий данный народ.

Но, не оспаривая остальных звеньев его аргументации, мы имеем полное право отвергать состоятельность последнего его звена. Ибо та группировка, которая оказывается в первом случае лишь временной, имеет во втором случае постоянный характер; а мы знаем, что индивидуальность целого в отличие от индивидуальности его остальных частей заключается именно в постоянстве отношений между его частями. Всякая цельная масса, разбившись на куски, перестает быть особым индивидуальным предметом; и наоборот — камни, кирпичи, куски дерева и т.п., не имевшие по-началу ничего общего между собою, будучи связаны друг с другом известным образом, становятся индивидуальным предметом, называемым домом.

---

¹Из кн. Спенсер Г. Основания социологии СПб., 1877 Т II

Таким образом, мы имеем полное право смотреть на общество как на особое бытие; ибо хотя оно и слагается из отдельных единиц, однако же постоянное сохранение в течение целых поколений и даже веков известного общего сходства в группировке этих единиц в пределах занимаемой каждым обществом местности указывает на известную конкретность составляемого ими агрегата. И именно эта черта и доставляет нам нашу идею об обществе. Ибо мы не даем этого имени тем переменчивым скоплениям, которые образуют первобытные люди, но прилагаем его только там, где оседлая жизнь уже привела к некоторому постоянству в распределении внутри общества составляющих его частей.

213. Но, решившись смотреть на общество как на особенный, индивидуальный предмет, мы должны спросить себя теперь: что же это за предмет? К какому роду объектов следует его отнести? При внешнем рассмотрении оно кажется не имеющим никакого сходства ни с одним из объектов, известных нам через посредство наших чувств. Если оно и может иметь какое-либо сходство с другими объектами, то сходство это не может быть усмотрено простым восприятием, а может быть открыто только путем рассуждения. Коль скоро общество становится особым, индивидуальным бытием в силу постоянства отношений между его составными частями, то у нас сейчас же появляется вопрос: не представляют ли эти постоянные отношения между его частями каких-нибудь сходств с постоянными отношениями между частями, замечаемыми нами в каких-либо других бытиях? Единственное мыслимое сходство между обществом и чем-либо другим может заключаться в параллелизме принципа, управляющего расположением составных частей.

Существует два больших типа агрегатов, с которыми мы можем сравнивать общественный агрегат: класс агрегатов органических и класс агрегатов неорганических. Спросим же себя теперь: представляют ли отличительные свойства общества, рассматриваемого отдельно от его живых единиц, какие-нибудь сходства со свойствами неживого тела? или же они сходны в каких-либо отношениях со свойствами живого тела? или же, наконец, они совершенно не сходны ни с теми, ни с другими?

Достаточно только поставить первый из этих вопросов, чтобы немедленно же ответить на него отрицательно. Целое, состоящее из живых частей, не может сходствовать по своим общим отличиям с безжизненными целями. Второй вопрос, не допускающий столь быстрого ответа, должен быть разрешен в положительном смысле. И следующая глава будет посвящена

изложению тех оснований, которые позволяют нам утверждать, что постоянные отношения между частями общества аналогичны постоянным отношениям между частями живого существа.

Глава II

ОБЩЕСТВО ЕСТЬ ОРГАНИЗМ

214. Когда мы говорим, что явление роста одинаково свойственно как общественным, так и органическим агрегатам, то мы не хотим исключить тем самым всякую общность в данном направлении между этими агрегатами, с одной стороны, и агрегатами неорганическими — с другой, так как некоторые из последних, как, например, кристаллы, обнаруживают заметный рост и так как все они, на основании гипотезы развития должны были возникнуть в то или в другое время путем интеграции. Тем не менее, сравнивая живые существа и общества с так называемыми неодушевленными предметами, мы видим, что первые обнаруживают постепенное увеличение в своей массе в столь явно заметной степени, что мы по справедливости можем считать это обстоятельство отличительным признаком, характеризующим эти два разряда агрегатов. Многие организмы растут в продолжение всей своей жизни; и все остальные растут в продолжение весьма значительной ее части. Что касается общественного роста, то он обыкновенно продолжается или до того времени, когда общество распадается на два или несколько других, или до тех пор, пока оно не будет поглощено каким-либо другим обществом.

Итак, вот первая черта, в силу которой общества сходствуют с органическим миром и существенно отличаются от мира неорганического.

215. Другая отличительная черта как обществ, так и живых существ заключается в том, что наряду с увеличением в размерах у них наблюдается и увеличение сложности строения. Низшее животное, или зародыш высшего, обладает лишь немногими отличимыми друг от друга частями; но с увеличением общей массы тела число таких частей увеличивается и в то же время эти части дифференцируются одна от другой. То же самое справедливо и по отношению к обществу. Вначале несходства между различными группами составляющих его единиц очень незначительны и по числу, и по степени; но с возрастанием народонаселения в данном обществе общественные разделения и подразделения становятся более многочисленными и более резкими. Кроме того, как в общественном, так и в индивидуальном организме дальней-

шие дифференциации прекращаются только с завершением типа, характеризующим зрелый возраст и предшествующим упадку.

Хотя в неорганических агрегатах — как, например, в целой солнечной системе, равно как и в каждом из их членов — интеграции также сопровождаются структурными дифференциациями, однако здесь эти последние относительно медленны и относительно просты, а потому могут быть оставлены без внимания. Напротив, в политических агрегатах и в живых существах умножение несходных между собой частей так велико, что оно по справедливости может считаться вторым существенным признаком сходства между ними, отличающим их от неорганических предметов.

216. Это сходство станет еще более заметным, когда мы обратим внимание на тот факт, что прогресс в структурной дифференциации сопровождается в обоих случаях прогрессивной дифференциацией функций.

Все более и более многочисленные отделы — первого, второго, третьего и т.д. порядков, — на которые распадается общая масса тела развивающегося животного, становятся все более и более несходными между собой вовсе не случайно: разнообразие их наружных форм и внутреннего сложения влечет за собой и разнообразие тех действий, которые они выполняют: они вырастают в несходные органы, имеющие несходные функции. Пищеварительный канал, принимая на себя сполна всю функцию поглощения питательных веществ, распадается постепенно на отдельные, отличные друг от друга участки, выполняющие каждый свою специальную функцию, составляющую часть общей функции всего пищеварительного канала. Каждый отдельный член, служащий для перемещения или для схватывания, претерпевает известные разделения и подразделения; причем получившиеся таким образом части выполняют каждая свою главную и вспомогательную функции всего члена. То же самое справедливо и по отношению к тем частям, на которые распадается общество. Возникающий в нем господствующий класс не только становится отличным от остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями; когда же этот класс распадается далее на подклассы, обладающие одни — большей, другие — меньшей степенью господства, то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый свою, совершенно особенную часть общего контроля. В классах, подчиненных такому контролю, наблюдается то же самое. Различные группы, на которые они распадаются, выполняют различные действия; причем в пределах каждой из таких групп наблюдается опять-таки распадение на части, конечно, менее резко различающиеся между

собой, чем главные группы, но тем не менее отправляющие пропорционально отличные обязанности.

С этой стороны два сравниваемых нами класса предметов еще более ясным образом отличаются от предметов других классов; ибо все те структурные различия, которые медленно возникают в структурных агрегатах, никогда не сопровождаются чем-либо таким, что мы могли бы по справедливости назвать различными функциями.

217. Но почему же несходные действия несходных частей в политическом агрегате и в живом существе рассматриваются как настоящие функции, между тем как мы не можем смотреть таким образом на несходные действия несходных частей, наблюдаемые нами в неорганическом агрегате? Чтобы понять это как следует, надо обратиться к дальнейшей и еще более ясной черте сходства между политическими агрегатами и живыми существами.

И у тех, и у других развитие вызывает не просто различия, но различия, определенно связанные друг с другом — такие различия, из которых каждое делает возможными остальные. Различные части неорганического агрегата находятся в таких отношениях друг к другу, что одна из них может быть изменена в очень значительной степени без заметного действия на остальные. Но в органических и политических агрегатах отношение между частями вовсе не таково. В каждом из них изменения в различных частях взаимно определяют друг друга, и измененные действия этих частей также находятся в тесной взаимной зависимости. В обоих случаях эта взаимосвязь возрастает вместе с прогрессом развития. У низших типов животного царства все тело есть желудок, все тело есть дыхательная поверхность, все тело есть орган движения, хватания и перемещения. Развитие такого тела, у которого имеются особые придатки для перемещения с места на место и для схватывания пищи, может иметь место лишь в том случае, когда эти придатки, утратившие способность к непосредственному поглощению пищевых веществ из окружающей среды, будут в достаточной мере снабжаться пищей теми частями, которые удержали способность к ее поглощению. Развитие дыхательной поверхности, служащей для снабжения воздухом образующихся в теле соков, может произойти лишь при том условии, что неизбежная при этом утрата ею способности добывать себе материалы для восстановления потерь и для роста будет компенсирована развитием аппаратов, приносящих эти материалы. То же самое имеет место и в обществе. То, что мы совершенно правильно называем общественной организацией, предоставляет те же необходимые условия. В зачаточном обществе каждый его член есть одно-

ременно воин, охотник, домостроитель, изготовитель всех необходимых орудий и т.д., т.е. здесь каждая часть сама удовлетворяет все свои нужды. Переход к общественному состоянию, характеризующемуся существованием постоянной армии, может свершиться только с развитием в обществе таких приспособлений, в силу которых остальные его члены будут снабжать армию пищей, одеждой и боевыми снарядами. Если мы видим, что одна часть населения занимается исключительно земледелием, другая — горным делом и т.д., — что одни производят товары, а другие распределяют их и проч., — то мы видим также, что все это возможно лишь при одном условии, а именно, чтобы каждая часть в обмен за специальную услугу, оказываемую ею всем другим частям, получала в свою очередь от всех них соответствующие доли их специальных услуг.

Разделение труда, впервые указанное экономистами как общественное явление и вслед за тем признанное биологами явлением органической жизни и названное ими «физиологическим разделением труда», есть именно та особенность — как в обществе, так и в животном — которая делает каждое из них живым целым. Едва ли я могу с достаточной силой настаивать на той истине, что по отношению к этой основной черте общественный организм и индивидуальный совершенно сходны друг с другом. Когда мы видим, что у животного прекращение деятельности легких быстро влечет за собой остановку сердца; что с абсолютным прекращением деятельности желудка и все остальные части мало-помалу перестают действовать; что паралич членов ведет к смерти всего тела вследствие неспособности добывать пищу и избегать опасностей; что потеря даже таких маленьких органов, как глаза, лишает остальные такой услуги, которая весьма существенна для их сохранения, — мы не можем не признать, что взаимная зависимость между всеми частями организма составляет его существенную отличительную особенность. Точно так же, когда мы видим, что и в обществе рабочие по железу должны прекратить свою деятельность, коль скоро рудокопы перестают снабжать их нужными материалами; что портные не могут продолжать своего дела при отсутствии прядильщиков и ткачей; что мануфактурные округа должны приостановить свои работы, коль скоро классы людей, занимающихся производством и распределением пищи, прекратят деятельность; что контролирующая власть — правительство, присутственные места, суды, полиция — перестают быть способными поддерживать порядок, коль скоро содержимые ими в порядке части перестают снабжать их всем необходимым для жизни, — мы обязаны признать, что и в обществе взаимная зависимость между всеми

его частями столь же строга, как и в организме. Как ни отличны эти два класса агрегатов в других отношениях, но по отношению к этой основной черте и ко всему, что необходимо вытекает из нее, они вполне сходны друг с другом.

218. Чтобы видеть еще более ясно, каким образом жизнь целого слагается из комбинаций деятельностей его составных частей, находящихся в тесной взаимной зависимости, и каким образом отсюда вытекает несомненный параллелизм между национальной жизнью и жизнью индивидуальной, следует обратить внимание на тот факт, что жизнь каждого видимого организма слагается из жизней крошечных единиц, слишком мелких для того, чтобы быть видимыми невооруженным глазом.

Неопрровержимое доказательство этого факта может быть почерпнуто нами из рассмотрения странного порядка *Mucor-mycetes*. Споры, или зародыши, одной из этих грибных форм превращаются в реснитчатых монад, которые в продолжение некоторого времени обнаруживают очень деятельное движение по всем направлениям; по истечении же этого периода изменяются в форме и становятся похожими на амеб; в этой новой форме они опять — таки движутся туда и сюда, принимают пищу, растут и размножаются путем деления. Затем эти амебообразные индивиды сползаются вместе в группы, и эти последние опять — таки сливаются между собой, составляя таким образом студенистую массу, иной раз едва видимую простым глазом, иной же раз достигающую величины ладони. Этот *plasmodium*, имеющий неправильную форму и представляющий собой в большинстве случаев сетчатую поверхность при студенистом внутреннем строении, сам обнаруживает движение то в той, то в другой своей части, делающее его похожим на громадную корненожку (*rhizopodes*): он медленно всползает по поверхности гниющих веществ, а иной раз взбирается даже вверх по стеблям растений. Итак, мы имеем здесь осязательный пример союза множества мелких живых индивидов для образования нового, сравнительно большого агрегата, в котором они, повидимому, утрачивают свою прежнюю индивидуальность, но жизнь которого, однако же, ясно слагается из комбинаций их жизней.

В других случаях вместо единиц, первоначально совершенно отдельных и лишь впоследствии теряющих свою индивидуальность путем агрегации, мы имеем такие единицы, которые, явившись на свет путем размножения одного и того же зародыша, не разлучаются одна от другой, но тем не менее вполне ясно обнаруживают каждая свою особенную жизнь. Роговые фибры живой губки всегда одеты студенистым веществом, которое, как показывает микроскопическое исследование, состоит из монад, наделенных движением. Рассматривая губку

как целое, мы не можем отказать ей в жизни, ибо она обнаруживает многообразие деятельностей, свойственных только агрегату с определенной индивидуальностью. Те из ее амебообразных единиц, которые находятся на наружной ее поверхности, теряют отчасти свои индивидуальности, сливаясь в род охранительного слоя, или кожи; ее волокнистый скелет, служащий для поддержания ее внешней формы, производится совокупной деятельностью составляющих ее монад; точно так же их совокупная деятельность обуславливает те потоки воды, которые вбираются в нее через мелкие отверстия и выталкиваются через крупные. Но хотя все это указывает на несомненное существование у губки слабой агрегативной жизни, однако отдельные жизни мириад составляющих ее единиц очень мало подчинены ее агрегативной жизни: все эти единицы представляют собой как бы народ, у которого имеются только слабые следы зачинающегося разделения функций. Или, говоря словами профессора Гексли, «губка представляет роль подводного города, обитатели которого стоят вдоль его улиц и переулков таким образом, что каждый из них легко может вылавливать себе пищу из протекающей мимо него воды».

Даже для высших животных сохраняется возможность проследить это отношение между агрегативной жизнью и жизнями отдельных частей, составляющих данный агрегат. Кровь представляет собой жидкость, в которой наряду с питательными веществами обращается бесчисленное множество живых единиц — так называемых кровяных телец (или шариков). Каждое из этих кровяных телец имеет свою собственную историю жизни. На первой ступени своего развития каждое из них (известное в этот период жизни под именем белого кровяного тельца) обладает способностью к выполнению независимых движений, сходных с движением амеб; и хотя впоследствии, в форме красного, сплющенного диска, оно уже не обладает видимой деятельностью, однако его индивидуальная жизнь продолжается. Впрочем, присутствие такой индивидуальной жизни может быть доказано не для одних только тех единиц, которые свободно плавают в жидкости, позволяющей легко усмотреть внешние проявления этой жизни. Многие слизистые поверхности, как, например, внутренняя поверхность дыхательных путей, одеты так называемым ресничным зрителем, т.е. слоем мелких клеточек, тесно прижатых друг к другу и обладающих каждая, на своей свободной оконечности, несколькими ресничками, находящимися в непрерывном движении. Качания этих ресничек существенно сходны с такими же качаниями ресничек у монад, живущих в многочисленных проходах, пронизывающих во всех направлениях обыкновенную губку; и как в губке совокупная деятельность этих ресниччатых

монад гонит поток воды в известном направлении, так и здесь совокупная деятельность реснитчатых эпителиальных клеток гонит в известном направлении покрывающее их слизистое выделение. Если бы мы пожелали иметь еще больше доказательств в пользу индивидуальной жизни каждой из этих эпителиальных клеток, то мы могли бы найти такое доказательство в факте, что, будучи отделены одна от другой и положены в жидкость, они «начинают двигаться туда и сюда с значительной быстротой, с помощью непрерывных волнообразных качаний тех ресничек, которыми они снабжены, и продолжают такое движение довольно значительное время».

Видя, таким образом, что обыкновенный живой организм может рассматриваться как народ, состоящий из отдельных единиц, живущих каждая своей индивидуальной жизнью, причем некоторые из них обладают даже весьма значительной степенью независимости, мы легко поймем, что народ, составленный из человеческих существ, может вполне справедливо рассматриваться как организм.

219. Отношения между жизнями единиц и жизнью всего агрегата представляют собой еще одну отличительную черту, общую для рассматриваемых нами случаев. Жизнь агрегата может быть разрушена вследствие какой-нибудь катастрофы без непосредственного разрушения жизней всех составляющих его единиц; и наоборот, если никакая катастрофа не сократит насильственно жизни агрегата, то эта жизнь по своей продолжительности оставляет далеко за собой отдельные жизни его единиц.

У холоднокровных животных реснитчатые клеточки продолжают выполнять свои движения с совершенной правильностью еще долго после того, как животное, часть которого они составляют, превратится в неподвижный труп; мышечные волокна еще долго сохраняют свою способность к сокращению под влиянием возбуждений; клеточки выделительных органов продолжают изливать свои продукты, если только им будет доставляться искусственным образом потребное для этого количество крови; и даже составные части целого органа — такого, у которого есть сердце, — продолжают свою совокупную деятельность в течение многих часов после того, как оно будет вырезано из тела животного. Подобным же образом промышленная деятельность, правительственные координации и т.п., составляющие коллективную жизнь народа, могут быть остановлены насильственным способом — например, вследствие вторжения варваров — без непосредственной остановки деятельности всех составляющих этот народ единиц. Некоторые классы этих единиц, в особенности широко распространенные классы, занимающиеся производством пищи, еще долго могут

проживать в более отдаленных округах и продолжать свои индивидуальные занятия.

И наоборот, в обоих случаях жизнь агрегата значительно превосходит по своей продолжительности жизни его отдельных единиц, если ничто не приведет ее к насильственному концу. Каждый из мелких животных элементов, составляющих взрослое животное, зарождается, развивается, играет свою роль в общей экономике тела, затем умирает, разрушается и заменяется другим, между тем как животное как целое продолжает существовать. В нижнем (глубоком) слое кожи идет постоянное образование новых клеточек путем деления: по мере своего вырастания клеточки эти отодвигаются к наружной стороне, сплющиваются, превращаются в наружный эпителий и, наконец, отшелушиваются и опадают, уступая свои места лежащим ниже более молодым клеткам. Клетки печени, разрастаясь от поглощения веществ, из которых они отделяют желчь, под конец умирают, и освобожденные ими места занимаются другим поколением клеток. Даже кость, кажущаяся такой плотной и такой инертной, повсюду пронизана кровеносными сосудами, приносящими материалы для замещения состарившихся составных частей новыми. И такое замещение, в иных тканях — быстрое, в других — медленное, совершается в таких размерах, что в продолжение существования всего тела все части его разрушаются и воспроизводятся снова по многу раз. То же самое и в такой же мере имеет место и по отношению к обществу и его единицам. Все общество и каждый из его больших отделов продолжают сохранять из года в год свою целостность, несмотря на смерть входящих в их состав отдельных граждан. Обширная фабрика, находящаяся в каком-нибудь мануфактурном городе и состоящая из живых общественных единиц — людей, продолжает производить известный продукт, удовлетворяющий известную национальную потребность, и продолжает оставаться по истечении целого века той же обширной фабрикой, несмотря на то, что и хозяева, и рабочие, составлявшие ее сто лет назад, давным — давно исчезли с лица земли. То же самое имеет место даже по отношению к еще менее важным частностям промышленного устройства. Известная фирма, берущая свое начало от прошедших поколений, продолжает вести свои дела под именем своего первого основателя; все ее члены и служащие в отдельности сменились, быть может, уже много раз, но сама фирма продолжает занимать прежнее положение в промышленном мире и поддерживать прежние отношения с покупателями и продавцами. То же самое находим мы повсюду. Правительственные учреждения как общего, так и местного характера, духовные корпорации, армия, всевозможные другие

учреждения вплоть до гильдий, цехов, клубов, человеколюбивых обществ и пр., обнаруживают весьма значительную продолжительность жизни, далеко превосходящую продолжительность жизней составляющих их личностей. Но этого мало. Нетрудно увидеть, что в силу того же самого закона существования общества как целого по своей продолжительности значительно превосходит существования некоторых из этих составляющих его частей. Частные союзы, местные общественные учреждения, второстепенные национальные учреждения, целые города, предназначенные для известной национальной промышленности, могут исчезать, между тем как сама нация, постоянно сохраняя свою целостность, будет увеличиваться в размерах и в сложности своего устройства.

В обоих случаях мы видим также, что взаимозаменяемые функции различных отделов слагаются каждая из деятельности множества единиц и что умирание этих единиц одна за другой и замещение их новыми не влияет сколько-нибудь заметно на ту функцию, в которой они принимали участие. Каждый саркозный элемент мышцы изнашивается в свою очередь, удаляется прочь и замещается новым, но остальные ее элементы продолжают свои совокупные сокращения по-прежнему; точно так же выход в отставку какого-нибудь общественного деятеля или смерть какого-нибудь торговца лишь весьма мало заметным образом нарушает деятельность торгового учреждения или отдела того промышленного предприятия, в котором он принимал участие.

Вследствие этого в социальном организме, как и в индивидуальном, выявляется жизнь целого, совершенно отличная от жизней отдельных единиц, хотя и слагающаяся из этих последних.

220. От этих сходств между социальным и индивидуальным организмами мы должны обратиться к рассмотрению трех крайних несходств, которые существуют между ними. Все части животного образуют одно конкретное целое; но части, составляющие общество, образуют такое целое, которое должно считаться раздельным, а не конкретным. Живые единицы, составляющие животное, тесно связаны между собой и находятся в непосредственном или почти непосредственном соприкосновении друг с другом; тогда как живые единицы, составляющие общество, свободны, не находятся в тесном соприкосновении, но рассеяны более или менее далеко друг от друга. Каким же образом можно толковать после этого о каком-либо параллелизме между обществом и организмом?

Хотя это различие имеет ярко выраженный характер и, повидимому, устраняет всякую возможность сравнения, однако внимательное исследование доказывает, что оно менее важно,

чем это может казаться с первого взгляда. Позже я покажу, что даже при полном допущении этого различия оно ничуть не противоречит принятию указанной аналогии; но теперь посмотрим, каким образом всякий желающий мог бы доказать, что даже и в этом отношении здесь чувствуется больше сходства, чем может показаться с первого поверхностного взгляда.

Человек, пожелавший доказать это, мог бы утверждать, что физически непрерывное тело животного не состоит повсюду из живых единиц, что оно составлено в значительной мере из обособившихся частей, которые были образованы жизнедеятельными поначалу частями, но позже сделались полуживыми или даже стали вовсе безжизненными. Взять для примера хотя-бы протоплазматический слой, лежащий под кожей: можно было бы сказать, что этот слой состоит действительно, из живых единиц, но что образующиеся в нем клетки, переходя в эпителиальные чешуйки, превращаются в инертный защитный аппарат; затем, указав на нечувствительные ногти, волосы, рога, зубы, образующиеся из этого слоя, можно было бы прибавить, что хотя все эти образования суть составные части организма, однако они едва ли могут быть названы его живыми частями.

Следуя далее тем же путем, человек, пожелавший доказать это, мог бы сказать, что и во всех других частях организма существуют такие протоплазматические слои, из которых вырастают ткани, слагающиеся в различные органы; что эти слои одни только остаются вполне живыми, между тем как развивающиеся из них аппараты теряют свою жизненность пропорционально степени своей специализации; в подтверждение чего он мог бы указать на хрящи, туги (сухожилия) и соединительную ткань, которые весьма заметным образом обнаруживают низкую степень присущей им жизненности. Из всего этого он мог бы вывести заключение, что хотя тело животного представляет собой непрерывное целое, однако его существенные единицы, рассматриваемые сами по себе, образуют такое непрерывное целое только там, где мы находим протоплазматические слои. Вслед за этим он постарался бы доказать, что социальный организм при правильном взгляде на него представляется гораздо менее прерывистым, или дискретным, чем это может показаться сначала. Он мог бы утверждать, что подобно тому как мы включаем в индивидуальный механизм наряду с вполне живыми его частями также и менее живые и даже вовсе безжизненные его части, имеющие свою долю участия в полной деятельности всего целого, так же точно мы должны включать и в общественный организм не одни только наиболее жизненные единицы — человеческие

существа, которые преимущественно определяют наблюдаемые в нем явления, но также различные роды домашних животных, которые, стоя ниже на лестнице жизни, оказывают тем не менее человеку свое содействие под него непрерывным контролем равно как и еще более низко стоящие агрегаты — растения, которые, размножаясь под влиянием и при содействии человека, доставляют материалы для животной и человеческой деятельности. В защиту такого взгляда он мог бы указать на то, в какой мере эти низшие классы организмов сосуществуют с людьми в составе обществ, влияют на склад и деятельность общества в различных случаях, до какой степени различные особенности пастушеского типа зависят от рода разводимых животных и в какой мере в оседлых обществах растения, доставляющие пищу, материалы для пряжи и ткани и пр., определяют те или иные особенности общественного склада, те или другие формы различных общественных деятельностей. Показав все это, он мог бы сказать: так как физические и душевные особенности человеческих единиц, равно как и их повседневные действия, складываются в известной мере под влиянием этих животных и растений, которые, живя при помощи людей и, в свою очередь, помогая жить людям, проникают так глубоко в общественную жизнь, что составляют даже предмет попечений законодательства, то эти низшие существа не могут быть по справедливости исключены из представления об общественном организме. Резюмируя все сказанное, он мог бы вывести такое заключение: если включить в состав общества наряду с человеческими существами и все остальные, менее жизнедеятельные его единицы, т.е. животных и растения, населяющие занимаемую обществом территорию, то получится такой агрегат, в котором непрерывность между частями будет гораздо более приближаться к тому, что мы видим в индивидуальном организме, чем это можно было подумать с первого взгляда. Кроме того, в этом случае общество будет сходствовать с организмом еще с той стороны, что оно также окажется составленным из местных агрегатов в высшей степени жизненных единиц, погруженных в обширный агрегат единиц, представляющих различные более низкие степени жизненности; причем эти низшие единицы производятся в известном смысле высшими единицами, видоизменяются ими и получают под их влиянием то или другое расположение в пространстве и времени.

Впрочем, даже и не разделяя этого взгляда, но вполне допуская, что раздельность общественного организма находится в резком противоречии к цельности организма индивидуального, мы все-таки имеем возможность легко устранить сделанное выше возражение.

221. Хотя в индивидуальном организме непрерывная связь между частями составляет необходимое условие той взаимной кооперации частей, посредством которой выполняется его жизнь, и хотя члены социального организма, не образуя конкретного целого, не могут достигать такой взаимной кооперации путем физических влияний, передаваемых непосредственно от одной части к другой, однако они могут достигать и действительно достигают такой кооперации, только иным путем. Хотя они и не находятся во взаимном соприкосновении, тем не менее они влияют друг на друга через промежуточные звенья при помощи языка чувств и языка ума, словесного и письменного. Для выполнения взаимозависимых действий необходимо, чтобы побудительные импульсы, приспособленные друг к другу со стороны качества, количества и времени, могли передаваться от одной части к другой. В живом существе это требование выполняется при помощи особых молекулярных волн, которые у низших типов неопределенно разливаются по всем направлениям, а у высших передаются по совершенно определенным каналам, функция которых получила знаменательное название посреднической. В обществе это требование выполняется при помощи знаков, символически выражающих чувства и мысли и передающихся от одной личности к другой, — сначала весьма неопределенным образом и лишь на коротких расстояниях, а потом более определенно и на более значительные расстояния. Другими словами, посредническая функция, не достижимая здесь путем физической передачи стимулов, выполняется тем не менее с помощью языка.

Таким образом, и здесь эффективно устанавливается та взаимосвязь частей, которая составляет организацию. И хотя социальный организм не конкретен, а разделен, это обстоятельство делает его тем не менее настоящим живым целым.

222. Только что рассмотренное нами возражение и данный на него ответ приводят нас косвенным путем к другому контрасту между обществом и организмом — контрасту, имеющему очень знаменательный смысл и влияющему главным образом на нашу идею относительно той цели, к осуществлению которой должна стремиться общественная жизнь.

Хотя раздельность социального организма не препятствует разделению функций и взаимной зависимости частей, однако она не позволяет такой дифференциации зайти так далеко, чтобы одна часть сделалась органом чувства и мысли, а остальные части взамен того совершенно утратили всякую чувствительность. Высшие животные, к какому бы классу они ни принадлежали, отличаются от низших сравнительной сложностью нервной системы и сравнительным совершенством ее интеграции. В то время как у низших типов их мелкие,

рассеянные нервные узелки существуют, можно сказать, только для блага других аппаратов, концентрированные узлы высших типов представляют собой, наоборот, другие аппараты, для блага которых, можно сказать, существуют все остальные. Хотя развитая нервная система управляет действиями всего тела таким образом, чтобы сохранить его целостность, однако конечной целью всех этих действий служит благосостояние самой нервной системы, так как вред, нанесенный какому-нибудь органу, получает важность только вследствие того, что он причиняет нервной системе непосредственным или отдаленным образом известное страдание или лишает ее известного удовольствия. Но раздельность общества отрицает возможность проведения в нем дифференциаций до этой крайней ступени. В индивидуальном организме большая часть его мелких живых единиц локализована постоянным образом; большинство их зачинается, вырастает, действует, размножается и умирает на том же самом месте, а потом все эти прочно локализованные единицы в течение бесконечного ряда поколений, так сказать, пригоняются каждая к своей функции, так что некоторые из них становятся особенно чувствительными, а другие совсем бесчувственными. Но в социальном организме мы видим иное. Его составные единицы, не находясь в непосредственном соприкосновении и будучи удерживаемы в своих относительных положениях с меньшей строгостью, не могут дифференцироваться в такой мере, чтобы одни из них стали совсем бесчувственными, а другие монополизировали себе всякое чувство.

В действительности и тут существуют слабые следы такой дифференциации. Человеческие существа не сходны между собой отношении количества ощущения и чувства, вызываемых в них одинаковыми причинами: в одних замечается значительная черствость, в других — значительная восприимчивость. Контрасты этого рода могут постоянно наблюдаться в пределах одного и того же общества даже тогда, когда его члены принадлежат к одной и той же расе; но особенно в тех случаях, когда члены его принадлежат к двум различным расам — господствующей и покоренной. Единицы, занимающиеся ручным трудом и ведущие тяжелую жизнь, вообще менее чувствительны, чем единицы, работающие головой и лучше обеспеченные в своей жизни. Но хотя регулятивные (правительственные) аппараты социального организма действительно стремятся — подобно регулятивным аппаратам индивидуального организма — стать исключительным вместилищем чувствования, однако это стремление постоянно сдерживается отсутствием здесь той физической непрерывности, которая ведет к постоянству функции; оно сдерживается также и тем обстоятельством, что даже единицы, занимающиеся ручным

трудом, постоянно нуждаются в чувствовании для должного выполнения своих функций.

Итак, вот в чем состоит основное отличие между этими двумя родами организмов. В первом сознание концентрировано в одной небольшой части агрегата. В другом сознание разлито по всему агрегату: все его единицы способны чувствовать наслаждение и страдание, если не в равной степени, то приблизительно одинаково. Следовательно, тут не существует ничего похожего на какое-либо «общественное чувствилище», а поэтому благосостояние агрегата, рассматриваемое независимо от благосостояния составляющих его единиц, никогда не может считаться целью общественных стремлений. Общество существует для блага своих членов, а не члены существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что как бы ни были велики усилия, направленные к благосостоянию политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе суть ничто, и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой воплощают в себе притязания составляющих этот агрегат единиц.

223. Высказав это последнее соображение, которое должно считаться скорее отклонением от предыдущей аргументации, чем ее продолжением, вернемся теперь назад и перечислим вкратце те различные доводы, которые принуждают нас смотреть на общество как на организм.

В обществе имеет место явление постоянного роста. По мере его возрастания части его, становясь несходными друг с другом, обнаруживают увеличение сложности строения; в то же самое время эти несходные части принимают на себя выполнение несходных деятельностей; эти деятельности не только различны между собой, но эти различия еще и находятся в таких отношениях друг к другу, что одни делают возможными другие; являющаяся таким образом взаимная помощь вызывает взаимную зависимость всех частей общества; и эти взаимозависимые части, живя при помощи друг друга и друг для друга, образуют агрегат, построенный на том же самом общем начале, что и индивидуальный организм. Аналогия между обществом и организмом становится еще яснее, когда мы узнаем, что каждый организм сколько-нибудь заметного объема есть общество, а также, когда мы узнаем, далее, что в обоих случаях жизни единиц продолжают еще в течение некоторого времени после того, как жизнь агрегата будет неожиданно остановлена каким-нибудь насильственным способом, и что в обоих случаях жизнь агрегата, не будучи остановлена путем насилия, далеко превосходит по своей продолжительности жизни его единиц. Хотя один из сравниваемых нами агрегатов объединен, а другой разделен, и хотя это обстоятельство влечет

за собой различие в тех целях, которые достигаются организацией в каждом из этих двух случаев, однако оно не влечет за собой различия со стороны законов организации, которые одинаковы для обоих случаев; ибо необходимое условие каждой организации, а именно — возможность для всех частей организма влиять друг на друга — существует и в обществе, хотя оно и выполняется здесь не прямым, а косвенным путем.

Рассмотрев, таким образом, в самых общих чертах те доводы, которые заставляют нас смотреть на общество как на организм, мы можем считать себя достаточно подготовленными к тому, чтобы проследить это сравнение в его подробностях. Мы увидим, что чем далее мы будем следить за этой аналогией, тем более будем убеждаться в ее верности.

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РОСТ

224. Общества, как и живые существа, зачинаются из зародышей, т.е. берут свое начало от таких скоплений, величина которых крайне ничтожна по сравнению с той, которой они достигают впоследствии. Никто не решится оспаривать тот факт, что самые большие общества возникли вначале из небольших кочующих орд, подобных тем, которые мы встречаем теперь у самых низших человеческих рас. Орудия и утварь у доисторических народов оказываются более грубыми, чем даже те, которые употребляются нынешними дикарями, что указывает на отсутствие у них тех искусств, которые одни только делают возможными обширные скопления людей. Некоторые религиозные обряды, сохранившиеся в культах древних исторических рас с незапамятных времен, указывают на тот период цивилизации, когда прародители этих рас употребляли кремневые ножи и добывали огонь из дерева посредством трения, и потому должны были жить маленькими группами, которые только и могут существовать до появления земледелия.

Смысл всех этих фактов в том, что процесс интеграции, прямой и косвенный, породил с течением времени такие общественные агрегаты, которые по своему объему превосходят в миллионы раз те мелкие общественные агрегаты, что одни только и существовали в самые отдаленные времена человеческой истории. Таким образом, общественный рост по достигаемым им размерам оказывается аналогичным росту у живых существ.

225. Это черта надорганического развития сходна с соответствующей ей чертой органического развития еще с той

стороны, что в обоих случаях агрегаты различных классов обнаруживают явления роста в чрезвычайно различной степени.

Пересматривая наскоро всю совокупность животных типов, мы видим, что члены обширного класса Protozoa редко вырастают за пределы того микроскопического объема, с которого начинает свое развитие всякое высшее животное. У многочисленных и разнообразных Coelenterata величина тела колеблется между размерами маленькой гидры и большой медузы. У кольчатых и мягкотелых контраст между самыми крупными и самыми мелкими их представителями может быть назван громадным. Точно так же и позвоночные, будучи в среднем крупнее остальных классов, обнаруживают огромные различия между отдельными своими членами в отношении достигаемых ими размеров.

Подобные же различия в отношении роста поражают нас и при обозрении всей совокупности людских обществ. Многие области земного шара представляют нам мелкие, рассеянные орды — эти выжившие донныне образчики первобытного общественного типа. Так, мы имеем тут лесных веддахов, живущих иной раз одиночными парами и только изредка сбивающихся в небольшие группы; далее, мы имеем бушменов, блуждающих по своим пустыням отдельными семьями и лишь случайно образующих более крупные группы; затем мы имеем огнеземельцев, живущих по дюжине вместе или, редко, человек по двадцати. У австралийцев, тасманийцев, андаманцев число членов в отдельном племени колеблется, быть может, между двадцатью и пятьюдесятью. Такое же ограничение численности племени этими первобытными размерами встречаем у эскимосов, где обитаемая страна чересчур негостеприимна для человека, у индейцев из племени даггер, где размножению мешает слишком слабое развитие житейских искусств, и у некоторых из горных племен Индии, каковы джуанги, где дальнейший общественный рост встречает себе помеху со стороны соседних, более высоких рас. Но там, где плодородная почва доставляет много пищи, и там, где более оседлая жизнь, порождая земледелие, опять-таки увеличивает запас пищи, мы находим более обширные общественные агрегаты, например, на островах Полинезии и во многих областях Африки. Тут местами сотня или две, местами несколько тысяч, а местами и много тысяч людей удерживаются вместе более или менее совершенным образом и составляют более или менее плотную массу. И, наконец, в наиболее высокоразвитых обществах вместо отчасти сплоченных тысяч мы имеем вполне сплоченные миллионы.

226. Рост индивидуального организма и рост общественного организма сходны между собой еще в другом отношении. В

каждом из этих случаев увеличение размера совершается с помощью двух процессов, которые имеют место иной раз порознь, а иной раз вместе. Возрастание размера может совершаться или путем простого увеличения единиц, ведущего к увеличению группы, или путем слияния уже сложившихся групп, причем получившиеся таким путем группы групп могут снова сливаться. Параллелизм первого способа для обоих случаев слишком прост, чтобы нуждаться в пояснениях; но второй случай должен быть пояснен фактами, в которых он обнаруживается.

Органическая интеграция была уже подробно рассмотрена в «Основаниях биологии», п. 180-211; но здесь мы должны снова припомнить ее вкратце, чтобы сделать наше сравнение понятным. Прежде всего взглянем на органическую группировку первой, второй и т.д. степеней, обнаруживающуюся в растительном царстве, так как здесь она может быть прослежена с большей легкостью.

Растения самых низших порядков представляют собой просто крошечные клеточки, неисчислимые мириады которых то окрашивают стоячие воды, то образуют зеленые пленки, одевающие различные сырые поверхности. Путем слияния таких клеточек образуются маленькие, нежные нити, кружки, шарики и пр., равно как и бесформенные или же пластинчатые массы. Когда такая пластинчатая масса не обнаруживает почти никакой дифференциации, как у морской водоросли, она называется ростцем, или слоевищем (*thallus*), когда же она представляет кое-какие признаки внутреннего строения, как у некоторых вышестоящих тайнобрачных, она называется листовищем, или вайей (*frond*); но и в том, и в другом случае эта масса представляет обширную, но простую группу одноклеточных протофитов, упомянутых нами с самого начала. Такие листовища опять-таки соединяются между собой, у некоторых низших тайнобрачных — лишь временным образом, у высших же — в совершенно постоянные группы, причем появляется ряд листовых поверхностей, соединенных между собой ползучим стеблем. Отсюда возникает потом явнобрачная ось, т.е. побег с его листовыми органами, или просто листьями. Другими словами, тут имеет место уже группа групп, имеющая постоянный характер. Затем, когда из этой оси разовьются побочные оси, а из них опять ветви, веточки и т. д., мы получим ряд сложных органических группировок все более и более высоких степеней. В животном царстве происходит то же самое, только в менее правильной и более скрытой форме. Самое маленькое животное, как и самое маленькое растение, есть крошечная группа живых молекул, или физиологических единиц. Эти самые маленькие животные

сливаются в новые группы, представляющие много различных форм и ступеней. В некоторых случаях, как, например, у сложных *Vorticellae* и у губок, их индивидуальности почти нисколько не стираются индивидуальностью составляемого ими агрегата; но с прогрессивным развитием сложного агрегата индивидуальности составляющих его агрегатов становятся менее и менее ясными. Так, например, хотя в некоторых *Coelenterata* они и сохраняют еще значительную самостоятельность — это можно видеть из того, что, будучи отделены от составляемого ими агрегата, они движутся на манер амеб, — однако уже и здесь их индивидуальности в очень значительной мере поглощаются индивидуальностью составляемого ими агрегата, как в этом можно убедиться на примере обыкновенной гидры. Из совокупности этих вторичных агрегатов возникают подобным же образом третичные агрегаты. Различные формы и фазы этого процесса могут наблюдаться на многочисленных типах порядка *Coelenterata*. Здесь мы имеем в виду ветвистую гидру, в которой отдельные полипы сохраняют каждый свою индивидуальность, а общий полипник служит только для удержания их вместе; затем тут имеются такие формы, как *Velella*, в которой составляющие ее полипы до такой степени изменены и слиты друг с другом, что их индивидуальность долго ускользала от взора наблюдателей. Среди *Mouscoida* мы имеем и слабо связанные третичные агрегаты — в отряде *Salpidae*, где эта сплоченность третичного агрегата почти совершенно стирает индивидуальности составляющих его вторичных агрегатов. То же самое мы видим и у некоторых кольчатых типов (*Annulosa*) и, как я старался доказать, у всех вообще *Annulosa*.

Общественный рост совершается путем подобного же слияния общественных групп различных степеней. Первичная общественная группа, подобно первичной группе физиологических единиц, с которой начинается органическое развитие, никогда не достигает сколько-нибудь значительного размера путем простого разрастания. Рассматривая такие крайние примеры, как те, что предоставляются нам огнеземельцами, у которых скудость запасов естественной пищи, обеспечиваемых им их суровым обиталищем, не позволяет жить в одном месте более чем двадцати человекам или около того; или андаманцами, принужденными ограничиваться узкой береговой полосой, запертой сзади непроницаемой лесной чащей, где сорок человек есть наибольшее число, могущее найти себе достаточно добычи, не удаляясь слишком далеко от своих временных жилищ; или бушменами, блуждающими по голым пустыням, где могут существовать только самые маленькие орды и где даже отдельная семья «бывает вынуждена иной раз разойтись в разные стороны, ибо одно и то же место не

может доставить ее членам такого количества пищи, которого хватило бы на пропитание их всех», — мы видим, что во всех этих случаях группа наталкивается при своем разрастании на некоторые неизбежные пределы, перейдя которые она бывает вынуждена отделить и отослать от себя образовавшийся избыток, который складывается в новую маленькую группу, подобную первоначальной. Даже в довольно плодоносных областях общественные группы по истечении некоторого времени бывают вынуждены к подобному же распадению на части. Увеличиваясь в своей численности, первобытное племя распространяется все шире и шире и, наконец, развивается так широко, что различные его части теряют взаимную связь и распадаются на независимые группы, которые — с превращением их постоянно расходящихся диалектов в различные языки — сами превращаются в различные племена. Часто за этим не следует ничего другого, кроме повторения того же процесса. Взаимные столкновения племен, уменьшение и умирание одних, разрастание и самопроизвольное разделение других продолжают тянуться из века в век бесконечной чередой. Образование более крупного общества происходит только путем комбинации этих более мелких обществ; при этом разделения, вызванные прежними распадениями, не стираются вследствие такого процесса. Процесс этот может наблюдаться еще и теперь на различных своих ступенях у многих нецивилизованных рас, где он проходит так, как он и происходил когда-то у предков прежних и нынешних цивилизованных рас. Вместо абсолютной независимости мелких орд, наблюдаемых нами у самых низших рас, мы находим у дикарей, уже несколько продвинувшихся по пути развития, присутствие некоторой, хотя и слабой, связи между их несколько более крупными ордами. В Северной Америке каждое из трех больших племен команчей состоит из многих банд, связанных между собой посредством лишь тех слабых уз, которые вытекают из личного характера Великого Вождя. Племя дакотов состоит, по словам Бертонна, из семи главных банд, каждая из которых распадается на несколько меньших, общее число которых, по свидетельству Кэтлина, простирается до сорока двух; подобным же образом каждый из пяти ирокезских народцев распадается на восемь племен. При благоприятных условиях из этих слабо связанных между собой первоначальных групп возникают союзы более тесного свойства; но такие союзы лишь очень редко получают постоянный характер. Самая обыкновенная форма этого процесса изображена Масоном в его описании каренов: «Каждая деревня с ее бедными владениями есть независимое государство, и каждый вождь есть самостоятельный государь; но время от времени появляется между ними маленький Наполеон, который подчиняет себе королевство и основывает

империю. Однако такие династии не переживают своего основателя». Подобное же мы видим и в Африке. Лингвистон говорит: «Прежде все маганджийцы состояли под управлением своего великого вождя Унди...; но по смерти Унди королевство его распалось на куски... Такое распадение составляет с незапамятных времен неизбежную судьбу всякой африканской империи». Только случайно возникают сложные общественные агрегаты, выдерживающие такую связь в продолжение значительного периода времени, каково, например, Дагомейское королевство или королевство Ашантиев, которые представляют собой собрание мелких государств, обязанных чем-то вроде феодального подчинения одному общему государю. В истории Мадагаскара и разных полинезийских островов мы также постоянно видим такие сложные общественные группы временного характера, причем в некоторых случаях из них слагаются под конец постоянные группы. Вымершие цивилизованные расы в древнейшие времена своей истории прошли через такие же ступени. По словам Масперо, Египет «в самом начале был населен большим числом племен, которые потом стали объединяться одновременно в различных его пунктах в маленькие независимые государства, имевшие каждое свое собственное законодательство и свой собственный культ». Первыми сложными общественными группами, возникшими у греков, были те маленькие группы, которые появились вследствие покорения более слабых городов их более сильными соседями. А в Северной Европе во времена ее языческого периода образчиками этой второй ступени агрегации были многочисленные германские племена с их кантональными подразделениями внутри каждого отдельного племени. Когда такие сложные общества достаточно сплотятся, повторение того же самого процесса, но в еще более широких размерах, приводит к образованию обществ двойной сложности, которые обыкновенно обнаруживают лишь весьма слабую внутреннюю связь, но в некоторых случаях становятся вполне связными и прочными агрегатами. Масперо говорит, что те мелкие государства, из которых состоял в древности Египет и которые произошли путем интеграции населявших его племен, слились впоследствии в два больших княжества — Верхний Египет и Нижний Египет, а эти последние слились, в свою очередь, в одно большое государство, причем прежние мелкие государства стали его провинциями. Хвастливые летописи месопотамских царей также повествуют о подобном сплочении воедино прежних независимых союзов. Также и в Греции та интеграция, которая была вначале лишь местной, стала впоследствии стягивать все прежние маленькие общества в две больших конфедерации. То же самое происходило и в Европе — как до, так и после начала христианской эры. Во времена Римской

империи многие племена сливались в федерации для оборонительных целей; с течением времени эти федерации приобрели значительную прочность, а еще позже сами вошли в состав более обширных агрегатов. В позднейшие времена за периодом неопределенных и изменчивых комбинаций наступало слияние мелких феодальных областей в провинции, а этих последних — в королевства, как это мы можем видеть, например, из истории Франции.

Так что и в органическом, и в надорганическом росте мы видим один и тот же процесс сложения, или слияния, восходящий последовательно все выше и выше. В обоих случаях за некоторой консолидацией самых мелких агрегатов идет процесс образования самых крупных агрегатов путем соединения первых в одну общую группу; и в обоих случаях повторения этого процесса превращают вторичные агрегаты в третичные.

227. Сравнение органического роста и надорганического дают нам еще одну аналогию. Выше мы уже сказали, что разрастание путем умножения числа индивидов в группе может иметь место одновременно; и, действительно, такое одновременное разрастание этими двумя путями наблюдается в обоих сравниваемых случаях.

Первоначальные группы в животном и общественном мире не только незначительны по своим размерам, но и рыхлы. Существа низших типов занимают очень много пространства сравнительно с количеством содержащегося в них животного вещества; точно так же и общества низших типов простираются на более обширные пространства сравнительно с числом составляющих их индивидов. Но как в животном мире интеграция проявляется столь же в концентрации, сколь и в объеме, так же и общественная интеграция, являющаяся результатом слияния отдельных групп, дополняется процессом умножения числа индивидов в каждой группе. Если мы сравним населенность областей, обитаемых дикими племенами, с населенностью европейских областей таких же размеров, или плотность населения Англии во время гепархии¹ с нынешней плотностью ее населения, то увидим, что кроме разрастания, которое последовало за слиянием отдельных групп, здесь постоянно шло еще и разрастание путем заполнения свободных промежутков. Высшее животное не только больше низшего, но и плотнее его; и тот же самый результат получается из сравнения высшего общества с низшим.

Итак, общественный рост, подобно росту живого существа, обнаруживает основную черту развития с двух ее сторон. И в том, и в другом случае интеграция проявляется двояким

¹Гепархия — «Семицарствия» (греч.) Англия в конце VI — начале VII вв была разделена на семь самостоятельных королевств (*ред*)

образом: как в достижении более объемной массы, так и в прогрессивном приближении этой массы к тому состоянию сплоченности, которое обуславливается тесным сближением ее частей.

Впрочем, справедливость требует прибавить, что существует такой способ общественного роста, который не находит себе ни малейшей аналогии в органическом росте, — это рост путем миграции, или перехода единиц из одного общества в другое. У многих первобытных и у немногих развитых групп этот фактор имеет немалое значение; но вообще влияние его столь ничтожно по сравнению с влиянием роста путем умножения населения и путем слияния прежних независимых групп, что он не изменяет в сколько-нибудь заметной степени рассматриваемой нами аналогии.

Глава IV

ОБЩЕСТВЕННОЕ СТРОЕНИЕ

228. В обществах, как и в живых существах, возрастание общей массы сопровождается обыкновенно возрастанием сложности строения параллельно той интеграции, которая составляет первичную черту развития, заключающуюся в дифференциации.

Совокупный ход этих двух явлений в животном царстве был описан в «Основаниях биологии», 44. Мы видели там, что за исключением некоторых низших родов животных, функции которых стоят немногим выше функций растений, во всем этом царстве господствует тот общий закон, что крупные агрегаты обладают высокой организацией. Ограничения этого закона, обуславливаемые различиями среды, местом обитания, типа и пр., весьма многочисленны; но все эти ограничения оставляют неприкосновенной ту истину, что для функционирования сложной жизни крупной массы требуется сложное устройство. То же самое справедливо и для общества. Восходя от самых мелких групп к более крупным, от простых групп к сложным, от сложных групп к группам двойной сложности, мы замечаем постоянное возрастание несходств между частями группы. Общественная масса очень мелких размеров отличается однородностью своего состава, но с каждым увеличением ее размера обыкновенно увеличивается и ее разнородность; для достижения же значительного объема требуется приобретение значительной разнородности. Взглянем же вкратце на те последовательные ступени, через которые она проходит при этом.

Весьма существенно, что при таком быте, как быт кайягуасов, или лесных индейцев Южной Америки, у которых «каждая

семья живет на некотором расстоянии от остальных», невозможна никакая общественная организация; и что даже там, где между отдельными семьями уже существует кое-какая слабая связь, такая организация не может установиться, пока эти семьи слишком немногочисленны и ведут кочевую жизнь. Группы эскимосов, австралийцев, бушменов, огнеземельцев и т.п. не обнаруживают даже того первичного контраста между общественными частями, который выражается в установлении звания вождя или главы племени. Члены этих групп не подчинены никакой власти, кроме той, которая случайно и временно достается в удел или более сильному, или более смышленому, или более опытному, так что такие группы не имеют даже центрального звена. Повсюду, где существуют простые группы сколько-нибудь значительных размеров, мы обыкновенно находим какого-нибудь главу. Нельзя сказать, чтобы это правило не имело исключений (ибо, как мы увидим впоследствии, генезис контролирующей власти зависит от рода общественной деятельности), но все-таки его можно считать общим правилом. Группы, не имеющие глав и вполне свободные от всякого подчинения и управления, бывают недостаточно связаны и распадаются на части, прежде чем успеют достичь значительных размеров; но во всяком постоянном агрегате, достигающем сотни человек или превосходящем эту цифру, мы обыкновенно находим простой или сложный правительственный аппарат, т.е. одного человека или большее число людей, заявляющих притязания на власть (естественную или сверхъестественную, или на ту и другую власть) и действительно пользующихся такой властью. В этом состоит первая общественная дифференциация. Вскоре, вслед за ней, возникает обыкновенно вторая дифференциация, стремящаяся установить разделение между направительной и исполнительной частями общества. У самых низших племен это разделение выражается в грубой форме в различии относительно положения и обязанностей двух полов: мужчины, обладая неограниченной властью, занимаются только внешними делами, знакомыми данному племени, главным образом войной; женщины представляют собой покорных домашних рабов, выполняющих менее замысловатые функции в процессе прокормления семьи. Но с увеличением численности племени и с развитием и укреплением власти, ведущими обыкновенно к военному превосходству над соседними племенами, исполнительная часть постепенно расширяется путем присоединения к ней пленников. Процесс этот начинается незаметным образом. В то время как мужчины, участвовавшие в битве, избиваются и часто поедаются, личности, не принимавшие участия в битве, обрабащаются в рабство: так, например, патагонцы порабащают

женщин и детей, взятых на войне. Позднее, особенно с прекращением людоедства, появляется обращение в рабство пленных мужчин, откуда возникает в некоторых случаях исполнительная часть, резко отличающаяся от направительной. Росс сообщает нам, что у чинуков «рабы исполняют все трудные работы». Известно также, что племя белучу избегает тяжелых трудов, связанных с обработкой земель, покоренных ими под свою власть. По словам Бичами, на Золотом Берегу существует обычай заставлять рабов расчищать новые земли под пашни, а у фелатхов «рабы-мужчины употребляются для построек, для кузнечного дела, для тканья, для изготовления одежды и обуви и для торговли; а рабы-женщины — для прядения, для печения хлеба и для продажи воды по улицам».

С дальнейшим возрастанием общественной массы, обусловленным слиянием первичных общественных агрегатов во вторичный, начинает возникать дальнейшее несходство между его частями. Удерживание единства сложной группы предполагает существование одного общего главы всего этого целого, равно как и второстепенных глав, управляющих отдельными частями; поэтому тот же самый процесс, который породил вначале главу племени, или аналогичный этому процесс, порождает теперь главу глав, или вождя вождей. Иногда такое слияние прежних независимых племен предпринимается для защиты против общего врага; иногда же оно является результатом покорения одним племенем остальных. В этом последнем случае господствующее племя, стремясь удержать свою власть, в более высокой степени развивает свои военные качества и становится таким образом несходным с остальными.

Когда такая группа групп сплотится настолько, что ее соединенные силы будут поддаваться управлению одного правящего аппарата, она нередко вступает в союз с другими столь же сложными группами или покоряет себе такие группы, причем и в первом, и во втором случае дело может кончиться полным слиянием двух или нескольких таких сложных групп; затем за таким слиянием следует еще большее усложнение правительственного аппарата с его королем, областными правителями и мелкими начальниками; в то же самое время тут возникает более резкое разделение на классы: воинов, жрецов, рабов и пр.; но нам нет никакой надобности следить за этим процессом в его подробностях, ибо и того, что сказано, достаточно, чтобы сделать совершенно очевидным: увеличение массы всегда сопровождается возрастанием сложности строения.

229. Это возрастание разнородности, следующее и в обществах, и организмах вслед за возрастанием общей массы, представляет собой еще одну, общую обоим этим случаям

черту. Кроме тех несходств между частями, которые являются результатом возникновения координирующих аппаратов, тут вскоре появляются новые несходства в самих координирующих аппаратах, т.е. в органах пищеварения и пр. в одном случае, и в органах промышленной жизни — в другом.

Когда животные агрегаты низшего порядка соединяются для образования агрегата высшего порядка или когда эти вторичные агрегаты соединяются снова для образования третичного агрегата, то вначале каждый составной элемент нового агрегата бывает сходен по своему строению со всеми остальными; но с дальнейшим развитием появляются несходства, которые постепенно становятся более и более резкими. У *Coelenterata* все эти градации выступают весьма явственно. Из боков обыкновенной гидры отпочковываются молодые гидры, которые, достигнув полного развития, отделяются от гидры-матери. У сложных гидроид молодые полипы, являющиеся на свет точно таким же путем, навсегда остаются связанными с полипом-матерью; каждый из них повторяет потом тот же самый процесс и, таким образом, получает под конец ветвистый агрегат. Когда все члены такой группы ведут сходную жизнь и сохраняют каждый свою независимость, как мы видим это здесь у многих сидячих родов, то все они остаются сходными между собой и по своему строению, за исключением тех, которые превращаются в органы размножения. Но у неприкрепленных и плавающих групп, явившихся путем подобного же процесса, различно обусловленные члены группы становятся отличными друг от друга по своему строению и принимают на себя различные деятельности, или функции.

То же самое мы наблюдаем и в тех случаях, когда меньшие общественные группы соединяются между собой для образования большей группы. Каждое племя, первоначально удовлетворявшее все свои потребности своими собственными силами, обладало лишь слабо обозначенным промышленным разделением, достаточно пригодным для его низкого типа жизни, причем эти зачаточные промышленные группы были сходны с такими же группами в каждом другом племени. Но соединение этих племен в один союз значительно облегчает обмен продуктами; и если при этом еще будет так — как это действительно и бывает в большинстве таких случаев, — что соединившиеся племена займут несходные местности, благоприятствующие у одних одним видам производства, у других — другим, то это соединение послужит поводом к возникновению в различных местностях различных промышленных деятельностей, что приведет к возникновению в обществе различных промышленных аппаратов, или классов. Даже между племенами, не входящими в состав одного общего союза (каковы,

например, племена Австралии), всегда происходит обмен продуктами, доставляемыми различными поселениями, разумеется, кроме тех случаев, когда эти племена находятся в войне друг с другом. И очевидно, что там, где уже достигнута такая степень интеграции, как на Мадагаскаре или как в главных негритянских государствах Африки, внутренний мир, следующий за подчинением одному правительству, делает промышленные сношения легкими, а потому вызывает их усиление. Постоянное удерживание вместе первоначально сходных частей делает возможным появление между ними взаимной зависимости, а с возрастанием взаимной зависимости возрастает и несходство между частями.

230. Итак, как в индивидуальном, так и в общественном организме процесс агрегации постоянно сопровождается прогрессом организации, причем этот последний следует в обоих случаях тому же самому закону, заключающемуся в том, что последовательные дифференциации подвигаются всегда от более общего к более специальному. Прежде всего появляются крупные и простые отличия между частями; затем в каждой из этих грубо обозначенных частей наступают изменения, разделяющие ее на несходные между собой отделы; после этого в таких несходных подотделах возникают новые несходства, и так далее.

Действие этого закона в животном мире может быть показано на последовательных ступенях развития цереброспинальной оси, или позвоночника. В самом начале цереброспинальный канал представляет собой продолговатое углубление бластодермы, известное под названием «первичной бороздки»: на этой стадии не видно еще и малейшего признака позвонков; не видно даже различия между той его частью, которая превратится потом в голову, и той, которая станет спинным хребтом. Через некоторое время края, ограничивающие эту бороздку, начинают разрастаться и сгибаться над ней, причем этот процесс идет более быстро на переднем ее конце, который в то же время расширяется, вследствие чего череп начинает делаться отличным от спины; и так как спинная часть начинает при этом распадаться на сегменты, между тем как головная часть продолжает сохранять свою неразделенность, то контраст между этими двумя частями усиливается еще больше. В каждом из этих главных отделов вскоре возникают другие, меньшие подразделения. Зачаточный череп начинает смыкаться вперед и обнаруживать три расширения, соответствующих заключающимся в них нервным образованиям, а сегментация спинного хребта, дойдя до обоих его концов, производит почти однообразный ряд первичных позвонков — *protovertebrae*. Вначале эти первичные позвонки не только мало отличаются друг от

друга, но еще каждый из них обладает очень простой формой, а именно — представляет собой четырехугольную в разрезе массу. Постепенно этот почти однообразный ряд распадается на несходные между собой группы: шейную, спинную и поясничную. Этого мало. В то время как позвонки специализируются таким образом и распадаются на различные друг от друга группы, каждый из них начинает изменяться и переходить из своей первоначальной формы, общей для него со всеми остальными, в собственную, специальную форму, отличающую его от всех других позвонков. Подобные же процессы совершаются в это время во всех других частях зародыща: повсюду прежде всего каждая крупная часть начинает становиться несходной с остальными; затем каждая такая часть начинает распадаться на другие, меньшие части, которые также становятся постепенно все более и более несходными друг с другом, и так далее.

В общественном развитии повсюду могут быть прослежены аналогичные этому метаморфозы. Для примера можно указать хотя бы на развитие аппарата, заведующего религиозным контролем. У простых племен и групп племен на ранних ступенях агрегации мы находим людей, которые суть в одно и то же время и колдуны, и жрецы, и гадалки, и заклинатели, и доктора, — людей, которые действуют на воображаемые сверхъестественные существа всеми возможными путями: то умиляя их, то выпрашивая у них знание и помощь, то приказывая им, то подчиняя их своей воле. С прогрессом общественной интеграции здесь появляются одновременно и различия со стороны деятельности, или функции, и различия со стороны сана, или иерархического положения. На острове Танна «существует особый класс жрецов-насылателей дождей»; на фиджийских островах, кроме жрецов, имеются еще и ясновидцы; у обитателей Сэндвичевых островов имеются не только жрецы, но и гадалки; у новозеландцев Томсон отличает жрецов от колдунов; а у кафров, кроме гадалок и подавателей дождей, существует еще два класса врачей, из которых один лечит своих пациентов только естественными средствами, а другой основывает свое лечение на помощи сверхъестественных сил. Более передовые общества — как, например, общества Древней Америки — обнаруживают еще больше разнообразия по отношению к этому первоначально однообразному общественному аппарату. Например, в Мексике медицинское сословие, происходившее по прямой линии от колдунов, которые действовали на сверхъестественных агентов, считавшихся причинами болезней, отвращающими мерами, было вполне отлично от сословия жрецов, которые в своих сношениях со сверхъестественным миром прибегали к умиляющим средствам.

Далее, сам жреческий класс распадался у них на несколько различных отделов, которые распределяли между собой различные религиозные обязанности: тут были и жертвоприносители, и гадалки, и певцы, и сочинители гимнов, и наставники юношества, и т.д.; кроме того, среди жрецов существовала здесь известная иерархия, т.е. известная система различий относительно занимаемого сана. Этот прогресс от общего к специальному в пределах жреческого сословия привел у более вышестоящих народов к столь резким отличиям между различными его отделами, что они заставили совершенно позабыть существовавшее первоначально между ними родство. Жрецы-астрологи древних рас были представителями нашего ученого класса, который распался теперь на множество разнообразнейших социальных групп; от жрецов-докторов древности произошло наше медицинское сословие с его крупными и мелкими подразделениями; а в собственно духовном классе возникли не только всевозможные ступени духовного сана — от папы до причетника, но и разнообразнейшие роды священнодействующих: иереи, дьяконы, певчие, зачинатели и пр., равно как и многочисленные ордены монахов и монахинь. То же самое мы увидели бы и в том случае, если бы нам вздумалось проследить генезис какого-нибудь промышленного отдела; так, например, от первобытных кузнецов, плавивших самолично то железо, из которого они делали потом разные орудия, мы дошли бы постепенно до нынешних железно-заводских и железно-мануфактурных округов, где приготовление металла подразделяется на плавку, очищение, пудлингование, прокат и пр., а изготовление из него разных орудий распадается на множество отделов и выполняется на многочисленных специальных фабриках.

Тот род преобразования, который поясняется примерами, есть в действительности не что иное как одна из форм преобразования однородного в разнородное, характеризующего процесс развития повсюду, где бы мы его ни встретили; но мы должны обратить здесь внимание на ту истину, что такое преобразование однородного в разнородное в особенно высокой степени характеризует именно развитие индивидуальных и общественных организмов.

231. Внимательное рассмотрение фактов указывает на еще одну поразительную параллель между обществом и организмом в отношении их строения. Органы животного и органы общества, рассматриваемые в отношении их внутреннего устройства, оказываются построенными на основе одного и того же принципа.

Хотя различные внутренние органы животного отличаются друг от друга во многих отношениях, однако в их устройстве

есть такие черты, которые общи им всем. Всякий такой орган состоит из приспособлений для проведения через него пищи, доставления ему материалов для его деятельности, выведения продуктов этой деятельности, а также удаления ставших негодными веществ; кроме того, в нем всегда существуют еще приспособления, служащие для усиления или ослабления его деятельности. Хотя печень и почка сильно отличаются одна от другой и по внешнему виду, и по гистологическому строению, и по выполняемым ими функциям, однако каждая из них имеет свою систему артерий, свою систему вен, свою систему лимфатических сосудов; в каждой из них имеется своя система разветвленных канальцев для выведения специфических выделений и своя система нервов, то возбуждающих, то сдерживающих ее деятельность. То же самое применимо и к тем более высоким органам, которые, вместо того чтобы готовить, очищать и распределять кровь, помогают общему ходу жизни выполнением внешних действий, — к нервным и мышечным органам. Эти органы также имеют свои каналы для доставления им годных к употреблению веществ, свои каналы для удаления негодных и испорченных веществ и свои каналы для выведения веществ, уже побывавших в употреблении; они имеют также свои нервные клетки и волокна, управляющие их работой. Так что наряду с резкими различиями в строении различные органы животного обладают и этими явными чертами сходства в отношении своего внутреннего устройства.

То же самое мы видим и в обществе. Каждая группа граждан, образующая собой орган, производящий какой-нибудь продукт на пользу всего народа или удовлетворяющий каким-либо другим путем общенародные нужды, обладает известной суммой вспомогательных приспособлений, которые в существенных чертах совершенно сходны с вспомогательными приспособлениями всякого другого органа, выполняющего всякую другую функцию. Возьмем ли мы округ хлопчатобумажного производства, или округ ножевых изделий, или какой-либо другой, в каждом из них мы найдем известную группу граждан, или известный аппарат, занятый доставлением сырых материалов, и другой аппарат, занятый собиранием и отсылкой изготовленных продуктов; в каждом из них имеется сложный аппарат, состоящий из мелких и крупных каналов, по которым известная сумма житейских потребностей извлекается из общего ее запаса, циркулирующего по целому государству, и доставляется в данный округ местным работникам и людям, надзирающим за их трудом и управляющим их деятельностью; в каждом из них существуют особые приспособления — почтовые и другие — для перенесения тех

импульсов, которые то возбуждают, то сдерживают местную промышленность; в каждом из них имеются контролирующие власти политического и религиозного характера, поддерживающие порядок и способствующие непрерывному продолжению здоровой деятельности всего целого. Точно то же найдем мы и в том случае, если от округа, поставляющего известный продукт, мы обратимся к какому-нибудь морскому порту, который поглощает и отсылает всевозможные товары: и здесь мы найдем почти те же самые распределительные и сдерживающие приспособления. Даже в тех случаях, когда этот общественный орган, вместо того чтобы выполнять какую-нибудь материальную деятельность, имеет своей задачей, подобно университету, приготовление известных классов общественных единиц к выполнению известных общественных функций, этот общественный тип строения повторяется, как в вышеприведенных случаях: и здесь приспособления для поддержания и регулирования местной деятельности, отличаясь от того, что мы видим в других органах, во многих отношениях сходятся, однако, с этими другими приспособлениями во всем существенном, т.е. и тут существуют такие же классы распределителей, такие же классы гражданского контроля и такой же специально сложившийся класс церковного контроля.

Если мы заметим еще при этом, что эта общность устройства общественных органов, подобно общности устройства органов живого тела, необходимо сопровождает взаимную зависимость всех органов друг от друга, то мы увидим еще с большей ясностью, чем прежде, как велико сходство между природой индивидуальной организации и природой организации общественной.

232. Нельзя не указать здесь еще на одну структурную аналогию между обществом и организмом. Развитие органов в живом теле проходит через три ступени, которые мы могли бы назвать первичной, вторичной и третичной. Но развитие общественных органов совершается параллельно этому периоду и проходит через те же первичную, вторичную и третичную ступени. Посмотрим на этот параллелизм на каждой из этих трех ступеней.

У животных низших типов выделение желчи выполняется не печенью, а отдельными клетками, рассеянными в стенке кишечного канала на известном его протяжении. Каждая из этих клеток выполняет свою функцию индивидуально, т.е. индивидуально выделяет из крови известные вещества и индивидуально же изливает в кишечный канал свой продукт. В строгом смысле слова здесь нет еще никакого органа, а есть лишь известное число специфических единиц, не соединившихся еще путем агрегации в единый мощный орган. Эта

форма вполне аналогична зачаточной форме любого промышленного органа в обществе. Вначале каждый работник ведет свое дело в одиночку и сам сбывает потребителю плоды своих трудов. Такой порядок до сих пор еще встречается в наших деревнях, где сельский чеботарь работает и продает обувь у своего домашнего очага и где кузнец изготавливает в одиночку все железные изделия, в которых могут нуждаться его соседи. Очевидно, что эти случаи представляют примеры первобытного типа каждого производительного общественного органа. Уже в диком состоянии существование индивидуальных способностей ведет к некоторым слабым дифференциациям в недрах племени. Даже о слаборазвитых огнеземельцах Фицрой сообщает нам, что у них «один особенно искусно владеет копьем, другой пращой, третий луком и стрелами». В силу таких различий между членами первобытного племени по отношению к разным искусствам одни из них становятся изготовителями специальных предметов, другие — других, а отсюда необходимо следует, что всякий промышленный орган является в самом начале в виде простой общественной единицы. У калифорнийских индейцев из племени шаста «изготовление стрел составляет особую профессию». Из этого и из множества других подобных фактов ясно видно, что первоначальная причина промышленной дифференциации в обществе лежит в особенной способности, применяемой в той или иной области ручного труда, а отсюда следует, что специальный работник является вначале одиночкой. Тот же тип продолжает сохраняться даже в маленьких оседлых обществах в течение еще длительных последующих периодов общественного роста. Винтерботтом говорит, что у береговых негров «самыми искусными людьми в селении бывают кузнец, столяр (изготовитель утвари и других деревянных поделок), плотник (строитель хижин) и ткач». Это свидетельствует, во-первых, как мало дифференцированы у них промышленные функции, и, во-вторых, до какой степени чисто индивидуален их промышленный склад; ибо нетрудно видеть, что при разрастании такого общества всякая добавочная нужда в этих формах труда удовлетворяется просто умножением индивидов, занимающихся этими профессиями, причем каждый из таких индивидов продолжает заниматься своим делом в одиночку, совершенно независимо от других.

Вторая, более высокая ступень в устройстве выделительного органа достигается путем двух одновременных изменений в животном мире. Во-первых, первоначальные клетки из рассеянной группы переходят в тесно сплоченную массу; во-вторых, вместо каждой простой клетки появляется сложное образование. Вместо отдельной, одиночной клетки, вырабатывающей и выделяющей свой специальный продукт, мы имеем малень-

кий продолговатый мешочек, содержащий целую семью клеток. Этот мешочек имеет на одном своем конце отверстие, дающее выход специальному выделению его клеток. Таким образом появляется тесно сплоченная группа более или менее трубкообразных мешочков, из которых каждый имеет свои собственные выделяющие единицы и обладает своим собственным устьем для выведения их выделений. Этому типу индивидуального органа хорошо соответствует тот тип общественного органа, который мы находим в полудивилизованных обществах. В этих оседлых и постоянно возрастающих обществах потребность в индивидуальных рабочих — теперь уже более специализированных в своих занятиях — становится все более регулярной. При этом каждый работник, будучи время от времени перегружен работой, берет себе в помощники своих детей. Этот обычай, возникая из отдельных случаев, мало-помалу устанавливается и укрепляется и, наконец, превращается в общественный закон, в силу которого каждый человек должен воспитывать свою семью для того ремесла, которым он кормится сам. Примеры, поясняющие эту ступень промышленного развития, крайне многочисленны. Прескотт говорит, что ремесленные занятия, «подобно всем другим профессиям и должностям, всегда переходили в Перу от отца к сыну. Разделение на касты было в этом отношении столь же строгим, как в Египте или в Индостане». По словам Клавигеро, в Мексике также «сыновья обыкновенно обучались занятию своих отцов и наследовали их профессию». То же самое существовало в древние времена и в промышленной жизни европейских народов. По кодексу Феодосия, римский юноша «был обязан продолжать профессию своего отца... и человек, искавший руки девушки, мог получить ее только под обязательством вступить в профессию ее семьи». В средневековой Франции ремесла были наследственными; древние периоды английской истории отличались тем же обычаем. Разветвление семьи в течение нескольких поколений на множество родственных семей, занимающихся одним и тем же делом, породило зародыш будущей гильдии. Обыкновенно эти родственные семьи, захватившие в свои руки известное дело, старались селиться поближе друг к другу и занимали таким образом целые особые участки или кварталы. Отсюда ведут свое начало еще и ныне существующие названия многих улиц в английских городах: Скорняжная, Мясницкая, Коронная, Башмачная, Оружейная, Токарная, Колбасная, Горшечная и многие другие. Каждый такой квартал состоял из многих родственных семей: в каждой такой семье находились сыновья, трудившиеся под руководством отца, который, хотя и участвовал в их работе, но главным образом занимался продажей произведенного товара; в больших

ке семьях, ведших большие дела, отец играл почти исключительную роль канала для доставки сырых материалов и сбыта изготовленных продуктов; присматриваясь к этому распорядку, мы не можем не усмотреть в нем близкой аналогии вышеописанному железистому органу, состоящему из множества тесно сплоченных мешочков, содержащих группы выделяющих леток и особое выводящее отверстие.

Подобная же аналогия может быть прослежена и на третьей ступени развития органов, индивидуальных и общественных. Более деятельные функции более развитого животного необходимо образом требуют более объемной выделительной железы, и это увеличение объема железистого органа происходит путем некоторых особых изменений в его строении. Если бы описанные выше мешочки продолжали увеличиваться в числе, то их выводящие отверстия стремились бы занять все большую и большую часть пищевого канала. Но коль скоро рудиментарные функциональные требования организма не допускают увеличения в длину той полости канала, в которую открываются эти отверстия, то требуемое расширение поверхности для помещения выводящих отверстий железок должно быть достигнуто другим путем. И оно действительно достигается путем вытягивания вбок стенки канала, т.е. путем образования лепого мешка, на внутренней поверхности которого открываются выводящие отверстия первичных мешочков, содержащих выделяющие клетки. Дальнейшие требования такого же рода ведут к образованию вторичных слепых мешков, расходящихся от этого главного слепого мешка, который превращается, таким образом, отчасти в простой проток. Таким-то путем развивается, наконец, целый внутренний орган таких размеров, как печень, — в нем имеется один главный проток множеством расходящихся от него ветвей, которые, разбиваясь на все меньшие и меньшие веточки, пронизывают всю массу этого органа.

Но вышеописанный промышленный орган переходит в орган более высокого порядка путем подобных же последовательных изменений. Домашний способ производства переходит к типу фабричного производства не одним скачком, но рядом переходных форм. Первый шаг в этом направлении обнаруживается в правилах тех цехов и гильдий, которым разрешалось приобщать к членам собственной семьи одного ученика. Такой ученик (бывший, вероятно, вначале родственником хозяина), становится, по словам Brentano, «членом семьи своего хозяина, который обучал его своему делу и, как настоящий отец, наблюдал не только за его работой, но и за нравственностью», так что с практической точки зрения он мог считаться усыновленным детищем хозяйской семьи. Раз начавшись, ис-

пользование учеников все расширялось и перешло в использование поденных работников. С развитием этой видоизмененной домашней группы хозяин вырос в продавца товаров, изготавливаемых не одной его собственною семьей, но и другими лицами; а с еще большим расширением своего дела он по необходимости вовсе перестал быть работником и сполна превратился в распределителя, т.е. в канал для сбыта продуктов, изготавливаемых уже не одними немногочисленными его сыновьями, но множеством ремесленников, не находящихся ни в малейшем родстве друг с другом. Это проложило путь для развития таких заведений, где число работников далеко превышает число членов хозяйского семейства, пока, наконец, с введением механической тяги не появилась фабрика, или завод, т.е. ряд зданий, наполненных производительными единицами и изливающих целые потоки продуктов, которые, прежде чем достичь единого выходного канала, соединяются в один общий поток. Наконец, в сильно развитых промышленных органах, как, например, в ткацких округах, мы имеем множество фабрик, скученных в том же самом городе и по другим соседним городам, к которым и от которых тянутся во все стороны по разветвляющимся дорогам массы сырых материалов и тюки сукон, коленкора и т.д.

Бывают случаи, когда новая промышленность проходит через все эти стадии развития в течение каких-нибудь нескольких поколений, как это было, например, с чулочным производством. Лет пятьдесят тому назад во внутренних графствах Англии проезжий нередко мог слышать стук чулочного станка в маленьких коттеджах, разбросанных там и сям по сторонам дороги. В каждом таком коттедже одиночный рабочий изготавливал и продавал свой товар сам. Впоследствии возникли мастерские с несколькими станками, на которых работал отец с помощью своих сыновей, а иной раз, может быть, и с прибавкой одного наемного работника. Затем воздвигались огромные здания, в которых множество таких станков приводилось в движение паровой машиной, пока, наконец, такие здания не сконцентрировались по нескольку в известных городах и местечках.

233. Но еще более поразительны эти структурные аналогии между обществом и организмом в заключительной своей фазе. Действительно, и в том, и в другом случае мы находим совершенно одинаковый контраст с первоначальным способом развития, который заменяется впоследствии.

В общем ходе органического развития низших типов в высшие животный мир, действительно, прошел путем незаметных видоизменений через все указанные выше ступени; но теперь, в индивидуальном развитии животного высшего типа, эти ступени оказываются значительно укороченными, и каж-

дый орган образуется путем сравнительно прямого процесса. Так, например, печень зародыша млекопитающего образуется из скопления многочисленных клеток, которые постепенно разрастаются в объемную массу, торчащую из стенки пищеварительного канала. В то же самое время стенка этого канала вытягивается в виде слепого мешка, внедряющегося в массу будущей печени. Превращение этого слепого мешка в желчный проток совершается одновременно с развитием в указанной массе клеток, т.е. в толще будущей печени, второстепенных протоков, сообщающихся с этим главным протоком. В то же самое время тут совершаются и другие преобразования, которые при развитии этого органа в ряде все более и более высоких типов имели место лишь одно после другого.

То же самое мы видим и при образовании промышленных органов общества. Теперь, когда фабричная форма промышленного устройства уже вполне установилась, когда эта форма уже внедрилась в общественный строй, мы видим, что все те отрасли промышленности, для которых была доказана ее применимость, принимают ее прямо, не переходя предварительно через промежуточные ступени развития. Если присутствие руды в какой-нибудь местности благоприятствует железнному производству или присутствие воды известных качеств делает выгодным пивоварение, то эти промыслы не проходят через ранние ступени своего развития, т.е. не появляются сначала в лице одиночного работника, потом в форме семьи, затем в виде группы семей и т.д., но дело совершается совсем иначе. Благоприятная местность сразу наводняется массой материалов и людей, и новый промышленный аппарат образуется тут в очень короткое время и в самой совершенной форме. Мало того. Часто тут таким прямым путем развивается не одно только крупное промышленное учреждение. Как пример подобного случая может быть приведен Барроу. Этот город с его огромными железодельными заводами, с его обширными учреждениями для ввоза и вывоза, с его огромными доками и многочисленными средствами сообщения вырос в этой форме в течение нескольких лет; а ведь этот тип промышленного устройства мог бы быть достигнут впервые только по прошествии многих веков и должен был пройти для этого в своем развитии через множество последовательных видоизменений.

Другое родственное предыдущему, но еще более резкое видоизменение процесса развития также свойственно обоим сравниваемым нами случаям в одинаковой степени. В зародыше высшего животного многие важные части различных органов появляются не в первоначальном порядке их развития, но как бы забегаая вперед. То же самое обнаруживается здесь

и в развитии всего тела, ибо многие органы, которые в постепенном историческом генезисе этого типа появляются сравнительно поздно, теперь, в развитии индивидуальной особи, появляются сравнительно рано. Эта гетерохрония, как назвал ее профессор Геккель, обнаруживается, например, у зародыша млекопитающего в раннем преобразовании головного мозга, тогда как у самого низшего позвоночного животного не существует вовсе головного мозга. Такая гетерохрония обнаруживается здесь в сегментации спинного хребта до появления пищеварительной системы, тогда как у отряда *protovertebrata* даже после окончательного оформления пищеварительной системы имеются лишь слабые следы сегментации, из которой должен развиться со временем позвоночный столб. Аналогичное изменение порядка общественного развития демонстрирует нам новые общества, унаследовавшие склад и обычаи старых. Для примера можно указать на Северо-Американские Соединенные Штаты, где всякий город, закладываемый на Дальнем Западе, после макетирования в натуре будущих улиц и площадей немедленно выстраивает себе гостиницу, церковь и почтовую контору, хотя в нем существует еще самое ничтожное число домов, и где железная дорога пробегает через пустыни, забегая вперед в предвидении нужд будущих поселений. Другой такой пример представляет Австралия, где уже через несколько лет после того, как какой-нибудь новый рудник обстроится шалашами золотоискателей, появляется типография и газета, хотя в стране-матери целые столетия протекли до того как городки таких размеров развились до обладания этим общественным органом.

Глава V

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ

234. Изменения в строении не могут иметь места без изменений в функции. Поэтому многое из того, что было сказано в предыдущей главе, может быть повторено и в этой с заменой одних терминов другими. Мало того. Так как многие изменения в общественном устройстве, скорее, обнаруживаются по изменениям в функции, чем усматриваются прямо, то мы можем сказать, что эти последние были уже описаны нами или по крайней мере постоянно подразумевались во всем, что было сказано выше.

Однако существуют такие функциональные особенности, которые не подразумеваются прямо особенностями строения. На них-то мы и сосредоточим наше внимание на протяжении нескольких страниц.

235. Если организация состоит в таком устройстве целого, при котором его части получают возможность выполнять взаимозависимые действия, то низкая организация должна отличаться сравнительной независимостью частей друг от друга, а высокая, наоборот, такой сильной зависимостью каждой части от остальных, что разлучение их должно вести к гибели. Эта истина обнаруживается одинаково хорошо как в индивидуальном, так и в общественном организме.

Низшие животные агрегаты построены таким образом, что каждая из их частей сходна по внешности с каждой из остальных и выполняет такие же действия, что и остальные, а потому самопроизвольное или искусственное разделение такого агрегата не оказывает почти никакого влияния на жизнь отделенных одна от другой частей. Когда слабо дифференцированная капля протоплазмы, какой представляется нам корненожка, будет случайно разорвана надвое, то каждая половинка будет продолжать жить по-прежнему. То же самое может быть сказано и о тех агрегатах второго порядка, в которых составляющие их агрегаты первого порядка остаются существенно сходными друг с другом. Ресничные монады, одевающие собой роговой волокнистый скелет живой губки, так мало нуждаются во взаимной помощи, что когда губка будет разрезана надвое, каждая ее половина продолжит выполнять все свои жизненные процессы без малейшего перерыва. Даже там, где между органическими единицами уже возникло некоторое несходство, как, например, у обыкновенного полипа, нарушение жизненного процесса, производимое разделением, имеет лишь временный характер: получившиеся от такого разделения куски требуют лишь немножко времени, чтобы их единицы могли перерасположиться в такие формы, которые позволят им начать снова свои обыкновенные, простые действия. То же самое и на тех же основаниях имеет место и в низших общественных агрегатах. Кочующая кучка первобытных людей, не имеющая над собой главы, или вождя, раздробляется на части без всяких дурных последствий. Каждый мужчина, будучи одновременно и воином, и охотником, и изготовителем своего собственного оружия, и строителем собственной хижины, имея при себе свою скво (жену), обязанную в каждом случае исполнять те же самые работы, нуждается в содействии других мужчин только на войне да еще в какой-то мере на охоте; причем, за исключением битвы, союз с половиной племени для него столь же хорош, как и союз с целым племенем. Даже там, где имеется уже целая дифференциация, проявляющаяся в существовании вождя, или главы, добровольное или насильственное раздробление племени на части не ведет за собой больших неудобств. В каждой

отделившейся части какой-нибудь человек становится главой, и та низкая общественная жизнь, которая возможна на этой ступени социального развития, начинается снова.

Но в высокоорганизованных агрегатах, индивидуальных и общественных, дело обстоит совершенно иначе. Мы не можем разрезать млекопитающее животное надвое, не причинив ему немедленной смерти. Оторвать голову птице — значит убить ее. Даже пресмыкающееся, переживающее потерю хвоста, не может пережить разделение его тела надвое. Хотя у некоторых низших родов из отдела *Annulosa* разрывание тела надвое не убивает полученных таким образом половинок, но в классах насекомых, пауков и ракообразных оно оказывается губительным для обоих половин.

В высших обществах последствия подобных повреждений не так велики, но все-таки значительны. Если бы Миддлсекс был отделен от окружающей его страны, то все его общественные процессы остановились бы в несколько дней вследствие прекращения подвоза необходимых припасов. Стоит отрезать хлопчатобумажный округ от Ливерпуля и других портов, чтобы его промышленность немедленно остановилась, а за остановкой промышленности последовало вымирание его населения. Отделение населения углекопного округа от соседних поселений, занимающихся выплавкой железа и машинным изготовлением сукон, вызвало бы немедленную социальную смерть отдельных частей вследствие остановки промышленной деятельности в каждой из них, а затем наступило бы индивидуальное вымирание их населения. Хотя при таком разделении цивилизованного общества, при котором отделившаяся его часть остается без центрального контролирующего аппарата, эта часть может развить из себя впоследствии такой аппарат, однако во все продолжение промежуточного периода существует сильная опасность распада, не говоря уже о том, что до установления новой, сколько-нибудь сносной организации общество непременно должно пройти через длительный период беспорядка и слабости.

Так что согласие функций, т.е. их взаимная связь и зависимость, становится тем теснее, чем дальше продвинулось вперед развитие. В низших агрегатах, как индивидуальных, так и общественных, действия частей зависят друг от друга лишь в самой незначительной степени, тогда как в развитых агрегатах обоюродные частные деятельности, составляющие жизнь отдельных частей, возможны только в силу комбинации всех действий, составляющих жизнь всего целого.

236. Здесь следует упомянуть еще об одной функциональной черте, общей обоим родам организмов, — черте, усматриваемой уже а priori и вполне подтверждающейся а posteriori. Когда

части еще слабо дифференцированы, они могут сравнительно легко выполнять друг за друга различные функции; но когда дифференциация их уже значительна, они могут исполнять функции друг друга лишь очень несовершенно или даже вовсе не могут делать этого.

Обыкновенный полип опять-таки служит нам очень хорошим пояснительным примером. Каждое из этих мешкообразных твореньиц может быть вывернуто, как перчатка, внутренней стороной наружу, а наружной — внутрь, так что внешний покров, или кожа, станет желудком, а желудок — кожей; причем каждый из них начинает исполнять роль другого. Чем выше поднимаемся мы по лестнице организации, тем менее возможными становятся такие обмены ролями. Однако в незначительной степени они остаются возможными и для наиболее развитых животных. Даже у человека кожа еще сохраняет след своей первоначальной поглотительной способности, монополизированной теперь пищеварительным каналом, а именно, она способна впитывать известное небольшое количество втираемых в нее веществ. Впрочем, такие замещающие друг друга деятельности обнаруживаются прежде всего у тех частей организма, функции которых остаются сродными еще и доньше. Так, например, если желчь, вырабатываемая печенью, не может выделяться вследствие каких-нибудь препятствий через желчный проток, то другие отделительные органы, кожа и почки, принимают на себя роль печени и становятся каналами для удаления желчи. Когда рак пищевода препятствует проглатыванию пищи, то недошедшая до желудка пища, растягивая пищевод, образует род кармана, или мешка, в котором понемногу устанавливается несовершенное пищеварение. Но эта способность дифференцированных частей исполнять обязанности друг друга не обнаруживается даже и в этой незначительной степени, у тех структурных аппаратов и функций, которые слишком далеко разошлись друг от друга. Так, например, мукозная (слизистая) оболочка, переходящая непосредственно в кожу у разных естественных отверстий, будучи выворочена наружу, еще в очень значительной степени может принимать внешний вид и свойства кожи, но серозная оболочка уже не способна на это. Точно так же ни кость, ни мускул не могут взять на себя никакой функции какого-либо внутреннего органа, если этот орган почему-либо оказался неспособным выполнять свою функцию как следует.

В общественных организмах мы также находим эту способность к замещению одной функции другой, причем и здесь так же, как у низших типов, эта способность относительно велика, а у высших — относительно мала. Конечно, там, где каждый член племени по своему образу жизни есть точное

повторение всякого другого члена этого племени, не может существовать никакого обмена несходными функциями. Так же и там, где возникла лишь та ничтожная дифференциация, которая выражается в обмене оружия на другие предметы между одним членом племени, особенно искусным в изготовлении оружия, и другими, менее искусными членами, устранение искусного члена не ведет еще за собой большого зла, так как каждый из остальных членов может сделать сам для себя все то, что он получал ранее от него, хотя это будет сделано и не так хорошо, как в том случае. То же самое может быть сказано в очень значительной степени даже об оседлых обществах довольно больших размеров. Зурита говорит о древних мексиканцах: «Каждый индеец знает все ремесла, не требующие большого искусства и очень тонких инструментов». А Прескотт утверждает, что в Перу для каждого человека «полагалось знать все ремесла, необходимые в домашнем быту». Ясно, что здесь отдельные части общества были так слабо дифференцированы между собой по своим занятиям, что каждая из них могла брать на себя функцию всякой другой. Но в обществе, подобном нашему, где промышленная и всякая другая специализация доходит до столь высокой степени, деятельность одной какой-либо части, почему-либо не выполняющей своей функции, не может быть взята на себя другими частями. Даже относительно неквалифицированный труд земледельческих рабочих не мог бы быть выполнен надлежащим образом нашим сельским населением, если бы рабочие вздумали устроить стачку; и наши железные заводы должны были бы почти совершенно остановить свою деятельность, если бы их специально подготовленные рабочие отказались трудиться и были бы по необходимости замещены земледельцами и рабочими с хлопчатобумажных фабрик. Еще меньше можно ожидать, что такие гораздо более высокие функции, как законодательная, судебная и пр., могли бы с успехом выполняться рудокопами и матросами.

Очевидно, что этот контраст в обоих случаях обусловлен одной и той же причиной. Пропорционально той степени, в которой единицы, составляющие какую-нибудь часть индивидуального организма, ограничиваются каким-нибудь одним родом деятельности, например, поглощением пищевых веществ, выделением, сокращением или передачей импульсов, и пропорционально той степени, в которой они приспособляются к этой исключительной деятельности, они все более и более теряют способность к другим деятельности; точно таким же образом и в социальном организме известное обучение и воспитание, требующееся для успешного выполнения

какой-либо специальной обязанности, подразумевают уменьшение годности к выполнению других специальных обязанностей.

237. Итак, когда организм, общественный или индивидуальный, развит еще в очень малой степени, его разделение или повреждение не имеет больших последствий; но при высоком его развитии они причиняют большие бедствия или даже смерть. Далее, у низших типов органического мира, общественного и индивидуального, отдельные части могут принимать на себя функции друг друга, но у высших типов они не способны на это. Но кроме этих двух аналогий между организмами индивидуальными и общественными существуют еще и другие функциональные аналогии, которые могут рассматриваться как следствия предыдущих, и которые могли бы быть описаны здесь с большей пользой, если бы не недостаток места.

Так, например, здесь мы имеем ту истину, что в обоих родах организмов степень жизненности возрастает пропорционально степени специализации функций. В каждом из этих случаев до возникновения разнообразных аппаратов, приспособленных для выполнения несходных действий, эти действия выполняются плохо, и пользование услугами друг друга существует лишь в очень слабой степени вследствие отсутствия хорошо прилаженных для этого приспособлений. Но с прогрессом организации каждая часть, будучи более ограниченной в отношении своей обязанности, исполняет эту обязанность лучше; средства к обмену услугами становятся более совершенными; каждая помогает всем, и все помогают каждой с большей эффективностью; и общая сумма деятельностей, называемая нами жизнью, индивидуальной или национальной, необходимо возрастает.

Многое также могло бы быть сказано относительно параллелизма — в обоих случаях — тех изменений, которыми достигается специализация функций; но этот параллелизм, как и многие другие, может быть показан гораздо лучше в последующих главах, в которых мы намерены проследить развитие различных крупных систем органов в индивидуальном и общественном организмах, причем будут сопоставлены структурные и функциональные особенности, характеризующие сравниваемые нами классы организмов.

СОЦИОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ¹

Глава III

ХАРАКТЕР СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ

Пользуясь кирпичами, хорошо обожженными, с равными обрезам, каменщик, даже без цемента, выводит довольно высокую и значительно устойчивую кладку. Но пользуясь кирпичами из плохого материала, плохо обожженными, неровными и разбитыми, он не в состоянии вывести без цемента кладку такой-же устойчивости и высоты. Рабочий на доках, укладывающий пушечные ядра, никаким образом не может уложить эти сферические массы тел так, как укладываются кирпичи. И действительно, есть особенные, совершенно определенные формы, в которые они могут быть сложены, — формы тетраэдра, или пирамиды с квадратным основанием, или удлиненной призмы в соединении с пирамидой. В одну из этих форм они могут укладываться симметрично и устойчиво, но они не могут принимать форм с вертикальными или круто наклоненными боками. Если же вместо сферических ядер требуется сложить булыжный камень, с неправильными и только отчасти закругленными боками и различных величин, то невозможна никакая определенно устойчивая форма. Довольно несвязная куча с неопределенными поверхностями и углами — вот все, что может сделать работник. Сопоставляя все эти факты и спрашивая, какую-же общую истину можно из них вывести, мы видим, что истина эта состоит в следующем: характер сложного тела определяется характером составляющих его единиц.

Переходя от видимых, осязаемых единиц к тем единицам, из которых по мнению физиков и химиков составляются материальные массы, мы встретим ту же самую истину. Каждый так называемый элемент, каждое соединение элементов, каждая новая комбинация этих соединений имеют кристаллическую форму. Хотя кристаллы и различны по величине и могут видоизменяться через притупление углов и ребер и отчасти переходить из одной формы в другую, но все-таки тип строения кристалла, как это видно из раскалывания кристаллов, остается постоянным: молекулы каждого рода имеют свои формы, в которые и складываются, соединяясь в агрегаты. И

¹Из кн. Спенсер Г. Социология как предмет изучения СПб, 1896

хотя в некоторых случаях и бывает, что вещество соединяется в двух или более формах агрегации, но это объясняется таким образом, что молекулы принимают эти различные формы под влиянием аллотропических и изометрических изменений. Отношение между молекулами и их кристаллической формой так постоянно, что если даны два рода молекул, химические реакции которых обнаруживают в них близкое сходство природы, то можно быть уверенным, что формы их кристаллов также будут близки между собою. Одним словом, основываясь на данных физики и химии, можно положительно утверждать, что во всех явлениях, представляемых неодушевленной материей, природа единиц обуславливает известное строение агрегатов этих единиц.

Агрегаты органической материи доставляют нам новое подтверждение этой истины. Вещество каждого вида растений или животных обнаруживает склонность принимать строение, свойственное этим растениям или животным, — склонность эта убедительно доказывается в тех случаях, где условия для поддержания жизни достаточно просты и где ткань не получила такого законченного строения, при котором возможно было бы другое расположение. Постоянно приводимый пример полипа, каждая часть которого, если его разрезать на куски, тотчас же принимает форму целого полипа и получает строение и качества первоначального, до разделения, очень хорошо поясняет эту истину в царстве животных. Между растениями отличным примером служат бегонии. Здесь полное растение вырастает из отрезка листа, воткнутого в землю, а у *Begonia rhyllomaniasa* полное растение вырастает даже из чешуек, падающих с листов и стебля, — факт, который показывает, как и в примере полипа, что везде отдельные единицы имеют типом своих агрегатов тип того организма, к которому они принадлежат; это напоминает нам и тот всеобщий факт, что единицы из которых состоят зародыши в растительном и животном царстве, имеют наклонность к родовому типу агрегации.

Следовательно, если дан характер единиц, то характер агрегата, который они составляют, уже определен впредь. Я говорю «характер», разумея, конечно, существенные черты и не включая случайных. Характер единиц делает необходимым известные пределы, в которых и должен заключаться характер агрегата. Обстоятельства, сопровождающие агрегации, значительно изменяют ее результаты; но и тут все-таки остается несомненной та истина, что эти обстоятельства, в некоторых случаях быть может уничтожающие агрегации, в других случаях задерживающие, а иногда более или менее облегчающие ее, — никогда не могут придать агрегатам характера, несогласного

с характером единиц. Никакие благоприятные условия не дадут работнику возможности из пушечных ядер выстроить вертикальную стену; никакие благоприятные условия не заставят поваренную соль, которая кристаллизуется в правильной системе, кристаллизоваться как серно-натровая соль, в ромбической системе; никакие благоприятные условия не придадут отрезку полипа возможности принять строение моллюска.

Та же самая истина выражается, более или менее определенно, и в социальных агрегатах, в какие соединяются низшие животные. Составляют ли эти агрегаты простое собрание или нечто в роде союза с разделением труда между его членами — все это несомненно определяется свойствами единиц. Если дано строение и происходящие отсюда инстинкты индивидов, то община, которую они образуют, неизбежно будет представлять известные черты; и община, которая отличается такими чертами, никак не может быть составлена из индивидов, имеющих другое строение и другие инстинкты.

Люди, воспитанные в тех понятиях, что для Вселенной существует один закон, а для человечества другой, конечно, будут удивлены предложением включить в это обобщение и агрегации людей. А между тем та истина, что свойства единиц определяют свойства образуемого ими целого, очевидно, точно так же прилагается к обществам, как и ко всему другому. Общий обзор племен и народов, исчезнувших и существующих теперь, показывает достаточно ясно, что это так; а краткое рассмотрение условий показывает не менее ясно, что это и должно быть так.

Оставляя пока в стороне частные особенности племен и отдельных личностей, обратим внимание на особенности, общие членам рода вообще, и рассмотрим, как эти особенности должны влиять на отношения членов, когда они соединяются в общества.

Все люди нуждаются в пище и имеют сходные потребности. У каждого из них движение сопровождается физиологической тратой, у каждого оно должно быть вознаграждено известным количеством пищи, чтобы не подействовать вредно; переходя за этот предел или даже раньше, оно возбуждает отвращение. Каждый из них может подвергнуться телесным повреждениям от разнообразных физических причин, сопровождаемых болью, и все они могут подвергаться болезненным ощущениям положительного или отрицательного характера, которые они причиняют друг другу. Вот что говорит Шейлок, доказывая, что человеческая природа одинакова, как у евреев, так и у христиан.

«Разве у Еврея нет глаз? Разве у Еврея нет рук, чувств, привязанностей, страстей? Разве он не питается той же самой

пищей, не получает раны от оружия, не подвержен тем же болезням, не лечится теми же средствами, не согревается тем же летом и не зябнет зимою, как и Христианин? Если вы нас укальываете, разве у нас не течет кровь? Если вы нас щекочете, разве мы не смеемся? Если вы нас отравляете, разве мы не умираем? И если вы нам вредите, разве мы не будем мстить? Если мы похожи на вас во всем остальном, то будем похожи на вас и в этом.»

Хотя все это и вполне уже несомненно, что все люди одинаково обладают известными основными качествами, все-таки еще не достаточно признана та истина, что эти личные качества должны производить известные качества собрания людей, что насколько отдельные личности, составляющие одно собрание похожи своими качествами на отдельные личности, составляющие другое собрание, насколько будут сходны и сами собрания, и что свойства одного собрания будут отличаться от свойств другого настолько, насколько отдельные личности, составляющие одно, отличаются от отдельных личностей, составляющих другое. Однако же, если и принимать это положение, которое стало почти аксиомой, то нельзя отвергать и того, что в каждой общине есть группа явлений, которые естественно развиваются из явлений, представляемых членами этой общины, есть ряд свойств агрегата, определяемый рядом свойств единиц, и что отношения этих двух рядов составляют основной материал науки. Довольно спросить, что было бы, если бы люди избегали друг друга, как это делают различные низшие животные, и будет очевидно, что самая возможность существования общества зависит от известных свойств чувства (emotional property) у отдельной личности. Достаточно спросить, что было бы, если бы каждый человек любил больше тех людей, которые причиняют ему больше страданий, чтобы увидеть, что общественные отношения, если бы они были возможны в этом случае, были бы совершенно непохожи на те общественные отношения, какие существовали бы при большей склонности каждого человека к тем людям, которые доставляют ему удовольствие. Довольно спросить, что было бы если бы люди вместо того, чтобы выбирать легчайшие пути для достижения своих целей; предпочитали достигать их самыми трудными, и мы придем к заключению, что в этом случае общество, если бы оно могло существовать, имело бы огромную разницу от всякого известного нам общества; и если, как видно из этих крайних случаев, основные особенности обществ определяются основными особенностями отдельных людей, и что всюду должно существовать соответствие между особенным строем и деятельностью людей.

Поэтому общий принцип, что свойства единиц определяют

свойства агрегата, дает нам возможность прийти к заключению: должна существовать социальная наука, выражающая отношения между ними с такой определенностью, какая допускается природой явлений. Начиная с типов людей, образующих небольшие и несвязные общественные агрегаты, такая наука должна показать, каким образом личные качества ума и чувства делают дальнейшую агрегацию невозможной. Она должна объяснить, каким образом незначительные изменения в личной природе, происходящие при измененных условиях жизни, делают возможными более обширные агрегаты. Она должна проследить в нескольких значительных агрегатах зарождение общественных отношений, регулирующих и действующих, в которые вступают их члены. Она должна указать те более сильные и продолжительные общественные влияния, которые, дальнейшим образом видоизменяя характер единиц, облегчают дальнейшую агрегацию и дальнейшую соответственную сложность общественного строения. Она должна выяснить, какие общие черты, определяемые общими чертами людей, существуют в обществах всевозможных порядков и величин, начиная от самых малых и простых и до самых больших и цивилизованных, какие менее общие черты, отличающие известные группы обществ, происходят из особенностей, отличающих известные племена людей, и какие особенности каждого общества можно проследить до особенностей членов этого общества. Во всяком данном случае главными предметами ее изучения должны быть рост, развитие, строение и отправления общественного агрегата, как они порождены взаимными действиями отдельных личностей, природа которых отчасти похожа на природу людей вообще, отчасти на природу родственных племен и отчасти совершенно исключительна.

Толкование этих явлений общественного развития, конечно, должно быть сделано с должным вниманием к тем условиям, в которых находится каждое общество, — условиям, происходящим от его географического положения и его отношений к соседним обществам. Приводя здесь эти замечания только для того, чтобы предупредить возможные недоразумения, мы хотим здесь сказать не то, что социальные науки имеют те или другие социальные черты, а то, что если данные люди имеют известные свойства, то агрегаты таких людей должны иметь известные производные свойства, которые и составляют главный материал науки.

Однако, несколько страниц назад мы видели утверждение, что общественные отношения между причинами и действиями так запутаны, что предвидение часто невозможно. Не предостерегали ли нас против опрометчивости в выборе средств для исполнения того или другого желанья, без внимания к

тем доказательствам, так обильно представляемым прошедшей историей, что приводимые в действие силы обыкновенно дают такие результаты, которых никогда нельзя предвидеть? Не представляли ли нам примеров, что самые важнейшие причины произведены были такими силами, от которых их никто не ожидал? Если так, то какая же может быть социальная наука? Если Людовик Наполеон не мог предвидеть, что война, которую он начал, чтобы не допустить объединения Германии, именно послужит средством к этому объединению; если Тьеру двадцать пять лет назад показалось бы сном, который превосходит все обыкновенные сны своей нелепостью, что в него будут стрелять из его же собственных укреплений, то каким же чудом можно формулировать общественные явления во что-нибудь, приближающееся к научному порядку?

Это затруднение, выраженное в самой резкой форме, какую я только мог подыскать, возникает более или менее отчетливо в умах большинства людей, которые предлагают социологию как предмет, который можно изучать по научным методам с ожиданием результатов, имеющих научную вероятность.

Механика находится теперь в такой фазе развития, какой не достигала еще ни одна из абстрактных наук. Хотя ее и нельзя назвать совершенной, однако же большая точность предсказаний, которую ее законы позволяют делать астрономам, показывает, как близка она к совершенству; а действия искусных артиллеристов доказывают, что эти законы, в применении к земным движениям, допускают предсказания, значительно точные. Но принимая механику типом высоко-развитой науки, посмотрим, что она позволяет нам предсказать и чего не позволяет относительно какого-нибудь конкретного явления. Пусть требуется, например, взорвать мину. Спросим, что будет с обломками вещества, взорванного на воздух, и заметим потом, что именно можем мы заключать из установленных динамических законов? По обыкновенному наблюдению, которое предшествует более точным наблюдениям науки, мы знаем, что все обломки, поднявшись на воздух более или менее высоко, упадут на землю и что они достигнут земли в различных местах ограниченного пространства, в несколько различное время. Наука позволяет нам сказать еще больше. Из тех законов, которыми определяется путь планеты или брошенного тела, она выводит ту истину, что каждый обломок будет описывать кривую, что все кривые, отличаясь индивидуально, специфически будут сходны одна с другою, что все они (если не принимать во внимание отклонения, которые происходят от сопротивления воздуха) будут части эллипсов, с таким большим эксцентриситетом, что мало будут отличаться от парабол — по крайней мере, те их части, которые описы-

ваются в то время, когда напор газов уже не ускоряет движение обломков. Но хотя законы механики и позволяют нам сделать эти совершенно верные заключения, тем не менее мы не в состоянии почерпнуть из них ничего более определенного относительно пути, который примут отдельные обломки. Как именно взлетит на воздух левая часть массы, покрывающей порох, который хотят воспламенить, — одним куском или несколькими? Взлетит ли один кусок выше другого? Будут ли, а если будут, то какие именно, куски брошенной массы остановлены в своем движении окружающими предметами, в которые они ударятся? На все эти вопросы нельзя ответить. Нельзя ответить не потому, что результаты были в чем-нибудь несогласны с законом, но потому, что нельзя добыть тех данных, на которых должны основываться предсказания.

Следовательно, мы находим, что относительно конкретного несколько сложного явления самая точная наука позволяет делать большей частью одни только общие предсказания, и только отчасти — частные. Что ж из того, что это имеет место и там, где причины и действия в высшей степени запутаны и наука только-что начинает развиваться? Этот контраст между общим, допускающим предвидение, и частным, не допускающим его, обнаруживается еще яснее, когда мы перейдем от этого предварительного объяснения к объяснению, в котором аналогия еще ближе. Что сказать о будущем новорожденного ребенка? Не умрет ли он в раннем детстве от какого-нибудь расстройства? Или он проживет немного и умрет от скарлатины или коклюша? Не будет ли у него кори или оспы и не умрет ли он от той или другой? Ни на один из этих вопросов невозможно ответить. Не упадет ли он в один прекрасный день с лестницы, или не переедут ли через него, или не загорится ли на нем какое-нибудь платье, и не погибнет ли он или не будет изувечен от какого-нибудь из этих случаев? На эти вопросы также нельзя ответить. Никто не может предусмотреть, не сделается ли у него в отроческом возрасте падучей болезнью, или пляски Св. Витта, или какой-нибудь другой ужасной болезни. Глядя, как он лежит на руках у кормилицы, никто не может сказать наверное, будет ли он глуп или умен, хороший или испорченный человек. Точно так же, если он останется жив, нет возможности предсказать те случаи, которые произойдут с ним в зрелом возрасте, — частью от его собственной природы, частью от окружающих условий. Будет ли он иметь успех в жизни, зависящий от его искусства и трудолюбия? Позволят ли ему обстоятельства достигнуть этой цели или нет? Будут ли различные случайности мешать или благоприятствовать его усилиям? Все это вопросы, на которые

невозможно ответить. Значит те факты, которые обыкновенно считаются биографическими, не допускают предвидения.

Обращаясь от совершенно частных фактов к фактам менее частным, которые должны представиться в жизни этого ребенка, то найдем в числе quasi биографических данных такие, где предвидение до известной степени возможно. Хотя развитие способностей совершается в известных пределах и в одном случае наступает рано, а в другом — необыкновенно поздно, однако же это развитие идет в таком порядке, что позволяет нам сказать, когда ребенку еще до трех лет, что он будет математиком или драматургом; когда ему лет десять — что он не будет психологом, и наконец, в тот возраст, когда он еще не возмужал, — что у него не будет широких политических взглядов. Мало того, мы можем сделать известные предсказания в том же роде и в отношении душевной природы ребенка. Никто не может сказать, женится он или нет; но возможно сказать, если не наверное, то с большой вероятностью, что в известный возраст он получит склонность к браку; и хотя никто не может сказать, будут у него дети или нет, но весьма вероятно, что если будут, то он обнаружит известную долю родительского чувства.

Затем, последовательно рассматривая всю сумму фактов, которые представятся в жизни этого ребенка по мере того, как он достигает зрелого возраста, дряхлеет и, наконец, умирает (мы оставим в стороне все биографические и quasi биографические факты, совсем не допускающие предвидения или допускающие лишь неполное предвидение), мы найдем остальные классы таких фактов, которые возможно предвидеть заранее, — некоторые из них с большей степенью вероятности, а другие наверное, некоторые очень определенно, а другие довольно приблизительно. Я говорю о фактах роста, развития, строения и отправления.

Совместно с той любовью к личным подробностям, которая находит интерес во всем непостоянном в человеческой жизни, стоит привычка считать нестоящим внимания все постоянное; таким образом, говоря о будущности ребенка, никому и в голову не приходит обратить внимание на все жизненные явления, которые в ней представляются, явления которые можно знать и которые очень важно знать. Анатомия и физиология человека, если понимать под этим названием не одно только строение и отправления взрослого человека, но и прогрессивное развитие этого строения и отправления в продолжении личного развития, составляет материал того, что каждый считает за науку. Хотя и нет особенной точности в обобщении одновременных и последовательных явлений, которое составляет эту науку, хотя общие истины относительно строения и

нарушаются случайными исключениями, каковы, например, неправильные образования, хотя аномалии в отправлениях также не допускают абсолютного предсказания, хотя и значительно изменяются пределы, в которых может происходить развитие роста и строения, и бывает значительное различие между силою отправлений и временем, когда они устанавливаются, — однако же никто не сомневается в том, что биологические явления, представляемые человеческим телом, можно организовать в знание, которое по своей определенности будет научным знанием в общепринятом смысле этого слова.

Следовательно, если бы кто-нибудь, настаивая на том, что невозможно рассчитывать будущность ребенка с биографической стороны, и стал утверждать, что ребенок не представляет поэтому материала для науки, не обращая никакого внимания на то, что мы назовем пока антропологией его (хотя значение, даваемое теперь этому слову, едва ли позволяет употребить его в этом смысле), то он впал бы в очевидную ошибку, очевидную в этом случае потому, что мы каждый день можем наблюдать различие между состоянием живого тела и его деятельностью и всеми случайностями, бывающими при этом.

Значит, как биография относится к антропологии, так история относится к социологии, — я разумею историю, как она обыкновенно понимается. Между словами и поступками человека, составляющими обыкновенно историю его жизни, и ходом его телесного и умственного развития строения и отправлений, существует такое же отношение, как между рассказом историка о действиях и судьбах какого-либо народа и описанием регулирующих и действующих учреждений этого народа и тех путей, которыми постепенно развивались строение и отправление этих учреждений. И если бы ошибочно было сказать, что не существует науки о человеке, так как невозможно предвидеть различных случайностей его жизни, то точно также ошибочно было бы сказать, что не существует науки об обществе, так как невозможно предвидеть те случайности, из которых состоит обыкновенно история.

Разумеется, нельзя сказать, что между личным и общественным организмом можно провести такую тесную параллель, что отличительные свойства в одном случае можно определять так же отчетливо, как и в другом. Очевидно, что строение и отправления общественного организма гораздо неопределеннее, гораздо изменчивее, гораздо более зависят от изменчивых и никогда вполне не повторяющихся условий. Я хочу только сказать, что и в том, и в другом случае за такими явлениями человеческих действий, которые не составляют материала для науки, лежат жизненные явления, представляющие этот материал. Как в человеке существует строение и отправления,

делающие возможными те его действия, о которых говорит его биограф, совершенно также и в народе есть известное строение и отправления, делающие возможными те действия, о которых говорит историк; и в обоих случаях наука занимается исследованиями о происхождении, развитии и упадке этого строения и отправлений.

Общественные организмы, подобно организмам индивидуальным, должны быть разделены по классам и подклассам, которые хотя и не будут иметь такой же определенности и постоянства, но будут иметь такие сходства и различия, что их можно будет распределять в большие группы, резко отличающиеся одна от другой, и в этих границах подразделять на меньшие, с менее резкими различиями. Итак, биология открывает известные общие черты в развитии, строении и отправлениях, черты, из которых одни встречаются во всех организмах, другие — в известных больших группах, третьи — в известных подгруппах, заключающихся в этих группах, точно также и социология должна узнать законы общественного развития, строения и отправлений и те их черты, из которых одни — законы всеобщие, другие — общие для групп, и третьи — законы частные.

Действительно, припоминая заключения, к которым мы пришли раньше, очевидно, что если люди, как общественные единицы, обладают некоторыми общими свойствами, то и общественные агрегаты должны обладать общими свойствами; что сходства, которые обнаруживаются в природе некоторых племен, должны вызывать такие же сходства в природе наций, которые из них произошли; и что те особенные черты, которыми наделены высшие разновидности человечества, должны отразиться общими отличительными свойствами и в тех общинах, в которые организуются эти разновидности.

Значит, будем ли мы смотреть на этот вопрос с отвлеченной или с конкретной точки зрения, мы придем к одному и тому же заключению. Стоит только взглянуть, с одной стороны на разновидности нецивилизованных людей и структуру их племен, а с другой — на разновидности цивилизованных людей и структуру их наций, чтобы убедиться, что это заключение подтверждается фактами. Но, признав таким образом *a priori* и *a posteriori* эти отношения между явлениями личной человеческой природы и явлениями общественной человеческой природы, мы не можем не видеть, что явления человеческой природы составляют материал для науки.

Для того, чтобы точнее определить понятие о социальной науке, намеченное мною лишь в общих чертах, я приведу здесь несколько истин такого же рода, как и сейчас указанные. Некоторые из них известны всем; другие же я привожу не

потому, что они представляли какой-нибудь особенный интерес или важность, а потому, что их легче изложить. Моя цель — просто дать ясное понятие о природе социологических истин.

Обратим наше внимание на тот общий факт, что рядом в общественной агрегации всегда идет известная организация. На самых низких ступенях развития, где собрания людей и очень невелики, и очень несвязны, нет ни прочной подчиненности, ни центральной власти. Власть племенных родоначальников устанавливается прочно только в более обширных и более связных агрегатах. Развитие правительственного строения, имеющего какую-нибудь силу и притом сколько-нибудь постоянную, составляет условие, без которого невозможен сколько-нибудь значительный рост общества. Дифференцирование первоначально однородной массы единиц в часть координирующую и часть координированную есть необходимый начальный шаг. Рядом с развитием роста обществ происходит развитие координирующих центров; эти центры, сделавшись постоянными, в то же время делаются более или менее сложными. В небольших племенах обыкновенно непрочное управление племенных начальников бывает весьма несложно; но по мере того, как племена увеличиваются численно сами ли по себе или через порабощение других племен, начинается развитие и координирующего аппарата вследствие присоединения к нему подчиненных правительственных сил.

Хотя эти факты просты и знакомы, все-таки не следует упускать из вида их значение. Факт, что люди поднимаются до состояния общественной агрегации только при том условии, когда между ними устанавливается неравенство относительно власти, и что они могут действовать вместе как целое только посредством устройства, обеспечивающего повиновение, — факт хотя и очень обыкновенный, но тем не менее научный. Это — первичная общая черта в общественных агрегатах, которая происходит от такой же общей черты в их единицах. В социологии существует истина, которую можно сравнить с биологической истиной, состоящей в том, что первый шаг в образовании какого-нибудь живого, высшего или низшего организма есть известное дифференцирование, вследствие которого периферическая часть начинает отделяться от центральной. И как из этой биологической истины есть исключения, необходимые в мельчайших безъядерных частичках протоплазмы, составляющих самые низшие существа, так в параллель им, есть исключения из социологической истины, которые можно видеть в небольших и не связных собраниях, составляющихся из людей самого низшего типа.

В небольших первобытных обществах дифференцирование управляющей и управляемой частей бывает не только нетвердо

установлено, но и неопределенно. В первое время начальник племени отличается в своих общественных отправлениях от остальных дикарей только тем, что пользуется большим влиянием. Он охотится, выделывает оружие, работает и занимается своими домашними делами совершенно так же как и все другие; на войне он отличается от остальных воинов только своим преобладающим влиянием, не переставая быть простым воином. Вместе с этим легким различием его военных и промышленных отправлений от тех же отправлений других членов племени существует лишь самое незначительное различие в политическом отношении: судебная власть выражается очень слабо вмешательством его личного авторитета для поддержания порядка.

С развитием общества, когда власть начальника устанавливается довольно твердо, он уже не работает больше для средств существования. Однако в промышленном отношении он все-таки не отличается от других членов господствующего класса, который образовался в то время, когда власть главы племени еще не совершенно установилась, потому что он, как и эти люди, ведет производительный труд через других. Дальнейшее распространение его власти также не сопровождается полным отделением политических отправлений от промышленных, потому что, обыкновенно, он продолжает регулировать производство и во многих случаях даже торговлю, держа в своих руках обмен товаров. Впрочем, из различных родов его управительской деятельности, эту последнюю он перестает исполнять лично прежде всего. В промышленности рано обнаруживается стремление к самоуправлению, независимость от влияния, которое все более и более сосредоточивается в руках начальника племени как политического и военного главы. Первичное социальное дифференцирование, замеченное нами между управляющею и производящими частями общества, сопровождается теперь отличием, которое впоследствии становится очень резким между внутренним распределением этих двух частей: в производящей части мало-помалу вырабатываются такие отправления, посредством которых координируются процессы производства, распределения и обмена, между тем как координация в производящей части продолжает идти прежним путем.

Рядом с развитием, которое делает заметным отделение производящей части от регулирующей, происходит развитие и самой регулирующей части. Общественные обязанности начальника, вначале соединившего в своем лице царя, судью, полководца и часто жреца, все больше и больше специализируются по мере того, как увеличивается и усложняется само общество. Оставаясь верховным судьей, он исполняет правосудие боль-

шею частью через своих помощников; он остается номинально главой своей армии, но действительное предводительство все больше и больше переходит в руки подчиненных лиц; сохраняя жреческое первенство, он в действительности почти перестает исполнять обязанности жреца; в теории он считается исполнителем и законодателем закона, но в действительности законодательство и управление все больше и больше переходит в другие руки. Следовательно, из первоначально координирующей силы, не разделяющей своих отправлений с другими, развивается несколько координирующих сил, между которыми и разделяются эти отправления.

Будучи первоначально очень простым, каждое из этих отправлений мало-помалу подразделяется на множество частей и становится административной, судебной, духовной или военной организацией, которая вмещает в себя различные степени и более или менее различную форму отправления.

Нахожу нужным указать видоизменения, которые происходят в тех случаях, когда верховная власть не попадает в руки одного человека (впрочем, на низких ступенях общественного развития эта форма не бывает прочной). Я должен еще сказать, что приведенные выше общие положения должно принимать лишь с тем ограничением, что в них, для большей краткости и ясности, отбрасываются различия в подробностях. Прибавим к этому, что мы не намерены выходить в своих доказательствах из пределов этих первоначальных степеней развития. Но не забывая, что без разработки целой социальной науки можно дать здесь только самый общий очерк главных фактов, мы все-таки достаточно сказали, чтобы показать, что в развитии общественных образований можно заметить известные всеобщие факты, все более и более частые, совершенно так, как можно заметить факты общие и частные в развитии индивидуальных организмов.

Я поставлю здесь еще вопрос, который относится к этой области. Какое существует отношение между строением и ростом общества? В какой мере строение необходимо для роста? После какого пункта оно замедляет рост? В каком пункте оно останавливает рост?

В индивидуальном организме существует двойственное отношение между ростом и строением; это отношение довольно трудно выразить с совершенною точностью. За исключением немногих низших организмов, живущих при особых условиях, мы почти о всех остальных можем сказать, что большой рост невозможен без высокого строения. Это доказывается всем высоким царством с его беспозвоночными и позвоночными типами. С другой стороны, между высшими организмами, и особенно между теми, которые ведут деятель-

ную жизнь, заметно явственное стремление к дальнейшему развитию строения рядом с остановкой роста. В то время, когда животное высшего типа быстро растет, его органы остаются еще не совершенно развитыми, кости отчасти хрящеватыми, мускулы слабыми, мозг не имеет достаточной определенности; подробности всех вообще частей строения заканчиваются только после прекращения роста. Не трудно понять, отчего существуют именно такие отношения. Чтобы молодое животное могло расти, оно должно переваривать пищу, иметь кровообращение, дышать, удалять негодные продукты и т.д.; для этих отправлений оно должно иметь достаточно совершенный канал, сосудистую систему и пр. Чтобы быть в состоянии добывать себе пищу, оно должно постепенно развить в себе необходимые способности и свойства; для этой цели ему необходимо начинать с тех своих членов, чувств и нервной системы, которые уже были несколько развиты. Но каждое приращение роста, произведенное с помощью этих, отчасти уже развитых органов, должно сопровождаться изменением и самих этих органов. Если они достаточно соответствовали прежнему меньшему росту, то уже плохо соответствуют последующему большему росту. Отсюда следует, что они должны быть преобразованы, они должны быть разрушены и перестроены. Очевидно, стало быть, что чем совершеннее было прежнее строение, тем больше возникает препятствий при его разрушении и перестройке. Кости представляют пример того, каким образом преодолевается это затруднение. Например, в бедренной кости мальчика между головной и цилиндрической частями остается место, где первоначальный хрящ еще не окостенел и где происходит удлинение кости приращением нового хряща, в котором отлагается новое костное вещество; то же самое происходит в соответствующем месте на другом конце кости. Полное окостенение в этих двух местах наступает только тогда, когда кость перестает увеличиваться в длину; и если мы представим себе, что могло бы произойти, если бы кость окостенела по всей длине прежде, чем закончилось удлинение, то увидим, какое значительное препятствие дальнейшему росту устраняется таким способом. То же самое происходит и во всем организме; хотя строение до известного предела и необходимо для дальнейшего роста, но, переходя за этот предел, оно мешает росту. Как необходимо это отношение, мы увидим это и на более сложном случае, например, на росте какого-нибудь целого члена. Величина и пропорциональность частей каждого члена обыкновенно должны находиться в известном отношении к остальному телу. Дайте этому члену избыток отправлений, и его сила и объем в небольших пределах возрастут. Если этот избыток отправлений начинается в раннем возрасте, то член

может быть значительно больше своей прежней величины; если же этот избыток отпавлений начинается в позднем возрасте, то изменение будет меньше; однако, ни в том, ни в другом случае оно не будет очень велико. Рассматривая, каким образом происходит рост члена, мы увидим, почему это так. Более деятельное отправление вызывает больший местный приток крови, и с течением времени для вознаграждения потери образуется новая ткань. Но местный приток крови ограничен размерами артерий, приносящих ее; и хотя до известной степени больший приток приобретает временным расширением артерий, но дальнейшее его увеличение за этим пределом возможно только в том случае, если артерии будут разрушены и перестроены. Такие изменения артерий медленно и совершаются — не так медленно в мелких периферических артериях и более медленно в больших артериях, из которых разветвляются мелкие; потому что артерии большей величины должны изменяться по всей своей длине, до места разветвления их из больших, центральных кровеносных сосудов. Точно так же и каналы, выносящие негодные продукты, должны подвергнуться как местным, так и центральным изменениям. Нервные стволы и центры, из которых выходят нервы, должны быть приспособлены к большим требованиям от них. Кроме того, при данной системе внутренностей, слишком большие количества крови не могут постоянно притекать к одной части тела, не уменьшая количества крови, притекающего в другие части, поэтому необходимы такие изменения в строении, которые уменьшили бы отвлечение крови к этим частям. Отсюда происходит большое сопротивление увеличению размеров органа, когда оно переходит за известный умеренный предел. Такое увеличение не может происходить без разрушения и перестройки не только тех частей, которые непосредственно служат органу, но и всех отдельных частей. Таким образом, полное приноравливание строения к одним требованиям составляет громадное препятствие для приноравливания его к другим требованиям, трудность новых приспособлений возрастает по мере того, как прежние приспособления делаются полнее.

Но вполне ли применим этот закон к общественному организму? Случается ли здесь, что умножение и лучшее устройство учреждений, а также усовершенствование приспособлений, направленных к достижению ближайших целей, становится препятствием к развитию лучших учреждений и достижению более высоких целей в будущем? В обществе, как и в отдельной личности, организация необходима для роста; за известным пределом дальнейший рост не может совершаться без дальнейшей организации. Однако есть немалые причины

подозревать, что за этим пределом организация косвенно оказывает репрессивное действие, что она увеличивает препятствия для новых приспособлений, какие нужны для голого роста и для более совершенного строения. Нет сомнения, что агрегат, который мы называем обществом, гораздо пластичнее, чем тот индивидуальный живой агрегат, с которым мы его здесь сравниваем, — в его типе гораздо менее законченности. Но все-таки очевидно, что этот тип постоянно стремится к определенности и что каждое приращение в его строении есть вместе с тем и шаг к большей фиксации. Несколько примеров покажут, насколько это справедливо в применении к материальному строению общества и к его учреждениям, политическим и другим.

Примеры, может быть незначительные, но совершенно пригодные для нашей цели, можно видеть в наших способах передвижения. Не останавливаясь на мелких способах передвижения в городах, из которых, однако, видно, что существующие способы препятствуют появлению лучших, перейдем прямо к железным дорогам. Заметим, каким образом несоответственно узкая колея (которая, будучи взята с марки колес почтовой кареты, сама унаследована от прежней системы передвижения) сделалась непреодолимым препятствием для устройства лучшей колеи. Заметим также, что теперь, когда уже установлен тип вагона, для которого образцом служила все та же почтовая карета (на некоторых старых вагонах первого класса написано «*tría juncta in uno*»), чрезвычайно трудно ввести более удобный тип вагона, принятый впоследствии в Америке, где воспользовались нашим опытом, но не стеснялись нашими чертежами. Невозможно пожертвовать громадным капиталом, употребленным на наш подвижный состав. Ввести вагоны американского типа постепенно, чтобы они ходили вместе с вагонами нашего типа, было бы очень трудно, потому что у нас поезда беспрестанно соединяются и разъединяются. Таким образом, мы поневоле должны удерживать у себя менее совершенный тип.

Другой пример даст нам наша система канализаций. Предложенная лет тридцать назад как панацея против различных санитарных зол и введенная силою закона во всех наших больших городах, эта система не может быть заменена в настоящее время лучшей системой без огромного затруднения. Хотя она, помогая разложению в тех местах, где нет доступа кислорода и образуя таким образом непрочные химические соединения, во многих случаях порождала те самые болезни, которые должна была предотвращать, однако же теперь невозможно и думать о введении тех способов, посредством которых можно безвредно и с выгодой очищать города от

нечистот. Даже хуже — в то время, когда одна часть нашей санитарной администрации настаивала на введении системы водостоков, посредством которых Оксфорд, Ридинг, Мейденгид, Уиндзор и пр. заражают воду, которую должен пить Лондон, другая часть нашей санитарной администрации протестует против нечистоты воды, говоря, что она порождает болезни (не замечая, однако, что эта нечистота произведена мероприятиями закона). И теперь нужно будет переделать всю организацию, чему будет чрезвычайно мешать прежняя организация, пока мы дождемся чистого воздуха и чистой воды.

В каждом промысле существует установленный порядок ведения дела, и как бы ни был, однако, очевиден какой-нибудь лучший порядок, но изменение установившейся рутины представляет затруднения, если и непреодолимые, то все-таки очень значительные. Возьмем, например, книжную торговлю. В те времена, когда пересылка письма стоила шиллинг и когда не существовало еще почты для пересылки книг, образовалась организация оптовых и мелочных торговцев, которые брали на себя доставку книг от издателей к читателям; при этом известный барыш получал каждый из этих агентов — и крупный, и второстепенный. Теперь, когда книгу можно заказать письмом за полпени, а переслать ее можно за несколько пенсов, старая пересылка могла бы быть заменена такою, которая уменьшила бы пересылочную плату и понизила бы цену книг. Но интересы торговцев делают эту перемену практически невозможной. Объявления с предложением выслать книгу прямо по почте и уменьшенной цене нарушают интересы торговцев; они не хотят знать книги и тем задержат ее продажу больше, чем она могла бы усилиться другими путями. Таким образом, старая организация, в свое время полезная, теперь преграждает дорогу лучшей организации. Книжная торговля представляет еще другой пример. В то время, когда читающая публика была малочисленна и книги дороги, образовались библиотеки для чтения, которые доставили возможность читать книги, не покупая их. Сначала немногочисленные, местные и плохо организованные, эти библиотеки увеличились в числе и организовались по всей стране: это привело к тому результату, что требование книг для библиотек сделалось главным спросом. При этом устройстве, которое при малом числе экземпляров доставляет чтение большому числу читателей, цена экземпляра необходимо должна быть высокой, чтобы могли окупиться расходы по изданию. И так как читающая публика привыкла вообще брать книги из библиотек и обыкновенно не думает покупать их, то она все-таки стала бы брать их из библиотеки и в том случае, если бы книги стали значительно дешевле. Поэтому существующая система распределения книг в Англии,

за исключением сочинений самых популярных авторов, не позволяет нам применять американскую систему, которая рассчитывая не на несколько библиотек, а на большое число частных покупателей, делает большие издания по дешевым ценам.

Возьмем еще пример: наши образовательные учреждения, хорошо обеспеченные, поддерживаемые своей славой и влиянием тех, кто воспитывался в них, наши училища, общественные школы и все другие подобные заведения основаны были очень давно, но, полезные в свое время, они долго составляли огромное препятствие для высшего образования. Поддерживая старое, они заглушали все новое. Даже и теперь они мешают образованию улучшаться по содержанию и по методу, мешают тем, что заграждают путь другим, и отчасти тем, что делают своих воспитанников неспособными понимать, в чем состоит лучшее образование. Еще больше таких примеров можно извлечь из образовательной организации, приспособленной к обучению массы. Уже одна борьба между секуляризмом и деноминационализмом в обучении могла бы показать каждому, кто ищет более широкого смысла фактов, что строение, пустившее корни в своем обществе, приобретшее целую армию наемных чиновников, которые заботятся только о своем личном благосостоянии и повышении, поддерживаемое духовными и политическими классами, которых идеи и интересы оно распространяет — есть такое строение, которое если и возможно изменить, то с тем большим трудом, чем выше его развитие.

Я полагаю, что этими немногими примерами мне удалось выяснить природу социальной науки, ставя на вид один из ее вопросов. Что в общественных организмах, как и в личных, строение до известного предела бывает необходимо для роста — это очевидно. Что как в том, так и в другом случае дальнейшее продолжение роста делает необходимым разрушение и перестройку строения, которое, стало быть, в этих пределах становится препятствием, — кажется, также очевидно. Но верно ли в том и в другом случае, что довершение строения причиняет остановку роста и удерживает общество на том типе, которого оно в то время достигло, — это вопрос, который требует рассмотрения. Но и без ответа на этот вопрос мне кажется довольно очевидным, что он принадлежит к числу вопросов, которые совершенно пропускаются без внимания людьми, рассматривающими общество с обыкновенной, исторической, точки зрения, и что он принадлежит той социальной науке, которая, по их словам, не существует.

Мне кажется, что я уже слышу от тех, чье умственное направление мне хорошо знакомо, сомнение, стоит ли думать

о том, что происходит между дикими племенами; каким образом появляются у них начальники и лекари; каким образом промышленные отправления отделяются от политических; в чем состоят первоначальные отношения управляющих классов между собою; в какой мере общественное строение определяется душевной природой отдельных личностей, в какой мере — их идеями и, наконец, — обстановкой? Вечно занятые тем, что они называют «Практическим законодательством» (под которым подразумевают, кажется, законодательство, признающее одни ближайшие причины и действия и не знающее более отдаленных), люди этого сорта сомневаются, пригодятся ли к чему-нибудь те заключения, которые имеет в виду социальная наука, если бы эти заключения и были достигнуты.

Конечно, нельзя поставить это учение на один уровень с тем историческим изучением, которое так глубоко их интересует. Высокое значение таких фактов, как генеалогия королей, судьбы династий и ссоры дворов, стоит вне всякого сомнения. Был ли нет заговор для умерщвления Ами-Робсарта составлен самим Ланчестером и была ли королева Елизавета его сообщницей; был ли верен или нет рассказ, сообщенный королем Иаковом о пороховом заговоре, — все это, очевидно, сомнения такого рода, которые требуется разрешить прежде, чем можно будет составить какие-нибудь правильные заключения о развитии наших политических учреждений. Что Фридрих I Прусский ссорился со своей мачехой, заподозрил ее в попытке отравить его, бежал к своей тетке и, получивши в наследство курфюршество, интриговал и давал взятки, чтобы получить королевский титул; что спустя полчаса после его смерти сын его, Фридрих Вильгельм, распустил весь придворный штат, а затем стал копить деньги, задался главным образом пополнением и обучением своей армии, возненавидел своего сына и стал дурно с ним обращаться — все эти и тому подобные факты обо всех королевских фамилиях во все века так важны, что без них невозможно было уразуметь прогресс цивилизации. Невозможно также обойтись без полного знания таких событий, как Наполеоновские войны, — его итальянские победы и контрибуции, его вероломство относительно Венеции, его экспедиция в Египет, его успехи и опустошения в этой стране, неудача в Акре и, наконец, отступление; его разнообразные переговоры, союзы, трактаты и нарушения этих трактатов, со всеми подробностями его походов в Германию, Испанию, Россию и пр., со включением сведений о его стратегии, тактике, победах, поражениях, убийствах и проч., потому что возможно ли без этих сведений судить о том, какие учреждения следует защищать и каким законодательным мерам противодействовать.

Однако, воздавая должное таким необходимым предметам, может быть небесполезно обратить внимание и на естественную историю общества? Может быть и возможно было бы извлечь какое-нибудь руководство для политического образа действий из вопроса: в чем состоит естественный ход общественного развития и какое влияние окажет на него та или другая политика? Может оказаться, что нельзя принять никакой законодательной меры, которая бы не была или согласна, или несогласна с естественным процессом национального роста и развития, и что о желательности этих мероприятий должно судить скорее по этому окончательному образцу, чем по образцам приблизительным. Не заявляя больших притязаний, мы во всяком случае можем ожидать, что если существует какой-нибудь порядок между теми изменениями строения и отправлениями, которым подвергается общество, то знакомство с этим порядком не может не отражаться на наших суждениях о том, что прогрессивно и что ретроградно, что желательно, что исполнимо и что является утопией.

Этому исследованию мы и посвятим дальнейшую часть настоящего труда. Найдется немало важных соображений, на которых следует остановиться прежде, чем приступить к изучению социологии.

КОНТ Огюст (Comte) (1798—1857) — французский философ и социолог, основатель позитивистской традиции в общественности. Родился во французском городе Монпелье. С 16 лет и до последних дней жил в столице Франции. Учился в Высшей Политехнической школе в Париже, где получил систематическое образование в области естественных наук, которые расширял и углублял в ходе самостоятельных занятий. Постепенно у него сформировался интерес к литературным, философским и социальным вопросам. В течение 7 лет (с 1817 по 1824 г.) Конт был секретарем и учеником Сен-Симона, который помог ему расширить и углубить познания в области общественных наук.

Еще в период сотрудничества с Сен-Симоном Конт напечатал ряд небольших статей, содержание которых свидетельствует о том, что он серьезно работал над социальными проблемами. В качестве примера можно привести его статью под названием «План необходимых научных работ, чтобы реорганизовать общество» (1822). Эта статья была перепечатана в 1824 г. под названием «Система позитивной политики» в серии Сен-Симона «Катехизис промышленников».

Главный труд своей жизни «Курс положительной философии» Конт создавал не менее 13 лет (с 1829 по 1842 г.). Эта большая работа, первый том которой вышел в 1830 г., представляет ряд философий отдельных наук, которые следуют одна за другой в определенной последовательности: философия математики сменяет философия астрономии и физики, химии и биологии... Три последних тома «Курса» Конт посвящает изложению «социальной физики», или «социологии». В первом из этих трех томов доказывается необходимость изучения социологических законов и даются теоретические обоснования социальной теории. В 5-м и 6-м томах «Курса» он подробно характеризует основной закон своей науки об обществе — закон трех стадий.

Закончив «Курс положительной философии», Конт работает над «Системой позитивной политики», четыре тома которой были написаны и опубликованы им за период с 1851 по 1854 г. Здесь Конт излагает свои соображения о политических и нравственных началах будущего общественного устройства. В 1849 г. выходит «Позитивистский календарь». В 1852 г. Конт публикует «Позитивистский ка-

техизис», а в 1854 г. — «Позитивистскую библиотеку». В последние годы жизни Конт начал писать еще одно произведение под названием «Субъективный синтез». В эту работу он планировал включить систему «позитивной логики», систему «позитивной морали» и систему «позитивной промышленности». Но осуществить задуманное ему не удалось.

МИЛЛЬ (Mill) Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ, логик и экономист, основатель английского позитивизма. Сын Джеймса Милля — философа, историка и экономиста. Занимался общественной деятельностью: с 1823 г. по 1858 г. служил в Ост-Индской компании; в 1865—1868 гг. являлся членом палаты общин английского парламента, разделявшим реформистские либерально-демократические взгляды.

Большую известность получил его основной труд «Система логики» (т. 1—2, 1843 г.), изданный на русском языке в последнем переводе под названием «Система логики силлогической и индуктивной». Им были исследованы проблемы индуктивной логики, которую он трактовал как общую методологию наук.

В связи с большой сложностью социальных процессов Милль считал, что социология пользуется дедуктивным (силлогическим) методом, и ее предположения могут носить лишь гипотетический характер, указывающий на тенденции, а не на положительные предсказания. Применительно к социальному эксперименту им были предложены четыре метода опытного исследования: единственного сходства, единственного различия, сопутствующих изменений и остатков.

В «Обзоре философии сэра Вильяма Гамильтона...» (1865 г., русский перевод 1869 г.) Милль изложил свою философскую позицию как сторонник феноменалистического позитивизма. Все знание, по Миллю, происходит из опыта и его предметом являются чувственные данные (ощущения), реальность которых устанавливается психологией, лежащей в основе социологии.

Милль высоко оценивал ряд выдвинутых О.Контом установок позитивизма, но вместе с тем (соч. «Огюст Конт и позитивизм», 1865 г., русский перевод 1867 г.) высказался против социально политических взглядов Конта, оправдывающих деспотизм, подавление человеческой индивидуальности и свободы.

В соч. «Утилитарианизм» (1863 г., один из последних переводов на русский язык 1900 г.) Милль исследует проблемы этики, объединяя принцип эгоизма с альтруизмом, считая что люди не могут достичь

общего счастья без учета их взаимных интересов. Милль — один из первых сторонников равноправия женщин.

С экономическим учением Милля можно ознакомиться в изданном в последнем русском переводе труде «Основы политической экономии» (№№ 1—3, М., 1980—1981 гг.). Он не разделял трудовой теории стоимости Д.Рикардо, поддерживал мальтузианские позиции в демографических вопросах, был сторонником добровольного ограничения потребностей, справедливого перераспределения прибылей в целях недопущения отрицательных социальных последствий резкого имущественного неравенства.

СПЕНСЕР Герберт (Spencer) (1820—1903) — английский философ и социолог, сторонник позитивизма и эволюционизма в естествознании, родился в Дерби, умер в Брайтоне.

Спенсер не получил сколько-нибудь систематического гуманитарного образования и вплоть до 1846 г. работал железнодорожным инженером. Параллельно стремительно расширял свои познания в различных областях, что и позволило ему в 1848 г. стать главным редактором знаменитого журнала «Экономист». Именно в это время Спенсер стал проявлять интерес к социальным вопросам и их обобщению в рамках собственной теории.

В 1850 г. вышел научный труд Спенсера — «Социальная статистика».

Как один из основоположников органической школы, Спенсер, вслед за Огюстом Контом, ввел в социологию идею изменчивости и «плавного» эволюционизма. Понятия эволюционистской социологии Спенсера — «возрастающая связанность», «переход от гомогенности к гетерогенности», «определенность», — описывающие морфологическую структуру общества, позволяли английскому социологу-позитивисту проводить аналогию между биологической и социальной эволюцией, между живыми организмами и обществом. В свою очередь, это раскрывало возможность применения в социологии естественнонаучных методов, что и составляло одну из целей позитивистского подхода к обществознанию.

В главном социологическом произведении — трехтомных «Основаниях социологии» (1876—1896) — Спенсер уподоблял сословно-классовое строение общества и присущие ему различные функции разделению функций между органами живого тела. Однако отдельные личности обладают, по мысли Спенсера, гораздо большей самостоятельностью, чем биологические клетки. Подчеркивая свойство саморегуляции живой материи, Спенсер на этом основании ставил под

сомнение значимость государственных форм, рассматривая их в качестве инструментов насилия в большей мере, чем агентов регуляции.

Двумя полюсами эволюции общества английский социолог признавал военный и промышленный типы устройства общества. Эволюция идет по направлению от первого ко второму. В той мере, в какой закон выживания наиболее приспособенного реализует себя в общественной динамике, общество приближается к промышленному типу, характеризующемуся прежде всего дифференциацией, основанной на личной свободе. Социальные революции рассматривались Спенсером как болезнь общества, а социалистическое переустройство — как противное органическому единству социальной системы и эволюционному прогрессу, основанному на выживаемости наиболее приспособленных и одаренных. К числу важнейших его работ также относятся «Начала социологии», «Грядущее рабство».

Содержание

Предисловие	3
<i>Конт О.</i> Дух позитивной философии	7
<i>Конт О.</i> Курс положительной философии	94
<i>Конт О.</i> Общий обзор позитивизма	120
<i>Конт О.</i> Система позитивной политики	180
<i>Миль Д.С.</i> Система логики силлогической и индуктивной	243
<i>Спенсер Г.</i> Основания социологии	279
<i>Спенсер Г.</i> Социология как предмет изучения	322
Сведения об авторах	342

Научное издание

Западно-европейская социология XIX века

Редактор *В.П.Ропогов*

Корректор *В.Я.Гарник*

Лицензия ЛР № 090149 от 14 V — 96 г.

Подписано в печать 25.12.96. Формат 60x90/16. Гарнитура Ньютон.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 22,8. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 5 000. Заказ № 1684.

Типография МГУ.

Отпечатано в АООТ "Политех 4
129110, Москва, ул. Б. Переяславская, 46.